

Елена КРЮКОВА

СОЛДАТЪ И ЦАРЬ

Переводъ въ до-реформенную орфографію исполнилъ Вячеславъ Мясниковъ

Томъ второй

ГЛАВА СЕДЬМАЯ¹

«Цель между прошлымъ и будущимъ – вотъ наше настоящее.

Настоящее какъ узкая щель между прошлымъ и будущимъ, настоящее – голодъ, болѣзни, прошлое – невозможность, будущее – счастье коммуны:

– Мы пустимъ тракторы, пустимъ фабрики, мы преобразимъ землю.

Возраженіе невѣрующихъ:

– У насъ сейчасъ нѣтъ ничего, все создается постепенно, какъ же мы изъ ничего сдѣлаемъ паровые плуги? Мы сейчасъ беремъ готовое, созданное прошлымъ, и въ то же время отрицаемъ прошлое, а новаго ничего не создаемъ.

Голосъ „трудовика“:

– Какъ же, изъ ничего сдѣлаемъ, какъ отъ ничего перейдемъ ко всему, такъ перейдемъ пропасть настоящаго.

...Амбаръ холодный и амбаръ общій. Начало при Керенскомъ: рѣчь Владыкина про общій амбаръ.

Конецъ при Ленинѣ: холодный амбаръ. Этапы земледѣльца-хуторянина: разореніе, холодные амбары, воспаленіе легкихъ, лазаретъ и земля.

Доски на театрѣ и на гробы. Послѣ доклада ораторъ приглашаетъ высказаться, и вотъ гулъ со всѣхъ сторонъ: „Хлѣба нѣтъ, керосина нѣтъ, соли нѣтъ! Сажаютъ въ холодный амбаръ. Амбаръ! Амбаръ!..“

Предсѣдатель культурно-просвѣтительнаго кружка пріѣхалъ реквизировать доски для устройства подмостковъ въ театры. „Не дадимъ, не дадимъ! – кричатъ. – Онѣ опредѣлены на гроба“. Споръ... Со всѣхъ сторонъ вздохи тѣхъ, кому нужны гробы: „Ну и жизнь, вотъ такъ жизнь, помрешь, и не похоронятъ, зароятъ какъ собаку!“

...Не къ шубѣ рукава. Послѣ рѣчи о счастьѣ будущаго въ коммунѣ крики толпы:

– Хлѣба, сала, закона!

И возраженіе оратора:

– Товарищи, это не къ шубѣ рукава! Товарищи, всѣ мы дѣти кособокихъ лачугъ, всѣ мы соединимся.

– Соли, керосину, долой холодный амбаръ!

– Товарищи, все это не къ шубѣ рукава!»

Михаилъ Пришивинъ. Дневникъ 1918 года

...Пашка глазами больной медвѣдицы смотрѣла, какъ въ Домъ входятъ эти.

Царскія дочери. Всѣ вымокшія подъ дождемъ. И дрожать, зубъ на зубъ у нихъ не попадаетъ, будто не весна нынче, а хищная зима. Но какъ горять безуміемъ счастья ихъ лица! Онѣ какъ юродивыя. Такъ веселятся!

Бѣгутъ по коридору. Волокутъ по полу чемоданы. Эта, что впереди всѣхъ бѣжитъ, самая высокая. У нея глаза – двѣ синія сосульки. Текуть и плачутъ. Весна. Та, что замыкаетъ шествіе, видно, самая изъ нихъ малышка. У нея красный носъ: такъ задрогла. И шмыгаетъ.

¹ Главы 1-6 романа «Солдат и царь» опубликованы в NN6-7 «Невского проспекта».

У нихъ у всѣхъ на груди висятъ странныя котомки; и изъ нихъ торчатъ мокрыя, веселыя собачьи морды, и собаки лаютъ взахлебъ, весело и звонко.

Ляминъ стоялъ у входа, не снаружи, а внутри Дома. Онъ тоже все видѣлъ: вотъ крупными разлапистыми, раскидистыми шагами прошествовалъ матросъ въ безкозыркѣ. На рукахъ у матроса сидѣлъ мальчишка, уже довольно взросленькій, что его все время на рукахъ таскать? Ляминъ недоумѣвающе уставился въ широченную спину матроса подь мокрымъ бушлатомъ. Мальчикъ у матроса на рукахъ обнялъ его за шею, пальцы вцѣпились въ бушлатъ до посинѣнія, будто боялся упасть.

«Такой великовозрастный, и все на ручкахъ таскаютъ, вотъ чертовня, баловники».

Мальчика неумолимо несли, а онъ глядѣлъ на Лямина.

Ляминъ стоялъ, разставивъ ноги, за спиною сжималъ руки въ кулаки.

«Вѣрно, думаетъ, какой же я рыжій. На меня всѣ всегда такъ смотрятъ. А мнѣ все равно. Пускай ѣдятъ глазами».

Ни къ селу ни къ городу вспомнилъ присловье: «а въ Рязани грибы съ глазами, ихъ ѣдятъ, они глядятъ». Отецъ, Еѳимъ, такъ произносилъ: «...ихъ ядятъ, оне глядятъ!»

Пашка торчала на второмъ этажѣ, близъ периль съ пузатенькими деревянными колоннами. Вродѣ какъ встрѣчала царскихъ дочерей. Иногда, сверху внизъ, кидала взглядъ на Лямина, и онъ, не видя, чуялъ этотъ взглядъ затылкомъ: будто кипятка на затылокъ плеснули, и хотѣлось растереть.

Пашкѣ дивно было, какъ затряслись руки у старухи. Старуха даже помолодѣла, вотъ тоже диво: подобрались собачьи брылы, потоньшѣла шея, на головѣ, вмѣсто всегдашняго мокраго полотенца, красовалась кружевная наколка, будто снѣжкомъ сѣдую кудрявую голову присыпали. «Вотъ же кокетка, – думала Пашка неприязненно, – передъ мужемъ старымъ красуется, вертлявка!» Мигъ спустя до нея дошло: это она передъ дѣтьми, чтобы дѣтей обрадовать.

И отчего-то стыдно стало Пашкѣ, муторно на душѣ, тяготно.

«Скорѣй бы ужъ разселились по комнатамъ, что ли. А вѣдь еще Авдеевъ сейчасъ къ себѣ заграбастаетъ. Будетъ обыскивать, вытрясать изъ нихъ все, что есть и чего нѣтъ...» Пашка поерзала плечами, будто у нея подь гимнастеркой чесалась спина.

– Мама, мама! Папа!

Та дѣвчонка, что шла за долговязой дылдой, первая рванулась. И повисла на шеѣ у царя. Вислоухая собачка кругами бѣгала возлѣ ихъ ногъ.

– Папа, папочка!

«Первымъ отца обняла. Отца сильно любить», – думалъ Ляминъ.

«А мамку-то что же?..» – обидчиво думала Пашка.

Между царями стояла Марія. Она не выдержала, бросилась къ сестрамъ и, показалось Пашкѣ, даже цѣловала самый воздухъ вокругъ нихъ. Эхъ ты, сколько поцѣлуевъ господа другъ на друга обрушиваютъ! Какъ они любятъ лизаться!

Пашкѣ чудилось – она подсматриваетъ что-то ненужное, запретное. Впору отвернуться. И она отвернулась. Теперь только слышала эти возгласы, эти царскіе голоса.

Они рѣзали и уши, и душу.

А Ляминъ, стоя внизу, вывернувъ шею до боли, видѣлъ все. Видѣлъ, какъ Марія лобызала цесаревича, а мальчикъ, обнимая ее, потерялъ фуражку, она свалилась на полъ, и матросъ деревянно стоялъ, страшась на фуражку наступить. И чуть не падалъ подь натискомъ сильной, крѣпкой Маріи. И краснѣлъ – вѣдь она обнимала не только брата, но и его, матроса, слугу.

«Вотъ матросня проклятая. За что ему такое счастье привалило».

Мысли заглушались толпой вскриковъ, аховъ, радостныхъ рыданій. Ляминъ не могъ тутъ думать, а могъ только смотрѣть. Тупо; сердито; стыдно; любопытно.

А Пашка демонстративно стояла спиной ко всей этой сентиментальной голубокровной сволочи, къ этому отжившему, траченному дворцовой молью барахлу, и могла только слышать дыханья и восклицанья, а за ея спиной угрюмо торчалъ, пропарывая крикливый воздухъ коридора, воздухъ слезной встрѣчи, штыкъ ея вѣрной винтовки.

«Хорошее оружіе у насъ. Если бы такое тамъ, на фронтахъ, было. Можетъ, и войну бы мы эту царскую – выиграли. А теперь ужъ все равно».

– Мамочка! Душенька!

– Охъ, душка... душка...

– Дай поцѣлую еще, еще разъ...

– Это что-то невѣроятное, дѣти... мы васъ такъ ждали!.. долго...

– Господи силъ! Гдѣ васъ держали?! Намъ сообщили, поѣздъ давно прибылъ...

– Мы стояли на запасныхъ путяхъ!

– Алешинька... сыночекъ... Господи помилуй...

Матросъ нѣжно опустили цесаревича на полъ. Онъ тутъ же потянулся къ отцу, и отецъ наклонился надъ нимъ и обнялъ его.

И Ляминъ увидѣлъ, какъ непонятно, сторожко и вмѣстѣ слѣпо, восторженно, поплыли вбокъ, вбокъ зрочки царя – и вправду какъ у слѣпого, значить, отъ восторга и любви человѣкъ можетъ потерять зрѣнье, да и всѣ остальные чувства; остается только любовь, спутанно и тяжело думаль Ляминъ, и вотъ она, любовь, и такая огромная, – а онъ-то что? Онъ-то – развѣ *такъ* когда-нибудь почувствуетъ?

Глаза уплывали, рѣсницы дрожали, мелко и слезно, царь ничего не видѣлъ отъ счастья, голова клонилась внизъ, еще ниже, тяжело, будто вмѣсто головы у царя съ шеи свисала золотая виноградная гроздь, и онъ эту голову, и руки свои, и всего себя приносилъ сыну въ угощенье, въ наслажденіе, въ праздникъ любви. Михаилу почудилось – царь стоитъ не въ застиранной и уже, о стыдѣ, залатанной на локтяхъ гимнастеркѣ, а въ какой-то красной хламидѣ, будто бы въ шерстяномъ, а можетъ, даже въ бархатномъ красномъ плащѣ; и плащъ этотъ тоже старый, въ заплаткахъ, но торжественный, слишкомъ алый, – и его какъ стукнуло въ темя: да это же не плащъ, а это флагъ, флагъ нашъ красный! зачѣмъ онъ имъ обвернулся?.. – и плечи его согнуты, наклонены, какъ подъ спудомъ, подъ гнетущимъ къ землѣ грузомъ, непосильнымъ для человѣка, – и руки ловятъ плечи сына, накладываются на эти тощія подростковья плечи, щупаютъ ихъ, глядятъ, словно еще не вѣрятъ, словно надо еще доказывать, что это все наяву, а не во снѣ, – и лицо мокро и блеститъ, и волосы растрепаны и сияютъ, и царскій алый виссонъ льется внизъ, до полу, и мальчикъ, этотъ загадочный мальчикъ, его рожденія такъ ждала вся Россія, а онъ оказался больной и хилый и, можетъ, не жилецъ, встанетъ передъ отцомъ на колѣни.

И слѣпья руки ползаютъ по плечамъ сына, по затылку его. И слѣпое лицо ищетъ губами – прикоснуться къ родному лбу, къ щекамъ. Слепья щеки залиты слѣпыми слезами. И все вокругъ слѣпо. Зряча только любовь.

Лямину захотѣлось плюнуть на половицу и плевкомъ прогнать морокъ.

– Сыночекъ!.. Сыночекъ мой... Счастье мое... здравствуй...

Онъ видѣлъ, какъ Пашка обернулась. Штыкъ сверкнулъ подъ тусклой красноглазой коридорной лампой.

– Папа! Любимый!

«Какъ крѣпко обнимаются. Сейчасъ другъ друга въ объятіяхъ раздавятъ. Кости треснутъ».

– Оличка, ты такая... такая...

– Машка!.. а ты!.. Сто лѣтъ тебя не видала.

– А я – двѣсти!

– Вмѣстѣ, вмѣстѣ...

– Климушка! Что стоишь! Неси чемоданы въ комнаты!

– Слушаюсь, ваше величество...

Сапоги. Сапоги Авдеева. Они грохочутъ снизу вверхъ. По лѣстницѣ. По заполненному, забитому людскимъ счастьемъ коридору.

– Вновь прибывшимъ арестованнымъ – съ вещами – прослѣдовать – въ комендантскую!

Радостные вопли и вскрики живо смолкли. Люди смотрѣли на Авдеева: кто такой?

«Да имъ же всегда все ясно, кто мы такіе. И они каждый разъ удивляются. Будто бы съ луны свалились».

Лямину страшно хотѣлось курить. Но почему-то казалось сейчасъ выйти на крыльцо и всунуть въ зубы самокрутку – жестомъ наглымъ и даже подлымъ.

«Стой и смотри».

Авдеевъ протянулъ указательный палецъ. Самая маленькая изъ сестеръ, бойкая дѣвчонка, сначала уставилась на этотъ вытянутый заскорузлый палецъ, потомъ прослѣдила, куда онъ показывалъ.

На открытую дверь въ комендантскую комнату.

– А вы знаете, господинъ, что пальцемъ показывать неприлично?

Авдеева передернуло.

– Я не господинъ! Сколько разъ вамъ всѣмъ повторять: вы уже живете въ другой странѣ! Откашлялся.

– Въ странѣ побѣдившаго пролетаріата! – помолчалъ жестко, зло. – И мы всѣ – товарищи!

Ляминъ переводилъ глаза съ лица на лицо.

«Только вы намъ не товарищи».

«А отчего жъ не сдѣлать ихъ товарищами? Можетъ, и они съ нами сработаются?»

«Да никогда. Никогда этого не будетъ. Цари они и есть цари».

«Все ясно, гусь свиньѣ не товарищъ».

Ляминь поправил на плечѣ винтовочный ремень.

– Понятно?!

Голосъ Авдеева, прокуренный и влажно-хриплый, неожиданно мощно, какъ фальшивый оперный басъ, громыхнулъ подъ высокими сводами коридора. Смѣшная дѣвчонка, похожая на ковернаго клоуна, стриженная неровно, съ косой самодѣльной челкой, сдѣлала быстрый нахальный книксенъ и отчетливо, какъ на иностранномъ языкѣ, вычеканила:

– По-нят-но.

Царица прижимала къ груди руки. О чемъ-то молча умоляла. Снѣгъ кружева осыпался съ ея головы, обкрученной сѣдыми кудерьками, на плечи съ картонными подставками-плечиками, на рукава и дрожащія руки, на полъ.

– О, Анастаси, ich weiß nicht...

– Я все знаю! – крикнула дѣвчонка.

Пашка грубо сдернула съ плеча винтовку и угрожающе наклонила штыкъ.

– А ну ступайте въ комендантскую! – зло выплюнула. – Еще разводите антимоніи! Прибыли – извольте на обыскъ!

На царѣ исчезъ, растаялъ призрачный алый плащъ. Цесаревны ухватились за чемоданы и потащили ихъ по коридору. Матросъ выхватывалъ поклажу у нихъ изъ тонкихъ вѣтвей-рукъ, насильно вырывать и несъ самъ. Мальчишка стоялъ рядомъ съ царемъ, царь сзади него, руки у мальчика на плечахъ, и прижимался къ нему ребрами, животомъ. Лямину показалось: это царь сейчасъ сынъ, а мальчишка – отецъ, и защищаетъ его собой, заслоняетъ. На старухѣ лица не было. Мѣсто лица шла сначала одна волна – ужаса, потомъ другая – радости, потомъ третья – мольбы, потомъ волны мѣнялись мѣстами и накатывали снова.

Они всѣ вкатились, какъ по грязному столу бѣлыя жемчужины, въ комендантскую – всѣ: и люди, и чемоданы, и баулы, и даже собаки. Одна собака затыкала за пазухой у одной изъ дѣвицъ, когда они уже приблизились къ комендантской. Двѣ носились у людей подъ ногами. Пашка тряхнула винтовкой. Опять сплюнула.

– Черти, а, – покрутила головой, и весело и сердито. – Собакъ съ собой по Сибири таскаютъ. Одно слово – господа!

Ляминь зналъ, какъ она ненавидѣла господъ.

«Классовая борьба, и ничего иного. Это самая важная вещь на свѣтѣ. Все остальное, какъ говорить поварь Гордей, гиль».

Одна изъ дѣвушекъ подхватила курносую собачонку на руки.

Скрылись за дверью.

Пашка шумно выдохнула. Нацѣпила на плечо винтовку. Оперлась локтями о перила и сверху внизъ длинно и тоскливо поглядѣла на Лямина.

– Мишка, – ея голосъ былъ такъ же тусклъ и тоскливъ, – Мишка! Сейчасъ начнутъ ихъ трясти. Искать самъ знаешь что. Знаешь, что?

Ему пришлось кивнуть головой.

– А ежели найдуть?

Ляминь пожалъ плечами.

«Вотъ дура, говорить на эти темы и прямо передъ носомъ у Авдеева».

– Какъ думаешь, а можетъ, это все сказки?

Онъ, еле переставляя ноги во вдругъ ставшихъ тяжелющими, чугунными, сапогахъ, поднялся по лѣстницѣ на второй этажъ, смѣрилъ Пашку взглядомъ мрачнымъ и мудрымъ. Придвинулъ къ ней лицо. Ощутилъ жаръ ея веснушчатой круглой щеки.

– Ты, заткни пасть. Много будешь знать – тебя Голощекинъ самъ зашибетъ. Или Юровскій.

Пашка свистнула. Ей очень шло свистѣть. Она становилась похожа на подворотнаго парня-хулигана.

– Меня Авдеевъ защититъ.

– А съ какой это стати онъ тебя защититъ?

– Ну, добавь: дуру такую.

– Дуру такую.

Пашка тихо засмѣялась.

Онъ ощутилъ сначала легкой уколъ, потомъ на мѣстѣ укола вспыхнула и быстро разлилась по тѣлу, а потомъ и по сердцу живая, острая боль.

– Что? Что объ Авдеевѣ подумаль? И... обо мнѣ?

Развернулась. Черезъ плечо кинула:

– Ну, думай, думай. Тебѣ – полезно.

Онъ тоже повернулся, сбѣжалъ съ лѣстницы, нещадно гремя сапогами.

Ноги прѣли въ давно не стиранныхъ портянкахъ.

#

– Ну и какъ? – Авдеевъ даже не сѣлъ за столъ, какъ обычно. Не принялъ начальственный видъ. Стоялъ рядомъ съ чемоданами и глядѣлъ на нихъ жадно, жарко. – Открывай!

Ольга присѣла на корточкахъ рядомъ съ самымъ большимъ чемоданомъ.

Нагорный бросился впередъ.

– Дайте я.

Повозившись съ замками, отпахнулъ чемоданную крышку.

– Что тутъ? – Авдеевъ тоже сѣлъ на корточки, рядомъ съ Ольгой. Она тутъ же встала. – Такъ. Тряпки. Трясите! – Ольга смотрѣла непонимающе. Авдеевъ самъ схватилъ одежды, всталъ и сталъ трясти, а можетъ, что на полъ выпадеть, какая улика. – Чортъ, – бросилъ бархаты на полъ. – Ага, книги. Рукодѣлье! Пяльцы! Святое дѣло, барышни, чортъ. Иконы! Чортъ! Снова иконы. Далась онѣ вамъ. Бога никакого нѣтъ, товарищи! Бо-га-нѣтъ! Зарубите себѣ на носу! Думайте! Включайте мысль!

Ольга попятилась. Анастасія, эта самая бойкая, палецъ въ ротъ не клади, открывала другой чемоданъ.

– Натѣ! – крикнула звонко. – Смотрите! На здоровье! Вамъ же интересно!

– А ты, – Авдеевъ подшагнулъ къ нахальной дѣвчонкѣ, – замолчи. Иначе!

– Что иначе?!

– Настя, не перечь имъ, они...

У старухи сердце колотилось такъ, что было видно подъ тонкими кружевами бѣлой кофты.

Всѣ онѣ вырядились въ бѣлое, эти царскія бабенки. Будто на свадьбу.

– Я ничего такого не сказала! – крикнула дѣвчонка и сильно разругалась. Похоже было, она ничего и никого не боялась. Для нея этотъ новый Домъ былъ – приключеніе, и эти грубые красные солдаты – тоже приключеніе; они разбойники, а она прекрасная принцесса, и принцесса какъ должна говорить съ разбойниками? Такъ, чтобы они легли, какъ псы, у ея ногъ!

– Вы цѣпные псы вашего... Ленина!

Старуха въ ужасѣ запечатала себѣ ротъ потной ладонью.

– Замолчи, замолчи сейчасъ же...

Авдеевъ пнулъ чемоданъ. Анастасія смотрѣла на него не хуже собаки. Сейчасъ твякнетъ и въ ногу вцѣпится.

Залаялъ французскій бульдогъ на рукахъ у Татьяны.

– Смотрите, товарищи. У насъ нѣтъ ничего... предосудительнаго.

– Это вы раньше у насъ искали предосудительное! Прокламаціи... газеты, гдѣ мы пропечатывали все про народную волю! – Авдеевъ началъ огрызаться, какъ песь. – А теперь мы – у васъ – преступное – ищемъ! Вотъ такъ оно все перевернулось! Отлились кошкѣ мышкены, ядрить, слезки!

– Всегда найдется то, что можно осудить.

Царь хотѣлъ это сказать примиряюще, а вышло – будто онъ самъ кого-то сурово и навѣкъ осуждалъ. Его, Авдеева.

– А вы – вонъ отсюда! – заоралъ Авдеевъ внѣ себя. – Обыскиваютъ не васъ, а вновь прибывшихъ! И ничего тутъ я съ вашими дочерьми не сдѣлаю! Подумаешь, драгоценности!

При словѣ «драгоценности» старухины щеки стали двумя снѣговыми комками и мелко задергались, и льдомъ застыла у нея на затылкѣ кружевная, похожая на короткую мантилью, накладка. Чтобы не сказать лишняго и самой не сорваться въ крикъ, въ оскорбленія, она двинулась къ выходу изъ комендантской, выплыла, и за ней, ссутулившись, вышла царь, вжавъ голову въ плечи, вразъ потерявъ статься, военную строгую выправку.

...Авдеевъ подошелъ къ Ольгѣ. Она не смотрѣла на него. Старалась не смотрѣть.

– А это что?! – комендантъ ущипнулъ Ольгу за ухо. – Какъ блеснить!

– Это мои серьги. Мнѣ ихъ подарила мама на день рожденья.

– Серьги! – дернулъ злымъ голоднымъ ртомъ. – Счастье ваше, что вышла декретъ, и тамъ чернымъ по бѣлому... что бывшіе имѣютъ право оставить себѣ только тѣ драгоценности, что – на нихъ самихъ! Все остальное, слышите, всѣ вы обязаны сдать! Революціонному правительству!

– Я васъ слышу. Не кричите.

Ольга брезгливо морщилась.

– Ты! Не морщся! Будто я прокаженный какой! Съ тобой разговариваетъ революціонный комендантъ! – Авдеевъ хотѣлъ толкнуть Ольгу кулакомъ въ плечо – и не толкнулъ. Его остановили горящіе двумя свѣчами глаза этой оторвы, младшей. – Молчать! Развяжи бауль!

– Вы не имѣете права говорить мнѣ «ты», – сказала Ольга.

Ея улыбка была для Авдеева хуже пытки.

Онъ заораль надсадно:

– Какъ хочу, такъ и говорю! Здѣсь командуя я!

Татьяна, прижимая къ груди собаку, быстро развязала бауль.

– Вотъ, смотрите.

Авдеевъ наклонился, поковырялся въ вещахъ.

– Однѣ тряпки, въ бога душу.

Разогнулъ. Охнулъ: болѣла спина.

Окинулъ взглядомъ Татьяну и ухватилъ клещами пальцевъ ея жемчужное, на высокой шеѣ, ожерелье съ золотымъ крестикомъ.

– Счастье твое, что этотъ декретъ... богачки, стервы!

– Какъ вы изволили назвать мою сестру?

Алексѣй шагнулъ впередъ и прожигаль глазами Авдеева. У Авдеева сильно, до малиноваго цвѣта, покраснѣлось лицо; Татьяна испугалась – не хватить ли коменданта сейчасъ ударъ.

– А ты – смолкни, щенокъ! Тебѣ слова тутъ никто не давалъ!

Алексѣй выпрямился и сдвинулъ каблуки.

– Я васъ – вызываю!

Авдеевъ съ минуту молчалъ, расширяя глаза. Бѣлесыя его рѣсницы изумленно подрагивали. Потомъ сталъ хохотать, этотъ хохотъ походилъ на бульканье супа въ огромномъ котлѣ.

– Ты?! Меня?! – хохоталь, кулакомъ теръ глаза. – Лучше сумку открой! Вонъ ту! И вещички показывай!

– Я открою, – сказала Татьяна, опустила собаку на полъ и щелкнула замкомъ сумки.

Она все дѣлала быстро и четко. У нея были очень ловкія, подвижныя руки. Авдеевъ вспомнилъ: во время войны въ газетахъ печатали, что великія княжны работаютъ сестрами милосердія въ госпиталяхъ. Да, эта – можетъ, сестрой. И хирургиней можетъ стать; если, конечно, поучится.

– А на рояли – играешь? – неожиданно спросилъ, на быстрые и нѣжные пальцы глядя.

Татьяна разворачивала бархатный кафтанъ съ длинными, обшитыми золотой бахромой рукавами. Блеснулъ шелкъ подкладки.

– Играю, – растерянно сказала она.

– А! Это вотъ здорово. У насъ тутъ есть рояль. Правда, разстроенная. Не настраивали давно. Но звуки, ха, ха, издаетъ. Увѣшались камешками-то! Хитрованки! – глядѣль на Татьянины браслеты, усыпанные росой мелкихъ брилліантовъ; крупный, съ перепелиное яйцо, сапфиръ взрывался слѣпящимъ свѣтомъ, въ него било солнце сквозь грязное оконное стекло: въ комендантской окна не были замазаны, какъ всюду, известно. – Все на себя понацѣпили, что можно! Ну, съ васъ мы все это добришко, конечно, сдирать не будемъ... а то можно бы... – на мочки смотрѣль, на пылающіе въ нихъ алмазы. – Съ мясомъ...

– Тата, не блѣднѣй, – шепнула Ольга, – въ обморокъ не грохнись...

– Вы дьяволь! – высоко, какъ со скалы, крикнула Анастасія.

Авдеевъ обернулся къ ней и пошелъ на нее. Она не пятилась, стояла, только крѣпко зажмурилась.

– Это мы еще посмотримъ, – тихо и изумленно пообѣщаль онъ.

Анастасія открыла глаза.

– Настя, молчи, прошу тебя. Ты всѣхъ насъ погубишь.

– Оля, хорошо.

– Эти драгоценности, – Авдеевъ цапнулъ ожерелье на груди у Татьяны и чуть не порвалъ его, – всѣ созданы нашимъ, рабскимъ трудомъ! Нашей рабочей кровью! Нами... мы стояли у станковъ! Мы надрывались въ шахтахъ! Мы!.. а не вы. Это на наши, на наши кровныя, народныя деньги вы – ихъ – покупали! А теперь мы сорвемъ ихъ у васъ съ шей, съ запястій! Изъ ушей – вырвемъ! Мы ихъ – народу вернемъ! Сполна вернемъ! И это... будетъ... справедливо!

Далеко, въ гостиной, били часы. Авдеевъ копался въ чемоданахъ и баулахъ.

Время остановилось. Алексѣй зѣвнулъ и сѣлъ на подоконникъ. Татьяна слѣдила за нимъ – чтобы не упалъ, не ушибся, не подвернулъ ногу.

... – Ты здѣсь... я не вѣрю.

– Дай я тебя пощупаю. И ихъ... пощупаю тоже.

– Лѣкарства?

– Да. Ихъ.

– Видишь? Нѣтъ, ты чувствуешь? Мы все зашили... Мы все... привезли. Все съ нами.

- Умницы мои.
- Почему мои, родная, и мои тоже.
- Отецъ, никто у тебя не отнимаетъ твоего отцовства. Любуйся. И цѣлуй.
- Дай я тебя поцѣлую.
- И я тебя.
- И я.
- Тише, тише. Здѣсь все можетъ прослушиваться.
- Алешинька!.. ты такъ выросъ за это время.
- Мама, у меня болитъ здѣсь. И еще вотъ здѣсь.
- Солнышко, тебѣ надо быть осторожнѣй. Всегда.
- Я и такъ стараюсь – всегда.
- Любимая, дай я его прижму къ себѣ.
- Только осторожнѣй прижимай. Не причини ему боль.
- Папа! Сожми меня изо всѣхъ силъ! Я такъ по тебѣ соскучился! Я такъ...
- Милые! Милые! Да вѣдь Христось воскресе!
- Воистину воскресе!

##

...Алексѣй, что ни ночь, стоналъ. Какъ онъ ни крѣпился, боль оказывалась сильнѣе его. Всегда сильнѣе. Къ его кровати подходили всѣ. Мать вскакивала первой и неслась къ нему, будто летѣла бѣлая птица и крылья развѣвались. Склонялась надъ изголовьемъ, всей крупной, мощной грудью. Обнимала не руками – всею собой. Эта грудь выкормила пятерыхъ. Эти руки выхаживали, бинтовали, перевязывали, пушили слежалую вату, стирали попользованную марлю, чтобы высушить и наложить опять, – въ военныхъ госпиталяхъ подчасъ была нехватка перевязочныхъ средствъ. Неужели она, такая сильная, умѣлая, милосердная, не спасетъ, не вылѣчитъ своего единственнаго сына?

Цесаревичъ тяжело поднималъ вѣки. Мать съ ужасомъ глядѣла: у него глаза старика.

Какъ у младенца Рафаэлевой мадонны, проносились мысли и улетали, свободные голуби.

– Алешинька. Родненькій. Какъ ты?

– Мама... Плохо.

Она клала ладонь на лобъ и убѣждалась – да, правда: потъ холодный, а лобъ горячій.

– Гдѣ болитъ?

– Мама, вездѣ.

Она откидывала одѣяло и трогала распухшее колѣно. Подъ тонкой кожей ощутимо прощупывалась и явственно была видна гематома – синяя, лиловая. Царица просвѣчивала гематому отчаяннымъ взглядомъ и видѣла въ ея глубинѣ, въ нѣдрахъ тѣла сына, черноту, и эта чернота становилась уже непроглядной.

– Ой! Не трогай.

Рука матери не прикасалась – гладила простыню.

– Милый мой мальчикъ. Утромъ пригласимъ доктора.

– У насъ же есть докторъ Боткинъ.

– Мы пригласимъ другого. И они посоветуются вмѣстѣ съ Евгениемъ Сергѣичемъ, что и какъ надо теперь дѣлать.

Алексѣй схватилъ руку матери, крѣпко прижалъ къ щецѣ.

– Мама! Да можетъ, ничего дѣлать не надо.

Мать опѣшила. «Какъ это не надо, о чемъ мальчикъ говорить, – она кусала губы, – а, да, я понимаю, онъ хочетъ сказать, что все безнадежно. Что онъ инвалидъ, и надо все бросить, его бросить, больше не лѣчить, а дать ему... – она все-таки мысленно произнесла это слово. – Умереть. Дать ему умереть. Но Григорій сказалъ однажды, я помню, и такъ твердо сказалъ, крѣпко: доживетъ до шестнадцати лѣтъ, и всю эту болѣзнь какъ рукой сниметъ! А можетъ, Распутинъ говорилъ о безсмертіи?»

Она сама спросила себя: о какомъ безсмертіи? – и сама же себѣ отвѣтила: ну, что Богъ заберетъ Алешиньку къ Себѣ, и не будетъ ни болѣзни... ни печали, ни воздыханія...

– Какъ это не надо?

– Очень просто, – хотѣлъ повернуться, притиснуться ближе къ матери, и лицо перекопилось, боль рѣзко прочертила его. – Скоро же все кончится.

– Что, Господь съ тобой?

Онъ прочиталъ ея мысли. Не думать, это запрещено, объ этомъ нельзя. И его развеселить, отвлечь.

– Все. И будетъ все равно.

– Не все равно! Не все! – рука бессмысленно передвигала пузырьки съ микстурами и каплями на укрытой бѣлымъ деревенскимъ подзоромъ тумбочкѣ. – Тебѣ очень больно? Я бы не хотѣла давать тебѣ еще разъ опій, на ночь же ты пилъ...

– Дай все равно.

Дрожаящими руками царица накапывала опійную микстуру въ маленькую рюмку съ золотымъ ободомъ по краю. Разбавила водой изъ кувшина. Кувшинъ чуть не уронила. Поднесла сыну. Подняла его голову съ подушки и поддерживала подъ затылокъ, другой рукой держала рюмку. Онъ выпилъ однимъ глоткомъ, зажмурившись, и, когда поднялъ разжаренное лицо къ матери, она увидѣла, какъ онъ изо всѣхъ силъ самъ себя старается увѣрить, внушить себѣ, что капли чудодѣйственныя, что онѣ сейчасъ убьютъ боль.

Онъ жилъ не рядомъ, не близко къ боли – онъ всю свою маленькую жизнь жилъ внутри боли, и ея апартаменты изучилъ вдоль и поперекъ, она распорядилась и имъ, и собой, была въ этомъ домѣ полновластной хозяйкой, и, когда она на время уходила изъ дома, разсерженно хлопнувъ дверью, онъ судорожно вздыхалъ и умоляюще думалъ: а вдругъ, боль, ты потеряешься въ пути и не вернешься, не вернешься никогда. Но она мрачно возвращалась и, грохоча, открывала дверь своимъ чугуннымъ ключомъ. И онъ опять говорилъ ей: здравствуй.

– Мама, прошу тебя, ступай спать. Мнѣ уже лучше.

– Сыночекъ, не обманывай меня. Опій не можетъ подѣйствовать такъ быстро.

– Нѣтъ, правда. Святой истинный крестъ.

Онъ выпросталъ изъ-подъ одѣяла руку и торопливо перекрестился. Еще иной разъ боль пугалась креста. Такъ училъ его старецъ Григорій. Старецъ накладывалъ на себя крестъ и шопотомъ приказывалъ ему: перекрестись, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. И боль уйдетъ. Крестился Другъ, и крестился онъ. И сходилъ странный покой. Боль вродѣ была, и вродѣ ея не было. Она парила рядомъ и смотрѣла на него. А онъ – на нее. Такъ непонятно. И есть, и нѣтъ – можетъ, такъ люди живутъ потомъ, послѣ смерти?

Мать смотрѣла на сына, и она вся была – любовь и боль.

– Я вѣрю тебѣ. Но я все равно посижу тутъ, рядомъ съ тобой. Я беспокоюсь.

Алексѣй попытался улыбнуться, у него не получилось.

Опять коротко, сдавленно простоналъ.

– Лежи спокойно. Не шевелись.

– Мама, если ты тутъ будешь сидѣть всю ночь, тебѣ будетъ скучно.

– Мнѣ скучно никогда не бываетъ. Но все же я принесу рукодѣлье. Постарайся заснуть.

Мать удалилась въ свою спальню, быстро явилась, съ моткомъ бѣлыхъ тонкихъ нитокъ, начатымъ издѣліемъ и вязальнымъ крючкомъ въ рукахъ. Глаза Алексѣя закрыты. Такъ, хорошо. Онъ еще не спитъ, но пытается заснуть. Въ угоду ей. Она сѣла на табуретъ рядомъ съ кроватью. Развернула вязанье. Что это будетъ? Лѣтняя ажурная кофточка для Маріи. Ей такъ идетъ бѣлое. Впрочемъ, бѣлое идетъ имъ всѣмъ. Они ангелы.

И ея сынъ тоже ангелъ; только никто, никто этого не понимаетъ и уже навѣрняка не узнаетъ.

Комъ перекрылъ горло. Она ухитрилась проглотить его, этотъ снѣжный комъ боли, и не зарыдать громко. Утерла вязаньемъ слезы. Пальцы заработали быстро, будто клевали крохи изъ кормушки голодная птицы. И она огромная зимняя птица; только никто объ этомъ не знаетъ.

Птица, и пятеро ея птенцовъ. Хватить ли крыльевъ, чтобы укрыть?

А съ весеннихъ полей идетъ гроза, оттуда, съ востока и юга, съ накормленного стрѣльбой и пожарами запада, съ чернозема, съ Уфы, Бузулука и Бугуруслана, съ Омска и Кургана, сюда, на Уралъ, долетаютъ эти черные пожарищныя вѣтры, и она, выходя въ тѣсный дворъ ихъ тюрьмы, все явственнѣй ловить ноздрями эту адскую гарь.

Какъ это они голосили давеча въ караульной? Молотя по рояли, неистово курая? «Вихри враждебныя вѣютъ надъ нами, темныя силы насъ злобно гнетутъ». Какъ тамъ дальше?

Противъ воли слова лѣзли въ голову. Руки вывязывали петли, а голова готова была лопнуть по черепнымъ швамъ отъ горя, красного смѣха. «Въ бой роковой мы вступили съ врагами! Насъ еще судьбы безвѣстныя ждутъ!»

– Разъ, два, три, четыре... – губы беззвучно считали петли.

Алексѣй открылъ налитые болью глаза.

– Мама, я хочу повернуться набокъ. И не могу.

Она аккуратно положила вязанье на тумбочку.

– На какой, сынокъ?

– На правый. Чтобы не на сердцѣ спать, ты же всегда такъ говоришь.

– Я тебѣ помогу.

– Спасибо.

– Только ты не шевелись. Я все сдѣлаю сама.

Очень бережно, страшно медленно, сама себѣ поражаясь – какъ она могла его такъ медленно, тяжело и сонно, переворачивать, какъ во снѣ, а сонъ все не кончался, – мать сама, сильными своими руками, перевернула сына со спины на правый бокъ, и онъ, морщась и постанывая, чуть вытянулъ впередъ большую ногу, потомъ тяжело, низкимъ голосомъ, охнулъ, и ея сердце мгновенно облилось кровью, а лобъ вспотѣлъ; она погладила мальчика по виску, по щека, утерла ему угломъ пододеяльника потъ, поправила одѣяло, укрыла, перекрестила.

– Такъ хорошо?

Голосъ ея срывался.

– Очень хорошо, мамочка. Спасибо. Ты вяжи, вяжи. Опій уже дѣйствуетъ.

Опій и правда дѣйствовалъ: у Алексѣя смыкались вѣки уже по-правдашнему.

Мать смотрѣла на бѣлое вязанье, оно мелькало у нея въ рукахъ, крючокъ протыкалъ нитки, зацѣплялъ, тянулъ. Онъ протыкалъ ея шею, ея сердце. Кровь лилась на бѣлый снѣгъ. На эту известъ, ея замазаны окна. Она все быстрѣ работала крючкомъ, все быстрѣ и жаднѣ крючокъ изъ слоновой кости подцѣплялъ нить, совала голову въ ажурныя дырки, въ земляныя дыры, въ капканы, въ пропасти. И выныривалъ. И снова падалъ внизъ головой. Она не хотѣла сходить съ ума, но сходила. Дыханіе мальчика выравнилось. Боже, спасибо Тебѣ за опій. У нея такимъ живымъ опіемъ былъ Распутинъ. Но вылилась наземь мензурка, и оборвалось чудо. Никто такъ и не узналъ, что это было истинное чудо. Григорій, чернорабочий, безумный, съ радостью горящимъ взоромъ, вставалъ передъ наслѣдникомъ во весь ростъ, онъ напоминалъ ей пророка, источающаго воду изъ скалы, и клалъ руки на плечи Алексѣю, и говорилъ, сначала тихо, потомъ все громче, и неясны, невнятные были слова, ихъ невозможно было запомнить, застенографировать, и подъ струями этихъ словъ безъ словъ, этой рѣчи безъ рѣчи, а просто подъ потокомъ этого льющагося басовитаго, густого голоса мальчикъ разслаблялся, прекращалъ задыхаться отъ боли, раскидывалъ ноги и руки, щеки его розовѣли, и онъ – нельзя представить, но это была ихъ явь – улыбался. И улыбался Григорій, и склонялся, откидывалъ одѣяло и весело щекоталъ наслѣднику пятку. «Ну вотъ, – уже внятно говорилъ онъ, смѣясь, – а вечеромъ мы съ тобой, дружокъ, даже ко Всенощной пойдёмъ! Не бойсь!»

Григорій въ могилѣ. Они живы.

Но какъ это онъ сказалъ тогда, въ Зимнемъ дворцѣ, задравъ голову и глядя на прекрасный большой, въ ростъ, парадный портретъ царя кисти Валентина Сѣрова: «Погоди, матушка, еще погоди немного. Вотъ меня убьютъ, а тамъ и вамъ недолго».

Царь съ портрета смотрѣлъ на нихъ обоихъ огромными, насквозь прозрачными, сѣроглубыми, чуть въ изумрудную зелень, глазами, и въ глубинѣ радужекъ вспыхивали странные алые огни. Голубая муаровая лента, шевелясь и дрожа, текла черезъ грудь всенней, ледоходной страшной рѣкой. Глаза драгоцѣнные, а губы подъ золотыми усами пытаются улыбнуться и не могутъ. Весь дорогой, любимый, и такъ послушно позировалъ Сѣрову, такъ смиренно стоялъ. Сѣровъ писалъ, кисти звенѣли о тугой холстѣ, и все бормоталъ: «Агнець кроткій». Она услышала – и будто ее обварили кипяткомъ.

...Алексѣй уже сопѣлъ. Слава Богу, уснулъ.

У нея было чувство, что она вяжетъ сама себѣ бѣлый саванъ.

##

Изъ окон столовой виднѣлись кроны дикихъ яблонь и кусты сирени. Сирень зацвѣла разомъ, будто взорвались кусты лиловымъ безумьемъ, и цвѣла буйно, долго и сладко, не осыпаясь, и всѣ, высываясь въ растворенныя окна, жадно дышали ею, будто напоследокъ.

– Мама, а помнишь романсъ Чайковскаго? Растворилъ я окно, стало душно невмочь... опустился предъ нимъ на колѣни...

Татьяна пѣла и кружилась посреди столовой. Картины мигали ей со стѣнъ тусклыми красками, старымъ лакомъ.

– Тата, какой сейчасъ Чайковскій!

Царь стоялъ у окна и смотрѣлъ внизъ. На городъ.

– Е-ка-те-рин-бургъ... – шептала.

– И въ лицо мнѣ пахнула душистая ночь... благовоннымъ! дыханьемъ! сире-е-ени!

– Ники, дѣти, пойдёмте въ залу!

Зала, гостиная. Въ залѣ спали докторъ Боткинъ и слуги Сѣдневъ и Чемодуровъ. Господи, какъ же это люди будутъ жить безъ слугъ? А вѣдь въ умныхъ книжкахъ пишутъ, что да, несомнѣнно, настанетъ такое время. Всѣ будутъ сами себя обихаживать. А можетъ, имъ будетъ помогать умные механизмы. Прогрессъ идетъ, его не остановить!

И вездѣ, всюду часовые. Вездѣ охрана. И около уборной. И близъ кухни. И двое –

всегда – около столовой. И цѣлыхъ четверо, топчутся, пахнутъ табакомъ и водкой и потомъ, вѣчно хотять курить – около спальни. Ну какъ же, въ спальнѣ самыя драгоценности и заключены. Спальня – это шкатулка. Не дай Богъ изъ нея сокровища пропадутъ. Они ухъ много денежекъ стоятъ.

...и жизнью... жизнью...

А около уборной – ванная комната; и царь всякое утро велитъ набрать себѣ изъ колодца холодной воды, налить въ ванну, и самъ, въ чемъ мать родила, туда прыгаетъ.

«Полко-о-овникъ... вышколенный. Холодъ, голодъ ему нипочемъ. Ай да царь!»

Ляминъ стоялъ на караулѣ около уборной, нюхалъ запахи хлорки, слушалъ, какъ крикаеть и плещется царь въ ваннѣ.

Всѣ они, какъ подъ лупой, смотрѣли на все, что царь дѣлаетъ. Какъ ѣсть. Что пить. Какъ спать. Какъ въ окно глядеть. Видѣли, слышали все. Вотъ напѣваетъ. Вотъ курить. Вотъ плачетъ, прислонивъ козырекъ ладони къ русымъ бровямъ. Вотъ цѣлуетъ старую жену. Вотъ дочекъ обнимаетъ. Вотъ на сгибѣ руки сынка носить по комнатѣ, а въ глазахъ такая тоска, а ротъ улыбается и говорить, говорить.

– Сейчасъ идемъ, Аликсъ!

– А въ саду гдѣ-то чудно запѣлъ соловей... я внималъ ему съ грустью... глубокой!..

– Рояль! Рояль! Маша, къ рояли! А я пѣвица! Я Аделина Патти!

Ляминъ не впервые слышалъ, какъ Марія играетъ. Но, когда она сѣла за рояль и прикрыла стопой круглаго мѣднаго караса педали, у него по лбу, по спинѣ потекъ постыдный, жаркій потъ.

– И съ тоской я о родинѣ вспомнилъ своей... объ отчизнѣ я вспомнилъ... дале-о-о-окой!

Татьяна шуточно кривлялась, прижимала ладони къ выпирающимъ изъ-подъ кружевъ ключицамъ. Косилась въ окно, во дворъ. Во дворѣ, вдоль забора, выстроились часовые. Стояли въ рядъ. Задрали головы. Слушали музыку. Пересмѣивались. Марія нажимала на клавиши, руки ея не порхали и не летали – она еле передвигала ихъ по клавиатурѣ, цѣпляя, какъ коготками подранокъ, желтые, съ ямками отъ тысячъ уже мертвыхъ, истлѣвшихъ пальцевъ, старые рояльные зубы. Бросила играть. Закрыла щеки ладонями.

У Татьяны брови поползли вверхъ.

– Ты что, Машка?

Марія посмотрѣла черезъ рояльный рѣзной пюпитръ въ открытую дверь.

– Эти двери, – ея губы дрожали, она говорила нарочно громко, – вѣчно открыты. Тата! Закрой!

– Но... – Татьяна мяла кружева подъ яремной ямкой. – Запрещено же...

Марія вскочила, чуть не запнулась за педаль. Подбѣжала къ двери.

Никогда еще Ляминъ не видалъ у нея такого злого лица.

На ея лицѣ крупными черными мазками было написано отчаяніе.

И еще: Я ВАСЪ ВСѢХЪ НЕНАВИЖУ.

##

Михаиль плашмя легъ на кровать. Теперь у него была, наконецъ, кровать. Послѣ всѣхъ скитаній.

Авдеевъ кроватью – одѣлилъ.

Мысли толклись прозрачной обреченной мошкаррой. Взлетали и гасли. Онъ не ловилъ ихъ, не разглядывалъ. Пусть летятъ.

Онъ припоминалъ рассказы Люкина и младшаго Завьялова. Мужики говорили наперебой, имъ все хотѣлось выболтать.

Онъ прижалъ палець ко рту, словно говоря самъ себѣ: тихо, тихо. Что будешь вспоминать, вслухъ не говори.

«Странно устроены человѣкъ. Вродѣ бы это и не съ тобой было, а – какъ съ тобой. Такъ красно баяли, что ли? Да ну ихъ. И приврутъ, недорого возьмутъ. Что Люкинъ, что Глѣбка. Оба хороши. Брехуны».

Ноги въ сапогахъ набухли. Въ пальцы стучала кровь. Онъ носками зацѣплялся за пятки, стаскивалъ, лежа. Разлѣнился.

«И человѣкъ – шкура такая; дай ему волю, подай мягкое ложе, подай сласть на подносикъ – и возмнись о себѣ, и палець о палець не ударить».

...Фразы метались подъ теменемъ, чужія рваныя фразы. Хохотки. Пулей выпущенныя шуточки. Вздохи. Скрипъ зубонный. Хлебки, глотки. Все вставало передъ занавѣшенными тяжелыми вѣками глазами; такъ однажды онъ видѣлъ цвѣтные сполохи и свѣчи, бѣгающія по небу, онѣ складывались въ кресты, круги и стрѣлы, а потомъ вдругъ рѣяли прозрачнымъ бабимъ шарфомъ. Сѣверное сіяніе. Однажды ночью... надъ зимнимъ, замкнутымъ въ синій

ледь Тоболомь...

...Осталась семейка. Булки ея бѣлой кусокъ. Дѣвчонки, да ужь не несмышленки. Барышни уже взрослыя, такихъ въ деревняхъ замужь отдавали, а свекровки на нихъ – воду возили. Дай стаканъ! На, да не подавись. Остались-то остались, да воли имъ все какъ не было, такъ и нѣтъ. А хозяинъ-то въ Тобольскѣ кто? Правильно. Умница. Павка тамъ хозяинъ. Пава Хохряковъ. Этотъ – злобой своей ужь на всю Сибирь славится. А что думаешь, почему они всѣ такіе, ну, какъ псы? Не знаю. Такъ имъ – удобнѣй. Легче имъ такъ.

Павка Хохряковъ править Совѣтомъ. А Совѣтъ – всему голова. А Павка – его лапа когтистая. Прэд-сэ-да-тель. Протянетъ, оцарапнетъ – не почудится мало! Дѣвки царскія, бойтесь Павку! Ну онѣ, понятно, и боятся. А Павка-то знаешь кто? Не знаешь ни шута. Онъ кочегаромъ служилъ на пароходѣ «Александръ Третій!» Вотъ какъ оно. Кочегаръ.

Ну и людей въ топкахъ жжетъ. Ровно бревна. Жжетъ, кочергой ворошить и смѣтается. Ха-а-а-а!

Хозяинъ города. Что его лѣвая пятка захочетъ. Какая пятка, окстись. Павка – приказы изъ Москвы слушаетъ. Отъ Ленина, отъ Свердлова. Вѣрно. Я самъ телеграфныя ленты въ Губернаторскій домъ привозилъ, съ почтампа. Лента длинная, а на ней закорючки. Со мной телеграфистъ трясется. Разбирать крючки и складывать изъ нихъ секретныя слова будетъ прямо на ухо Павкѣ. Намъ, челяди, это знать не положено. Всему міру ненарокомъ разболтаемъ.

Разболтаемъ – и стрѣльнуть.

Точно. Готовилъ Пава выгонку дѣвиць сюда, на Красный Уралъ. Готовилъ, сука, какъ тройную уху. Сначала этихъ сварить, потомъ этихъ покрошить. Потомъ укропчика добавить. Лучка зеленого. А у насъ на шеѣ – слуги эти! Да не слуги, дуракъ ты, а свита. Свита? Кого они свиваютъ? Брось, это слово такое, такъ вся эта богатая дрянь, что вокругъ царей вьется, именуется. Ну, а слуги, слуги-то у нихъ есть? Я жь и слугъ помню. Я тоже помню. Вымучили они меня, эти слуги. Хуже господь. Носъ деруть. Яйца не тѣ, молоко не то. Я одной такъ и гаркнулъ: погодъ, я вмѣсто коровы тебя съ ранья подою!

Собираются. Какъ на похороны. Ревутъ ремья. Я имъ: что ревете? Они молчатъ и слезы льютъ еще плуе. Я одну – по плечу потрепалъ. И каково плечо-то? Да какое, какое. Мягкое.

Тихо. Вѣтеръ! Вѣтки. Стекла! Разбито тамъ стекло. Самое большое окно, въ обѣденной залѣ, поперекъ треснуло. Камень бросили? Все можетъ быть. За руку, за пятку никого не поймали.

Такъ и плакали? Такъ и плакали. Весь полъ слезами залили. Я шель и прямо лужи подъ сапогами видѣлъ. А можетъ, это собачка напрудила! Все можетъ быть. Можетъ быть все.

А Родіоновъ? Еще хуже Павки. Павка хозяинъ надъ Тобольскомъ, а Родіоновъ – надъ Домомъ. Дѣвокъ чуть ли не плетью охаживалъ. И что, ни одну не обгулялъ? Ржи, ржи, конь. Я бь и самъ не прочь. Но это жь какъ сундуки съ золотомъ. Украдешь горстку, шепотку – и тебя на пустырь, въ расходъ. Ну и разчитали бь! А ты бь полакомился! За одну ночь, за вопли эти и крики въ подушкахъ – жизнь класть?! Ну, не такой ужь я козлина безмозглый. Я – жить хочу.

И они хотятъ. Ой какъ хотятъ! Ходятъ вокругъ меня кругами. Какъ собаки, заглядываютъ въ рожу. Родіоновъ гаркаетъ. Глотку чуть не надорвалъ, охрипъ. Чай со сливками горячій попиваль. Сливки царевнамъ приволокли. Кто приволокъ? Жена попа, Гермогена. А правда, что Гермогена убили? Много будешь знать – состаришься въ одночасье. Понялъ?

Наши тамъ какъ? Съ новиками смѣшались. Быстро другъ къ другу попривыкли. А къ Родіонову – не привыкли? Нѣтъ. Онъ сильно злой. Ему бы – стада охранять. Овчаръ чистый. Солдатъ такъ же школить. Въ ненависти блюдетъ. Внушаетъ намъ: дѣвки эти – вражины, и парень этотъ немощный – вражина лютый. Ты пойми, они жь на знамени ихнемъ, на штандартѣ – золотомъ вышиты! Всѣ ихъ нѣмецкія морды! И съ этимъ знаменемъ Антанта на насъ какъ пойдетъ! Какъ скovyрнетъ Ленина! Съерашитъ революцію къ едренѣ матери! А Ленинъ – на тронѣ. Тронъ занялъ. Ленинъ – нашъ, рабочій. Онъ наши страданія до косточки знаетъ. А кто онъ? Онъ самъ рабочій. На заводахъ работалъ. На нашихъ, уральскихъ. У станка стоялъ. Врешь ты все, онъ рыбакъ. Онъ на Бѣломъ морѣ рыбалилъ. Это ты врешь! Онъ неподалеку отъ моего села родился. На Волгѣ. И землю пахалъ. Пахарь онъ! Нашъ, крестьянинъ! А потомъ выучился на умнаго. Въ этомъ, какъ его, уверня... сететѣ.

Родіоновъ лютуетъ, выходитъ? Выходитъ, такъ. Не сдерживаетъ себя. Въ клѣтъ бы запичужить – стальные бы прутья перегрызъ. Княжны узелки увязываютъ. Родіоновъ входитъ. «Встать!» – оретъ, ажъ уши лопаются. Дѣвчонки и безъ того ужь вскакиваютъ, лапки, какъ зайцы, у груди складываютъ. Глаза круглые, птичьи. Родіоновъ старшей княжнѣ въ глаза глядитъ. Сражаются глазами. Кто кого переборетъ. Онъ глаза отвелъ да какъ рванетъ револьверъ изъ кобуры. Онѣ думали, заоретъ, ажъ присѣли, кольнѣнки согнули. Родіоновъ такъ тихо, нѣжно: даю вамъ еще часъ на сборы. Часъ промелькнетъ – на себя пеняйте!

Улыбается. Во рту рѣзца нѣтъ. Какъ у плохой собаки. А старшая, Ольга, въ беззубый ротъ ему такъ и смотритъ. И губы такъ сложила: плюнуть хочеть. Прямо въ черный этотъ ротъ.

А баронесса эта? Ну, въ узкой юбкѣ что ходила? Въ новомодной? А, нѣмка. Нѣмецкая эта саранча. Бускевданъ, она? Да, Бускевданъ. Какъ ее бишь? Софья Гансовна. Нѣтъ, Софья Карловна. У нея съ Родіоновымъ война. Она ему подъ дверь однажды кусокъ дерьма подложила. Въ день отъѣзда случайно на него шкапъ уронила. Онъ еле увернулся. Чуть ее не убилъ. Что жъ не убилъ?

Тоже понимаетъ: золото. Этимъ золотомъ, можетъ, расплачиваться съ той же нѣмчурой будемъ.

Съ англичанами. Нѣтъ, съ австріяками. Да ни съ кѣмъ мы уже расплачиваться не будемъ. Мы всѣхъ давить будемъ. Душить. Кто къ Совѣтской Россіи грабли протянетъ – того прямо въ сопатку. Въ сопатку!

А Бускевданъ называла Родіонова – Левіаѳанъ. Что, что? Кто? Левіаѳанъ. А, Левіаѳанъ. Это изъ Писанія звѣрь. Онъ всѣхъ пожретъ, кто спрятаться не успѣлъ. А ты? Что я? Ты успѣлъ? А ты? А я уже спрятался. Куда? За спину Родіонова? А что, у него спина широкая. Родіоновъ былъ при царѣ жандармъ. Быстро перелицевался. Самъ себя живо перекроилъ. Закройщикъ.

Жандармъ, вотъ козій навозъ. Саблю на боку носилъ, царямъ служилъ. А зачѣмъ народу стать служить? Какому народу. Самъ себѣ онъ стать служить. Стаканъ крѣпче держи! Вѣтеръ. Какой вѣтеръ. Вѣтеръ на всемъ свѣтѣ. А вѣтеръ на томъ свѣтѣ? Онъ есть?

Нѣтъ. Родіоновъ не жандармъ. Слухи ходятъ, онъ никакой не русской и не Родіоновъ. Онъ латышь. Латышскій стрѣлокъ? Вродѣ того. Онъ жандармомъ стать нарочно. Изъ хитрости. Вползъ безъ мыла въ дырку. Полиціи нужны были жестокіе. А онъ былъ жестокій? Людей насмерть засѣкалъ. Жандармъ, а развѣдчикъ. Двойной жизнью жилъ? И провокаторомъ не сталъ? Брось. А вдругъ онъ и сейчасъ провокаторъ. Намъ-то что съ того. Намъ же все равно.

Все равно.

Дѣвки собираются. Отъ ужаса разумъ теряютъ. Мальца тепло одѣваютъ. На улицѣ весна! А его въ шубку кутають, въ шапку. И плачуть надъ нимъ. Его, какъ сломанную игрушку, слезами заливаютъ. Родіоновъ входитъ. Царская, поди-жъ ты, тайная полиція! Латышскій оборотень! Врешъ, онъ сейчасъ нашъ. Входитъ и глядитъ на часы, и ореть: я жъ вамъ что сказалъ! А сестрички кругомъ вокругъ кресла съ мальцомъ встали, парнишку заслонили. Родіоновъ наганъ вынулъ и въ потолокъ какъ стрѣльнетъ! Дѣвки вздрогнули, а парень – ни черта. Смотритъ на командира, зрочки къ его лычкамъ примерзли. Къ его харѣ прилипли. Не отлипають. Почему не убилъ на мѣстѣ? А все то же: золото, золото. И еще своя шкура. Шкура дороже ненависти. Даже самой лютой.

А какъ Родіонова раньше звали? Ну, когда онъ латышомъ былъ? Не знаю. А я знаю. Ну, какъ? Еханъ Швикке – вотъ какъ. Еханъ, твою жъ мать. Еханъ! А когда же сталъ Родіоновымъ? Его въ Родіонова – время нарядило. Что теперь судить, гадать.

Стаканъ не урони. Вѣтеръ! Вѣтки гнетъ. Клонитъ колокольни. Бьетъ съ поклономъ до земли. А ты вдумайся, сколько матерей по всей Расеѣ – воютъ, стонуть! Сынки загнули. Кому война... а кому, ха, мать родна. Матери. Вотъ у тебя есть мать? Есть. И у меня есть. А у тебя? Молчитъ. Ну его. Сейчасъ зарыдаеть. Налей ему.

Ну, спаси Христось.

Богослуженія-то Родіоновъ разрѣшалъ дѣвкамъ? А то. Весь укладъ какъ при старикахъ. Онъ безъ Бога жить не могутъ. На столѣ у нихъ иконы разложены. На камчатной скатерти. Какъ золотыя карты. Батюшку ждуть. Является батюшка. Раскладываетъ Святые Дары. А Родіоновъ рукой машеть. Латышскому стрѣлку! Своего взялъ, изъ Риги нарочно выписалъ. Можетъ, съ нимъ по-латышски балакалъ? Стрѣлокъ возлѣ престола встанетъ съ ружьемъ и стоитъ, на Дары пялится. Батюшка подгребаетъ. Родіоновъ встаетъ обочь попа, стрѣлокъ – по другую руку. И давай его обыскивать! И монахинь, что съ нимъ прибредали, всѣхъ обшаривали. Рожа такая, когда ихъ за ребра, за груди шупаль, становилась котячья. Монашки морщатся. Одна упала въ обморокъ! Родіоновъ ее за шкуру поднялъ. Встряхнулъ. Изъ нея стекляшки не посыпались? А золотишко? Жаль, нѣтъ. А хорошо бы.

Не раздѣвалъ? Раздѣвалъ. Еще какъ. Заставлялъ сдирать съ самихъ себя черную шкуру. Онъ упирались. Онъ одной въ глазъ кулакомъ далъ. Она упала. Дѣвки ее ловили. Бѣлья съ лица стали! Думали, и имъ синяки наставятъ. Ихъ же никто не билъ никогда. А мы – побьемъ! Воспитаніе!

Находили при обыскѣ что? Ничего. Родіоновъ и стрѣлокъ радость свою маленькую находили. У нихъ въ паху портки воздымались. А батюшка голосить свое: тѣла Христова примите, источника безсмертнаго вкуси-и-и-ите...

Двери княжнамъ приказалъ ночью открытыми держать. Онъ скулили. Его просили. Онъ ни въ какую. Смѣется беззубо. Зубами взялъ да щелкнулъ, какъ волкъ. Княжонъ напугалъ.

Онъ ажъ отпрыгнули. Татьяна какъ шагнетъ къ нему. Кулачонки сжала. Я думалъ, ударить! Она кулакъ подняла. Родіоновъ смѣется: давай, ударь. И что-то непонятное добавляетъ. Полатышски? Да песъ его знаетъ.

Зачѣмъ онъ такъ? Онъ хотѣлъ въ любую минуту войти и глянуть, что тамъ у нихъ. А что ночью у дѣвокъ? Спать, разметавшись. Старикъ Волковъ тутъ командиру подь ноги подкатился. Тоже кулаками потрясаетъ. Это же дѣвушки, дѣвушки, кричить! Родіоновъ его за шею обнялъ. Голову къ его головѣ притиснулъ. Лобъ ко лбу. Дышитъ въ него. Старикъ зажмурился. Можетъ, и пожалѣлъ, что на власть напалъ. Онъ должны замужъ выйти! У нихъ уже есть мужья. Кто?! Мы, скалится. Мы-и-и-и! Солдаты. Красные командиры. Комиссары. Мы, Совѣты. Народъ имѣетъ полное моральное право взять въ жены царское отродье. Народъ! А не заморскіе корольки. Пусть спятъ и ждуть! Въ любой моментъ войдемъ! Не исполните приказа моего – пеняйте на себя!

Анастасія скакнула козой. Кричить, щеки пошли красными пятнами: ну что вы намъ за это сдѣлаете, что?! Ольга ей ротъ рукой зажимаетъ. Родіоновъ хохочетъ. На мѣстѣ разстрѣляю! И не охну!

Считаешь, онъ правъ? А кто сейчасъ правъ? Да никто. Или – всѣ. Ты правъ. Я правъ. Родіоновъ правъ. Онъ за революцію кровь свою проливалъ. Онъ видѣлъ звѣрства жандармовъ. И онъ вынужденъ былъ ихъ повторять, чтобы на мѣстѣ удержаться и революцію не предать. А можетъ, онъ царя предалъ? Такъ ему казнь тогда положена. Что казнь! Онъ самъ палачъ.

Кто, кто? Что слышалъ. Не повторю. А то ты на меня Родіонову донесешь. Не донесу. Я самъ себя еле до постели донесу. Иди къ царевнамъ! Онъ не спятъ. Тебя ждуть!

Вѣтеръ. Вѣтеръ. Вездѣ! Всюду. На всемъ свѣтѣ.

Надъ рѣками и садами, надъ оврагами. Надъ могилами. Все раздуетъ. Все смететъ.

А тебѣ кто больше всѣхъ приглянулся? Изъ дѣвокъ-то этихъ кисейныхъ? Да всѣ дѣвки хороши. Всѣ дѣвки хороши всегда! А тебѣ? Что молчишь? Говорить не хочешь?

...Вѣтеръ сѣрымъ рыбьимъ ножомъ взрѣзалъ льды на рѣкахъ. Льды пучились, трескались и высвобождали воду. Вода заливалась поверхъ льда и продавливала его. Вода и ледъ, свадебная пара. Молодожены. Ледъ трещить, льдины расходятся въ стороны, вскрывается жесткая, жестокая серебряная корка, и свободная вода идетъ мощно и круто, выгибомъ, выбрызгомъ, ледъ шуршитъ, шумитъ, небо жадно отражается въ ледяной веселой водѣ, очумѣло падая сверху внизъ, валясь въ воду, качаясь на ней ледяными парусами, становясь ею.

Это было тамъ. Это было такъ недавно. Выздоровливалъ этотъ странный молчаливый, слишкомъ вѣжливый мальчикъ съ твердымъ, какъ мраморъ, взглядомъ. Онъ уже свободно, плавно поворачивалъ голову въ подушкахъ. Смотрѣлъ осмысленно и строго. Сестры то-и-дѣло подходили къ кровати, поправляли одѣяло, изо всѣхъ силъ улыбались брату.

Онъ улыбался имъ въ отвѣтъ. Мнѣ уже лучше! Мнѣ видимъ. Мы счастливы. Утирали слезы, такъ, чтобы Алексѣй не видѣлъ: оборачиваясь къ высокому, какъ итальянское зеркало, окну. И то правда, въ стекло можно было смотрѣться: ночью. За окнами темная, вѣтреная ночь. На душѣ тяжесть. И сердце тяжелое, гиря пудовая, тяжело его душѣ поднять. Битье ему тяжело.

Лежить мальчикъ. Смотритъ глубокими колодцами спокойныхъ глазъ на дѣвушекъ. Что тебѣ почитать на ночь? Четы-Миней? Иртышъ тронулся. Ледъ вздымается торосами, дыбится. Ты совсѣмъ выздоровѣешь. Совсѣмъ, скоро. Совсѣмъ скоро. Ты лежи спокойно, а я буду тебѣ читать. Страницы толстой церковной книги пахнуть воскомъ и вѣтромъ, вѣтромъ. Указательный тонкій палецъ перелистываетъ ихъ воздушно, балетно. Голосъ летитъ надъ книгой, надъ міромъ. Надъ послѣднимъ снѣгомъ. Мальчикъ плачетъ. Ты еще, пожалуйста, почитай мнѣ, прошу тебя. Еще. Ну пожалуйста. Сохрани сіе, и Богъ да будетъ между мною и тобою, дондеже благодать Его въ насъ нѣчто новое устроить. Братецъ, какъ станеть тебѣ полегче, ты скажи, и отправимся въ путь. Къ нашимъ любимымъ. Наши любимые ждуть насъ. А ты ихъ такъ любишь? Почему ты плачешь? Люблю. Ты отъ этого плачешь?

Душа моя, тебѣ тяжело, но не оглядывайся назадъ. Небо свѣтится. День прибылъ, и свѣтъ прибылъ. Деревья голыя. Имъ холодно. Но соки въ нихъ уже текутъ. Соки идутъ отъ земли вверхъ. Это чудо. Соки преодолеваютъ земную тяжесть. Иртышъ, онъ такой безумный. А Тоболъ нѣжный. Я буду плакать по Тоболу. По полѣнницѣ восковыхъ желтыхъ дровъ. Ихъ нарубили папа и ты. Я написала мамѣ послѣднее письмо. А съ дороги нельзя будетъ послать еще одно? Нѣтъ. Дорога – это земля и рѣки, рѣки и земля. И больше ничего.

Лицо мальчика въ подушкахъ тонетъ, таетъ. Тусклая лампа качается и гаснетъ подь потолкомъ. Прошлогонья муха сидитъ на никелированной спинкѣ кровати. Серебряныя шишки торчатъ надъ желѣзной рѣшеткой. Наволочка, обшитая кружевами, вся пропотѣла. Надо смѣнить бѣлье. Надо приготовить горячее питье. Раньше, въ Зимнемъ дворцѣ, мы пили чай съ лимономъ. Или съ имбиремъ. Или съ пудингами. Или даже, помнишь, съ персиковымъ

вареньемъ. Анюточка Вырубова варила. Въ большомъ мѣдномъ тазу, а тазъ помнишь?

Тазъ помню. Я глядѣлся въ него, какъ въ зеркало. А потомъ пытался покатить по паркету. А у него же ручки. Мѣдныя ручки, какъ уши. И онъ не покатился. Упалъ. И я опять плакалъ. Я плачу какъ дѣвчонка.

Ты не дѣвчонка. Ты нашъ защитникъ. Ты насъ поведешь и защитишь.

А скоро почки лопнуть? Скоро, Стася. Можетъ-быть, завтра. Онѣ уже толстыя и зеленныя. Завтра Страстной четвергъ, надо все чистить и мыть. А я лежу. А ты лежи! Мы сами все вымоемъ. Почему господинъ Родіоновъ такъ громко кричить? Не господинъ, а товарищъ. Онъ мнѣ не товарищъ. И никогда имъ не будетъ.

Страстная недѣля. Нашъ Господь страдаетъ. Его бьютъ плетками, и у каждой свинцовый шарикъ въ кожаномъ хвостѣ. Онъ истекаетъ кровью. Его привязали къ большому камню, и вокругъ растекается кровь, море крови. Это море не перейти босыми ногами. Оно слишкомъ большое. А что оно такое? Оно – время.

И мы его не перейдемъ? Тата, ну что ты молчишь?

Иртышъ гонить ледъ. Тоболь торжествуетъ и улыбается. Весна, тепло, лѣтнія пухлыя облака въ легкой вышинѣ. Вѣтеръ. Его слишкомъ много. Онъ сдуетъ крышу съ дома. Онъ перевернетъ наши возки, когда мы поѣдемъ. Это ураганъ. Сестрички! Зачѣмъ я такъ боленъ! Я обуза для васъ всѣхъ.

Господь съ тобой, милый. Спи.

##

Мы встрѣтили Страстную недѣлю грудью. И Пасху – лицомъ къ лицу. Нельзя потакать себѣ! Нельзя думать о благостномъ Богѣ, когда вокругъ на-двое рубятъ людей, въ ухо тебѣ шепчутъ предатели, а на площадяхъ то мы разстрѣливаемъ ихъ, то они разстрѣливаютъ – насъ.

Мы? Они? Кто такіе мы и кто они? Мы все перепутали. Мы въ этой революціи запутались вконецъ. Порой кажется, что они и мы – это все равно мы. Все равно.

Ляминъ часто думалъ о томъ страшномъ и высокомъ, о чемъ не думалъ никогда. Онъ воображалъ, что люди, всѣ, вся огромная Россія, а можетъ, и все челоѣчество, сѣпившись въ одинъ огромный чудовищный комъ, падаетъ куда-то въ кромѣшной тѣмѣ; и падаетъ, и разбивается, а потомъ встаютъ разбитые, искалѣченные, кто выжилъ, и – начинаютъ опять взбираться, ползти вверхъ. Они идутъ. Къ нимъ еще подходятъ выжившіе люди. Вотъ живыхъ уже много. Вотъ они опять сильны. И идутъ, все вверхъ и вверхъ, по пути проходя сквозь ужасы смертнаго мора, чуму и холеру, черезъ тьму, выстрѣлы и дымы войны, черезъ безуміе суевѣрій и мракобѣсія, черезъ голодъ, – тьмы людей, тьма народовъ движется, перемѣщается по землѣ, переселяется, кормя дѣтей грудью въ пути, умирая и скребя ногтями чужую землю, забывая родину и строя новую обитель, – и, наконецъ, вотъ она, сіяющая вершина! Вотъ – счастье! Они опять дошли! Они – побѣдили!

А тутъ – она. Революція. Война. И въ небѣ красная Луна. И она льетъ кровь съ ночного неба на землю, и земля захлебывается въ крови. Люди валяются съ вершины, слипшись въ громадный комокъ, этотъ комъ опять захлебывается воемъ, дерется, истекаетъ кровью, – падаетъ, падаетъ. Падаетъ внизъ.

Ляминъ трясъ головой, отгоняя эти думы. Онѣ слишкомъ близко стояли къ безумію.

«Спячу, если такъ дальше пойдетъ. Надо выпить».

И шель къ Авдееву; и просилъ на коуху – въ счетъ жалованья.

...Ляминъ стоялъ во дворѣ, у высоченнаго забора, слюнилъ пальцы и оттиралъ выпачканную въ сметанѣ штанину. Къ столу монашки притаскивали свѣжее, еще теплое, жирное молоко и сметану въ крынкахъ. Сметана отсвѣчивала голубымъ, а молоко – золотымъ свѣтомъ. Все было святое, чистое. Красноармейцы и хотѣли бы перекреститься, да стыдъ бралъ. Кое-кто крестился украдкой. Но крестики на шеяхъ, на старыхъ вервяхъ, на черныхъ гайтанахъ висѣли подъ гимнастерками у всѣхъ.

Подбѣжалъ Люкинъ.

– Чо возисся? А, чистоту наводишь. А Пашкѣ-то дай, она простирнетъ! Ванну гдѣй-то дѣтскую нашли, на задворкахъ. Пашка – въ кладовой поставила. Тамъ стирать. На всѣхъ насъ, Авдеевъ приказалъ.

Ляминъ бросилъ скрести штанину.

– Авдеевъ? Что, право имѣетъ?

– Имѣтъ! Пашка-то его подначальная! Подчиняцца командиру, не смѣтъ ослушацца! Што въ царской арміи, што въ Красной – все одинъ хрѣнь... Надъ тобой начальникъ, а ты внизу...

Михайлъ смолчалъ. «Лучше не тревожитъ осиное гнѣздо. Я возмущусь, Авдееву передадутъ, Авдеевъ – Родіонову, явится Голощекинъ и хлопнетъ меня. Мы же всѣ вши.

Одной больше, одной меньше – все равно».

– Какъ Пасху-то въ Тобольскѣ справили?

– А я чо, не разказалъ?

– Да мнѣ твои разказы... Что, спросить нельзя...

– Отлично справили! Пашка на весь отрядъ куличей напекла. Рукава засучила – тѣсто замѣсила – и давай шуровать! Мы, какъ театру, глядѣли. Кругъ печки разсѣлся. Эхъ и пахло! Правда, куличи безъ изюму. Но тѣсто тяжеленькое, и сахару раздобыли, и яицъ. Сдобное. Ъли, пальцы облизывали. Впору стихиру запѣть! Да, братъ, на ту Пасху тамъ у насъ такая каша заварилася! Врагу не пожелаешь расхлебывать.

– Каша? Какая еще каша?

– Ну все такая. Хлебнули мы горячаго! Аккуратъ на Пасху. Служилъ архіепископъ Гермогенъ. Крестный ходъ, ну знаешь, все честь по чести, и тутъ вдругъ Гермогенъ останавливацца, руки взбрасывать надъ толпой – и провозглашать анаѣму революціонной власти! Гремить на весь Тобольскъ: помышляющимъ, яко православніи Государи возводяцца на престолы не по особливому о нихъ Божию благоволенію... и тако дерзающимъ противъ ихъ на бунтъ и измѣну: анаѣма-а-а-а!

– Вотъ какъ оно...

Ляминъ голову задралъ и смотрѣлъ на кучевыя, плотно и радостно громоздящіяся въ острой, блажной синевѣ облака. На заборѣ сидѣла бойкая сойка съ рыжей головой, съ яркосиними стрѣлами на перьяхъ крыльевъ.

– Да, братъ, никто не ожидалъ! А впрочемъ, Совѣтъ-то ожидалъ. Да дѣло не закончилося на этомъ. Владыка крикнулъ: всѣ за мной! Къ Губернаторскому дому! Освободимъ цесаревича! И, прикинь, пошелъ, крупными такими шагами, и всѣ – за имъ пошли... валомъ повалили... ну, думаю, церковная революція наступать!

– А ты, что ли, тамъ былъ?

– А какъ же не былъ. Княжны-то на службѣ стояли. Со свѣчками въ рукахъ. Ихъ попробуй только въ храмъ не пусти. Всѣ постромки порвутъ...

– Это вѣрно. Умоленные онѣ.

– Лобъ-то крестять, а народъ свой задавили!

– Какое задавили, онѣ же барышни.

– Барышни! Ъли-пили на золотѣ, на хрусталѣ! А кто то золото да тотъ хрусталь имъ добывалъ?!

– Ну и что, дошелъ Гермогенъ съ паствой до Дома?

– Дошелъ. Да только мы хитрѣй оказались. Жара вѣдь на Пасху стояла. Чистый июль. А мы натолкали среди прихожанъ, какъ изюмъ въ булку, нашихъ людей. Красныхъ солдатъ и чекистовъ. Просто для догляду. Штобы – безъ безобразій. Анъ вонъ какъ оно повернулося. Гермогенъ – вождь, смѣхъ да и только! Я вмѣстѣ со всѣми въ толпищѣ шелъ. Притекли къ Дому. Солнце головы старикамъ напекло, они всѣ и разсосались. А мы все ближе къ владыкѣ подступали. Взяли его въ кольцо. Какъ волка. А-а, думаю, волкъ ты въ рясѣ, ужъ мы тебя щасъ спымаемъ!

Ляминъ прислонился спиной къ забору.

– Нынче тоже печеть будь здоровъ. Ажъ фуражку пропекаетъ.

– Не бойсь, мозги твои не спекуцца.

– Не тяни kota за хвостъ. Дальше давай.

– Дальше? Длинные уши у зайки, да коротка объ емъ байка! Арестовали мы попа.

– Я такъ и понялъ. А куда дѣваться.

– Дѣвацца? – Люкинъ смѣрилъ Михаила короткимъ и подозрительнымъ, жаркимъ взглядомъ. – А ты бы дѣлся?

Заборъ грѣлъ Лямину спину сквозъ гимнастерку.

Михаилъ сначала улыбнулся, потомъ, для вѣрности, хохотнулъ.

– Куда бъ я дѣлся.

– Ты не финти.

– Я?

– Ну ладно, ладно, пошутить я. Пошутить нельзя. Ну и вотъ. Волокемъ владыку въ тюрьму.

– А я думалъ, въ Совѣтъ.

– А что зря время тратить. Сразу туды, куды надо.

Ляминъ прикрылъ вѣки, и передъ нимъ замелькала толпа, разметанные волосы владыки, въ уши ввинчивался набатъ – звонили съ храмовой колокольни. Онъ почти увидалъ, какъ стрѣлокъ поднялъ ружье. Колоколь замолкъ. Жизнь оборвалася.

– Все, Сашка, поболтали.

– А теперя куды?

– А никуда. Сторожить.
– Усталъ я энтимъ сторожемъ быть! – Люкинъ сложилъ губы подковой. – Мнѣ бы, братокъ, къ землѣ скорѣй!

– Не одинъ ты по землѣ тоскуешь. И безъ тебя тутъ такихъ – весь отрядъ.

Медленно ступая, пошли въ домъ.

Передъ лѣстницей Сашка остановился. Пошарилъ въ карманѣ.

– Эхъ, не хотѣлъ тебѣ давать, да вотъ помусоль на досугѣ. Письмишко одно. Я его у одной теткы въ тюрьмѣ забралъ. У бывшей, понятно. Ее обыскали передъ камерой, да плохо, видать. Она часы съ собой пронесла, бумагу и карандашъ. Били ее. Пытали, укрывала-ли у себя въ дому бѣляковъ. Молчала, какъ каменюка! А потомъ часы развинтила... чѣмъ тольки, ума не приложу?.. желѣзьякъ этихъ наглоталася... и сыграла въ ящикъ. Я вхожу въ камеру, а тама – трупъ. И лежитъ такъ смиренненько. Будто спить. Мишка, прикинь, энто жъ такъ больно – отъ желѣзьякъ въ желудкѣ умирать.

– Больно отъ всего.

– Я ее обшарилъ всю. Бумагу съ карандашомъ прятала въ лифѣ. Тамъ же, видать, и чашишки. Бумага исписана вдоль и поперекъ. Я взялъ! – прищурился. – Думаю, а вдругъ заговоръ тутъ! Такъ я жъ первый открою!

Рука Сашки вынырнула изъ кармана. Ляминъ смотрѣлъ на сложенные вчетверо грязные листки. Сашка протянулъ письмо мертвой женщины Михаилу.

– На-ка. Изучи. Я – изучилъ. Ночами при керосиновой лампѣ читалъ. Мнѣ керосинъ Пашка разрѣшала жечь.

– Пашка то, Пашка сѣ. Пирогы тебѣ пекла? Лампу жечь позволяла?

– А што, Пашка собственность твоя?

– Ты все знаешь. И берегись.

Криво, косо, мучительной улыбкой свело щеки Лямина.

– Да всѣ знаютъ. Опять же шучу! Што тянешь! Держи, коли даютъ.

Ляминъ взялъ исписанные листы и заправилъ въ карманъ гимнастерки. Плотно застегнулъ пуговицу.

«Здравствуй и прощай, милая моя Тася!

Я въ тюрьмѣ, и отсюда уже не выйду. Чтобы меня не разстрѣляли, я хочу сама покончить съ собой. Ты не переживай, я все уже придумала, что и какъ.

Я, какъ могла, всѣ эти полгода помогала Владыкѣ и его супругѣ. Они часто голодали. Онъ всю провизию, что у него вдругъ оказывалась, голоднымъ дѣтямъ раздавалъ. А я устроилась на работу въ Совѣты, машинисткой. Мнѣ платили жалованье. Я покупала себѣ на рынкѣ жмыхъ и прошлогоднюю картошку, хлѣба мнѣ хватало буханки на двѣ недѣли, я ее мелко рѣзала и сушила сухари. А Владыкѣ покупала все, что надо, – хлѣбъ, масло, яйца, молоко, рыбу. Только на мясо денегъ уже не хватало. Но вѣдь и посты тутъ; Владыка мясо не ѣлъ, а я уже давно забыла его вкусъ. Но душа моя радовалась, пѣла.

Я знала всю подноготную Совѣтговъ. Совѣты отдали негласный приказъ: при первомъ удобномъ случать арестовать Владыку. Владыка мнѣ сказалъ: „Зазочка, я знаю, скоро меня арестуютъ. Я не жду пощады отъ палачей. Они меня убьютъ. Они будутъ мучить меня передъ смертью. Будутъ, я знаю; и я готовъ къ мученьямъ. Готовъ каждую минуту, каждый мигъ. И съ радостью пойду на муки, за слово и торжество Господа нашего. Я давно ничего не боюсь. И не о себѣ печалюсь. Я боюсь за нашъ народъ. Что съ нимъ станеть? Что большевики сдѣлаютъ съ нимъ?“

Власть готовилась схватить Владыку. Я видѣла эти приготовления. Тасенька, я сама печатала всѣ приказы и постановленія! И мнѣ надо было такъ держать себя въ рукахъ, чтобы руки мои не дрожали. Мнѣ это удавалось, когда я сидѣла за „Ундервудомъ“ тамъ, въ кабинетъ предсѣдателя Совѣта. А когда я возвращалась домой – меня било и колотило отъ ужаса и боли, а однажды даже вырвало.

Владыка сказалъ мнѣ: Зазочка, на Пасху будетъ Крестный ходъ. Готовься. Онъ такъ это сказалъ, что я все поняла: онъ все знаетъ про себя. Зналъ день и часъ, и смѣло, радостно его встрѣчалъ. Передъ Свѣтлымъ Праздникомъ Совѣтъ послалъ сдѣлать обыскъ въ покояхъ Владыки. Все подгадали, когда его не было дома. Солдаты все разворошили въ домъ, разбили и обгадили и, что самое дикое, разрушили алтарь домовою церкви Владыки и гадко осквернили его. Владыка пришелъ домой со службы, увидѣлъ это все. Я понимаю его чувства. Но я не понимаю, какъ можно прощать врагамъ своимъ. Я пытаюсь, и у меня плохо получается. Видимо, это могутъ только святые.

Я стала готовиться къ Крестному ходу. Вынула изъ шкапа свое самое торжественное платье. Оно чудомъ сохранилось у меня еще съ Иркутска! Тасенька, а помнишь Иркутскъ? Балы у Яновскихъ, пляски чернаго медвѣдя на Покровской улицѣ? И какъ мы съ тобой ходили

на рынокъ и покупали тамъ сушеный чебакъ и застывшие на морозѣ круги молока и сливокъ? Какой же праздникъ былъ этотъ рынокъ! Я до смерти его не забуду. Вотъ умирать буду, здѣсь, въ этомъ гадкомъ застѣнкѣ, – вспомню. Помнишь Любу, она торговала мѣхами, собольими шкурками? Сотовый коричневый медъ у бурятки Даримы? Облѣпили и какъ она горками лежала на прилавкахъ, а мы съ тобой подходили и брали маленькую ягоду – попробовать? А она кисло-сладкая, скулы сводитъ. И ты морщишься и закрываешь муфтой румяное лицо. Тася, ты такая красивая была тогда! А я при тебѣ, рядомъ, какъ безобразная служанка. Но мнѣ тоже было весело.

И вотъ Крестный ходъ. Столько народу пришло, ты даже не представляешь! Весь Тобольскъ. Я даже не подозревала, что въ нашемъ городѣ осталось столько истинно вѣрующихъ. Мы шли за Владыкой, многіе зажгли свѣчи и несли ихъ въ рукахъ и пѣли стихиры и тропари. Дошли до Кремля. Съ кремлевской горы мы хорошо различали внизу, подъ горою, Губернаторскій домъ. Тамъ въ неволю страдаютъ Императорскіе дѣти. Владыка медленно подошелъ къ краю кремлевской стѣны. Поднял надъ толпой крестъ. Такъ высоко поднялъ, будто до неба хотѣлъ достать. И такъ, съ крестомъ, стоялъ на горѣ. И смотрѣлъ внизъ, и мы всѣ тоже смотрѣли.

Мы смотрѣли на этотъ Домъ. И у всѣхъ, клянусь тебѣ, было одно чувство. Мы были охвачены одной болью и однимъ упованіемъ. И это было такъ прекрасно. Я никогда въ жизни не переживала ничего подобнаго.

Владыка медленно осяннилъ крестомъ, крестнымъ знаменіемъ Домъ. Я увѣрена, Дѣти смотрѣли на насъ и видѣли Владыку, Кремль и крестъ. У меня было чувство, что я вижу ихъ всѣхъ въ окнѣ; и какъ они крестятся, и я тоже перекрестилась, и всѣ люди, и всѣ улыбаются и плакали.

Но, знаешь, Тасенька, у меня еще одно чувство было и очень сильное. Что мы всѣ, кто собрался здѣсь и шель Крестнымъ ходомъ, мы всѣ – мертвецы. И насъ завтра, сегодня уже не будетъ. И не будетъ никогда. Что вотъ такъ, вмѣстѣ съ нами, уходитъ и уйдетъ наша родина, та, которую мы знали и любили. А вмѣсто нея будетъ что-то иное. Что? Я этого не знаю. И всѣ, кто умираетъ сейчасъ, тоже этого не знаютъ.

Крестный нашъ ходъ стерегли военные отряды: конница и пѣшая милиція. Всадники тѣснили насъ боками лошадей. Оттѣсняли отъ Владыки. Владыка шель размѣренно и твердо, вѣтеръ развѣвалъ его бороду. Глаза его ясно свѣтились. Мнѣ показалось, надъ его непокрытой головой сияетъ слабое свѣченіе. Насъ было много, но стояла ужасная жара, и многіе старые люди жары не выдержали. Они отступали въ тѣнь, уходили домой, на прощанье перекрестивъ медленно идущаго Владыку.

Я старалась итти поближе къ Владыкѣ и Аннѣ Дмитріевнѣ. Но меня отталкивали. Владыка на меня оглянулся. Я открыла ротъ, чтобы ему сказать: „Я люблю васъ, Владыка!“ – а онъ приложилъ палецъ къ губамъ и улыбнулся мнѣ: молчи, все должно совершаться въ смиреніи и молчаніи.

Люди то ли сами уходили съ Крестнаго хода, то ли ихъ разгоняли, а можетъ, забирали; я не знаю, но толпа таяла прямо на глазахъ. Насъ немного оставалось, идущихъ за Владыкой. Конница гарцовала уже совсѣмъ рядомъ. Я нюхала конскій потъ. Жара усиливалась, съ меня тоже текъ потъ, какъ съ лошади. Солдаты подняли винтовки и стали бить оставшихся людей прикладами. Они съ криками стали убѣгать прочь. Тасенька, солдаты подошли къ Владыкѣ и окружили его, а онъ все еще держалъ въ рукахъ крестъ! Такъ они крестъ у него вырвали. Я такъ и ахнула и закрыла ротъ рукой, чтобы солдаты не услышали.

Я увидѣла: ведутъ его, и руки у него сложены за спиной. Все, арестовали. Я брела за солдатами, и ноги у меня были какъ ватныя. Я слышала, среди красноармейцевъ кто-то говорилъ: не троньте ее, это Заза Истомина, она у насъ въ Совѣтъ машинисткой служитъ, ну кто же виноватъ, что она вѣритъ въ Бога. И тутъ съ колокольни ударили въ колоколъ! Такъ били, сердце изъ груди выпрыгнуть хотѣло! Я впервые въ жизни услышала набатъ. Нѣтъ, вру, въ дѣтствѣ слышала; когда у насъ въ Иркутскѣ загорѣлись продуктовыя склады на Вознесенской улицѣ. Солдаты подбѣжали къ колокольнѣ, подняли винтовки и начали палить. Быстро попали въ звонаря. Набатъ захлебнулся. Я не вынесла всего этого, ноги у меня подогнулись, и я опустилась на колѣни, прямо посреди пыльной дороги. Мимо меня шли солдаты. Кто-то пнулъ меня, какъ собаку. Я закрыла глаза, а когда открыла ихъ – я стояла на колѣняхъ на мостовой одна. Люди исчезли.

Я видѣла, какъ уходили Владыка и солдаты. Они шли тѣсной кучкой, солдаты боялись, что Владыка убѣжитъ, вырвется – онъ вѣдь былъ очень сильный, крѣпкій. А что имъ бояться, у нихъ оружіе, а Владыка безоружный. Такъ вооружены, и такой позорный страхъ!

Тасенька, Владыка пребываетъ въ нашей тюрьмѣ, и мнѣ разрѣшено было передать ему продукты. Книги сначала передавать запретили и бумагу тоже. Но потомъ я попросила председателя Совѣта, и бумагу для писемъ передавать разрѣшили. Председатель Совѣта

Хохряковъ, правда, послѣ этого разрѣшенія противно подмигнулъ мнѣ и сказалъ: „Заза, вы теперь мнѣ должны! Вовгѣкъ не расплатитесь!“ Я поняла, о чемъ онъ говоритъ. И я подумала: если свяченномученики страдали, такъ и я тоже пострадаю, когда время мое придетъ. Но пока Хохряковъ на меня не посягалъ. Револьвера у меня нѣтъ, и отстрѣляться я не могу. А жаль.

Если бы у меня былъ револьверъ, Тасенька, я бы сначала убила всѣхъ, кто мучилъ Владыку, а потомъ бы себя, хоть это и смертный грѣхъ.

Хохряковъ всѣ письма, что передавалъ мнѣ Владыка, самолично просматривалъ. Прочитаетъ и мнѣ отдастъ, а на лицѣ такое отвращеніе, будто онъ лягушку съѣлъ. А я потомъ письмо принесу домой, свѣчку зажгу и весь вечеръ, всю ночь читаю и плачу. Передъ тѣмъ, какъ его замучили, онъ такъ написалъ: я много молюсь и вамъ всѣмъ советую не покидать укрѣпленія молитвеннаго. Не печальтесь обо мнѣ, что меня заточили. Въ темницѣ человекъ приходитъ смиреніе и просвѣтлѣніе. Онъ видитъ жизнь свою и изнутри, и сверху, и даже изъ другого времени; и даже можетъ увидѣть съ высотъ Страшнаго Суда, когда пространства не станетъ, а время совется въ свитокъ. Темница – намъ воспитаніе и обученіе. Духъ въ застѣнкѣ мужааетъ и торжествуетъ. Возношу ежедневныя и еженощныя хвалы Господу, что посылаетъ намъ страданія и радости. И въ страданіи есть радость. Ежели ты пребываешь между жизнью и смертью, ты сильнѣе понимаешь величіе Бога и чувствуешь малость и краткость человекъ.

Такъ онъ писалъ, а я читала, и къ утру вмѣсто лица у меня катилась на платьѣ одна огромная слеза. Я вся превращалась въ слезы. А утромъ надо было умываться, пить чай, надѣвать платье и идти на службу въ Совѣты.

Хохряковъ велѣлъ мнѣ напечатать новый приказъ: потребовать у Православной церкви города Тобольска выкупъ за Владыку. Выкупъ этотъ звучалъ какъ сто тысячъ рублей. Церковь богатая, смѣялся Хохряковъ, ничего, соберутъ! Тасенька, конечно, не собрали. Тогда я печатаю новую бумагу: собрать десять тысячъ. Коммерсантъ Дементій Полирушевъ принесъ въ Совнаркомъ эти деньги. Какъ у Хохрякова рука не отсохла ихъ взять! Но взялъ. Взялъ – и, самое ужасное, тутъ же велѣлъ арестовать тѣхъ іереевъ, кто деньги принесъ. Ихъ было трое: Минятовъ, Макаровъ и Долгановъ. Я запомнила ихъ фамиліи, я же сама печатала приказъ объ арестѣ. Я тутъ же поняла, что съ ними сдѣлаютъ. Печатаю и думаю: вамъ не жить, мученики. Пальцы у меня судорогой сводить.

Прихожу однажды на службу, а мнѣ говорятъ: все, не будешь больше записки отъ попа на волю передавать! Въ Тюмень его отправили! Во мнѣ все сжалось. Такъ вотъ гдѣ его задумали казнить. Хохряковъ мнѣ говоритъ: вы что это, Заза Витольдовна, лицомъ какъ простыня сдѣлались? Не накапать ли вамъ капелекъ сердешныхъ? Я постаралась не упасть на полъ. Выпрямилась и говорю: не извольте беспокоиться, со мною все въ порядкѣ.

Потекли дни. Воздухъ вокругъ меня все чернѣлъ и сгущался. Я чувствовала запахъ смерти, но отгоняла его отъ себя, какъ благу муху. Изъ Тюмени вскорости вернулся большой другъ Владыки, Кирилль Рукавишниковъ. У него братъ Никандръ служилъ лоцманомъ на пароходѣ на рѣкѣ Турѣ. Кирилль явился ко мнѣ за-полночь. Я сначала испугалась, что кто-то такъ поздно стучитъ, но потомъ узнала его голосъ и открыла ему. Онъ стоитъ на порогѣ грязный, дрожащій. И плачетъ, мужчина плачетъ. Меня обхватилъ крѣпко, прижалъ голову къ моей груди и рыдаетъ. Я его напоила горячимъ чаемъ, а онъ мнѣ рассказывалъ про послѣдніе дни и минуты Владыки.

Все такъ было, Тасенька. Владыку привезли въ Тюмень. Потомъ погрузили его, отца Петра Карелина и трехъ арестованныхъ, тѣхъ, кто деньги отъ Полирушева приносилъ, на пароходъ этотъ. Пароходъ подплылъ къ селу Покровское. Здѣсь на берегъ спустили трапъ и приказали выйти священникамъ. Построили ихъ на берегу, въ виду рѣки, вскинули ружья и всѣхъ разстрѣляли. Лоцманъ Никандръ на палубѣ стоялъ. Кирилль говоритъ: „Братъ хотѣлъ перекреститься, а голосъ ему былъ: зачѣмъ? Хочешь, чтобы тебя тоже убили вмѣстѣ съ ними? Не показывай Бога имъ, они этого не любятъ!“

И такъ мнѣ Кирилль говоритъ дальше: „Владыка и отецъ Петръ стоятъ рядомъ. Пароходъ качаетъ. Никандръ говоритъ мнѣ: Кирилль, ты не вообразишь, какое лицо было у Владыки! Будто онъ въ облакахъ Господа видѣлъ. Я говорю: Никандрушка, да такъ оно и есть, именно видѣлъ, въ тотъ самый мигъ“.

Тася, солнышко, Владыку и отца Петра эти люди спустили въ темный и грязный трюмъ. Безъ пды, безъ воды. Какъ человекъ можетъ такъ съ человекомъ! Со своимъ, русскимъ, роднымъ! Что за дѣволъ обрушился на Русь, что мы всѣ такъ люто стали ненавидѣть другъ друга! И убивать, убивать. Безъ молитвы и сожалѣнія.

Пароходъ поплылъ къ Тобольску. Причалили къ маленькой пристани, и тутъ Владыку и отца Петра пересадили съ одного парохода на другой, подъ названіемъ „Ока“. И Никандру тоже приказали перейти: у нихъ лоцмана не было, боялись съѣсть на мель. Кирилль

разсказываетъ дальше такъ: „Братъ мнѣ шепчетъ: у него уже щека щеку гѣсть, такъ отоцалъ, а глаза горять, горять! Онъ видитъ то, что еще не видимъ мы всѣ! Они перешили по трапу на новый пароходъ. Владыка вдругъ шагнулъ къ Никандру и тихо такъ ему сказалъ: передайте, рабъ крещеный, всему великому міру, чтобы обо мнѣ помолвились Богу“.

Вотъ ночь сошла. Свѣтлая, юньская...

Кирилль сидитъ передо мной и говорить не можетъ. И я не могу ничѣмъ утѣшить его.

А дальше вотъ что было. Солдаты вывели на палубу Владыку и отца Петра. Владыка и отецъ Петръ переглянулись. Владыка перекрестилъ отца Петра, отецъ Петръ – Владыку. Улыбнулись. Прошептали молитву. Отца Петра повалили на палубу. Притащили два огромныхъ гранитныхъ валуна. Крѣпко-на-крѣпко веревками, густо, въ сто обмотокъ, привязали камни къ ногамъ отца Петра. Подняли, подтащили къ борту и сбросили въ воды Туры. Владыка стоитъ и глядитъ. И улыбається. Большевики закричали ему: что скалишься, церковный песь?! Сейчасъ смерть твоя придетъ! Ну, помолись, помолись хорошенько! Кровь изъ народа пилъ – теперь рѣчной водички попей!

Кирилль вдругъ себя за плечи обнялъ и такъ сталъ дрожать, что я подумала – у него крупозное. Шепчу ему: можетъ, вамъ малины раздобыть, меда? Такъ я къ сосѣдямъ сбѣгаю, попрошу. Онъ машетъ рукой: „Зазочка! теперь самое страшное осталось. Но слушай! Ты должна это выслушать“.

Тасенька, а ты должна это прочитать. Читай.

Капитанъ приказалъ остановить машины въ трюмѣ. Пароходъ сталъ посреди Туры на якорь. Всѣ солдаты, толкая передъ собой Владыку, спустились на нижнюю палубу. Кирилль остался наверху. Онъ все видитъ сверху. Владыку привязали къ пароходному колесу. Когда его привязывали, онъ улыбался. А потомъ закричалъ: Господи, прости имъ всѣмъ, ибо не въдають, что творять! Господи, умираю во имя Твое! Капитанъ съ мостика махнулъ рукой и крикнулъ: лѣвая машина полный впередъ, правая полный впередъ! Колесо завертѣлось. Сначала медленно, потомъ все быстрее. Колесо разрѣзало живое тѣло нашего Владыки. Разрѣзало и кромсало его на кусочки, на кровавые живые куски.

Родная моя Тася, когда ты будешь читать это письмо, меня уже не будетъ въ живыхъ. А можетъ, ты никогда мое письмо не прочитаешь, потому что его найдутъ на мнѣ и, скорѣй всего, сожгутъ въ печкѣ. Знай, милая моя, любимая, что я передъ смертью молилась за тебя и за Гришеньку. Богъ сохранитъ тебя. Мы не знаемъ, какая будетъ у насъ въ Россіи жизнь. Можетъ-быть, никакой жизни вообще не будетъ, и все сгинетъ и травой порастетъ. А можетъ, будетъ еще жизнь; и, какъ знать, хорошая и свѣтлая, если мы побѣдимъ силы тьмы. Мы живемъ теперь посрединѣ тьмы и убійства, и многіе сами стали убійцами, чтобы спасти свою жизнь. У меня есть часы. Я пронесла ихъ сюда въ исподнемъ. Я ихъ развинчу ногтемъ на винтики и желѣзочки, все прогложу и умру. Такая смерть гораздо легче смерти Владыки. Если онъ вынесъ муку, то вынесу и я. Зато потомъ я окажусь на небѣ, вмѣстѣ съ нимъ. Я вѣрю въ это. Я такъ вѣрю въ это.

Обнимаю тебя, цѣлую и крещу, родная моя Тасенька. Христось съ тобой. И со всѣми нами. Аминь. Твоя Заза. Мы встрѣтимся ТАМЪ».

...Ляминъ тщательно изучилъ письмо. Не зашифровано ли что въ наивныхъ, горькихъ словахъ. Искалъ между строкъ тайное, преступное. «А что шарить-то, человекъ самъ себя убилъ, нѣту человека, нѣтъ и подозрѣній». Повертѣлъ растрепанные листы въ рукахъ. Видно было, что письмо много читали, лапали. Остался даже отпечатокъ жирнаго, въ салѣ или въ маслѣ, большого пальца.

Михаиль носкомъ сапога отворилъ печную дверцу и бросилъ письмо въ огонь. Счастливыя эти Заза и Тася. Глядишь, уже и встрѣтились.

##

ИНТЕРЛЮДИЯ

Какая музыка звучитъ! Какая музыка играетъ, когда здѣсь пулеметъ строчитъ, а здѣсь – съ молитвой – умирають!

Какая музыка... теперь... постой... минуты улетають... пока открыта въ небо дверь, пока за дверью смерть рыдаетъ.

Какая музыка... молчи... хрипятъ... кричатъ... стрѣляютъ, слышишь... Жгутъ у иконы двѣ свѣчи. И обнялись. И еле дышатъ.

Какая музыка...

...да развѣ жизнь – это музыка? Это все штучки благородныхъ салоновъ, рояли это все барскіе, старья, желтыя, источенныя жучкомъ, широко развернутыя на пюпитрѣ

ноты. А жизнь – вонъ она, за блестящими чистыми стеклами окна, за кружевными занавѣсками: бабы идутъ въ лаптяхъ, мужики – въ грязныхъ сапогахъ, и тащется тощая лошададка, впряжена въ старую телѣгу, въ телѣгу свалены мѣшки, непонятно, съ чѣмъ: съ картошкой, а можетъ, съ подмерзлой свеклой, а можетъ, съ овсяными отрубями; на мѣшкахъ – дѣтишки: глаза голодные, ручки тонюсенькія, какъ плеточки. Плачутъ – какъ щенки скулятъ. И что? А то! Мы въ революцію пошли, чтобы вотъ этотъ, этотъ народъ – одѣть, обуь, накормить! Выучить грамотъ!

...о если бы такъ. Если бы такъ и было.

Но вѣдь все это было и не совсѣмъ такъ.

Революціонеры готовили революцію ради смуты. Не всѣ, но многіе. Народомъ, его именовъ лишь прикрывались. Имъ важно было ввести народъ въ смуту – растеряннымъ народомъ легче управлять, легче гнать его туда, куда задумано властителями. Самъ Ленинъ удивлялся и восхищался: «Какъ это намъ удалось почти безъ кьови взять Зимній дворець! Вѣдь это же просто чудо, батенька! Фойменное чудо! Я самъ до сихъ пой не могу опомниться! Ну, у насъ тепей вейховная власть! И ужъ мы ее, будьте добреньки, не отдадимъ! Ни за какія ковыжки не отдадимъ! Никому!»

Революціонеры готовили революцію ради коммунизма. А что же это такое, коммунизмъ? Утопія? Трагедія? Вампука? Райскій садъ на земль? Почему люди за коммунизмъ отдавали жизни? Зачѣмъ клали себя, свои сердца, мясо, кости и души въ фундаментъ новаго міра, что никогда не былъ построенъ? И не будетъ.

Не будетъ?

Для этого надо понять, что такое коммунизмъ.

Коммунизмъ – это когда всѣ равны, всѣ довольны, всѣ счастливы, всѣ грамотны, всѣ работаютъ, всѣ всѣмъ обезпечены, всѣ рождаются, вырастаютъ, живутъ. А потомъ умираютъ.

Нѣтъ преступниковъ. Нѣтъ опасныхъ и гадкихъ болѣзней. Нѣтъ войнъ. Нѣтъ революцій. Нѣтъ тайнъ за душой. Нѣтъ голода. Нѣтъ страданій. Ничего нѣтъ.

А умереть можно и безболѣзненно: кто пожелаетъ, тому дѣлаютъ сонный уколъ.

Но это только въ видѣ исключенія. А такъ всѣ умираютъ сами собой, тоже радостно и счастливо, съ сознаниемъ хорошо выполненнаго на земль долга.

Люди всегда идутъ за несбыточной мечтой. Такъ одержимый любовью парень идетъ за дѣвушкой, даже если ее увозятъ за тридевять земель; идетъ, сбивая въ кровь ноги, по дорогамъ своего добровольнаго страданья. Мечта тянетъ крѣпче любого магнита. Мечта выворачиваетъ тебя наизнанку, перелицовываетъ, перекраиваетъ. Изъ вѣрующаго въ Бога ты становишься тѣмъ, кто разбиваетъ молоткомъ иконы и взрываетъ церкви.

Во что же ты вѣруешь? А, въ коммунизмъ. Понятно.

Гдѣ же Богъ въ тебѣ? Неужели Онъ тебя оставилъ?

Ты шепчешь тихо: коммунизмъ, это будущее земли. И никуда вы всѣ отъ него не уйдете. Никуда.

...мы забываемъ о томъ, что всѣ они – и Ленинъ, и Троцкій, и Свердловъ, и Дзержинскій, и уже съ ними, цѣдили сквозь зубы, когда бѣлые наступали на фронтахъ и громили красныхъ: если насъ разобьютъ въ пухъ и прахъ, – мы уйдемъ, да, уйдемъ, но мы уйдемъ такъ, что міръ содрогнется; вмѣсто этой страны оставимъ гнусное, чортово пепелище. Пустыню. Мертвое поле. И ничѣмъ его не засѣешь долгіе годы. Вѣка. Нашъ ужасъ запомнятъ навѣки. Мы убьемъ эту страну. Мы выкосимъ ея людей.

Мы будемъ уходить по колено въ крови, уплывать отсюда – по морямъ крови.

Смерть. Смерть. Вотъ она, встаетъ въ полный ростъ.

Откуда? Изъ могилъ вождей?

Памятники имъ презрительно снесли, сдернули съ помпезныхъ пьедесталовъ. Отдали въ переплавку. Изъ безсмертной бронзы отлили иные монументы.

А могилы ихъ живы. Онѣ шевелятся. Шевелится надъ ними земля.

...и надъ гробницами царей кровавымъ потомъ покрывается мраморъ, и течетъ горячими слезами, какъ церковный воскъ, позолота, и жестокие, сумасшедшіе ученые нагло вскрываютъ склепы, и вертятъ въ рукахъ черепа, и измѣряютъ линейкой кости, и сомнѣваются, и вѣрятъ. Я все думаю: въ чемъ они сомнѣваются и чему вѣрятъ?

Погибли цари; но вѣдь погибъ, смертью храбрыхъ polegъ и народъ.

Царей и народъ смерть сравняла. Уравняла.

Тамъ, за могилой, они насъ видятъ, нынѣшнихъ, а мы, нынѣшніе, о нихъ молимся одинаково: что о разстрѣлянныхъ мужикахъ, что о царскихъ дочеряхъ. Я вотъ молюсь за прагъда моего Павла, убитаго въ лагерь при попыткѣ къ бѣгству; и я молюсь за цесаревича Алекся, застрѣленнаго съ отцомъ, матерью, сестрами и слугами тамъ, въ затхлоь подвалъ, обклеенномъ полосатыми обоями; и они оба, мужикъ Павелъ и цесаревичъ

Алексъй, вѣрю, слышатъ меня, и ихъ утѣшаетъ жалкая, тихая молитва моя. Они родня моя, и я родня имъ. Мы вмѣстѣ, и мы едины.

Это чувство трудно понять тому, въ комъ течетъ иная кровь и дышитъ иная душа.

...Смерть не щадить никого, и безтолковое дѣло – просить ее обождать за дверью. Есть такая старинная шотландская пѣсенка, ее очень любилъ Бетховенъ: миледи Смерть, мы просимъ васъ за дверью подождать! Намъ Дженни будетъ пѣть сейчасъ, и Бетси – танцевать!

Мы всѣ споримъ, ссоримся, суетимся, – и мысль о смерти отталкиваемъ отъ себя, она намъ не нужна, она совершенно лишняя въ нашихъ веселыхъ и горячихъ рабочихъ будняхъ; она произойдетъ съ кѣмъ-то другимъ, но только не со мной! Не со мной!

...другіе революціонеры, нынѣшніе, готовятъ другую смуту. Власть никогда не радуется подданныхъ. Власть всегда надо порушить, свергнуть, уничтожить – затѣмъ, чтобы на ея мѣсть водрузить другую власть и торжественно объявить: вотъ, теперь это будетъ самая лучшая власть въ мірѣ!

А люди-то – одни и тѣ же. Люди-то не мѣняются.

Человѣкъ слабъ, и человѣкъ грѣшенъ, и человѣкъ любитъ сладкое, и человѣкъ любитъ причинять боль и наблюдать смерть. Эта болѣзнь течетъ въ крови человѣка.

И проходитъ совсѣмъ немного времени, и люди убѣждаются, что новая власть нисколько не лучше, а можетъ, во много разъ хуже прежней; что народъ страдаетъ не меньше, а еще больше; что обманъ, подлогъ, жестокость, издѣвательство, насмѣшка и стязаніе, гибель никуда не исчезаютъ, а все такіе же остаются; и люди ропщутъ, люди копятъ огненный гнѣвъ, и опять изливаютъ его на власть – вѣдь это только она, власть, во всемъ виновата!

А не вы ли, родные, за нее, за власть эту, сражались?

Не вы ли жизни свои клали, чтобы – эта власть воцарилась?

Красная власть! Равенство и братство!

...то, что всѣ неравны и никогда равны не будутъ, поняли уже давно. Но соблазнъ вновь и вновь таится въ этомъ красномъ лозунгѣ: свобода, равенство, братство. Гдѣ свобода, покажите!

Гдѣ она! И – какая она!

Какого цвѣта; какого ранга; какого закона!

Революція – не свобода. И любое государство – не свобода. И нѣтъ свободы и быть не можетъ; какъ не можетъ быть вѣчной жизни, земного безсмертія.

Это не значитъ, что несвободна душа.

И это не значитъ, что нѣтъ безсмертія небснаго.

Сыграй мнѣ это все по барскимъ, усадебнымъ нотамъ! Простучи по клавишамъ этотъ нѣжный, душистый мотивъ! Пусть за душу беретъ. Зажги свѣчи въ мѣдныхъ шандалахъ! Зима за окномъ. Волчій морозъ. Крупныя, цвѣтныя, колючія звѣзды. Хочешь поплакать надъ старой, надъ мертвой Россіей?! Плачь, пожалуй! Какая музыка поетъ! Какая музыка... пылаетъ... когда подъ знаменемъ народъ... идетъ въ атаку... умираетъ...

##

Мебель стояла твердо на своихъ дубовыхъ ногахъ: прочная, на вѣка. Все было вродѣ бы на вѣка; и вдругъ шкапы снялись съ мѣсть и поплыли вдоль стѣнъ, рояли накренились, какъ черныя лодки, столы скакали чудовищными деревянными конями. И птицами съ хрустальными хвостами летѣли люстры, опалая голая головы.

Все стало зыбко, ненадежно. Полетно, призрачно, сонно. Никто не могъ бы достоверно сказать: сонъ нынче или явь.

– Во снѣ такое не приснится, что творится съ Россіей.

– А можетъ, сейчасъ проснемся?

Татьяна часто сидѣла на ширококомъ подоконникѣ. Смотрѣла на улицу. Въ окно виденъ страшный островерхій заборъ, зубья досокъ вгрызаются въ вѣтеръ и облака. За заборомъ – дымы. Трубы, дымы, гарь, голоса. Люди спѣшать: съ работы, на работу. А вотъ они никуда не спѣшать. Имъ некуда спѣшить.

– Ямщикъ, не гони лошадей! Мнѣ некуда больше спѣши-и-и-ить!

– Тата, слѣзь съ окна! Тебя – подстрѣлять! Какъ воробья!

– Какъ утку, ты хочешь сказать.

Подмигивала младшенькой, но съ подоконника слѣзала и подходила къ шкапу. Коричневымъ рядомъ, какъ соты въ ульѣ, стояли книги. Татьяна открывала створку и нѣжно, чуть прикасаясь, гладила корешки.

– Читай, любопытствуй!

– Это чужое.

Всѣ вещи слуги инженера Ипатьева, когда тотъ отъѣзжалъ, снесли въ кладовую; кладовая размѣшалась въ полуподвалѣ, и ключъ отъ нея носилъ съ собой комендантъ Юровскій.

– Мама, а грустно, навѣрное, инженеру было отсюда уѣзжать. Изъ родного дома.

– А онъ развѣ тутъ родился?

– Господи, Стася, всегда прощаться грустно. Что ты плачешь?

– Какъ изъ Царскаго Села уѣзжали, вспомнила.

Мать подходила къ дочери и притискивала ей голову къ своей груди: вмѣсто носового платка – материнскій кружевной воротникъ, сырое теплое тѣсто родной плоти.

– А когда мы отсюда уѣдемъ?

Старуха больно сжимала клещами крѣпкихъ пальцевъ дочкино плечо. Молчала.

– Значить, не уѣдемъ.

Морщины текли, какъ слезы.

– Нѣтъ, уѣдемъ, уѣдемъ! Мама, не надо!

Царь уже бѣжалъ съ мензуркой, и капли пустырника въ ней.

... – Леличка, а ты знаешь, въ кладовой стопкой лежатъ иконы?

Ольга медленно оборачивалась къ Анастаси.

– Анастаси, ну и что изъ этого? Это чужія иконы.

– Но почему ихъ сняли? Ихъ надо повѣсить. Вернуть на мѣста. Онѣ же святыя!

Ольга обхватывала себя за плечи, будто мерзла. Въ жару – обматывалась черной ажурной шалью. Подъ тощій задъ, когда играла на роялѣ, подкладывала подушечку. На подушкѣ вышить вензель: «ОР».

– Это не нашего ума дѣло.

– Ой, ну можно я хоть одну повѣшу?

– Когда ты успѣла ихъ разглядѣть?

– Я вмѣстѣ... съ Прасковьей...

– А, у нея ключъ?

– Комендантъ ей далъ. Чтобы Прасковья оттуда – еще одинъ самоваръ взяла.

– Она брала самоваръ, а ты копалась въ иконахъ?

– Я не копалась. Я – сверху увидала! Одну. Божію Матерь Утоли моя печали!

Вещи, вещи. Онѣ мотались и качались маятниками. Онѣ мерцали и гасли. Уходили въ туманъ. Всѣ вещи убьютъ и сожгутъ. Домъ разломаютъ и на кирпичи растащатъ. И потомъ изъ этихъ битыхъ кирпичей гдѣ-нибудь, кому-нибудь сложатъ печь въ банѣ.

Вещи человѣчскія, такія привычныя. Стулья, подушки, кастрюли. Бумаги и книги. Подумай, Марія, этого всего черезъ какихъ-то пятьдесятъ лѣтъ не будетъ. Залѣзь въ будущее и погляди: что увидишь? Ничего. Ни печныхъ этихъ изразцовъ, ни полосатыхъ обоевъ, ни стула съ обивкой въ мелкій цвѣточекъ. Ни чернильницы на столѣ, ни ручки съ вѣчнымъ перомъ. Вѣчное? Какое вѣчное? Гдѣ здѣсь вѣчность?

– Машка, насъ охраняютъ, будто мы вещи.

– Брось. Перекрестись и помолись. Это наважденіе. Бѣсы.

– Мы вещи! Вещи!

– Настя, ну я тебя прошу.

– Проси не проси! Все равно вещи!

«Вещи, все равно», – Маріины губы безъ мысли, безъ чувства повторяли слова сестры. Повторь, музыкальная реприза. Еще разъ. Какъ говорить мама по-нѣмецки: noch einmal.

– Нохъ айнамаль!

– Машка, ты что?!

– Форвэртсъ!

– Ты что, на плацу въ Гатчинѣ?!

Марія по-военному повернулась, подняла ногу, не сгибая ее въ колѣнѣ, и стала маршировать по гостиной. На столѣ звякнула чернильница: Марія тяжело наступила на скошенную половицу.

– Машка! А когда мы уѣдемъ отсюда – инженеру вернуть особнякъ?

Марія встала: ать, два.

– Нѣтъ. Народъ тутъ самъ поселится.

– Народъ? Какой народъ?

Волосы текли съ затылка на плечи Маріи густымъ тяжелымъ медомъ.

– Разный. Солдаты, торговки съ рынка... можетъ, рабочіе. Здѣсь же много заводовъ и фабрикъ.

– Рабочіе, – Анастасія накручивала прядь на палецъ. – Но вѣдь рабочіе живутъ въ своихъ домахъ! Имъ есть гдѣ жить!

– Они живутъ въ баракахъ.

– Что такое баракъ?

– Это такой... большой сарай. Грязный. Тамъ клопы и вши.

Анастасія сдѣлала видъ, что ее рветъ.

– Фу. Откуда ты все это знаешь? Ты тамъ была? Въ баракахъ?

– Да.

– Не ври!

– Я ѣздила съ подарками въ рабочіе бараки, когда мы были въ Костромѣ. Вмѣстѣ съ тетей Эллой.

– Это когда мы были въ Костромѣ?

– Въ тринадцатомъ году. На празднество юбилея династии.

Анастасія смотрѣла прямо, жестко и тяжело дышала, будто бѣжала. Приоткрыла ротъ.

– И какъ тамъ? Въ этихъ баракахъ? Страшно?

– Страшно. Какъ тамъ люди живутъ? Я не понимаю. Тамъ такія большія комнаты, и въ каждой комнатѣ по многу человекъ. Иные спятъ на полу, и даже безъ матрацевъ, на тряпкахъ. На своей одеждѣ. Есть комнаты получше. Тамъ женщины съ дѣтьми. Дѣти орутъ, запахи... – Марія повела плечомъ, склонила голову къ плечу, смотрѣла косо и снизу, какъ птица. – Дѣти тощіе. Страшно худые. Намъ одного развернули, вынули изъ пеленокъ. Пеленки – ветошь. У насъ такими тряпками на кухнѣ столы вытирають. Матери плачутъ: намъ дѣтей нечѣмъ кормить, у насъ молока нѣтъ, пришлите хоть молока, каши! Хлѣба пришлите! Стася, я стояла и смотрѣла, и мнѣ стало плохо. Просто плохо. Но я крѣпилась.

Сестра опустила глаза. Мяла въ пальцахъ край фартука.

– Зачѣмъ тогда... поѣхала?

– Тетя Элла сказала: повеземъ подарки...

– А какіе... подарки? Бусы? Игрушки?

Ротъ Маріи дрогнулъ и сжался. Такъ сжимаются створки перловицы, когда ее изловятъ въ рѣкѣ.

– Что ты. Какія бусы. Хлѣбъ... буханки... Крупа, пакеты, коробки... Рись... гречка... горохъ... Мясо, консервы... Лѣкарства, мѣшки съ лѣкарствами... и надписи, гдѣ какое... Дѣтскія одѣяльца... одежды ворохъ...

«Гороховыя бусы», – неслышно прошептали, сами, ея губы.

Марія покосилась на спину Лямина. Онъ сидѣлъ спиной къ дѣвочкамъ, около изразцовой печи, близъ рояля. За поднятымъ чернымъ Люциферовымъ крыломъ рояльной крышки его почти не было видно.

– А иконы? Вы имъ привезли иконы?

– Нѣтъ, – съ трудомъ сказала Марія.

Она смотрѣла на Лямина, видѣла изъ-за рояля его голову, и ей казалось – его уши шевелятся.

– А почему нѣтъ?

Марія вытянулась и поднялась на цыпочки. Глядѣлась въ рояльную крышку, въ черное деревянное зеркало. На самомъ дѣлѣ она пыталась рассмотреть лицо Михаила. Онъ не поворачивалъ головы. Такъ тупо и глядѣлъ въ стѣну, на печь, на павлинью радугу изразцовъ.

– Не знаю.

#

...Кладовая была вся обложена цементомъ. Тамъ всегда стоялъ холодъ, покрѣпче, чѣмъ въ погребѣ. Пашка иной разъ ставила тамъ корзину съ яйцами и крынки съ молокомъ. А однажды подвѣсила къ крюку тушку копченаго поросенка. Поросенка закупили не на деньги, выдаваемыя царямъ: у кровопійць свое довольствіе, у солдатъ – свое. Деньги на поросятину выдалъ Голощекинъ изъ своего кармана. Погрозилъ Пашкѣ: выбери самага крупненькаго, да если отрѣжешь кусокъ себѣ и заховаешь – я тебя самъ закопчу!

Когда спрятавшійся на чердакѣ дома у Исети бѣлогвардейскій прапорщикъ подранилъ Жорку Исупова и Жорка добрыхъ десять дней метался въ жару, качаль на подушкѣ красную, какъ спѣлая морковь, пылающую голову, Ваня Логиновъ догадался на время положить Жорку въ кладовую, въ прохладу. Жорка дышалъ тяжело и глубоко. Пахло блаженной сыростью и копченой поросятиной. Наутро Жоркѣ полегчало. Его отнесли въ столовую и положили на диванъ, гдѣ спала дѣвица Демидова, а дѣвицъ составили вмѣстѣ четыре жесткихъ стула: здѣсь спи! Демидова, со скорбнымъ личикомъ, присѣдала. Книксены ее дѣлать научила Анета Вырубова.

А теперъ Ляминъ, войдя въ кладовую, стоялъ одинъ посреди этого, пыльнаго и кѣмъ-то любимаго, то сложеннаго въ аккуратныя пирамиды, то сваленнаго въ кучи, уже переворошеннаго чужими руками чужого добра. Онъ, любопытствуя, смотрѣлъ, какъ

человѣческая жизнь неуклонно обращается въ хламь.

«Какимъ-то вещамъ повезеть, онѣ останутся среди людей надолго. Какія-то – сожгутъ къ едренѣ матери. Что такое вещь? Ее сработалъ человѣкъ. А человѣка – кто сработалъ? Богъ? Не вѣрю я уже въ эти сказки. Откажутся люди отъ Бога. Не нуженъ Онъ будетъ имъ. И теперь уже – не нуженъ».

Морозъ подралъ по спинѣ, будто вмѣсто кожи на хребтѣ и лопаткахъ у него была натянута диванная обивка и ее царапали кошки.

«Что я болтаю! Боже, прости!»

«Что ты дрейфишь. Тебя никто не слышитъ. Здѣсь, въ этой кладовой. Какъ подъ крышкой гроба».

И дома вдругъ представились ему гробами; они медленно возставали изъ земли, раздвигали деревянными квадратными головами влажную землю, слезалое пшено песка, и вставали вертикально, и шли, безного, безруко, по улицамъ, и короткимъ и длиннымъ. Короткая или длинная жизнь, и человѣкъ погребаетъ себя при жизни въ домахъ.

«А раньше что, жиль на волѣ, какъ волкъ? Да, и волень былъ, и дикъ, и счастливъ».

«Какое счастливъ. Мерзъ, въ холодѣ, въ голодѣ, брюхо подведетъ, выль на луну. Убивалъ сородичей и ѣлъ, чтобы выжить».

«Сородичей. А сейчасъ мы кого убиваемъ? Развѣ не сородичей? Такъ гдѣ же этотъ чортовъ Богъ? Въ какой норѣ прячется? Всѣ орутъ въ уши: будешь, будешь держать отвѣтъ за то, что содѣлалъ! и Богъ – накажетъ! Насъ-то Онъ сто разъ уже наказалъ. Тыщу. А вотъ Онъ – если есть! – передъ кѣмъ отвѣтъ держать? Передъ Самимъ Собой?»

Взялъ икону, лежащую на самомъ верху начинающейся у половиць горки изъ иконъ и старинныхъ церковныхъ книгъ. Всмотрѣлся. Ну и дѣла! Божья Матерь, и опять безъ Младенца. Охъ, чортъ. Ребенка-то онъ и не примѣтилъ. Женщина подняла руки, а Ребенокъ нарисованъ у Нея на животѣ. Въ странномъ кругѣ. Ляминъ обвелъ кругъ пальцемъ. Ребенокъ глядѣлъ ему прямо въ глаза.

«Чортъ, у этого Бога всегда такой взглядъ, душу вынимаетъ. Да нѣтъ, просто богомазь искусный! Умѣетъ нарисовать печаль».

Палець обвелъ и глаза, и брови скорбнаго Мальчика.

Лямину почудилось: Онъ похожъ на больного царенка.

Онъ хотѣлъ осторожно и беззвучно положить икону Божіей Матери Знаменіе поверхъ стопки, но за его спиной комарино пискнула дверь, и онъ безсознательно швырнулъ икону прочь отъ себя, даже брезгливо.

За нимъ молчали, но онъ уже прекрасно зналъ, кто это. Все въ немъ захолонуло.

– Зачѣмъ ты тутъ?

Пашка сдѣлала шуршащій шагъ. Будто что-то секретное прошептала сминаемая бумага.

– А тебѣ-то что?

– Мнѣ? Мнѣ всегда до тебя... что.

Говорилъ, но не оборачивался. «Ну, подвали поближе. Ну, еще ближе. Ну».

Но шаги больше не шуршали. Оборвались.

Ляминъ погладилъ книжку, какъ кошку. Отъ корешковъ книгъ пахло мышами и ладаномъ. Онъ выпросталъ книгу изъ развала, какъ березовое полѣшко изъ кривой-косой полѣнницы, книги посыпались ну точно какъ дрова. Онъ сердито размѣялся надъ самимъ собой. Книгу развернулъ. Страницы пахли сладкимъ воскомъ и отчего-то мыломъ. «Книги можно нюхать, а не читать. И все черезъ запахи узнаешь. И читать не надо».

Вслухъ, съ трудомъ, останавливаясь послѣ каждого слова, онъ не прочиталъ – проковылялъ по буквамъ, какъ охотникъ за звѣремъ – по наметеннымъ сугробамъ:

– Не прійдетъ... къ тебѣ... зло... и рана... не... прибли-жи-цца тѣлеси... твоему. Яко Ан-геломъ... Своимъ... за-по-вѣсть... о тебѣ... сохранить тя... во всѣхъ... путѣхъ твоихъ.

– Путѣхъ твоихъ, – эхомъ, жестко, отозвалось отъ двери.

– Пашка. Ну что ты какая?

Не поворачивался. Терпѣлъ.

Что-то плохое чувствовалъ: отъ Пашки, стоявшей за его спиной, исходило непонятное, тихо страшщее его излучение печали и злобы.

«Довлѣтъ днени злоба его...» – вспомнилось ему невпопадъ, ни къ чему. Пашка дышала, и онъ слышалъ этотъ хрипящій легочный ритмъ, и подлаживался къ нему, и дышалъ уже въ этомъ ритмѣ. Будто они на лыжахъ шли въ тайгѣ, съ ружьями за спиной, охотиться на росомаху. Или на рысь.

И за ними бѣжалъ широкой темносиній лыжный слѣдъ, вдавленный въ солнечный, ярко-голубой снѣгъ. Гдѣ и когда это было? Во снѣ или по правдѣ?

– Пашка, а мы съ тобой...

Онъ хотѣлъ спросить: «хотелись когда-нибудь», – но она быстро и жестоко перебила

его. Какъ торговка въ бакалеѣ, за прилавкомъ, среди чаевъ и кофеевъ.

– Прячешься.

Она сказала это слишкомъ властно. Онъ этого не смогъ уже вынести.

Развернулся, какъ моторъ, и чуть не загудѣлъ – руганью, выдохомъ, воемъ. Шагнулъ къ ней черезъ навалы книгъ, старыхъ багетовъ, дырявыхъ самоваровъ, ушастыхъ кастрюль, мѣдныхъ тазовъ и чайниковъ. Все это стало рушиться, падать со звономъ, почти церковнымъ, съ заводскимъ, будто въ горячемъ цѣхѣ, грохотомъ и стрекотомъ. Ляминъ старался схватить ее и заткнуть ей ротъ своими губами – а можетъ, что другое съ ней сдѣлать, еще не зналъ, – но наткнулся грудью, ребрами на эти пугающіе твердые лучи, истекающіе изъ Пашкиной, застегнутой на всѣ мѣдныя пуговицы аккуратной гимнастерки, высокой и крѣпкой груди. И застылъ. Глупо, унизительно.

Оба молчали. Въ тишинѣ сверху кучи-малы свалилась послѣдняя кастрюля: маленькая, съ очень длинной ручкой. Что въ ней варили? Яйца?

– Сука. Что ты дѣлаешь!

Онъ не понималъ, почему все такъ.

Пашка еще немного постояла такой – жесткой, слишкомъ горячей даже на разстояніи. Этотъ ея жаръ жегъ его изнутри. Онъ самъ себѣ показался червемъ, изъ котораго хохочущіе дѣти вынимаютъ кишки.

Онъ протянулъ руку, и сквозь плотный воздухъ боли и ненависти, ревности, ужаса, прожитыхъ убійствъ, порохового дыма, Богъ знаетъ чего ему удалось все-таки вцѣпиться въ ея руку, висящую вдоль ея потѣшныхъ галифѣ.

– Пашка! – крикнулъ онъ живымъ, но уже насмерть раненымъ шопотомъ. – Пашка, да ты что?! Какая муха тебя...?! Ты чо, умирать собралась?! Или... меня убить?!

И тогда она разинула ротъ.

У нея во рту блестяли ея ровные, ненаглядные зубы. Она подстриглась, и волосы опять непослушно вились и клали новыя кольца на высокую, обвѣтренную и сильно загорѣлую шею. «Она похожа на рысь! Скулы, уши...»

– Зачѣмъ мнѣ тебя убивать, Миша, – она не вырывала руку изъ его потнаго сумасшедшаго кулака. – Мы тутъ одни.

– Наединѣ и убиваютъ, – плохо пошутилъ онъ. Голосъ самъ куда-то уходилъ.

– Ну что ты такой? – теперь она упрекала его. – Я давно тебѣ хотѣла...

Это она уже держала его руку. Пожимала ее. Смотрѣла себѣ подъ ноги. Около ея ноги валялась эта самая иконка, что онъ разсматривалъ минуты назадъ. Мать и Ребенокъ въ кругѣ, въ выпукломъ шарѣ живота.

– Не тяни!

Онъ вмигъ, даже безъ ея словъ, догадался, что она скажетъ.

Пашка шагнула и наступила ногой въ сапогъ на иконку. Богоматерь лежала ликомъ вверхъ, и Пашкинъ сапогъ пришелся на Ея животъ. На этотъ красивый, небесный, лунный шаръ.

Доска треснула подъ подошвой. Сапогъ крѣпче вдавилъ икону въ цементный полъ.

– Ребенка жду, Мишка.

«Говори, говори, ты быстро долженъ что-то отвѣчать. Говорить! Не молчать».

– Ну и... кто отецъ-то?

Лизнулъ сначала верхнюю губу, потомъ нижнюю. Глазъ не отводилъ.

Раздавленная сапогомъ Богородица кротко смотрѣла на нихъ обоихъ снизу вверхъ. И не могла достягнуть до нихъ глазами. Слишкомъ высоко, недостигаемо стояли и молчали они.

Пашка сжала его пальцы до хруста, какъ мужикъ. И – оттолкнула его руку.

Теперь они были разъединены. Ни нити, ни паутины.

– Тебѣ сказать?

– Ну.

– Не понукай, не запрягъ!

– Я самъ знаю.

Онъ несъ невѣсть что. Не слышалъ своего голоса.

Смотрѣлъ на ея сапогъ, твердо стоящій на иконѣ.

– Что ты знаешь?! Ну, что?!

«И правда, можетъ, она не объ томъ».

Спокойно попытался выдохнуть, усмирить себя, усмирить ее. Какъ бѣшеную лошадь.

«Да въдъ такъ было всегда. Я всегда ее усмирялъ. Всегда – воевалъ съ ней. Есть конецъ этой войнѣ?»

Пашка сѣла на корточки. Будто хотѣла покурить. Будто бы за ней не цементная стѣна кладовой тускло, похоронно свѣтилась, а высился заборъ – около него всегда курили на корточкахъ охранники. А потомъ сапогами окурки втоптывали въ землю.

– Уймись. Прощу. Услышать.

Но она уже кричала вголосъ.

– Ты! Дрянъ! Всезнайка! Истязатель! Песъ!

Забила себѣ ротъ ладонью, кулакомъ, будто пыталась съѣсть, отгрызть, какъ собака, себѣ руку.

И – тихо, скучно и буднично выковыряла изо рта, будто щепкой – застрявшія въ зубахъ волокна варенаго мяса, будто и не вопила на весь Домъ мигъ назадъ:

– Ты.

Опять ихъ обволокло жгучей горчицей мучительное молчаніе.

Она поднялась съ корточекъ. Все еще стояла сапогомъ на иконѣ. Икона хрустѣла подъ сапогомъ, раскалывалась, расщеплялась, и Михаилъ потрясенно слѣдилъ, какъ отломки разлетались въ разныя стороны изъ-подъ тяжелой подошвы. И летѣли въ темномъ воздухѣ, святыя птицы, деревянные голуби.

«Я спятилъ. Я схожу съ ума! Что это?»

Безполезно было сейчасъ думать, жмуриться, трясти головой, останавливать небыль.

Надо стоять, безропотно глядѣть, терпѣть.

А можетъ, надо просто помолиться?

– Богородице Дево... радуйся...

Пашка сама обняла его. И вмѣсто Пашки была Богородица, Ея свѣтлое чистое, безъ единого пятнышка, лицо, а расколотое летящее дерево уже горѣло въ огнѣ неба, въ его цементной угрюмой, безбрежной печи. И Богородица накладывала Свой ликъ на ужаснувшееся лицо Лямина, покосившееся, какъ фасадъ стараго, на сломъ, дома: доски поѣхали, косяки подломились, какъ колѣни, домъ тоже хочетъ помолиться и не можетъ, онъ умираетъ.

И некому его хоронить.

...Онъ не хотѣлъ вспоминать, что тамъ съ ними было потомъ. Гналъ отъ себя эти минуты, а онѣ, какъ назло, приходили снова и снова. Не хотѣлъ опять окунуться въ это болото: какъ Пашка плакала и цѣловала его, а потомъ крѣпко, больно и нещадно била по щекамъ; какъ онъ хваталъ ея руки и выворачивалъ ихъ, и что-то, какъ та несчастная икона подъ сапогомъ, хрустнуло у нея въ запястьѣ, и она безобразно кричала, какъ большая рыба, распяливая ротъ. Какъ они, схватившись, бороли другъ друга, и онъ повалилъ ее на весь этотъ вспученный, вздувшийся скарбъ, и что-то острое впилося ей въ спину, она охнула, а онъ нарочно тяжело, жестоко навалился всѣмъ тѣломъ ей на животъ, еще не подошедшій мягкой теплой опарой, еще плоскій, какъ всегда. Какъ онъ внезапно сталъ бить ее по грудямъ, по этому гиблому плоскому животу, словно забывъ, не осознавъ до конца, что тамъ, внутри, подъ кожей, обтянутой льномъ и бязью, уже живетъ кто-то непонятный, иной. Какъ она подгибала колѣни къ животу, напрасно пытаясь защититься ногами, и вдругъ съ неженской, мрачной силой оттолкнула его, толкнула въ грудь ступнями, грязными сапогами. И тогда онъ превратился въ расколотую икону, одна его половина смѣялась и сквернословила, а другая жалко, нѣжно плакала; одна половина его, Лямина, быстро и трусливо полетѣла въ сторону и вбокъ, будто уползала съ мѣста преступленія, чтобы никто не увидѣлъ, не уличилъ, а вторая скользнула въ грязныя, выпачканныя въ пыли руки Пашки, угнѣздилась тамъ, и она качала эту деревяшку, какъ если бы это былъ живой ребенокъ. Ты уже родился, хотѣлъ спросить Ляминъ, какъ, развѣ ты уже тутъ?.. А живое полѣно молчало. Только прижималось къ Пашкиной высокой, полной сладкаго молока груди.

И вдругъ Пашка отшвырнула отъ себя деревяннаго младенца, и въ головѣ у Лямина закружилось: это онъ стремглавъ летѣлъ сквозь черныя кучевыя небеса, сквозь страшную грозу, вокругъ громыхало, сверкало и билось, его били огненные кулаки, по щекамъ, по головѣ, по лицу. Онъ отворачивалъ лицо, но кулаки все били, и подъ глазами вспухало, и лобъ былъ весь въ крови, и онъ понималъ: его убиваютъ. А потомъ его зачѣмъ-то проткнули штыкомъ. И полетѣли перья. Вверху загрохотало, и онъ очень удивился: зачѣмъ же стрѣлять въ мертваго, вѣдь я уже умеръ?

...Онъ плакалъ во снѣ. Слезы затекали ему подъ щеку. Онъ лежалъ въ кладовой посреди убитыхъ вещей, а на немъ лежали упавшія книги. Изъ перевернутой кастрюли разсыпались старыя сухія ягоды рябины. Изъ такихъ дѣвки въ Буянѣ низали бусы. Сильно пахло лукомъ. За его затылкомъ валялась связка сухого рѣпчатого лука, луковицы горѣли въ полутьмѣ рыжими, золотыми лисьими огнями. Ляминъ пошевелился. Всталъ, отряхнулся. Выпросталъ гимнастерку изъ-подъ ремня и ея краемъ вытеръ мокрое лицо.

Вышелъ во дворъ. Вечерѣло. Нѣтъ, я не пьянъ, я не пилъ, сказалъ онъ себѣ. Долго куриль у забора. Затушилъ самокрутку о ладонь. Нарочно хотѣлъ руку ожечь. Ничего не почувствовалъ.

«Если встрѣчу – спрошу. Никакъ мнѣ все причудилось?»

..Онъ увидѣлъ Пашку, когда солдаты сѣли вечерять за столомъ во дворѣ. Пашка громыхнула объ столъ огромной сковородой съ жареной картошкой. Мускулы вздулись выше локтей у нея подъ рукавами гимнастерки, когда она водружала тяжеленную сковороду на узорную чугунную подставку. Охранники ѣли безо всякихъ тарелокъ, да не вилками никакими, а ложками; скребли по сковородкѣ, отдирая прижарки. Сковорода быстро пустѣла.

– Пашкѣ, Пашкѣ оставьте!

– Охъ, спаси Богъ, повариха. Уважила.

– Да, картовь што надо.

Пашка холодно посмотрѣла на жалкую горстку картошки, прижавшуюся къ краю сковородки, какъ нищенка – къ церковной стѣнѣ. Усмѣхнулась. Подтерла ржаной коркой масло, ложкой быстро загребла картошку и отправила въ ротъ.

– Вотъ и весь мой ужинъ. Отдай врагу, – прошептала.

Захотала тихо. Солдаты смотрѣли на веснушки, ползающія по загорѣлому, покраснѣвшему бабьему лицу, на выщѣтшія подъ солнцемъ пряди – она то-и-дѣло заправляла ихъ за уши, мѣшали онѣ ей.

– Хороша Глаша... да... не наша...

– А чья? – беззастѣнчиво, по-дѣтски спросилъ Антонъ Бабичъ. Обшлагомъ начищаль голенище.

Ваня Логиновъ смущенно, осторожничая, глянулъ на Лямина. Ляминъ вытиралъ отъ масла ротъ. Бабичъ прослѣдилъ за взглядомъ Логинова. Логиновъ подмигнулъ Антону.

– Такія дѣлишки... У нихъ все ужъ давно утыпано...

Пашка встала и держала сковороду за деревянную длинную и толстую ручку, хотѣла уже въ кухню нести, когда Ляминъ, возя по пыли сапогами, подошелъ къ ней.

Онъ видѣлъ, какъ ея пальцы сильнѣе впились въ деревяшку. Посинѣли.

Хотѣлъ взять ее за плечо. Не взялъ.

Не смогъ убить разстояніе.

– Паша, мы съ тобой сегодня въ кладовой... видались?

Молчала.

– Пашъ, это... Мы не подрались съ тобой?

Молчала. Потомъ чуть наклонила къ себѣ сковороду и глядѣлась въ масляное дно, какъ въ громадное черное зеркало.

– Да что молчишь? Я тебѣ... больно не сдѣлалъ?

Вергѣла сковородой туда, сюда, будто карасей на ней жарила.

– Паша. Брось циркъ, – положилъ пальцы на ея пальцы, вынулъ сковороду изъ ея руки, поставилъ на столъ. Ему было все равно, услышитъ его кто, не услышитъ. – Ты мнѣ – о ребенкѣ говорила?

И вотъ тогда она повернула къ нему все свое широкое, солнцемъ опаленное, веснушчатое, красное, краснѣе флага, обвѣтренное, грубое лицо. Да, грубое, а ему оно всегда казалось нѣжнымъ. Раскрылись грубыя губы, и грубыя легкія вытолкнули изъ себя прочь:

– Уйди.

##

– Сашка, ты, главное, пей. Отличный самогонъ. Я такого никогда не пиваль.

– Я пью, ты не гоношись.

Люкинъ взялъ бутылъ и отхлебнулъ изъ горла. Глотокъ вышелъ громкій, захлебный. Ляминъ ажъ отшатнулся.

«Ишь жадный какой. Такъ и все выхлебаетъ».

Смутно подумалось о большой прозрачной четверти, что стояла въ коридорѣ за сундукомъ. Четверть страннаго стекла, не голубого, не зеленого, а будто въ стекло, когда выдували бутылъ, подмѣшали опаль или перламутровую крошку: туманная и переливалась радугой.

И внутри – радуга. Радость, счастье. Вотъ дано же это счастье мужику – выпивка. Въ любомъ горѣ про горе забудешь. А можетъ, его и избудешь. Пьянымъ, говорятъ, море по колѣно.

«Море. Море крови».

– И вотъ, значитца, Мишка, потащили мы эти дурные чемоданищи на пристань. Я два ташу. Думаю: и зачѣмъ, ну зачѣмъ людямъ столько барахла? И съ собой возить. За собой энтотъ возъ тянуть. Ну правильно, сами не тянуть, тянуть другіе! На энтотъ, братъ, вся ихняя радость и построена. Лакеи за креслами стоятъ: што вамъ подать такого-энтакаго? Горничныя съ подносами бѣгутъ, спотыкающца: не изволите ли блян... тѣфу!.. блянманже? На кухнѣ – повара надъ блюдами потѣютъ. А за ними надсматриваютъ: то ли въ супчикъ

положили, то ли мясо стушили! Такъ ли мелко капустку порѣзали, какъ надо, штобъ ихніе царскіе зубки легко ту капустку прожевали! И не дай-то Богъ въ котель бросить не тую косточку. Али – на сковороду – тухлый кусочекъ. Ешкинъ котъ! Да тебя самого съ потрохами съѣдятъ! На тую самую сковородку – и бросють! И даже не разрѣжутъ! Не оциплють! Такъ и сжарятъ, въ одежкѣ!

Захохоталь хрипло, простуженно.

– Ты пей, пей. Согреешься.

– Да вродѣ бѣ весна на дворѣ. А меня знобитъ. И вѣрно, на параходѣ меня просвистало, на палубѣ. Съ тѣхъ поръ и дохаю.

Ляминъ подвинуль къ себѣ стаканъ и налилъ въ стаканъ. Люкинъ издалъ короткій смѣшокъ.

– Ты, ешки, прямо какъ культурный таперича. Изъ стакашка пьешь. А я вотъ прямо изъ ея, изъ родимой, – еще разъ припаль къ горлу синебокой бутылки, глотнулъ мутную, похожую на пахту жидкость. – Дотасили мы барскіе энти, проклятые чемоданы. Прощай, Тобольскъ! Когда ищо свидимся!

– Ну не зарекайся.

– Да свидимся, конешно; куды мы безъ Сибири-матушки? Сколько лѣтъ по морю плавалъ, моря дна не доставалъ, пилъ я водку, ѣлъ селедку, по матанѣ тосковалъ! Эхъ, Сибирь моя, да рѣки рыбныя! Полюби меня, матаня, парня виднаго!

Люкинъ зналъ неимовѣрное количество частушекъ. Вотъ и теперь заблажилъ на весь коридоръ, зачистилъ.

«Цари проснутся и не уснутъ. А пускай ихъ слушаютъ! Народъ поетъ».

– Я любила Ленина, я любила Троцкаго, а таперь буду любить Васятку Тобольскаго!

Ляминъ хохоталь уже. Обнималь обѣими ладонями бутылъ, будто грѣлъ обѣ нея руки.

– Ты погоди... Сашкѣ... ты давай – про параходъ...

Люкинъ перевелъ духъ.

– Уфъ. Про параходъ? Про па-ра-ходъ?! А што-о-о-о... Да ништо. Параходъ – «Русь» называцца. Чуешь, энто гордо звучить! Русь! А я смерти не боюсь!

– Хватить ты.

– Не злися, злунъ. Рѣки наши огромныя, могучія. По рѣкѣ плывешь, а будто по морю! Все думаю: какое оно, море? Ты вотъ видалъ?

– Видалъ.

– А игдѣ?

– Въ Питерѣ.

– Счастливецъ ты! Въ Питерѣ побывалъ.

– Я недолго тамъ поплясалъ. На одной ножкѣ.

– А море, море-то все одно видалъ. Нашъ Тоболь все лучше моря. Ширше. Говорятъ вотъ, Байкаль славное озеро. Ну чисто море. Не бывалъ.

– Еще побываешь.

– Да какіе наши годы. Конешно, поѣду! Вотъ война закончицца... всѣ энти смерти, ешки... и женюся, дѣтей нарожу и съ ими – на Байкаль поѣду. Озеро-море глядѣтъ!

– Ты давай про княжонъ.

– Ну и вотъ мы по сходнямъ валимъ на параходъ. Кучи насъ, народу-то. Во-первыхъ, энти. Приодѣлись, какъ на парадъ! Платица въ рюшечкахъ, въ рукахъ зонтики несуть, раскрытые, а дождя нѣтъ. Я, дуракъ, такихъ не видалъ никогда; а энто оказались отъ солнца. Штобы щеки не напекло. За ими семенятъ слуги. Ну, вся энта... свита. Всѣ, кого изъ Питера въ Тобольскъ вмѣстѣ съ ими привезли. Энтотъ, матросикъ, Нагорный ему фамиліе, на рукахъ мальчонку несеть.

– Цесаревича?

– Ну кого же! Мальчишка матроса за шею руками крѣпко обхватилъ. Сидить. Какъ на конѣ, сидить и съ матроса сверху внизъ – на насъ, на скоть – смотреть. Глаза большіе, по плоскѣ. И въ глазахъ такое... и жалко ему насъ, и видно: презирать онъ насъ. Мы для его все одно скоть. Мы для всѣхъ ихъ – скоть! Скоть, Мишка!

Ляминъ отпилъ изъ стакана. Самогонъ былъ скорѣе сладкій, чѣмъ горькій, и пахъ яблокомъ.

«Яблокъ натолкали, а еще, можетъ, звѣробоя. Звѣробоемъ несеть».

– Ты спокойнѣй. Не блажи.

– А што?! Ихъ перебудимъ?! Такъ разбудитесь, жги вашу мать! – заораль Люкинъ.

Ляминъ усмѣхнулся и еще выпилъ. Занюхаль ржаной коркой. Хлѣбъ уже исчезъ, незамѣтно.

– Тогда ори сильнѣй. Чтобы сюда прибѣжали и твой рассказъ слушали.

– Ладно ругаться-то, чай, не попь за грѣхи, – Люкинъ пьяно подмигнуль Михаилу. – Я

все, я смиренный. Я просто иногда хулиганю. Распояшусь... и опять подпояшусь. Ну и вотъ, они всѣ хлынули на палубы, по трапу, съ трапа чуть въ воду не попадали, неловки дакъ. А за ими – мы. Охрана, ешки! Впереди насъ Родіоновъ. Вотъ странный мужикъ: то, знашь, наглый такой, то смиренѣй козьявки. И нашимъ и вашимъ, што ли, на дудкѣ играть? Не пойму я его.

– Да чортъ съ нимъ.

– Чортъ съ однимъ, чортъ съ другимъ! Со всѣми у насъ черти! – Люкинъ зубасто захохоталъ, и Ляминъ видѣлъ: у него во рту всѣ зубы прочернѣли – отъ недоѣданія, отъ цынги. – Родіоновъ машетъ руками направо, налево. Кричитъ: табѣ сюды, а табѣ сюды! Всѣхъ по каютамъ растолкалъ, быстро управился. Не, Родіоновъ, ежели надо, сообразительный. Ухватистый такой... Вижу, передъ имъ энти мотающа: дядька-матросъ и парнишка у его на рукахъ. Параходъ качать... и они качающа. Какъ вотъ самогонка въ бутылки, – Люкинъ взялъ въ нетвердую руку бутылъ и покачалъ туда-сюда, маятникомъ. – Нагорный мрачно такъ глазами Родіонова сверлитъ! Бѣлки навькатъ! Мальчонка, вижу, дремлетъ. Сморился. А намъ, вопрошати энтогъ злыдень матросъ, куды подацца прикажете, вашество? А вамъ, бьетъ его голосишкомъ въ щеку Родіоновъ... а вамъ, вамъ... да ко мнѣ въ каюту! Вотъ куды! Къ вамъ, тянетъ матросъ, къ ва-а-амъ?! Да ваши не пляшутъ. Энто – приказъ! Командиръ приказалъ – ты, морякъ, не смѣй ослушацца! И пошелъ матросъ, волокетъ спящаго мальчонку, и у его отъ затылка такіе, знашь, сквозь безкозырку бѣшеные лучи хлещутъ. Ажъ мнѣ жарко стало.

Домъ инженера Ипатьева неожиданно обратился въ пароходъ. И плюхалъ, какъ пароходъ, и хлопалъ плечами, и погудывалъ, и мелко дрожалъ, повторяя вибрацію страшныхъ, съ желѣзными челюстями и стальными клешнями, машинъ въ трюмѣ, и разрѣзалъ носомъ тугую, теплую, темную волну майской ночи.

– День какъ прошель? Не помню особо. Ну такъ сибѣ прошель. Мы ѣли, пили... пѣсни играли... Вечеръ сошелъ. Всѣ уgomонилися. Челядь въ своихъ каютенкахъ притихла. А што имъ. Они въ услуженіи вѣдь, все для хозяйвъ привыкли робить. А тутъ имъ и робить запретили. Въ каютахъ позакрывали. Родіоновъ самолично съ ключами ходилъ по коридору и всѣхъ замыкалъ. А штобъ не убѣгли! Правильно. Остратка нужна. Въ любомъ дѣлѣ остратка нужна! Правильно я говорю-у-у... Мишка-а-а?..

Михайлъ не былъ такъ пьянъ, какъ Люкинъ; Сашка пьянѣлъ быстро, за нимъ это водилось.

– И царенка съ дядькой взялъ да замкнулъ у себя въ каютѣ. А самъ, думаешь, куды спать пошелъ? Ну, угадай съ трехъ разъ? Не угадашь ни за какія коврижки. Пошелъ – не спать! Всю ночь на палубѣ просидѣлъ, простоялъ... Аккуратъ напротивъ каюты княжонъ. То у поручня стоитъ, то въ бѣлое кресло сядетъ. Сидитъ. Голову чешетъ. Думатъ головой Родіоновъ. Мыслить, што будетъ. У насъ на селѣ одинъ татаринъ ходилъ и кричалъ: думай, думай, голова, шапка новый купимъ!

За окнами шумѣло. Вѣтеръ? Листва? Вода?

– А княжнамъ – ахъ-ахъ-ахъ-аха! – Смѣхъ забулькалъ у Люкина въ глоткѣ, какъ самогонъ. Онъ проглотилъ его. – Княжнамъ командиръ запретилъ на ночь запирацца! Ходилъ коло ихъ каюты и кричалъ: я вамъ ключъ не даю, изнутри не запретесь, снаружи тоже не запрю, штобы я, значитца, могъ къ вамъ въ любое время ночи зайтить и провѣрить, на мѣстѣ ли вы! А то вдругъ вы къ едренѣ матери сбѣжите, въ воду попрыгаете да уплывете, и поминай какъ звали! А менѣ потомъ отвѣтъ держать! Ахъ-ха... – руки Люкина уже блуждали, бѣгали, брали и роняли, уже блудили по столу, пальцы порочно шевелились – сбондить, проткнуть, смахнуть бутылъ со стола, какъ слезу со щеки. – Да правъ онъ, хитрецъ! А што хитрецъ? Каждый изъ насъ... передъ властью... хитрый...

Въ окно постучали. «Вѣтки», – вздрогнулъ Ляминъ и засмѣялся своему дѣтскому страху.

– Коло дверей часовыхъ поставилъ. И кого, думаешь? – Люкинъ помоталъ головой, смѣшно, по-утиному. – Бронницкаго, Курашкина, Шляхтина... и меня! Охо-хоха! Ну, скажу я табѣ... Скажу я табѣ, Мишка, энто собла-а-азнь... Курашкинъ шуточчки отпускать! Мы грочемъ. Ночь-полночь! Мы не спимъ, и онѣ не спятъ! Дѣ-е-евушки!

Лямина какъ кипяткомъ обдало. «Неужели – покусились? Обнаглѣли?»

Боялся спросить. И – хотѣлъ.

– Знаю, зна-а-аю, объ чемъ интересуеся! – опять это подмигиваніе, хитрое, сальное. – Знаю, да не скажу! Такъ табѣ все и выдай, держи карманъ ширше! Ой, и весело намъ было! Ухо къ двери прислоняли, слушали. Какъ онѣ тамъ копошацца. Какъ божьи коровки въ кулакѣ. Эхъ бы, въ кулакѣ бы косу взять... головунку отогнуть... всяко мы тамъ себѣ представляли! Слышимъ изъ каюты Родіонова крики. Стуки. Это Нагорный въ стѣну, въ дверь барабанить. И чѣмъ брякалъ? Сапогомъ? Чайникомъ?

– Пустой бутылкой?

– Ахъ-ха-ха! Слышимъ, матросъ оретъ благимъ матомъ: эй, вы, негодяи, што за наглецы,

игдѣ такое только видано, мальчонка боленъ, а если ему лѣкарство какое понадобится, а если его на воздухъ надо вынести, а если онъ въ уборную захочетъ?! Мы ему – черезъ весь коридоръ – кричимъ: если ты, матросъ, въ галюнъ захочешь – вотъ тебѣ золотой царскій кувшинъ! Га-а-а-а! А онъ въ отвѣтъ кричитъ: не боюсь я ни вашего командира, ни васъ всѣхъ, гады! Идите къ бѣсу! Вы сами первые бѣсы и есть! Мы ему оремъ: а ты заткнись, полосатая гнида, царскій костыль! Тебя ищо пулечка найдеть! Пулечка-дулечка... дурочка-курочка... А онъ намъ: плевалъ я на васъ! Вы меня все равно убьете, такъ я жъ смерти не боюсь, я морякъ, я въ волну глядѣлъ и смерть на днѣ моря видалъ! А у васъ у всѣхъ рожи такія, такія рожи! Не рожи, а рыла! Вы-жъ не знаете, што такое человѣкъ, потому што вы звѣри! Потомъ тихо стало. И у княжонъ тишина, и у матроса тишина. Все. Какъ умерли всѣ. Мы уши наострили. Винтовки ближе къ себѣ придвинули. Революеры на бокахъ щупамъ. Ну, думаемъ, а вдругъ на параходъ какой шпіёнъ пробрался и въ окно къ княжнамъ залѣзъ, и часть они на насъ – изъ оружія – какъ лупануть?! Да хоть изъ пулемета!

Михаиль улыбнулся угломъ рта.

– Лупанули?

– Игдѣ тамъ! Ночь она и есть ночь. Тихо, темно... Параходъ шлепать себѣ. Безвѣтріе. Ровно идетъ, какъ ножъ по маслу. Мы караулимъ. Вѣки слипающа, едрить ихъ... Бронницкій вздохнулъ да и легъ на полъ у дверей. Руки подъ скулу подложилъ. И черезъ мигъ захрапѣлъ! Во, думаю, тоже нахаль! А мы съ Куряшкинымъ и Шляхтинымъ ка-акъ переглянулись... какъ зыркнули другъ на друга – вразъ все глазами сказали... и другъ друга хорошо поняли. Хар-ра-шо-о-о-о!

Ляминъ тоже понялъ. Самогонъ больше не пьянилъ. Онъ вцѣпилъ пятерней въ длинную гусиную шею бутылки.

– Ну, поняли.

– И ты вѣдь понялъ?! Да-а-а! Понялъ! Не отпирайся!

– Да. Понялъ.

– Глаза глазами, а языки-то языками. Развязали мы ихъ. Первымъ шепчетъ Куряшкинъ: ну чо, ребята, рискуемъ? Такія курочки! Какъ изъ сдобнаго тѣста слѣплены! Въ царской печкѣ пекли... – Люкинъ слотнулъ. Показалъ шербатые зубы. – Мы руки протянули, сплели. Вродѣ какъ поклялися молчать... Стоимъ. Ой, стоимъ! Такъ стоимъ... ха-а-а... што мочи нѣтъ... Опять глазами другъ друга шпыняемъ. Шляхтинъ бормочетъ: ну, што жъ? Што медлимъ? Руку – на мѣдную ручку дверную положилъ. Рука волосатая. Я на волосы энти гляжу. И представилъ, какъ онъ энтотъ самой рукой... шарить по вороту, по шеѣ, лямки разрывать... кружево рветъ...

Замолкъ. Тяжело, надолго.

Ляминъ завозился на стулѣ.

– Ну такъ...

– А, вошли мы али не вошли? Ишь, быстрый какой! Мы сперва захотѣли энтотъ дѣло сбрызнуть. Ну, и для храбрости. Шляхтинъ изъ-за пазухи бутылешку тащить. Вотъ, говорить, моя менѣ на дорогу всунула, а я ищо, дурачила, отказывался. Безъ закуски? Безъ закуски. Такъ оно ищо болѣе жжетъ. Каждый приложился. По первому кругу. По второму. Безъ закуски, Мишка, самъ знашь, оно быстрѣй идетъ... но и пьянѣй, однако. И што мозгуешь? Пялился што?!

Посмотрѣлъ съ сомнѣніемъ на бутылку.

– Больше половины... или меньше половины?.. Какъ знать... Плевать... Три ихъ тамъ, три. За дверями. За стѣнкой. Такъ и вижу ихъ. Сорочки ихъ ночныя. Не спятъ, небось; сидятъ каждая на своей койкѣ, а то и сбились въ кучку, обнимаются. Трусятъ! И мы – трусимъ. Ну шутка ли. Три дѣвчонки. И хороши собой. Особенно хороша энта, гордая. Татьяна. Насъ трое, и ихъ трое! Ну, тутъ мы развеселились. И ищо глотнули! И стали, Мишка... ихъ дѣлать. Ну да! Дѣлать! А што тутъ такого! Все честь по чести!

Волосы у Михаила превратились въ ползучихъ змѣй и растопырились и потекли съ затылка, съ темени – по вискамъ, по щекамъ, вдоль лица. А можетъ, это текъ пьяный потъ.

– Судимъ-рядимъ. Я кричу: тебѣ, Шляхтинъ, я знаю, Анастасія по душѣ! Онъ башкой мотать: нѣтъ, нѣ-е-е-е-е-е-е-е-е-е, я бѣ Ольгу взялъ! Младшая, грить, слишкомъ неуклюжа! Неуклюжа, ешки... Да зато царская дочь! На всю жизнь – дѣтямъ, внукамъ – рассказовъ! Куряшкинъ ищо хлебнулъ, крякнулъ и шипитъ: бросьте спорить, Анастасія – мнѣ! Ну все тутъ ясно. Куряшкину – младшенькая, Шляхтину – старшая, а менѣ, выходитъ такъ, Татьяна?! Ну все какъ я мечталъ! О-хо-хо-ха-ха-а-а!

Ляминъ глядѣлъ на носки своихъ сапогъ. «Снять бы сейчасъ сапоги. Ноги болятъ. Притомились. Упрѣли».

– Татьяна-а-ана... До того горделива, зла на насъ... Оборачивалась – глядѣла – какъ изъ глазъ огонь швыряла... И штобы мы дотла сожглись въ энтотъ огнѣ, ешкинъ котъ... А тутъ

я щась буду ее мять, крутить... въ тепленькой параконной постелькѣ, ешки... Дрожимъ. Озвѣрѣли. Водка все не кончацца, мать ея! А што, бутылку за бортъ выкидывать?! Бутылку жъ нужно допить! По послѣднему кругу пустили. Но мы ужъ и были хороши: насъ вечеркомъ – наливкой, цѣлой четвертью – Агаонъ Шиндяйкинъ угостиль... онъ наливку тую у вдовы Гермогена – съ кухни украль... когда попы поминки дѣлали...

Домъ Ипатьева молчалъ и дрожалъ. И все внутри Лямина дрожало противно, скользко.

Внутри ползали скользкія жабы и длинныя ящерицы, высовывали раздвоенные языки. Передъ нимъ изъ ночи вышелъ призракъ Маріи; Марія укоризненно, но не гнѣвно, а тихо, печально глядѣла на него уплывающими во тьму глазами, и ея губы шевелились, ему показалось, онъ различилъ: «Что сдѣлали вы съ моими сестрами? Зачѣмъ?»

– Я Татьяну энту – тамъ, въ Губернаторскомъ домѣ – завсегда подстерегалъ. Она идетъ, а я тутъ какъ тутъ, подъ ноги ей суюсь. Ухъ и ненавидѣла она меня! Я ей, навѣрное, хуже жабы кажусь. А менѣ начхать, жаба я али какое чудище. А она – подо мной. А я – надъ ей! И энто, слухай, Мишка, такъ сладко! энто слаще всего, оказывацца!

– Даже слаще случки?

– Случка – што! разъ, и кончилась. А вотъ энто – когда чуешь себя все время надъ ими – высоко надъ ими! чуешь себя надъ царями – царемъ!.. вотъ оно торжество-то игдѣ... вотъ – счастье...

Скуластое лицо Люкина замаслилось, скулы блестѣли, глаза сочились пьянымъ сокомъ, и масляный ротъ обнажалъ промасленные самогономъ зубы, и масляные пальцы жирными рыбами двигались въ темномъ прокуренномъ воздухѣ, шплыи.

– Дочки кровопивца... деспота... вырастуть – и стануть точно такими же... Ты погляди на старуху! Вѣдь она вѣдьма!

– Ты...

Слова кончились. Остался одинъ слухъ, каторжный, безконечный.

– И вотъ стоимъ мы и думаемъ: какъ же оно лучше впереща-то въ каюту? Какъ – войти? Ворвацца? Въ воздухъ стрѣлять? Всѣхъ перебудимъ. Тайное дѣльце-то затѣяли. Тихо вползти? Моль, штобы поглядѣть, какъ онѣ спять? По головамъ счесть? Растерялся. Опять переглядывамся. Шляхтинъ весь колыхацца. Какъ въ падучей. Руку на ручку положилъ. Ручка забавная. Въ видѣ птичьей башки. То ли павлинь, а то ли орель. Орель! Царская, значитца, ручка. Мѣдно, красно блестить въ ночи... Кровь, Мишка, вездѣ кро-о-о-овъ...

Бормоталъ все тяжелѣй, все тише. Стискивалъ бутылку кулаками. Дышалъ въ нее, какъ въ чей-то чужой женскій ротъ передъ поцѣлуемъ.

– А паракондъ, едрить его, все идетъ... Тарахтитъ... Машины скрежешуть... Масломъ машиннымъ пахнетъ... Чую, горячо, жаръ тамъ, внутри, въ желѣзномъ брюхѣ... Идетъ... Жи-ветъ... А мы щась насильничамъ энтихъ дѣвокъ, голубую кровь энту – и што?.. онѣ назавтра всѣ – вотъ те крестъ – съ палубы – въ темную воду попрыгають... на дно, къ ракамъ... Э-э-э-э, думаешь, я спужался?! Да ништо! Никогда еще Сашка Люкинъ не пужался! И другимъ не совѣтоваль! Я руку Шляхтина... съ мѣднаго орла – стряхнулъ... какъ крошку... и самъ – руку... на энту ручку... положилъ...

Ляминъ уже слышалъ голосъ, будто сквозь печную заслонку.

– И нажалъ... Повернулъ...

Ляминъ будто спалъ уже, а и не спалъ.

Глаза открыты, а разумъ улетѣлъ.

– Слышу: сопяетъ за мной... Войти хочуть... Меня впередъ толкають... плечомъ напираютъ... Энто Куряшкинъ, плечомъ-то... И вдругъ... хлобысь!.. валицца будто мѣшокъ съ камнями... бухъ на полъ... и звонъ, трезвонъ... бутылка по полу катицца... Пуста-а-ая... Я ничо не понимаю, а стрямко менѣ... Выгнулъ шею-то – а сзади... Шляхтинъ – безъ почуха свалился... И бутылка по параконду катицца... прочь...

Обоими кулаками крѣпко сжавъ, поднялъ бутылку и допилъ остатки. Глоталъ быстро и крупно. Пилъ, какъ воду въ жару.

– Куряшкинъ меня – въ скулу кулакомъ сунулъ: ну, ты... войдешь?! Оттиснулъ отъ двери... самъ шагнулъ... и за порогъ сапогомъ зацѣпился... и тоже растянулся... ругацца скверно, блядсловить... я ему – сапогомъ – на хребетъ наступилъ... давлю: ты, хватить!.. поигрались... попрыгали въ кроваткахъ съ царевнами...

И вдругъ вскинулъ голову и громко, отчетливо, какъ и не опьянѣлъ въ доску, прокричалъ, будто съ трибуны – народу:

– Въ бога! Душу! Мать!

Голова Лямина отдѣлилась отъ шеи и поплыла въ мрачномъ прокуренномъ воздухѣ сама по себѣ. Смотрѣла на все сверху сизыми, цвѣта водки, глазами. Все наблюдала. Примѣчала.

Голова видѣла сама свой затылокъ, безъ надоѣвшей фуражки, мокрый отъ ужаса лобъ, и какъ Сашка допиваетъ водку и бутылка выпадаетъ у него изъ рукъ стекляннмъ клубкомъ

и катится, а кошки нѣтъ, чтобы поймать; а гдѣ-то рядомъ, въ комнатахъ, лежитъ этотъ мальчишка, истекаетъ вѣчной кровью, а можетъ, не лежитъ, а плыветъ, и вокругъ него спасательные круги на стѣнахъ каюты, и скрипитъ зубами матросъ Нагорный, скрипятъ винты въ пазахъ, трещитъ обшивка, лязгаютъ желѣзные кишки въ трюмѣ. И эти дѣвочки. Онѣ плачутъ, обнявшись, но такъ, чтобы никто не услышалъ.

– Шаги... Рядомъ... Командиръ... Онъ же не спалъ... На вѣтру – стоялъ... Такъ вашу такъ! Товарищъ Родионовъ, виноватъ! Разстрѣляйте! Ты... хрипите... тащи его... за ноги... а онъ уже?... али ищо... А я ему: не знаю, товарищъ командиръ... откуда я знаю...

Вѣтки плыли мимо. Ночь плыла и плескала въ лицо, охлаждала волной плывущую голову. Пьянымъ соловьемъ щелкало, заливалось сердце. Вотъ-вотъ тоже выйдетъ изъ груди, размѣется и поплыветъ.

– Мы – пьяные... пья-а-а-аные... намъ все прощаютъ... потому што мы-и-и-и... пья-а-а-аные... И нѣтъ на насъ управа... а зачѣмъ управа?... кто ее выдумалъ?... мы сами себѣ управа... и такъ отнынѣ будетъ всегда... во вѣки вѣковъ... аминь!.. къ лѣшему... надрался я...

Икнулъ. Выблевалъ на столъ ржаной шматокъ.

– Я оттащилъ... въ уголь... сперва Шляхтина... потомъ Куряшкина... а може, наоборотъ... а какая разница?... оттащилъ – и свалился на ихъ... самъ упалъ... Командиръ меня обкостерилъ сверху донизу... голосомъ – отхлесталъ... а я только вздрагивалъ... блаженно... И засыпалъ...

Люкинъ упалъ носомъ въ свою блевотину. Поднялъ чугунную голову и стряхивалъ грязь ладонью, какъ котъ, умывался лапой.

– А утромъ... што утромъ?... утро какъ утро... Обычное утро... Водичка подъ солнцемъ блеститъ... Весело идемъ, ходко... Чайки вьюцца за кормой... Мы – винтовки вынули... пулеметы на палубу выкатили... и давай въ птиць стрѣлять!.. Охота же... Любо... Ну, любо... Мужики же мы... али кто... намъ только дай пострѣлять... хлѣбомъ не корми... напуталъ я... къ лѣшему-кикиморѣ!.. Прицѣливался, въ чайку попадалъ точно, въ грудку ей... она – падала... крылья сложить и камнемъ внизъ... въ волны... а волны – трупикъ несутъ... Кричатъ онѣ противно!.. Противныхъ птиць!.. Гадкія!.. Изъ пулеметовъ – по чайкамъ... пли!.. Всѣхъ перестрѣляемъ!.. всѣхъ!.. всѣ-е-е-е-ехъ... И никто намъ не указъ... На висѣлицу насъ тащите... на плаху... къ стѣнкѣ... а мы все равно – васъ всѣхъ – перестрѣляемъ... васъ!.. кто посягаетъ на нашу свободу... на нашу!.. Свобода... свобода...

Голова Лямина, ея уши внезапно услышали донесшееся изъ глубокой глубины, изъ дальней дали: «Эхъ, эхъ... безъ креста... Тра-та-та...»

...Это въ Губернаторскомъ домѣ, въ залѣ, на маленькой нищѣ сценѣ, заѣзжій артистъ изъ Петрограда читалъ царямъ новомодные стихи. Какъ его пропустили къ плѣнникамъ? А можетъ, онъ шпионъ? Обыскали тщательно. Ляминъ самъ обыскивалъ. Оружія нѣтъ при себѣ? А тайныхъ писемъ? А рѣжущихъ и колющихъ предметовъ? Правда ничего нѣтъ? Ну, мы проверимъ.

– Эхъ, эхъ, безъ креста...

– Безъ какого... перста?..

Сашка Люкинъ окончательно уронилъ башку на столъ. Щекой лежа на столѣ, бормоталъ послѣднее, бредовое:

– Дочки убійцы... Убійцы... Распятъ ихъ... вытрепать... и убить... А ключъ-то въ замкѣ трещитъ!.. Кто закрывать каюту?... кто приказалъ?... кто... на ночь?... до утра?... Но утро, утро уже... утро... утро...

За окнами свѣтлѣло. Холодное снятое молоко майскаго разсвѣта лилось въ комнату. Ляминъ выдыхалъ перегаръ и страхъ. Ему стало безпричинно весело. А голова? Опять приросла къ шеѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Вернулась.

Только плицы, эти чортовы пароходныя плицы, зачѣмъ онѣ все шлепаютъ по водѣ?

##

Угловая комната, и четыре окна. Обои цвѣта молока, фризь изъ блѣдныхъ чайныхъ розъ. Въ одномъ окнѣ горитъ, свѣтится надъ дальней колокольней начищенный къ Пасхѣ крестъ. Вотъ и Пасха прошла, канула. Такъ и все канетъ. Вродѣ давнымъ-давно уже была: въ прошломъ вѣкѣ, а можетъ, и при Христѣ. А правда, Таточка, что Пушкинъ написалъ у себя въ дневникѣ: «СЕМЬЯ. РЕЛИГИЯ. СТАРОСТЬ. СМЕРТЬ»? Какъ-то страшно... и безповоротно все. Нѣтъ спасенья? Ну скажи, совѣмъ нѣтъ?

Отъ чего, Машка? Отъ смерти. Быстро перекрестись и молись: Господи, отведи отъ меня искушеніе, не дай мнѣ усомниться въ томъ, что міръ устроенъ Тобою правильно, вѣрно и навѣки. Нѣтъ! Я не хочу, чтобы люди умирали всегда. Можетъ, наступитъ такое время, и врачи изобрѣдутъ такое лѣкарство? Пиллюлю... или капли... отъ смерти... Ну пить же наша мама успокоительное, а люди будутъ пить – безсмертное!

Машка, ты святотатствуешь. Тебѣ нельзя читать много книжекъ. У тебя голова распухнетъ и лопнетъ. Гдѣ ты видѣла и что – безсмертное? А... Мамврийскій дубъ? Ему уже пять тысячъ лѣтъ! Дубъ, сама ты дубъ. Можетъ, это правнукъ того дуба! Нѣтъ безсмертія, говорю тебѣ! Нѣтъ!

А... жаль... знаешь, мнѣ очень, очень жаль... Только начала жить, и уже ей жаль. Да намъ еще жить да жить!

А ты... вѣришь въ это? Во что? Что мы будемъ жить. Да мы уже живемъ, какъ это мы будемъ! У меня на душѣ что-то темное. И такое тяжелое, какъ гирька. Знаешь, когда спишь... и вдругъ котъ прыгнетъ, навалится... Котъ. Сама ты котъ. Живемъ и будемъ жить, и все.

Только... я не хочу... всю жизнь прожить въ этомъ Домѣ! Почему? Онъ страшный. Да нѣтъ, домъ какъ домъ. Тебѣ нельзя читать на ночь англійскіе детективы!

Знаешь, Таточка, я когда вырасту, я тоже напишу романъ. О чемъ это? Ты не смѣйся только. О... котѣ. Вотъ объ этомъ котѣ, ну, что спитъ съ Ньютой въ столовой! Онъ такъ смѣшно ѣсть! По мордѣ себя лапой бьетъ. Знаешь, ногами онъ ходитъ, путешествуетъ! Давай его съ собой – когда насъ освободятъ – въ Царское Село возьмемъ!

Возьмемъ? Кота?

Да! Кота!

Въ Царское Село? А ты... вѣришь, что мы вернемся? Мнѣ кажется, мы тутъ будемъ жить всегда. Всю жизнь.

А еще я хочу написать романъ о елкѣ. О какой еще елкѣ? О Рождественской елкѣ! Она всегда такая красивая! Красивая, какъ мама. У мамы въ Зимнемъ былъ такой древне-русскій костюмъ. Она танцевала на русскомъ балѣ въ немъ, а папа – въ нарядѣ Ивана Грознаго.

А елка у тебя въ романѣ будетъ – живая?

О! Еще какая живая! Она будетъ оживать ногами, и на ней всѣ игрушки будутъ разговаривать... и она тоже будетъ путешествовать... летать... сіять, высоко въ небѣ... надъ лѣсами, надъ морями...

Дѣвочки! Ужинать!

А что нынче на ужинъ?

Жареная картошка! И черный хлѣбъ! А чай – сладкій!

...Тихо, тихо ходи по ковру. Коверъ съ короткимъ ворсомъ, но черезчуръ мягкій, надо снять туфельки, потомъ чулки и тихо, плавно ходить по нему. Такъ ходятъ балерины въ Мариинскомъ театрѣ; ихъ крылатыя безкостныя ручки изгибаются, текутъ. Если онѣ заведутъ руки за спину, а потомъ вздернуть ихъ, онѣ могутъ сломаться въ локтяхъ. И тогда ужъ повиснутъ веревками. А ты ходи медленно, важно, выворачивай ногу, у балеринъ это называется – третья позиція.

Подойди къ столу. Онъ укрытъ зеленымъ сукномъ. Онъ – англійскій газонъ, садовая лужайка; на немъ можно разложить салфетки, на нихъ поставить великолѣпіе заморской посуды – перламутровый фарфоръ, серебряные нѣмецкіе чайники для заварки, разложить ложечки и вилки, рассыпать щедро снѣдь – какъ на холстахъ у Снейдерса – копченую селедку и пироги съ вязигой, черную икру въ хрустальныхъ вазочкахъ и тонко нашинкованную кислую капусту, политую прованскимъ масломъ, ананасы кусочками, а можно и кругами; французскій дырчатый крекеръ, тоньше паутины, зеленыя оливки, красное-бѣлое, похожее на карельскій мраморъ, крабовое мясо, а еще пахучую буженину, а еще молодое бургундское въ длинныхъ черныхъ бутылкахъ, а еще буттерброды съ лиможскимъ голубымъ сыромъ. И получится завтракъ на травѣ. Трава, гдѣ ты? Ты просто примялась. Дѣвочки, развѣ можно сидѣть на столѣ! Мама, это лужайка, садись съ нами!

...нѣтъ, нельзя жмуриться, надо смотреть, и все, все видѣть.

Бронзовая лампа, а абажуръ дѣти инженера шили сами. Видны неловкіе, кривые стежки, неуклюже кладутся петли, длинно, близоруко сръзаны нитки поверхъ толстыхъ узловъ. А можетъ, абажуръ мастерила мать, а дѣти садились въ кружокъ и молча слѣдили, какъ ходятъ ея ловкія руки, какъ пальцы тянутъ вверхъ серебряную молнію иглы и нить, какого она цвѣта, забыли всѣ. Рядомъ ломберный столикъ; на немъ такъ удобно играть въ карты. Будетъ удобно или было удобно? Простой народъ не играетъ въ карты. Простой народъ пашетъ землю и доить коровъ. Нѣтъ, играетъ, играетъ; мнѣ тетя Элла говорила, что рабочіе Путиловскаго завода играютъ. Для отдыха.

А за столикомъ – этажерка; на ней стояли книги инженера. Гдѣ эти книги? Сожгли? Увезли? Нѣтъ, онѣ здѣсь, въ кладовой. Онѣ такія интересныя! Только всѣ пропахли плѣсенью. Я боюсь ихъ листать, вдругъ чѣмъ-то заражусь.

На одной кровати спитъ царица. На другой царь. Между ними еще кровать; это для маленькаго. Помнишь, любимая, ты все говорила: Господи, когда привезутъ маленькаго? Никто не знаетъ. Развѣ мы знаемъ нынѣшній день? Когда мы просыпаемся утромъ, мы не

вѣдаемъ, что съ нами станется вечеромъ. Но кушетка! Зачѣмъ тутъ кушетка? А это для собаки. Или для кошки! Алексѣй играетъ со своимъ спаниелемъ. Джой, сюда! Джой, ко мнѣ! Сидѣть! Дай лапу! А теперъ спать!

И Джой прыгаетъ на кушетку, покорно ложится и дѣлаетъ видъ, что спитъ.

А потомъ и по правдѣ спитъ. И даже сопить. Мама, у него носъ мокрый и кожаный! А собакамъ снятся сны? О, еще какіе, мой родной. Видишь, онъ дергаетъ лапками. Значить, за кѣмъ-то бѣжитъ во снѣ. За уткой! Онъ бѣжитъ за уткой! Это я, я ее подстрѣлил!

Тоже во снѣ?

Алексѣй подходитъ къ туалетному столику матери. Все материнское священно, и мать – святѣе иконы. Если бы было можно, онъ бы на мать молился. Но онъ молится за мать. Посмотри, Боженъка, какое у моей мамы лицо! Красивѣе ея нѣтъ никого на свѣтѣ.

...старуха, и ротъ уже западаетъ. И волоски на верхней губѣ, и тамъ родинка, она вцѣпилась клещомъ въ сморщенную сосновой корой кожу и крѣпко сидитъ – надъ улыбкой, надъ рыданіемъ.

...все зеркально блеститъ: поверхность столика, зеркало, серебряное озеро, а пуще всего сверкаютъ двѣ лампы по бокамъ отъ зеркала: отъ лампъ бѣгутъ шнуры, они электрическіе, чудо техники. Двадцатый вѣкъ! Лампы отражаются въ озерной амальгамѣ. Онѣ отражаются въ прошломъ. Прошлое отражаетъ насъ, но оно никогда не отражаетъ будущее. Хотя, чтобы узнать будущее, мы всѣ настойчиво, мучительно смотримся въ прошлое.

Женщина мажется кремами, мазями, притираньями. Она протираетъ свое пористое, усатое, складчатое лицо ватой, смоченной въ травяномъ спиртовомъ настоѣ. Она нюхаетъ запахи духовъ, лѣкарствъ. Слабо пахнетъ счастьемъ мѣшочекъ съ лавандой, привезенный изъ далекаго Прованса. Лазурный берегъ! Балтика! Ливадія! Вы тоже зеркала. И васъ разбили. Въ черныхъ осколкахъ – твое собственное лицо. Уже не женское. Ты разучилась быть женщиной. Ты стала чучеломъ у забора, и въ тебя, огородную мишень, стрѣляютъ солдаты, щерясь, плюя межъ зубовъ, толкая другъ друга: дай я! Я – попаду!

Баночки съ кремами, пузырьки духовъ. На одномъ пузырькѣ написано, витіевато, будто пустилъ усы дикій виноградъ: «ПРИДВОРНАЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА АПТЕКА». Ты прошепчи эти слова. Вслушайся въ нихъ. Какъ они тебѣ? Правдиво ли звучать?

Александра подолгу сидѣла, включивъ яркія лампы, у зеркала, глядѣла въ его страшную рѣчную глубину. Падала туда. Потомъ съ трудомъ отводила глаза и разглядывала всѣ вещи, всю комнату. Все свое имущество теперь. Царица, нищая царица, мнѣ стѣны сѣрыя твои... Господи, что я? Зачѣмъ я? Жгла свѣтъ. Свѣтомъ – спасалась. Боялась тьмы.

Вечеръ втекалъ въ комнату, день шелъ на убыль. Надо подойти къ умывальнику и помыть руки, потомъ умыться. Смыть жару. И эти липкіе наглые зрачки. Ненавидящіе зрачки, какъ клопы, бѣгаютъ по тѣлу и прилипаютъ и жадно сосутъ кровь.

Климъ Нагорный, съ Алексѣемъ на рукахъ, стоялъ въ дверяхъ и глядѣлъ, какъ мать, тяжело переваливаясь, какъ старая медвѣдица, по веснѣ вылѣзшая изъ берлоги, подбредаетъ къ умывальнику. Сѣрый, съ прожилками, мраморъ. Мраморная доска треснула; трещина бѣжитъ сверху внизъ, ударяетъ черной молніей. Мать отворачиваетъ кранъ. Подставляетъ руки. Ждетъ, когда потечетъ вода. Вода не струится. Мать отворачиваетъ мѣдный кранъ до отказа. Жидкая, сиротья струйка. Потомъ – капли. Потомъ – тишина.

И мать, не вытирая руки, – съ нихъ на половицы, на юбку капаютъ нищая вода, – безвольно бросивъ ихъ, и онѣ висятъ вдоль грузнаго, самоварно круглящагося, оплывистаго тѣла, садится на кушетку и смотритъ впередъ себя, а потомъ закрываетъ лицо мокрыми одинокими руками.

Отнявъ руки отъ лица, она смотритъ на платяной шкапъ. Онъ тоже одинокій. Онъ не пустой – въ немъ одежда. Все, что привезли изъ Тобольска, развѣсили тутъ. Весь ихъ гардеробъ! Вотъ онъ. Мать подходитъ къ шкапу. Разговариваетъ съ нимъ, какъ съ живымъ. И съ платьями тоже разговариваетъ; она думаетъ, ее никто не слышитъ. Алексѣй сидитъ на сильныхъ рукахъ у Нагорнаго тише воды ниже травы. Нагорному и уйти жалко, и стоять горько. Но онъ все равно стоитъ и смотритъ, какъ мать гладитъ по плечамъ свою баранью шубу, какъ умиленно, сквозь изморось слезъ, улыбается маленькой собольей шапкѣ – сибирскому подарку царя.

За стѣнной голоса. Дочери. Мать оборачивается лицомъ къ стѣнѣ, застываетъ и слушаетъ. Дѣвочки! Солнечныя! Онѣ не должны знать на вкусъ нищету! А уже знаютъ. Но и работу знаютъ: какъ пилать бревна, какъ рубятъ дрова. Это на пользу. А что же на вредъ?

Они такъ ждали дѣвочекъ. Эта комната стояла пустая и звенящая. Стулья танцовали ночами. Столъ стучалъ ножками, какъ на спиритическомъ сеансѣ. А въ огромное трюмо нагло, заманчиво заглядывала Луна. Она плыла внутри трюмо, и мать заходила внутрь пустоты и ловила Луну безумными тяжелыми, слоновыми руками. Лѣвая, правая створки и центральная. Да это же тройка. Коренникъ и пристяжные. И ты стоишь, мать, а тебя уже

три матери; ты – троица, на тебя вся надежда.

Женская троица, Боже, что я болтаю, прости мнѣ, если можешь.

Дѣвочки, вы помните, какъ вы спали на полу, на полосатыхъ, туго простеганныхъ матрацахъ? Вы ждали, пока ваши походныя кровати придутъ. Шутили: да мы какъ Суворовъ! Смѣялись: на войнѣ какъ на войнѣ.

А у цесаревича теперь есть своя комната; отдѣльная. Иногда его клали ночевать въ родительской спальнѣ, чтобы отецъ и мать не бѣжали къ нему по коридору на каждый его стонъ и крикъ. Больно! Я калѣка. Слишкомъ много боли. Крѣпись, мой сыночекъ. Жизнь – это боль. Любовь – это боль.

Мама, а народъ такъ же любить, какъ мы? Такъ же дышать? Такъ же плачетъ? Или не какъ мы? По-другому?

Сыночекъ, не задавай мнѣ никогда такихъ вопросовъ. Всѣхъ людей Господь сдѣлалъ одинаковыми! Но потомъ раздѣлили ихъ на сословія. И крестьянинъ никогда не станетъ царемъ. А царь – крестьяниномъ. Запомни это!

Хорошо. Запомнилъ.

..Климъ пятился отъ дверей – въ коридоръ. Прижималъ къ груди наследника. Мать не замѣчала ихъ. Она словно была погружена въ чудовищной величины прозрачную колбу; Алексѣй видѣлъ ея фигуру какъ сквозь воду, черезъ дрожащую стеклянную толщу. Нагорный вышелъ въ коридоръ. Дверь въ комендантскую была чуть приоткрыта. Алексѣй прищурился и разглядѣлъ: обои цвѣта темнаго меда, мрачныя, замазанныя блестящимъ лакомъ картины, темное золото багетовъ, голова убитаго оленя съ тонкими, будто сахарными рогами. Дверь рядомъ была закрыта; изъ-за нея доносились гоготъ, ругательства, въ щели ползъ синий табачный дымъ и запахи портянокъ.

Алексѣю захотѣлось въ уборную. Онъ, стѣсняясь, такой деликатный мальчикъ онъ былъ, шепнулъ Климу на ухо объ этомъ. Климъ перебѣжками достигъ отхожей каморки. Боялся, какъ бы изъ табачной гогочущей комнаты не вышелъ караулъ. Осторожно положилъ руку на ручку двери. Нажалъ, открылъ, испуганно поглядѣлъ. Солдаты никогда не закрывались. Они даже дверцу не закрывали. Такъ и разстегивали ремни и портки. Обнажали бѣлые зады и опять гоготали. Послѣ нихъ весь урыльникъ бывалъ густо, нахально обгаженъ. Мать шарахалась, убѣгала, зажавъ носъ кружевами. Сестры фыркали. Царь звалъ дѣвицу Демидову: «Нюта! Скажи на кухнѣ! Скажи коменданту!.. Это позоръ, люди такъ себя не ведутъ!»

Климъ съ Алексѣемъ на рукахъ вошелъ въ уборную, какъ въ клѣтку съ дикимъ звѣремъ, и щелкнулъ электрическимъ выключателемъ.

– Не спѣшите, ваше высочество, я тутъ, я посторожу.

Алексѣй sudорожно закрылъ задвижку. Здѣсь тоже, какъ и въ спальнѣ матери, подъ потолкомъ висѣла новомодная лампа на шнурѣ. Загорѣлся тусклый свѣтъ. Красная спираль внутри стекляннаго шара мигала. Мальчикъ обводилъ глазами стѣны. На обояхъ – рисунки. Его мать и бородатый Распутинъ, въ непристойныхъ позахъ. Надъ головой карикатурной царицы – надпись: «НѢМЕЦКАЯ СУКА! УБЬЕМЪ БЕЗЪ СТУКА БЕЗЪ ГРЮКА!» Надъ головой Распутина еще одна: «СВЯТОЙ ЧОРТЪ, ПРОЙДОХА ПЕРВЫЙ СОРТЪ!» Чуть подальше – голова его отца. Съ нея катится корона. «ХОРЕКЪ ВОНЮЧІЙ, ПОЛКОВНИКЪ СКРЕБУЧІЙ, ЧАСЪ ТВОЙ ПРИДЕТЪ, ПРИХЛОПНЕТЪ ТЕБЯ, КАКЪ МУХУ, НАРОДЪ!»

По обоямъ ползла жирная зеленая, поганая муха.

Ниже ползущей мухи къ стѣнѣ англійской булавкой приколотъ клочокъ бумаги.

«УБѢДИТЕЛЬНО ПРОСИМЪ НАРОДЪ ОСТАВЛЯТЬ СТУЛЬЧАКЪ ТАКИМЪ ЖЕ ЧИСТЫМЪ, КАКИМЪ ЕГО ЗАНИМАЛИ. ДОКТОРЪ БОТКИНЪ».

Алексѣй сидѣлъ на краю фаянсоваго горшка, скрючился весь перечнымъ стручкомъ, весь онъ сталъ горькій, какъ перецъ, и глаза и щеки невыносимо щипало, и онъ еще больше согнулся, опустил голову такъ низко, что теменемъ едва не коснулся колѣнъ. Такъ жгуче онъ еще никогда не плакалъ.

##

Загремѣлъ звонокъ. Ляминъ оказался ближе всѣхъ къ парадной двери.

Прошагалъ, отворилъ.

На порогѣ стоялъ докторъ Деревенко, за нимъ незнакомецъ.

– Здравствуйте, проходите, – сказалъ Михаилъ, – вы къ наследнику?

– Да. Къ нему. Сегодня мнѣ телефонировалъ комендантъ Авдеевъ, сообщилъ, что гражданка Романова пожаловалась на состояніе сына. Мнѣ необходимо его осмотрѣть.

– Хорошо.

Раннее утро, и Авдеевъ еще не явился въ Домъ. Въ комендантской сидитъ Мошкинъ.

Онъ не сильно пьянъ, такъ, подъ мухой. Пѣсни не голосить. Ляминъ сдать ему ночное дежурство, и голова была тяжелая, какъ колотушка, и болѣла – настоятельно просилась соснуть. «Спать, спать, и никакихъ. Хоть бы два часа покемарить».

Спать. Спать. Съ кѣмъ – спать?

Онъ давно уже не спалъ съ Пашкой.

Пашка ночевала въ каморкѣ близъ кухни, съ кухонной бабой Марѳой Лукояновой. Къ ней не подобрешся. Особенно послѣ того, что онъ узналъ. А можетъ, то все было бредомъ, болѣзнью. Время изломалось, и башки у людей поломались тоже. Онъ не разъ теперь видѣлъ сумасшедшихъ, сигающихъ въ рѣки съ мостовъ, самъ наблюдалъ, какъ люди пальцами выдавливали, палками выкалывали себѣ глаза, когда ихъ разстрѣливали на площади, а они видѣли, какъ рядомъ съ ними падаетъ замертво ихъ сынъ, братъ, мать. Вотъ и про ребенка – возможно, бредъ. Онъ пытался заговаривать съ ней объ этомъ потомъ, черезъ время. Пашка мѣрила его взглядомъ волчицы и, какъ волчица, сторожко отходила отъ него, не сводя съ него глазъ. И молчала.

Деревенко снялъ пальто и повѣсилъ на вѣшалку въ коридорѣ. Незнакомецъ раздѣваться не сталъ. Черная кожаная тужурка лоснилась, локти потерты. Комиссаръ? Новый комендантъ? И то вѣрно, слесарю Авдееву пора отдохнуть.

– Большой гдѣ? – спросилъ Деревенко, потирая руки.

– Все тамъ же, – Ляминъ показалъ на дверь въ спальню Алексѣя. – Доктора Боткина будить?

Онъ зналъ: доктора всегда совѣщаются.

– Нѣтъ, не надо, – отвѣтилъ за Деревенко черный челоуѣкъ. – Вы – охрана?

– Такъ точно. Красноармеецъ Ляминъ.

– Отлично. А я – комиссаръ Яковъ Юровскій.

Черный протянулъ руку. Ляминъ ее пожалъ.

«Какъ-то онъ по-домашнему, по-дружески. Не по-военному. А чортъ ихъ разбереть, можетъ, вся строгость еще впереди».

– Чаю не желаете, товарищъ Юровскій?

«Эка, я прямо какъ официантъ въ ресторанѣ. Уже ученый я котъ».

«Все правильно дѣлаешь. Комиссары тоже господа, начальники надъ тобой, и чай – любятъ».

Юровскій разстегнулъ верхнюю пуговицу на тужуркѣ.

– Чаю? Не откажусь.

...Это былъ поводъ появиться на кухнѣ и властно, рѣзко стукнуть кулакомъ въ дверь кухонной каморы. «Встала? По воду пошла? Или – спать?»

За дверью чернѣла стоячая вода молчанья. Ляминъ бухнулъ еще разъ, носкомъ сапога, и, тихо изругавшись, отошелъ.

Самъ разжегъ дрова въ подтопкѣ. Когда разгорѣлись, поставилъ на желѣзную доску, прямо надъ огнемъ, огромный армейскій чайникъ. Самоваръ затѣвать было слишкомъ долго, тяготно, этотъ Юровскій уждется, истоскуется. Подложилъ еще дровъ. Стоялъ и смотрѣлъ въ щель печной дверцы на рыжее, какъ онъ самъ, пламя; слушалъ, какъ рѣзко, пугающе, будто рядомъ стрѣляютъ, трещать сырыхъ дрова, какъ зашумливаетъ, медленно и неумолимо, богатырскій, весь испараннный чайникъ.

«Коты его, что ли, такъ оцарапали?»

Слышалъ, какъ за дверью кухни Юровскій громко говорить съ кѣмъ-то. Громко и сердито. Голоса отвѣчавшаго не слышалъ.

– Вы мнѣ за это отвѣтите! Кто васъ просилъ?! Время прогулокъ сократить! До десяти, до пяти минутъ! Вы развѣ не знаете обстановку?!

Ляминъ понялъ: Бѣлая Гвардія на нихъ движется.

«Все, доигрались въ Красный Уралъ».

– Они просятъ! Мало ли что они просятъ! Есть военное положеніе, и социалистическое отечество въ опасности!

«Кричить, какъ изъ газеты».

Ляминъ высунулъ голову изъ кухни и возгласилъ:

– Чай готовъ, товарищи! Завтракъ чуть позже!

«Провались все на свѣтъ! Я точно уже халдей».

Съ кѣмъ препирался новый комиссаръ? Глаза Лямина бѣгали по коридору, ни на кого не набѣжали. «Все ясно. Авдеевъ это. Закрылся въ комендантской. Унизилъ его. Выговорили ему. Надъ каждымъ челоуѣкомъ есть начальникъ. А надъ начальникомъ – еще одинъ. А надъ тѣмъ – еще другой. И такъ до самага до верху. До – Ленина?»

– Тащи, товарищъ Ляминъ, чай! Только чтобы очень горячій.

– Такъ вы, товарищъ Юровскій, пожалуйста въ кухню. Такъ сподручѣе.

Деревенко переминался въ коридорѣ.

– И вы пожалуйста, товарищ докторъ.

Втроемъ вошли въ кухню. Ляминъ заварилъ чай прямо въ стаканахъ. Вышелъ крѣпкій. Юровский громко хлебнулъ, громко крякнулъ и довольно сказалъ:

– Вырви глазъ! Сразу проснемся. Дѣль много.

– Дѣловъ каждый день много, – вѣжливо кивнулъ Ляминъ.

Докторъ Деревенко пилъ чай, сумрачно уткнувшись большимъ носомъ въ стаканъ.

Когда уже почти допили, неожиданно затарахтѣлъ ключъ въ замкѣ кухонной каморы, и навстрѣчу гостямъ вышла заспанная, нечесаная Пашка. Она зѣвала во весь ротъ, даже не прикрывая рта рукой. Увидѣла людей, чай пьющихъ. Пожала плечами – такъ, какъ это только она умѣла: чуть выставивъ впередъ правое и чуть выше его поднявъ.

Юровский смотрѣлъ на ея солдатскіе штаны. На ея животъ, на пряжку ремня. Чуть ниже живота.

– Здорово, – насмѣшливо кинулъ ей, – солдатъ Бочарова.

«Откуда онъ знаетъ фамилію?»

«Не сходи съ ума. Всѣ эти комиссары всегда всѣхныя фамиліи знаютъ».

– Здравія желаю, товарищ комиссаръ.

«И она знаетъ, что онъ комиссаръ! Знаетъ – его?»

– Паша, чайку не желаешь? – спросилъ Ляминъ, нарочно подчеркнувъ это ласковое, домашнее «Паша», голосомъ согрѣвъ Пашку и погладивъ по шерсти, какъ кошку.

Не сознawalъ, что такъ даетъ понять этому черному: баба – моя.

Тяжело приподнялъ съ подтопка похожий на сѣрую желѣзную коробку чайникъ, подлил горячаго Юровскому и доктору Деревенко, заварилъ чай Пашкѣ, въ чистомъ стаканѣ.

– А ты? – мрачная хищная рыба Пашкинаго взгляда мелькнула мимо него, полоснула острымъ сѣрымъ хвостомъ.

– Обо мнѣ печешься? Я вотъ онъ.

Юровский, изъ-за края стакана, внимательно и коротко глянулъ на нихъ обоихъ.

«Все понялъ, комиссаришка. Тѣмъ лучше».

Ляминъ заварилъ, наконецъ, чаю себѣ. Теперь всѣ четверо сидѣли вокругъ кухоннаго, плохо мытаго и давно не скобленнаго стола, хлебали пустой, безъ хлѣба и сахара, чай и не глядѣли другъ на друга. Докторъ вытащилъ изъ-за пазухи часы на тяжелой, толстой серебряной цѣпочкѣ.

– Скоро восемь. Думаете, граждане арестованные пробудились?

– Не пробудились, такъ пробудимъ, – улыбка ужомъ быстро обвила гладко выбритыя щеки Якова Юровскаго. Крошечная бородка клинышкомъ, маленькіе аккуратные усы. – Это разъ, два и готово. Да вѣдь и гражданинъ Романовъ армейскій человекъ. Полковникъ, какъ-жеся?

«Да вѣдь знаешь ты, знаешь, что онъ полковникъ. Зачѣмъ же спрашиваешь».

– Такъ точно, товарищ комиссаръ.

– Ну, изъ полковниковъ мы его еще не разжаловали. А могли бы.

Юровский всталъ и схватился рукой за спинку стула. Уперся взглядомъ въ Пашку.

– А вотъ васъ, рядовой Бочарова, мы могли бы... васъ... – Михаилъ бросалъ зрочки то на него, то на нее. – Повисить въ чинѣ. За всѣ ваши заслуги передъ Красной Армией.

– Рада стараться, товарищ комиссаръ!

Пашка сдвинула ноги въ сапогахъ. Чистыхъ, блестящихъ. Баба есть баба. Все успѣваетъ. На его сапожищахъ комьями грязь налипла, даже въ лужѣ не пополощетъ, а она – щеголяетъ. Хоть сейчасъ въ модный журналъ.

«Мнѣ раньше нравилось это въ ней. Ея чистота».

«А теперь – что, разонравилась?»

– Пошла, разбужу арестантовъ.

Дверь стукнула, съ потолка посыпалась штукатурка. Комиссаръ еще долго смотрѣлъ на дверь, будто бы на ней осталось свѣтлое, фотографическое пятно Пашкинаго тѣла, и онъ слѣдилъ, какъ оно исчезало.

Докторъ поднялся изъ-за стола. Помялъ руки. Похрустѣлъ пальцами.

– Благодарствую.

– Что вы, товарищ докторъ, какъ буржуй: «благодарствую». Простое спасибо трудно сказать?

– Спаси Богъ, – сказалъ докторъ безъ тѣни ироніи.

Юровский побѣлѣлъ, но смолчалъ.

Сильно, крѣпко и зло застучали въ дверь. Царица вскинула голову, не понимала ничего. Подъ утро она такъ и задремала на этомъ нищенскомъ табуретѣ, ссутулилась, склонила

голову почти до рукодѣля и такъ застыла, ровно и горько дышала.

Вязанье и крючокъ упали на полъ. Она тяжело нагнулась за ними.

– Войдите! Не заперто же!

Пашка возникла на порогѣ.

– Гражданка Романова! Тамъ докторъ прибыль. Деревенко. Будешь показывать сына?

Пашка странно держала руки на животѣ, чуть ниже ремня.

Александра, прижимая къ себѣ вязанье, поднялась съ табурета.

– У васъ болитъ животъ?

– Ничего у меня не болитъ, – ожгла царицу глазами. – О себѣ лучше безпокойся.

– Не смѣйте говорить мнѣ «ты».

Пашка выдохнула: ф-фу!

– Да тебѣ всѣ здѣсь «ты» говорятъ, ты что, впервые услышала? А какъ еще кровопійцу называть? Да подстилку Распутина?

Пашка видѣла, какъ сморщилось сушеной грушей лицо царицы, она силилась не нагрубить Пашкѣ, не оборвать ее. «Хочетъ носомъ меня ткнуть въ дерьмо, да боится!»

– Замолчите сейчасъ же. Пригласите доктора.

Глаза Алексѣя уже распахнуты. Широко и скорбно. Она пропустила мигъ, когда онъ проснулся.

– Сыночекъ, съ добрымъ утромъ! Тебѣ лучше?

Пашка, у порога, бросила черезъ плечо:

– Господскій пупсъ.

А выйдя и прикрывъ дверь, заслонила лицо руками. И большими пальцами заткнула уши.

Такъ постояла и дальше пошла. Крикнула въ открытую кухонную дверь:

– Товарищъ докторъ! Ступайте! Ждутъ!

...Деревенко вошелъ въ спальню мальчика, за нимъ человекъ въ черной тужуркѣ. Аликсъ встала и протянула доктору руку. Деревенко поглядѣлъ на комиссара: можно ли поцѣловать эту позорную руку? Юровскій равнодушно смотрѣлъ въ закрашенное известью окно, и докторъ со вздохомъ отпустилъ руку царицы. Юровскій повернулся и легко поклонился Александрѣ. Даже чуть учтиво. Она еле видно склонила голову въ отвѣтъ.

– Поглядите. Вы же специалисты. Я всего лишь... бѣдная сестра милосердія. Я чего-то не понимаю. Какъ мнѣ себя вести? Чѣмъ лѣчить? Докторъ Боткинъ дѣлаетъ много всего... полезнаго, – когда она волновалась, она искала русскія слова. – Я вчера дѣлала свинцовыя примочки. Ночью давала капли съ опіемъ. Но... улущенія нѣтъ...

– Такъ-съ, поглядимъ! – нарочито бодро, какъ передъ строемъ, выкрикнулъ Деревенко.

Алексѣй вытянулъ руки по одѣялу. Будто, лежа, стоялъ по стойкѣ «смирно».

– Глядите, господинъ докторъ!

При словѣ «господинъ» Юровскій дернулъ рукой и сталь сжимать и разжимать пальцы. Деревенко отбросилъ одѣяло. Приподнял примочку.

– О, о, о... Неважнецкія пока у васъ дѣла. Надо бы медовый линиментъ. Скажите, у васъ сейчасъ въ наличіи есть этотъ линиментъ: медъ, деготь, календула?

– Ой, мама, фу! Не надо! Эта мазь пахнетъ дегтемъ!

– Деготь полезень, солнышко, – безпомощно прошептала мать.

– Если нѣтъ, отрядите кого-нибудь въ аптеку! Я самъ наложу компрессъ!

Юровскій хмыкнулъ и покашлялъ въ кулакъ.

– А вы какъ считаете, докторъ? – Аликсъ повернулась къ Юровскому.

Юровскій уставилъ насмѣшливые острые, какъ два дамскихъ кинжалчика, глаза на царицу. Пожалъ плечами.

– У насъ товарищъ Деревенко знающій. Я ему довѣряю.

Потомъ вдругъ шагнулъ къ кровати наследника. Потрогалъ его лобъ. Щеку. Картинно поправилъ одѣяло.

– У него температура?

– О, – вскинулась мать, – мы сегодня еще не мѣрили... Сынокъ, на градусникъ...

Вынула градусникъ изъ стеклянной мензурки и нѣжно всунула мальчику въ ротъ.

Пока цесаревичъ держалъ во рту градусникъ, Юровскій молчалъ.

Мать вынула градусникъ и подошла къ закрашенному окну. Пыталась разобрать цифры.

– Сколько? – рѣзко спросилъ Юровскій.

– Тридцать... тридцать восемь и три, кажется... или двѣ...

– Ясно. А вашъ докторъ Боткинъ что рекомендуетъ?

– О... безъ Боткина... я не знаю, какъ бы мы жили...

Чуть не сказала: «выжили».

– Ники, доктор Деревенко былъ и много всего прописалъ! Эту безобразную тварь, кухонную дѣвку Бочарову, уже послали въ аптеку за дегтярной мазью. Какъ я могла забыть про эту чудесную мазь! Мы же такъ часто накладывали ее раненымъ тамъ, въ госпиталяхъ! Она такъ превосходно разсасываетъ!

Царь поцѣловалъ жену въ лобъ.

– Ты душенька. Я вѣрю въ эту мазь.

Обнялъ ее и тяжело вздохнулъ.

– И я вѣрю въ тебя.

– А я вѣрую въ Бога. Онъ все обустроить. Онъ... спасетъ насъ...

Оба перекрестились и долго, тоскливо крестились, стоя передъ ослѣпшимъ бѣлымъ окномъ.

– Господи... Я скоро ослѣпну, какъ эти окна. Я перестаю видѣть. У меня передъ глазами бѣлая пелена. Можетъ-быть, это глаукома.

– Милая.

Онъ поцѣловалъ ее въ глаза. Она затаила дыхание.

Онъ поцѣловалъ ее въ губы, и она отвѣтила – съ восторгомъ, со счастьемъ.

– О милый. А еще сегодня былъ такой новый доктор. Онъ весь въ черномъ. Такой чернѣй господинъ.

– Да. Я видѣлъ его въ коридорѣ. Серьезный человекъ. Кажется, дѣльный.

– Да. На меня онъ тоже произвелъ впечатлѣніе. Онъ даже погладилъ Алексѣя по щекѣ.

– Вотъ какъ?

– А потомъ заставилъ меня измѣрить ему температуру. И такъ взволнованно разспрашивалъ, сколько.

– А вдругъ онъ знающій?

– Не сомнѣваюсь.

– А онъ еще придетъ?

– Не знаю.

##

Теплый, слишкомъ теплый, горячій вѣтеръ вѣялъ откуда-то изъ дальнихъ, зауральскихъ степей. Тамъ, далеко, мѣрно и важно качаясь, шли верблюды; раскосыя бабы доили кобыль, добывая кумысъ, – Ляминъ уже не разъ пивалъ степной кумысъ, и здѣсь, и въ Тобольскѣ, да и въ Самарѣ однажды, на рынокѣ, подошелъ къ толстой огромной, какъ гора въ Жигуляхъ, казашкѣ – длинное цвѣтастое платье мело пыль, круглое, красное, сверкающее подъ солнцемъ мѣдной раскаленной сковородой лицо сморщилось въ безпричинномъ смѣхѣ, оборотаясь къ Михаилу, – протянулъ ей денежку, и она налила ему въ кружку бѣлый пузырящийся напитокъ. Кумысъ щипалъ языкъ, кислилъ, обжигалъ глотку не хуже водки.

«Кумысику бы сейчасъ. Жарко».

Такъ жарко, даже курить не хотѣлось.

Сидѣлъ на крыльцѣ, какъ обычно, такой легкой посадкой – свистни, и вскочить быстро, пружиной хребта подброшенный: будто и не сидѣлъ вовсе, а шель, летѣлъ.

Всегда былъ легкій и на ногу, и на подъемъ. Куда позови – сорвется, поѣдетъ, побредетъ. «Помыкной» – звалъ его отецъ, и Софья такъ же звала.

Софья. Отецъ. Живы? Мертвы? Всѣ умерли. Всѣхъ убили. Онъ сердцемъ чувствуетъ. А у него даже ни фуражки отцовою, ни шарфика сестринскаго на память. Все поразграбили людишки, да и домъ-то, видать, пожгли. Вернется, а тамъ пепелище. Если... вернется.

«А то не вернусь? Вернусь, куда я дѣнусь».

Терь ладонью засаленные на колѣнкахъ штаны.

«Портки у меня бывалые. Надо бы помѣнять. Деньгу комендантъ дасть – пойду въ лавку, новые куплю. Въ этихъ – ужъ стыдно. Да и покрѣпче надо взять. Чтобъ матерьялъ потолще».

Въ вѣтвяхъ дерева, надъ заборомъ, залиvisto пѣла, восхваляя любовь, невѣдомая птица.

Ляминъ задралъ голову, взглядомъ пытаясь нашарить птицу въ переплетеннѣ вѣтвей.

«Птаха. Поетъ. Поетъ себѣ, поетъ, одинъ день живетъ. Ну, одинъ годъ. Ну, пару лѣтъ, а дальше ходу нѣтъ. Такъ и человекъ. Думаетъ: по себѣ память оставлю! Кѣмъ, чѣмъ? Собою? Такъ мы всѣ въ ящикъ сыграемъ. Дѣтишками? Ну, нарожаемъ; а они возьмутъ да перемрутъ. Сейчасъ всѣ другъ друга норовятъ ухлопать. Дѣтки, старики – смерть не разбираетъ. Родить баба... а тутъ налетятъ и убьютъ...»

Мысли текли смутныя и горькія, слишкомъ рядомъ со смертью.

Она торчала изъ солнечнаго жаркаго вечера выступомъ тѣмы, сѣрая ея ухмылка моталась въ прозрачномъ лѣтнемъ воздухѣ, и всѣ чувства, на нее наткнувшись, одновременно тонули

въ ней и упирались въ нее, пытаясь сломать, а можетъ, пробить и выйти наружу съ другой ея стороны.

Но другая сторона смерти тоже имѣла лицо.

И тамъ тоже мерцала, издѣваясь, та же сѣрая, во всю рожу, ухмылка.

«Никуда отъ тебя, матушка, не дѣться».

Лямину подумалось: смерть, вѣдь это же земля, всѣхъ земля породила, всѣ въ нее и уйдутъ, и ничего тутъ страшнаго и такого особеннаго нѣтъ. Пора и привыкнуть, за сто-то, за тысячу вѣковъ.

«Обрастаетъ человѣкъ вещами, избами, дворцами. Да всѣмъ обрастаетъ: моторами, тюрьмами, арміями, судами. Висѣлицами. Ружьями. Другъ друга бьетъ. А свое все хранитъ. Иной разъ надъ бездѣлкой трясется, не надъ живой душой. Надъ шапчонкой вязаной – мамка связала... надъ халатикомъ тепленькимъ: бабка пошила... Надъ ножичкомъ – батькинъ ножъ, съ нимъ на охотку батька ходилъ... Надъ иконой Владимірской Божьей Матери: на нее твой прадедъ крестился... А ножъ украли, отобрали; а шапчонку да халатикъ, да валеночки твои дѣтскіе, да шубенку заячью – вмѣстѣ съ избою – спалили. И Божья Матерь отъ пламени – не защитила. Огонь все сожралъ! А ты – живъ. Но и ты когда-нибудь умрешь! Скоро!»

«А какъ – скоро? Когда?»

«Песъ знаетъ. Или – Богъ!»

«Богъ, Мишка, Богъ».

«Да они всѣ въ одинъ голосъ поютъ, что Бога нѣтъ!»

«Да вѣдь, можетъ, и нѣтъ. Тѣмъ легче».

«Легше? Не вѣрю».

Ляминъ отмахнулся отъ вредныхъ мыслей, какъ отъ мухъ. Какъ котъ лапой, возлѣ уха рукой махнулъ.

И правда, курнуть бы. Авось махра всю эту вѣчную саднящую боль разгонитъ.

И хотѣлъ-было ужъ въ карманъ залѣзть и пакетикъ съ махоркой уцѣпить, да скрипнуло крыльцо подъ тяжестью еще одного тѣла.

Ляминъ, не вертя головой, глаза скосилъ.

Юровскій!

«Вотъ чудеса. О чемъ я буду съ нимъ, съ такимъ важнымъ комиссаромъ, балясы точить?»

Яковъ Юровскій опередилъ солдата.

– Отдыхаемъ, боецъ Ляминъ?

«Прозванье мое помнитъ».

«Да онъ тутъ всѣхъ помнитъ. Онъ – ушлый».

– Такъ точно, товарищъ комиссаръ.

– Просто – Яковъ.

Юровскій длинно и неожиданно тяжело вздохнулъ, и Ляминъ вздохъ этотъ слушалъ съ уваженіемъ.

«И комиссары тоже устаютъ. Работа тяжелая».

– Такъ точно, товарищъ... Яковъ.

Юровскій закурилъ, медленно двигая локтями, странную, съ цвѣтной нашлепкой, папиросу.

«Должно, иноземная. Съ наклейками».

Ляминъ слѣдилъ, какъ летаетъ красный горящій мотылекъ папиросы ото рта Юровскаго къ колѣну. Руку съ папиросой онъ клалъ на колѣно, дымъ вился вверхъ, и Юровскій, львино раздувая ноздри, всасывалъ его горбатымъ носомъ.

– Усталъ, боецъ? – мыслями Лямина о немъ спросилъ онъ Лямина.

– Да есть такое дѣло, товарищъ... Яковъ.

– Просто – Яковъ. Просто.

«Да не могу я просто. Ну какъ ты не поймешь».

И здѣсь, внутри революціи, тоже было раздѣленіе на слугъ и господъ; онъ вотъ сейчасъ понялъ это.

– Всѣ устали.

– Да, выходитъ, что такъ.

– Ну ничего, – Юровскій некурящей рукой похлопалъ Михаила по колѣну. – Немного еще потерпѣть.

– Немного?

– Надѣюсь.

И все. И замолчалъ.

Молчали оба.

Михаилъ ворочалъ мозгами, какъ тяжелыми жерновами.

Мысли смыкались и размыкались, чудовищныя жвалы, перемалывая догадки.

Но вслухъ не спросилъ: а сколько, моль, осталось?

«Что – осталось? Сторожить? Жить?»

«Бѣлочехи съ востока идутъ. Сибирь полыхаетъ. Западъ тоже взвился весь».

Юровскій заговорилъ самъ, первый.

– Ты вообще ни о чемъ плохомъ не думай, боець. У насъ руки-ноги желѣзные, а головы – что тебѣ моторы. На нашихъ мозгахъ мы – до полюса доѣдемъ. До Луны, до Марса – долетимъ! Понимаешь?

– Какъ не понять.

Ляминъ боялся что-нибудь не такъ сказать.

«Ляпну что невпопадъ – и къ стѣнкѣ меня. Къ этому вотъ заплоту».

Юровскій неожиданно, среди полной серьезности и густого табачнаго дыма, подмигнулъ Лямину.

– Такъ вотъ этими руками, кулаками, – Юровскій сунулъ въ зубы папиросу, сжалъ ладони въ кулаки и вытянулъ впередъ руки, и Ляминъ на кулаки эти смотрѣлъ зачарованно, какъ на фокусъ въ циркѣ, – мы – страну – погонимъ впередъ! Впередъ! А не назадъ! Слышишь?

Черезъ папиросу, черезъ дымъ чекистъ смѣшно шепелявилъ.

Ляминъ кивнулъ головой. На всякій случай опять молчалъ.

Юровскій разжалъ кулаки и двумя пальцами вытащилъ изъ зубовъ папиросу. Выдохнулъ дымъ, снова длинно, тяжело.

– Сначала – Россію погонимъ, а потомъ – и весь міръ!

«Міровая революція, да, они всѣ о ней говорятъ. Кричать! На каждомъ углу!»

– Вотъ этими желѣзными кулаками, понялъ? Нѣтъ, ты понялъ?! – хлопнулъ Лямина по плечу. – Твоими – кулаками!

«Надо что-то отвѣчать, а что?»

– Куда погонимъ? – глупо спросилъ Михаилъ.

«Эхъ, что балакаю, и самъ не знаю. Вдарить онъ мнѣ сейчас!»

Юровскій захохоталъ – негромко, тонковато, хитровато. Смѣхъ его на птичье чириканье смахивалъ.

– Къ радости! Къ счастью! – тонко выкрикнулъ Юровскій.

У Лямина на спинѣ всѣ волоски и даже всѣ родинки встопорщились.

Смѣяться вмѣстѣ? Поддакивать? Выкричать что-то гнѣвное, противъ? Смолчать?

– И этихъ, – растерянно кивнулъ на раскрытую въ домъ дверь, – тоже?

– Этихъ? А у нихъ одно счастье! – Юровскій досасывалъ чужестранную папиросу, искалъ глазами, куда бы зашвырнуть окурочекъ. – И они про него – догадываются!

Черезъ два, три мгновенья догадался и Ляминъ.

Снова сѣрая ухмылка временнаго страха опалила: теперь не грудь его и лобъ, а спину.

– Такъ вы ихъ хотите...

Не договорилъ. Теперь Юровскій понялъ.

– Мы не убійцы.

– Да вѣдь и мы всѣ тоже!

– Вы – бойцы. Стрѣлки. Вы красноармейцы! И служите нашей великой революціи. Вотъ кто вы такіе!

– Такъ точно, товарищъ...

– Яковъ!

– Яковъ, – не выдержалъ. – Дайте, это, папироску!

– А гдѣ, боець, твое «пожалуйста»?

– Пожалста.

Юровскій вытянулъ изъ пачки чужеземное курево. Поднесъ Лямину зажигалку.

«Гляди-ка, я какъ господинъ, а онъ мой слуга».

«Онъ твой товарищъ! Красный комиссаръ! Ровня!»

«Никогда онъ мнѣ ровней не станетъ. И я – ему».

Теперь Михаилъ курилъ, а Юровскій смотрѣлъ на него: мрачно, тяжело, куда и смѣшокъ дѣлся и птичья улыбка, когда губы – клювомъ.

– Запомни. Мы никому не мстимъ. И мы – не мясники на рынкѣ, – словно урокъ ему, Лямину, читалъ; или самъ себѣ – плавную, размѣренную іудейскую молитву. – Намъ не кровь нужна. Это для насъ не вино. Это тамъ, давно, когда французы свою революцію дѣлали, публика кровью, какъ водкой, опьянялась. И требовала еще и еще. Мы далеки отъ этого сладострастія. Мы не маркизы де Сады!

«Про какіе-то сады болтаетъ. Про маркизовъ! Для господъ понятно...»

– И для насъ никакихъ націй нѣтъ. Никакихъ! Богъ русскихъ, богъ нѣмцевъ, богъ татаръ и башкириновъ, богъ бурятъ, богъ евреевъ... какіе, къ чорту, боги?! Всѣ въ нихъ давно запутались! И мы не мстимъ имъ, – какъ мигъ назадъ Ляминъ, на зѣвъ двери кивнулъ, – потому,

что они вѣрятъ въ своего бога, а мы ни въ какихъ боговъ не вѣримъ. Хотятъ – вѣрятъ! А мы хотимъ – и не вѣримъ! Кому лучше, легче? А?! Кому?!

– Намъ – легче, – выдохнулъ Ляминъ и потеръ губы кулакомъ, будто чесались онѣ.

– Хоть они, – опять кивокъ, – насъ и били, и кровавили, и – съ лица земли стирали! Я, Ляминъ, погромъ пережилъ. Это – не дай богъ никому пережить! Я – чудомъ выжилъ. А эти... вы, русскіе!.. бѣжали по улицѣ и оралы: смерть, смерть! Все – сжечь! И – жгли. А улица вся, вся – выла. Вылъ каждый домъ. Этотъ страшный вой, Ляминъ... одинъ разъ услышишь – и посѣдѣешь. И я, мальчонка, въ ту ночь вразъ посѣдѣлъ!

Ляминъ покосился на фуражку Юровскаго. Юровскій фуражку сдернулъ. Волосы, чуть волнистые, какъ бѣлымъ пепломъ присыпаны.

– А богъ... что богъ, – слово «богъ» Юровскій такъ выдавилъ изъ губъ, будто выплюнулъ нажеванный и прилипшій къ зубамъ комъ вишневой смолы. – Богомъ насъ отецъ замучилъ. Онъ все время молился и насъ заставлялъ. Мы ни слова не понимали на ивритѣ, а онъ – заставлялъ! Какъ попугаи, молитвы заучивали. Чтобы – отъ зубовъ отскакивало. Будни, праздники, утро, вечеръ – все равно: на молитву – вставай! Я въ дѣтствѣ хотѣлъ убить богатыхъ... и хотѣлъ убить бога. Чтобы больше никто и никогда ему не молился.

Ляминъ самъ не замѣтилъ, какъ искурилъ папиросу.

«Махра, мать ея ети, дольше курится».

Юровскій жаль руки, и пальцы громко, противно хрустнули.

– Мой богъ – народъ! – крикнулъ онъ не то чтобы громко, но зло и очень отчетливо. Будто на площади, передъ строемъ, выкрикнулъ жесткую команду. – Народъ, навсегда! Народъ не только Россіи – а всего міра! Во всѣхъ странахъ! Охмурили народъ богами. Голову ему задурили вконецъ. А народъ – онъ счастья достоинъ. Счастья! А его – батогами, барщиной, поденщиной... Богомъ этимъ. «Миромъ госпуду помо-о-о-олимся!» – Православный возгласъ священника передразнилъ издѣвательскимъ, бараньимъ блянемъ. – Забили... запоролы! И онъ, запоротый, въ крови, все ползъ и ползъ. Впередъ – ползъ! И до революціи – доползъ. Ну ужъ мы теперь то, что завоевали, шишь отдадимъ! – Ляминъ глядѣлъ на сжатый, крѣпкій булыжникъ кулака Юровскаго. – Шишь упустимъ!

Приблизилъ башку, пахнущую куревомъ и потомъ, къ Лямину.

Ляминъ косилъ и видѣлъ краемъ глаза, какъ по виску Юровскаго изъ-подъ блестящаго обода фуражки течетъ мелкій потъ.

– И запомни: я не еврей. И Голощекинъ – не еврей. И ты – не русскій. И Фаттахутдиновъ – не татаринъ. И Сафаровъ – не башкиринъ. И Дзержинскій – не полякъ. И Джугашвили – не грузинъ! И Ленинъ... да кого только къ Ленину не приклеивали! Не нѣмецъ онъ. Не калмыкъ. Не еврей. Не русскій. Запомни навѣкъ: Ленинъ – вождь мірового пролетаріата! Онъ – не богъ! А человѣкъ! Какими стануть всѣ люди, всѣ!.. послѣ міровой революціи. За Ленинымъ – пойдутъ! Къ коммунизму! Къ единому человѣчьему дому! Къ господству, запомни, не царей вшивыхъ, а – народа!

– Такъ мы же, – подаль голосъ Ляминъ, – за народъ и бьемся...

– Чортъ! За народъ! Да! За всемірный, точнѣе, пролетаріатъ! Вотъ за что! И наша партія...

Ляминъ опустилъ голову, всѣмъ видомъ выражая полное согласіе съ криками Юровскаго. Юровскій мелко дрожаль, и пальцы его дрожали.

– Вы это, закурите, – заботливо подсказаль Михайль.

Юровскій ощерился, еще бѣ немного – и огрызнулся.

«За что злится? Что я ему такого сказалъ?»

– Самъ знаю, что мнѣ дѣлать!

«Вотъ я уже и съ грязью смѣшанъ. Онъ все одно надо мной, а я внизу».

– Борьба, Ляминъ! Не на жизнь, а на смерть! Чуешь? Видишь?!

– Вижу.

– Страшная борьба! И мы всѣ... мы погибаемъ въ ней. За счастье! За будущее! Ты погибаешь. Друзья твой погибаютъ! А исторія, исторія... она что? Она корчится, корячится... корежится... – Юровскій подвигаль скрюченными пальцами, изображая боль, мученье. – Она – баба! Она – рожаеть! А родошь, ты знаешь, безъ воплей и крови – не бываетъ! Или что, по-твоему, бываетъ?!

– Не бываетъ.

Ноги затекли. Михайлу хотѣлось встать, разогнуть колѣни. Но сидѣлъ какъ въ землю вросшій.

И крыльцо ѣхало, плыло подъ нимъ.

– То-то! Такъ вотъ мы, мы всѣ!.. знаешь кто? – Ляминъ мотнулъ, какъ быкъ, головой. – Мы – повитухи у этой чортовой роженицы!

– Мы? Повитухи?

– Ну кто-то долженъ вѣдь на руки – будущее – принимать! И перевязывать эту кровавую,

чортъ, пуповину!

У Лямина даже не было силъ соглашаться, кивать.

Юровский уже голосъ крѣпко возвысилъ, почти оралъ.

Какъ на трибунѣ.

– И намъ надо много людей убить, чтобы младенецъ – здоровенькимъ родился! – брызгалъ табачной слюной. – Тысячи, десятки тысячъ, сотни тысячъ надо уничтожить! А можетъ, и миллионы! И надо твердо, хорошо знать, кого надо – пошадить! Жить оставить! Потому что они – достойны! Они – свои! Они – эту жизнь, это будущее – заработали! Своимъ горбomъ!

Изъ чернаго прогала двери показалась чья-то голова. Спряталась.

Видно, любопытствовали, кто тутъ такъ ореть.

– Въ этомъ-то вся и загвоздка: какъ узнать, кого? Кто – свой? Пролетарскій, выстрадавший?! Мученикъ... герой! – потъ заливалъ скулы и шею Юровскаго. Онъ сдернулъ фуражку. Мокрые съдые волосы совсѣмъ по-бараньи закурчавились. – Они говорятъ: вотъ мы – герои! А вы – быдло навозное! Ну ужъ нѣтъ! Все наоборотъ. Это мы – васъ – въ крови потопимъ! Мы – на вашихъ костяхъ – карманьолу спляшемъ!

– Карман... что?..

– Неважно! Кадрилъ! Семь-сорокъ! Спляшемъ! И кости въ пыль потопчемъ! И кровью вашей – умоемся! Мы выберемъ прекрасныхъ. Отсѣмъ. Отсѣчемъ! А всѣмъ остальнымъ – золоченой грязи, подонкамъ этимъ, мучителямъ, хищникамъ – головы – порубимъ! Въ крошево – разстрѣляемъ! Чтобы мясо... клочьями съ костей свисало...

«Эка его разжигаетъ. Доктора бѣ ему!»

Ляминъ и пугался, и почему-то смѣхъ его разбиралъ.

«Нечестивецъ я; надъ начальникомъ смѣюсь».

– Вотъ ты, Ляминъ, думаешь небось, что ты – человекъ!

Михаилъ оглядѣлъ себя.

«Ты только не улыбайся гляди, губы отъ улыбки береги».

Изо всѣхъ силъ напрягся, не хохоталъ.

– Ну, человекъ.

– А вотъ и нѣтъ! – Юровский прищурился торжествующе. – Ты – матерьяль!

– Что, кто?

– Ма-те-рьяль!

– Это что же, отрѣзь, что ли? Сукно?

Ямки смѣха уже подло вспрыгнули на щекахъ.

Юровский прищурилъ оба глаза. И распахнулъ ихъ. Тьма широкими волнами ходила въ нихъ – отъ зрачка къ зрачку. Колыхалась.

– Всѣ мы – матерьяль исторіи! Она нами вертеть, крутить, насъ рѣжетъ, и да, мы отрѣзы, и именно изъ насъ кроютъ шинели и скатерти, простынки и матрацы. Изъ насъ! Мы наивно думаемъ: мы – люди. Шишь! Мы-таки не люди! Мы – ткань, кирпичи, щебенка! Рельсы мы, и насъ кладутъ! Но когда мы сами становимся хозяевами – кого выбросить, а кого оставить, рѣшаемъ мы! Кого сжечь дотла, и чтобы не воскресъ! А кого – въ загонъ, и пусть размножается!

Ляминъ сглотнулъ, кадыкъ дернулся, какъ затворъ винтовки.

– Плодитесь, въ бога-душу... и размножайтесь...

– Вѣрно подмѣчено! – Юровский ужъ самъ смѣялся, и Ляминъ облегченно сталъ вторить ему, выпустилъ преступный хохотокъ на волю. – Люди – матерьяль! Изъ насъ время строить и насъ же – на свалку выкидываетъ. Сколько поколѣній сгнило на свалкѣ! Но теперь все будетъ по-другому. Вотъ увидишь! Вы всѣ увидите! И у насъ, главное, у насъ есть глаза.

«У насъ – это онъ про нихъ, про комиссаровъ».

– Мы хорошо видимъ, кто хорошъ, а кто плохъ. Кто – золото, а кто – дерьмо. Мы взяли за ужасный гужъ. Эта наша работенка хуже любой золотарской. Золотарь дѣло имѣетъ съ дерьмомъ, съ выгребными ямами. А мы – съ дерьмомъ исторіи! Представляешь, какія это громадныя Авгіевы конюшни?!

– Ав... ги...

– Начхать! Ты и такъ все понялъ!

– Я – понялъ.

– И я понялъ! И мы оба поняли! Ты вотъ въ церковь ходилъ, небось?!

– Какъ же мы... безъ церкви-то... у насъ въ Буянѣ всѣ ходили.

«Къ чему онъ тутъ церковь приплелъ?»

– И лобъ крестилъ? И попу въ ножки падалъ?!

– Ну да. А какъ безъ этого, – Ляминъ нежданно озлился. – Чай, на исповѣди всѣ въ ноги попу валялись! И – ничего. Не срамно это! Это обычай такой!

«Объясняю ему, какъ въ школѣ...»

– И тебѣ попъ навѣрняка гундосилъ: твоя жизнь священна, твоя душа священна, жизнь человѣка священна, жизнь ближняго твоего священна! Возлюби ближняго твоего, какъ это у васъ тамъ, какъ самого себя?! Да?!

– Да, – Михаилъ низко, до ключицъ, наклонилъ голову. Подбородкомъ груди коснулся. – Это Христось сказалъ. Въ Новомъ Завѣтѣ.

– А, ну да, Евангеліе ваше! – Юровскій теръ пальцами другъ объ дружку, будто счищаль липкую паутину или прилипшую рыблю чешую. – Ненавижу. Ненавижу этихъ поповъ вашихъ! Эту церковь, жирную каракатицу! Всю исторію – вашей кровью питалась! Изъ народа кровь сосала! И богатѣла, и жирѣла, и кровью и золотомъ наливалась! Оклады всѣ эти золотые на вашихъ иконахъ – народной кровью помазаны! Лики эти сладкіе – кровью писаны! Богомазы кисти не въ яичную темперу – въ кровь окунали! Ненавижу! – выдохнулъ. – И – не только я ненавижу. Ненавидимъ всѣ мы. Кто дѣлаетъ революцію. Потому что знаемъ, что есть – лучшее. Чистѣйшее. Есть – счастье. А у васъ, у насъ всѣхъ его отняли. И на куски, какъ селедку, разрѣзали. И сожрали! За этими ихъ монастырскими ли, царскими ли столами! Какъ эту ихъ... осетрину, севрюгу... наше счастье – икрой – на булки бѣлыя мазали... сметаной поливали – и жрали, жрали... – передохнулъ, воздухъ ртомъ ловилъ, будто рѣку широкую переплываль. – И что? Мы взяли верхъ. Взяли – власть! Теперь мы – ихъ – стережемъ. Думаешь, Ляминь, мы жизни ихъ сторожимъ? Нѣ-е-е-е-ть! Мы – стережемъ – покойниковъ, вѣдь они уже всѣ – умерли! Только они еще объ этомъ не знаютъ! Ха, ха-а-а-а-ахъ... – засмѣялся страшно и тутъ же закашлялся и долго кашляль, будто выкашливаль изъ глотки рыблю кость. – Они думаютъ... они живутъ! Да время уже давно разбросило свои кости. Мы – уже выиграли въ этой игрѣ!

Ляминь осмѣлился и спросилъ. Ему ужъ очень хотѣлось объ этомъ комиссара спросить.

– А мы-то, мы-то... еще долго будемъ сражаться? Ну, и умирать? Жить вѣдь хочется!

Онъ хотѣлъ сказать это весело, а получилось – жалобно.

Юровскій рѣзко повернулъ голову. Ляминь думаль – у него шея сломается.

И будетъ онъ глядѣть, какъ сова на суку, голову обернувъ сумасшедшимъ клювомъ и круглыми глазами надъ сѣрой спиной, надъ крыльями.

– А ты, боець Ляминь, что, сильно жить хочешь?

Михаилъ молчалъ.

«Чортъ, стыдно. Вышло такъ, будто я трусь. Или баба».

– Или – приусталь ужъ очень?

Ляминь поковыряль пяткой сапога сухую жаркую землю близъ крыльца.

– Что молчишь? Нечего сказать? Запомни, боець: идетъ жесточайшая классовая борьба.

И пока не видно ей конца. Что, хочешь, чтобы я тебѣ сказалъ, сколько еще времени осталось воевать? Годъ, два, три, десять? Сто лѣтъ? Я этого тебѣ сказать не могу. Я – не твой богъ. И не провидецъ. Я такой же... боець, какъ ты. Они всѣ, – кивокъ на дверь, – виноваты передъ нами. Передъ всѣмъ народомъ. Смертельно. И смерть имъ будетъ. Сегодня или завтра – это не мнѣ рѣшать. Но когда передо мной человѣкъ, я прежде всего спрашиваю: къ какому классу ты принадлежишь? Кто ты? Царь ты, спиногрызь и убійца, или ты пахарь, рабочий у станка, что трудился на господина и плакаль кровью?

«Вотъ угостилъ бы еще папироской этой замысловатой».

– Мы – ихъ – не потому убиваемъ, что мы – звѣри. Нѣтъ! Мы не звѣри. Ляминь, нѣтъ! Не звѣри! Вотъ ты развѣ – звѣрь?

У Михаила странно и стыдно защипало въ носу. Онъ вдругъ увидѣль, какъ вживѣ, свою собачку – ребенкомъ была она у него, жила въ ихъ избѣ: на крыльцо щенка подбросили. Сколько ему было? Онъ ужъ и не помнить. Лѣтъ пять, шесть. И какъ назвали щенка, тоже забыль. Вродѣ Кузя. Они оба мало отличались другъ отъ дружки. Вмѣстѣ возились на полу, подъ ногами отца, близъ его остро пахнущихъ свѣжей ваксой сапогъ. Сапоги угольно блестяли, собачка тьякала и острыми, какъ иглы, зубами хватала Мишку за руки, за ноги, прокусывала рукава и штаны, прокусывала кожу, текла кровь. Мишка плакаль и смѣялся сразу. Очень любилъ онъ ту собачку. Однажды пришелъ къ нимъ въ гости, съ ружьемъ, пьяный въ дымъ охотникъ Вася Кругловъ, и еще съ отцомъ пили, хорошо добавили. И Вася Кругловъ схватилъ ружье, оскалился, зарычалъ, прицѣлился и застрѣлил Кузю. Можетъ, въ пьяномъ дыму щенокъ показался ему звѣремъ; волкомъ. Никто не знаетъ и никогда ужъ не узнаеть.

Онъ помнить, какъ онъ трясся, а Софья, сама еще дѣвчонка, отпаивала его валерьянкой, какъ кота, а онъ вертѣль головой и выль, не хуже звѣря. Такъ кто звѣрь? Васька-охотникъ, собака, любой человѣкъ съ ружьемъ, съ ножомъ, – или звѣрь на волѣ, въ лѣсу и въ полѣ, гордый и честный?

– Нѣтъ. Я – не звѣрь.

– А можетъ, звѣрь?

Вопросъ изъ устъ Юровскаго вдругъ прозвучаль хитро, изгибисто. Будто ящерка по доскамъ проползла.

– Нѣтъ.

– Точно?

«А можетъ, и правда звѣрь. Я-жь убиваль!»

«Убиваютъ – люди. Люди только и убиваютъ, чтобы убить. Звѣри – чтобы жить».

«Значитъ, человѣкъ?»

Чуть не размѣялся горько надъ собой. Вытянулъ затекшее колѣно. Пошевелилъ ногой въ сапогѣ.

– Да звѣрь, звѣрь.

«На, подавись».

«Какъ разговариваешь съ комиссаромъ!»

«Да онъ меня вынудилъ».

– Виновать, товарищъ... Яковъ.

Лицо Юровскаго странно закруглилось, загнулось. Загнулся плавно, дверной ручкой, носъ; выгнулись пельменями чуткія уши; округлился подбородокъ; загнулись кверху, какъ у женщины, рѣсницы; выгнулись брови, замаслились глаза. «Господи, что это съ нимъ? Онъ весь какъ вяземскій пряникъ сталъ».

– Виновать? Ахъ ты звѣрь, звѣрь, – еще немного, и погладилъ бы Михаила по спинѣ, по лбу. – И я тоже звѣрь. Мы оба – звѣри. Только... – притиснулъ къ нему хитро округленное лицо, и сильнѣе запахло потомъ и корицей. – Боимся себѣ въ этомъ признаться. И вѣрно. Будемъ ихъ грызть... терзать. – усмѣхнулся. Лицо скривилось. Ляминъ хотѣлъ всерьезъ испугаться, да надъ страхомъ своимъ молча смѣялся. – И пусть съ нашихъ клыковъ кровь капаетъ. Терроръ! Онъ такой. Всегда. Онъ другимъ просто быть не можетъ. Да? Да?

Спрашиваль мягко, вкрадчиво, но настойчиво.

И надо было отвѣчать.

«Какъ бы разговорецъ этотъ закруглить... половчѣй».

– А что жъ такое... терроръ этотъ?

– Красный терроръ, боецъ. Красный терроръ. Безъ него ни одна революція не обходится, – глаза замасливались все сильнѣе, гуще. – Это когда множество смертей рѣшаетъ жизнь и судьбу новой страны. И среди этихъ смертей далеко не всѣ – справедливыя. Коса косить и невинныхъ. Но такъ надо. Коса сама знаетъ, что дѣлаетъ.

– Мы до сихъ поръ сражались – съ врагами.

– То бишь съ виновными? Ты такъ увѣренъ въ этомъ? Мало безвинныхъ крестьянъ погибло? Тѣхъ, кто за бѣляковъ? Мало – бывшихъ – дамочекъ, ихъ дочерей, сынковъ малолѣтнихъ – въ городахъ? Я самъ такихъ дамочекъ разстрѣливалъ. Въ упоръ. Изъ пулемета. Косиль, и онѣ ложились мнѣ подъ ноги. И сапоги – по шиколотку – въ крови. И пахло, знаешь, такъ солено. И немного сладко. Кровь, она же соленая и сладкая вмѣстѣ. И знаешь? Хотѣлъ склониться, ладонью черпнуть и – хлебнуть. Честно, хотѣлъ!

Лямина будто черная туча обняла, холодная, съ градомъ въ брюхѣ.

– Много вы пережили.

– Будто ты не пережилъ? Всѣ мы видали виды.

– А... эти? – чуть замѣтно опять на дверь кивнулъ. – Ну онъ, ну ладно, виновать. А – дѣвчонки эти? Мальчонка? Баба эта его?

– Баба эта, – Юровскій наставительно поднялъ палецъ, уперся локтемъ въ колѣно и такъ строго палецъ держаль, – главная повариха всего страшнѣйшаго варева: войны, доносовъ, шпіонства, развала хозяйства. И Распутина, хахаля своего, она тоже сварила-таки въ котлѣ. И съѣла. Вотъ она – звѣрь настоящій.

Ляминъ прищурился и самъ для себя неожиданно, сухо и тихо, спросилъ:

– Убьете?

Спросилъ и устранился.

«Что мелю».

«Да ничего! Все къ этому идетъ!»

На кончикъ пальца Юровскаго съѣла краснобрюхая стрекоза. Качала чуть желтоватыми, стеклянными, въ мелкой сѣткѣ, крыльями. Улетѣла. Комиссаръ скрючилъ палецъ, почесаль ладонь и безъ звука засмѣялся, показывая чуть закругленные, какъ у зайца, желтые прокуренные зубы.

– А ты какъ думаешь? Ты вотъ знаешь, что нашъ вождь говорить?

– Откуда-жь я знаю. Телеграфомъ не пользуюсь, газетъ не читаю.

«Только отъ васъ команды слушаю да выполняю».

– Ленинъ такъ учить: надо отрубить головы по меньшей мѣрѣ сотнѣ Романовыхъ, чтобы

отучить их преемниковъ отъ преступлений!

Морозъ подраль у Лямина по вспотѣвшей спинѣ, по хрустнувшимъ лопаткамъ. Онъ уже беззащитно разглядывалъ Юровскаго. Круглыя, мощныя скулы надъ чуть впальми щеками. Темная маленькая, клиномъ, борода, и сѣдые нити въ ней, и чуть курчавится. Черная куртка изъ твердой мореной кожи скрипитъ на сгибахъ. Курткушили изъ кожи звѣря, и звѣрь внутри нея спрятался, сидитъ. Затаился. Улыбается тонко. Смѣется беззвучно. А развѣ звѣри умѣютъ смѣяться? Все они умѣютъ. Они – ученые. Цирковые.

«Значить, онъ зналъ все еще тамъ. На вокзалѣ. Когда они на перронъ сошли. Они къ моторамъ шли, ихъ шоферы везли, а онъ уже все зналъ».

– Что молчишь? Надъ словами думаешь? Каковы слова вождя? Руководство къ дѣйствию.

Шея у Юровскаго была такая короткая, что казалось – голова приклеена густымъ вязкимъ клеємъ сразу къ грудной клѣткѣ. И ему ее трудно поворачивать. И онъ можетъ глядѣть только впередъ. А если назадъ – обернуться всѣмъ корпусомъ, всѣмъ тѣломъ, и снова смотрѣть назадъ, какъ впередъ.

– Хорошія слова, – осторожно вымолвилъ Ляминъ.

И замолкъ.

Слушалъ, какъ двигается и дышитъ звѣрь.

– А ты знаешь, боець, кѣмъ я былъ до революціи?

Ляминъ опять испугался: вопроса, откровенности.

– Ну откуда жъ мнѣ знать.

– Медикомъ я былъ. Фельдшеромъ. Въ хирургіи служилъ. Иной разъ, если вдругъ хирургъ занеможетъ, и операциі дѣлалъ. Самъ. И тоже, знаешь, кровищи насмотрѣлся. Кровь текла – ухъ, рѣкой! А я привыкъ. Мнѣ ничего. Я, Ляминъ, знаю хорошо, что такое кровь. Никакого бога въ человѣкѣ нѣтъ. Есть только кровь. Она вся вытечетъ изъ тебя – и тебѣ конецъ. И все. Никакихъ иконъ, никакихъ завываній съ амвона. Слышишь?!

Отъ тихаго мурлыканья внезапно къ истеричному крику перешелъ, и Ляминъ отшатнулся.

– Слышу. Фельдшеръ, значитъ. Это для войны правильная специальность.

– Вѣрно, – опять круглая, уклончивая усмѣшка. – Если кого глубоко ранить – и пулю вытащу, и перевяжу. По наукѣ. Я ловкій. Меня доктора хвалили.

Выглянулъ надъ колѣнями руки и пошевелилъ гибкими, гнущимися въ крючья пальцами.

«Только-бъ не спросилъ опять про Ленина».

– Ну такъ что жъ, про слова Ленина молчишь? Ты-то самъ – какъ мыслишь?

«А что, если скажу – никакъ? Меня – разстрѣляютъ?»

– Да я жъ сказалъ уже. Вѣрно это все. Другого пути нѣтъ.

– Ты такъ обреченно это говоришь, хм.

Ляминъ опять обозлился.

– Ну правда жъ нѣтъ!

Юровскій похлопалъ его по рукѣ. Рука Юровскаго голая была, а такая холодная и твердая, будто въ кожаной перчаткѣ.

«Рожа потѣетъ, а руки холодныя, какъ у покойника».

– Правда, правда. Это единственная правда, что намъ осталась. Что глядишь такъ, звѣрь? Намъ! Пролетаріату!

«А фельдшеръ – пролетаріатъ?»

– А вы долго въ хирургіи-то прослужили?

Юровскій поднимался тяжело, тяжело отрывалъ задъ отъ досокъ крыльца, будто приклеенный.

– Сколько прослужилъ, все мое, – положилъ руку на плечо Михаилу, и опять сквозь гимнастерку пробралась угольная твердость и пещерный холодъ этой чужой плоти. – Знаешь, боець, нравилось мнѣ это дѣло врачебное, да, очень по душѣ было, и на врача бы выучился, и... пополнилъ бы ряды этихъ, преуспѣвающихъ, богатыхъ, спокойныхъ-сытыхъ. И больные меня любили. И я ихъ... да, тоже... таки любилъ. Все было вѣжливо! Чистенько такъ! И жалованье, – помолчалъ. Надавилъ рукой на плечо Михаила. – Я вотъ когда здѣсь появился, ну, когда мы всѣхъ привезли въ Домъ... пришелъ наслѣдника осмотрѣть. Они пожаловались, у него нога болитъ. Я осмотрѣлъ. И они всѣ... вообрази... повѣрили, что я врачъ! За доктора – меня приняли! Бывшая царица и называла меня такъ: докторъ, а вотъ то... докторъ, а вотъ это? Ха-ха, ха-а-а!

Смѣялся, и желтые, заячьи выгнутые зубы въ закатномъ солнцѣ блестѣли.

Ляминъ дрогнулъ всѣмъ тѣломъ, какъ звѣрь, и тоже поднялся.

– Докторъ, а я могу итти?

Шутка не вышла.

Стояли, двое, другъ противъ друга, и странно стояли – вродѣ какъ два врага, не какъ сообщники. Не какъ начальникъ и подначальный. Противостояли.

«Мы какъ два звѣря. Въ тайгѣ. Въ степи. И одинъ сейчасъ бросится въ рѣку и поплыветъ. Одинъ – отъ другого – спасаться будетъ. Кто – отъ кого? Онъ отъ меня? Я отъ него?»

– Боець Ляминь! Вольно!

Смѣялся.

– Да у насъ тутъ и такъ все вольно.

– Это – рѣдко бываетъ! Цѣни.

– Я цѣню.

– Ты знаешь, что сказалъ Карль Марксъ?

– Нѣтъ. Не знаю.

«Неученый я, крестьянинъ, а онъ надо мной потѣшается».

– Мы должны ускорить агонію отживающихъ классовъ. Поняль? Слышишь? Агонію. А-го-ні-ю!

– Поняль. Агонію.

– Болѣе того я тебѣ скажу, – опять придвинулъ лицо. И опять пахло звѣрымъ потомъ и печеньемъ съ корицей. – Они всѣ – уже мертвецы. А мы – ихъ могильщики. Пролетаріатъ могильщикъ буржуазіи, вотъ тоже мудрѣйшія слова; а еще могильщикъ вотъ этихъ, кто – выше всѣхъ, наверху пирамиды. Самый-таки наипервѣйшій. И лопату въ рукахъ держать мы умѣемъ. Ужъ яму имъ выкопаемъ – знатную! Сразу всѣ умѣстятся. Ха, ха!

Ляминь растянулъ губы въ улыбка, подыгралъ.

– Вѣрно.

– Еще бы не вѣрно!

Вечеромъ, уже стемнѣло, и небо вызвѣздило, боець Дмитрій Митрофановъ выстрѣлили въ окно Дома изъ винтовки. Пуля попала не въ стекло, а въ стѣну, и отскочила, срикошетила. Митрофановъ еле успѣлъ уклониться. Пуля ему надъ ухомъ свистнула.

У окна, плотно, на всѣ задвижки закрытаго, стоялъ царь. Онъ хотѣлъ хоть глотка свѣжаго воздуха. Онъ слышалъ выстрѣлъ. Онъ не видѣлъ звѣздъ сквозь покрашенное известью стекло. Онъ ихъ только помнилъ, какія онѣ. Онъ сѣлъ къ столу, раскрылъ тетрадь, взялъ ручку, снялъ съ мраморной чернильницы стальную крышку и обмакнулъ вѣчное перо въ густыя, темныя, какъ венозная кровь, чернила. Какъ всегда, онъ аккуратно, старательно записалъ, что произошло.

Какъ стрѣлялъ въ окно часовой; и какъ онъ самъ тоскливо постоялъ, пошевелился у слѣпого, ночного, жуткаго окна.

##

Каждый день нужно было поднимать, какъ гирю. Такъ онъ былъ тяжелъ, иногда невыносимо.

Они не роптали. Они всѣ, и родители и дѣти, часто крестились и поднимали глаза кверху, будто видѣли тамъ, на тускломъ, пыльномъ, съ осыпавшейся лѣпниной, потолокъ Того, Кто все это имъ въ испытаніе придумалъ: арестъ, ссылку, домашнюю тюрьму.

Охрана вѣдь тоже разная у нихъ была. Кто-то жестоко потѣшался надъ ними; а кто-то приносилъ въ тряпицѣ нѣчто, разворачивалъ тряпицу, и духомъ свѣжаго хлѣба било въ голодные ноздри, и смущенный стрѣлокъ протягивалъ имъ на ладони хлѣбъ – ноздреватый, нѣжный.

Кто плевалъ имъ вослѣдъ. Кто – самъ украдкой крестилъ себѣ грудь, грязную гимнастерку, и шепталъ: Господи, помоги имъ. Кто готовъ былъ ударить прикладомъ и уже рѣзко, ненавидяще вздергивалъ винтовку. А кто, видя, какъ хищная рука тащить съ нищей тарелки положенную имъ пайку – котлету, кусокъ вывареннаго мяса, – билъ по этой самой рукѣ и огрызался: ну ты, не смѣй!

Здѣсь, въ Домѣ, охранѣ все можно было смѣть.

А имъ, узникамъ, пока еще разрѣшали жить и дышать.

И все же они ловили на себѣ разные взгляды: и звѣрей, и птицъ, и равнодушныхъ насѣкомыхъ, и живыхъ людей.

И не всегда живые люди благоволили имъ. Далеко не всегда.

Эти новые люди были живые, да, и они были – люди, но у нихъ была уже другая вѣра, и другими глазами они глядѣли на рѣзко, безповоротно измѣнившійся міръ.

Съ этими новыми людьми можно было бы иной разъ и говорить, и надѣяться на то, что они тебя поймутъ; но страшно было открыть ротъ и воззвать къ человѣческому въ нихъ, потому что всѣ остальные, другіе всѣ вокругъ рычали и выли, хохотали и свистѣли, лязгали зубами и лаяли, и научиться этому новому звѣрьему языку они, говорившіе по-русски, по-англійски и по-французски и еще на другихъ иноземныхъ нарѣчьяхъ, уже не могли: не

хотѣли.

Царь, его жена и дочери и сынъ стояли страннымъ и смѣшнымъ, крошечнымъ войскомъ противъ охраны. Чѣмъ обиднѣе и гуще швыряли имъ въ лица гнусныя слова, тѣмъ спокойнѣе становились ихъ глаза и губы. Глаза не видѣли, а губы не отвѣчали. Понятно, у нихъ были уши, и глаза, и сердца; но ушамъ они приказывали не слышать, губы научились складывать въ тихія улыбки, а сердца продолжали все такъ же биться, не сбиваясь съ ритма, не учащая рѣзкій стукъ о ребра.

Не замѣчай ничего, Маша, шептала Марія мать. Мама, я стараюсь, и у меня получается, шептала въ отвѣтъ Марія. Стой прямо, Алеша, не опускай глазъ! Такъ говорилъ сыну царь. И сынъ послушно выпрямлялъ позвоночникъ и по-солдатски сдвигалъ каблуки: хорошо, папа! Не буду!

Многое надо было научиться дѣлать, а еще больше – не дѣлать. Нельзя было дразнить звѣрей. Нельзя было знать больше, чѣмъ надо.

Надо было рано вставать. Ихъ было этимъ не удивить. Они всегда вставали рано. Значить, этотъ обычай сохранялся. Но страннымъ было то, что ихъ будили чужіе люди. Солдаты. Они входили къ нимъ въ спальни, въ ихъ жалкія комнаты, безъ стука, безъ предупрежденія. Безъ вѣчнаго «Можно?», къ которому они привыкли въ своихъ дворцахъ. Дѣвочекъ расталкивали грубо, трясли за плечо: эй вы, лежебоки! Давайте, спускайте ножонки съ матраца! Кончай ночевать! Кое-кто хамски хохоталъ: а вотъ если бы меня – да къ тебѣ подъ бочокъ, красотуля?! Марія зажмурилась, и правда смѣло спускала съ кровати голыя ноги и вставала передъ охраной – въ длинной ночной сорочкѣ, съ растрепанными густыми волосами, а взглядъ не заспанный, взглядъ жесткій и четкій, плотнѣе сургучной почтовой печати, пронзительнѣй алмазнаго сверка. Пробѣгала въ сорочкѣ къ окну. Оно все такъ же замазано бѣлой метельной краской. Солдаты тыкали другъ друга пальцами въ бока: а фигурка! Въ дверяхъ показывалась дѣвица Демидова, лицо разсерженное, на-спѣхъ завязывала поясъ капота. Завтракъ скоро? Да, скоро, лѣнтяи! Уже сейчасъ!

Старуха лежала съ открытыми глазами. Какъ и не спала. Они всѣ на самомъ дѣлѣ просыпались рано, каждый поодиночкѣ, проснутся и молчать, не хотѣя никого будить, дѣлаютъ видъ, что спать. И цесаревичъ дѣлаетъ видъ, что спитъ. И Татьяна. И Ольга. Ждутъ. Когда вломится охрана и заоретъ: что нѣжитесь, господа проклятые!

Одѣться надо очень быстро. Папа говоритъ, такъ одѣваются солдаты въ арміи. О-дѣ-ва-лись. Теперь арміи нѣтъ. Царская армія умерла. Теперь есть только вотъ эти, а у этихъ видъ бандитовъ. Это не солдаты. Хотя имъ кажется, что они солдаты. Но это уже все равно. Ничего не измѣнить.

Всунуть ножки въ чулки. Затянуть подвязки. Плотно застегнуть лифы, на всѣ крючки. Плотно сшитые, драгоцѣнные холщовые лифы. Иногда въ нихъ очень жарко. Да почти всегда. Но ихъ нельзя снимать. Никогда нельзя. И даже въ банѣ? Въ банѣ – можно. Мать будетъ сидѣть, какъ безсонная старая сова, съ тяжелыми лифами въ рукахъ, пока голыя дрожащія дочери будутъ купаться, обливаться изъ старыхъ шаекъ чуть теплой и, кажется, нечистой водой, а чьи-то звѣрьи глаза, красные и горящіе, и лукавые, и молодые, и похотливые, будутъ глядѣть на нихъ, голыхъ, изъ подслѣповатыхъ, дикихъ банныхъ окошекъ. И кошка будетъ расхаживать около бани; пушистая, сѣрая огромная сибирская кошка, полосатая, какъ тигрица, убійца мышей, кровопійца, царица всѣхъ кошекъ, мышей и крысъ, старая царица всея Сибири, и Урала, и Коми, и Мери, и Зырянъ, и Удмуртовъ, и Якутовъ, и Чуди Бѣлоглазой.

А цесаревичу надо помочь одѣться; самъ онъ не можетъ. Мать помогаетъ. Она всовываетъ ему ноги въ штаны, руки въ рукава рубахи, застегиваетъ всѣ мелкія, словно блохи, пуговицы и крохотные, какъ комары, крючки, сама причесываетъ его, а онъ возмущенно кричитъ: ну мама, ну не надо! Ну причешусь-то самъ! И тогда она вкладываетъ ему въ руку гребень, и глядитъ, какъ онъ причесываетъ себѣ русые, какъ у нея въ дѣтствѣ, густые волосы, и отворачивается, и плачетъ. А онъ замѣчаетъ ея слезы, и забѣгаетъ впереди нея, становится прямо передъ ея животомъ, передъ ея мокрымъ лицомъ, и трясетъ ее за руки, и кричитъ: мама, ну что ты плачешь?! Что?!

Ничего, отвѣчаетъ мать, мнѣ просто... попала въ глазъ сориночка...

И покрываетъ лицо своего мальчишка мокрыми, солеными поцѣлуями, и такъ шепчетъ ему, прерывисто и горько: нѣтъ у меня дороже никого, чѣмъ ты, мое чудо, мое великое счастье.

А себя обиходить? Да наплевать на себя. О нѣтъ! Такъ не надо. Дѣти должны видѣть васъ обоихъ, отца и мать, на завтракѣ – при полномъ парадѣ. Завтракъ – это тотъ же плацъ. Это – парадъ. Пусть даже это эшафотъ; тебя разстрѣливаютъ, а ты въ нарядномъ чистомъ платьѣ, и ты улыбаешься.

Такъ они воспитаны. Такъ они воспитываютъ дѣтей.

И вотъ выплываютъ. Столъ накрытъ бѣдно и неряшливо. Дѣвица Демидова помогаетъ поварихамъ, она старается расцвѣтить и подсластить нищету. Это завтракъ? Это насмѣшка надъ завтракомъ. Да это, по сути, просто чай, пустой чай и часто даже безъ сахара. Имъ говорятъ злобно: сахара нѣтъ! Сахарина – тоже! Даже свеклы сушеной нѣтъ, побаловать васъ, господь, ха-а-а-а! Громко смѣются, скалятся. Не у всѣхъ у нихъ зубы здоровые. У кого и гнилые. Царица брезгливо ежится. А потомъ спохватывается. Вѣдь они же всѣ больные. А она – сестра милосердія. Она такъ много работала съ больными. Знаетъ ихъ вдоль и поперекъ. Знаетъ, какъ утѣшить, какое лѣкарство въ мензурку накапать. Знаетъ, какой кеггутъ хирургу подать; какую иглу протянуть, толстую или тонкую, чтобы шовъ вышелъ плотный, навѣчный.

Ничего вѣчнаго нѣтъ? Это мы еще посмотримъ.

Чай дымится въ стаканахъ. Стаканы торчатъ въ подстаканникахъ. Подстаканники старые, видимо такъ, купеческіе; тяжелое литье и разные узоры – то лилія въ лицо глядитъ, то незабудка, то полная Луна. Царица обвиняетъ подстаканникъ сухими вѣтвями старыхъ пальцевъ. Всѣ стаканы стоятъ на серебряномъ подносѣ, кучно, близко другъ къ другу. Стаканы – тоже семья. И подносъ – ихъ домъ. И скатерть... какая скатерть? Тутъ грязная клеенка. Демидова не всегда успѣваетъ ее вытереть мокрой тряпкой.

А скатерть была бы снѣжнымъ полемъ. Или метельнымъ уваломъ. Камчатная.

Или та, что подарили Аликсъ однажды на день рожденія, прислали изъ замка Кобургъ. Съ нарочнымъ. Кремовое нѣжное полотно и вышито серебряной нитью. Огромные серебряные цвѣты и птицы. Зимнія птицы, ледяные цвѣты. Это все въ честь Россіи.

Россія, громадная ледяная плаха. Полѣнница дровъ, ты встаешь на нее, а она плыветъ, разсыпается подъ ногами. Или нѣтъ, это льдина у тебя подъ ступнями, и она таетъ и крошится, обламываются края. И кренится, и скользишь и падаешь ты – въ безумную сѣрую, свинцовую рѣку, черную на перекатахъ, яркую отъ страшнаго солнца на мели. Россія, ты птица! Ты поешь въ опущенныхъ инеемъ кладбищенскихъ вѣтвяхъ. И изъ стакана въ желѣзномъ подстаканникѣ твой сынъ пьетъ на могилѣ твою жгучую водку, а твоя дочь накладываетъ на себя крестъ, и въ щепоти у нея зажаты кристаллы соли и кровавыя ягоды звѣздъ.

На другомъ подносѣ лежатъ грубо нарѣзанные куски ржаного хлѣба. Ихъ нарочно рѣжутъ такъ толсто, коряво. Почти рвутъ. Рваный черный хлѣбъ. А какъ пахнетъ! Всѣ раздули ноздри. А хлѣбъ-то вчерашній. Подсохшій уже. Это неважно. Онъ очень вкусный. Слишкомъ вкусный. Вкуснѣ бланманже и мяса по-французски.

И надо его очень быстро съѣсть, потому что слишкомъ жадно и нагло красные солдаты смотрятъ, какъ ты жуешь. Нѣтъ, они не выхватятъ у тебя кусокъ! А можетъ, выхватятъ. Никто не знаетъ.

А чай, такой горячій, остываетъ слишкомъ быстро. И надо торопиться. Обжигать ротъ. Обжигать глотку. Давиться, ѣсть, прихлебывать. Человѣкъ обладаетъ ртомъ, носомъ и глазами, чтобы ощутить свою пищу, и руками, чтобы затолкать ее въ себя.

Ронять крошки на юбки. Стряхивать крошки съ брюкъ. Собирать ихъ въ ладонь и глотать. Они птицы. Всего лишь птицы, и ихъ кормятъ добрые люди.

Они говорятъ добрымъ людямъ, ихъ покормившихъ завтракомъ, спасибо. Спасибо, товарищи красноармейцы! На здоровье, ха, ха, переваривайте, да не сразу, до нужника грузъ донесите. Мама, не обращай вниманія, они такъ шутятъ. Они думаютъ, что шутятъ. А если намъ пошутить? Ольга, осторожнѣ. Маша, помни, ты идешь по лезвію бритвы! Каждое твое слово можетъ быть обращено противъ тебя.

О чемъ они балакаютъ? По-нашему. Эй, отставить говорить по-нашему! Кому говорить! Слыхали?!

И уходятъ изъ столовой. Уходятъ медленно, другъ за дружкой. Цугомъ. Какъ грустныя лошади, привыкшія ходить такой вотъ упряжкой: глядя въ затылокъ другъ другу. Затылки послушные, печальные. Нѣтъ! Не у всѣхъ. У Машки затылокъ задорный. У Ольги затылокъ гордый. У Алексѣя затылокъ твердый, тверже пушечнаго ядра.

Далѣе тянущееся сѣрыми сѣдыми нитями, шерстяное, покойное, безконечное время. Оно длится и тоскуетъ. Оно все время здѣсь, никуда не уходитъ. Хотя хочется порой, чтобы – навѣкъ ушло. И не возвращалось. Книги, чтеніе – зачѣмъ? Мѣрный, будто чужой, а на самомъ дѣлѣ слишкомъ родной голосъ читаетъ изъ большой, въ три обхвата книги. Книга лежитъ на столѣ, и пальцы съ трудомъ листають тяжелыя страницы. Страницы чугуныя, а буквы оттиснуты огнемъ. Въ книгѣ написано про нихъ про всѣхъ. И голосъ вычитываетъ какъ разъ то, во что можно глянуть, какъ въ туманное тоскливое зеркало.

Отъ завтрака до обѣда – цѣлый міръ. Цѣлый свѣтъ и цѣлый вѣкъ. Скучно. Но что такое скука? Это тоска. Тоска, правда, сильнѣе и мучительнѣй скуки. Съ ней можно бороться, иначе она поборетъ тебя. А со скукой даже бороться нельзя. Она проникаетъ въ кровь, въ

кости. Она становится тобой. Мама, когда объдать? Когда они позовутъ.

Да нѣтъ же, нѣтъ, Аликсъ. Когда объдъ принесутъ изъ столовой Совѣта рабочихъ депутатовъ.

Боже, папа, ты выучилъ это названіе!

У меня память хорошая, Машка.

Что сегодня на объдъ? А, не все ли равно. Все равно? Нѣтъ, мнѣ не все равно! А что бы вы пожелали, ваше высочество? Не смѣй смѣяться. Я пожелала бы все!

...ты такъ голодна, бѣдняжка.

Въ супѣ сегодня плаваетъ мясо. Оно плаваетъ кролемъ и брассомъ. А на второе – котлеты. На нихъ надѣты изъ сухарей жакеты. Настя, брось шалить! Когда я ѣмъ, я глухъ и нѣмъ. Какъ покойникъ? Ышь сейчасъ же!

У нихъ тутъ не было накрахмаленныхъ салфетокъ, не было свѣжихъ, цвѣта снѣга, скатертей. Не было сервизовъ, гдѣ розсыпи расписанныхъ лучшими художниками тарелокъ и супницъ, гдѣ нѣжно блеститъ столовое старое серебро, а къ чаю подаются чашечки и блюда отъ Гарднера или изъ Мейсена. Сегодня даже клеенки нѣтъ, объдаютъ на голомъ столѣ. Грубыя широкія доски столешницы похожи на доски огромнаго гроба. Неужели мнѣ столъ сей гробъ будетъ? Ну вотъ, теперь Машка! Машка, цыцъ. Алешка, у меня нога не желѣзная! Не наступай на нее больше, прошу тебя!

Какія у нихъ тарелки. Сегодня еще хуже, чѣмъ вчера. Онѣ всѣ разномастныя, и всѣ – битыя. А естъ повѣрье: нельзя ѣсть изъ битой посуды. Плохая примѣта. Вилки со сломанными зубьями. Ложки сегодня не мельхиоровыя, а деревянные. Какъ въ деревнѣ. И ихъ только пять. Господа, ой простите, товарищи, у насъ только пять ложекъ! А перебѣтесь. Облизывайте и другъ дружкѣ передавайте!

Всѣ вмѣстѣ, разомъ, сѣли за столъ. Начинали молитву вслухъ, но при первыхъ же словахъ «Отче нашъ» бойцы начинали люто гоготать. И каждый, склоняясь надъ пустой миской и наблюдая краемъ глаза половникъ, торчащій въ супницѣ, самъ себѣ подъ носъ шепталъ вѣчныя, великія слова, безъ нихъ же и любое яство на вредъ пойдеть – и желудку, и сердцу.

Бли въ молчаніи. Уткнувшись каждый въ свою тарелку. А солдаты гудѣли. Они-то говорили громко, безъ стѣсненія. Обсуждали ихъ видъ, какъ стати лошадей. А гляди-ка ты, у этой, самой старшей, волосы на темени – въ шишъ собраны! А у той вонъ челочка лошадиная. Вломиться бы къ нимъ въ спаленку, винтовку наставить, испужать – и всю долгую ночь пролететь... Ну тогда зимы дожидайся, ага!

Марія доѣдала котлету быстро, даваясь, вытереть ложку было нечѣмъ; она незамѣтно наклонялась и живо вытирала ложку исподней юбкой, да напрасно хоронилась, всѣ это видѣли. Снова взрывъ хохота. Ишь ты, и не брезгуешь! Панталонами ложечку треть! А у ей панталоны духами побрызганы. А кому ложку отдасть, кому? Папанѣ! Ышь, папаня, поправляйся!

Всѣ вмѣстѣ вставали изъ-за стола. Сейчасъ прогулка. Она короткая, но какъ они ее ждуть! Какъ раньше – ночного гулянья по царскосельскому парку, когда звѣздопадъ. Они выходятъ въ садъ, и жадно смотрятъ, и жадно дышатъ. Часто и глубоко. Докторъ Боткинъ говоритъ: у нихъ у всѣхъ кислородное голоданіе. Они идутъ по саду и видятъ: здѣсь стоитъ солдатъ, и здѣсь стоитъ, и здѣсь. Какая прорва народу, чтобы охранять семь человѣкъ! Весь караулъ выставили, небось. Да нѣтъ, не весь. Всѣхъ ихъ – человѣкъ двѣсти, не меньше. Ну что ты, двѣсти! Сто. Нѣтъ, триста, триста! Я сама считала!

Цѣпи, людскія цѣпи. Тяжелыя черныя цѣпи. Людьми можно обвить садъ, обкрутить домъ. Обмотать цѣлый городъ. Людьми можно оцѣпить всю землю, а правду говорятъ, что это планета, какъ Луна и Марсъ и Венера, и она круглая и большая? Она круглая и маленькая, остальное все правда. Людей на землѣ такъ много, что ими можно обмотать планету много разъ и превратить ее въ кошачій мохнатый клубокъ.

Они такъ хотѣли съ кѣмъ-нибудь изъ этихъ, красныхъ, поговорить. Скажите, милѣйшій, а Екатеринбургъ большой городъ? Молчите? Ну молчите, молчите. Я знаю, вамъ отвѣчать не вельно. Снова шли тѣсно, кучкой, другъ къ другу жались, и даже въ жару, какъ въ великій холодъ. Скажите, пожалуйста, а можно къ ужину попросить скатерть? Молчите? Молчите...

Да провались ты со своей скатеркой! Жрешь на доскахъ, ну и жри!

Время! Время! Въ домъ!

И они, опустивъ головы и разсматривая землю, пальяя вѣтки, ступени крыльца, носки своей обуви, шли въ домъ, и вытирали ноги о мокрую, намоченную Пашкой тряпку, и поднимались по лѣстницѣ. У парадной двери стоялъ конвойный; и у лѣстницы стоялъ; и въ вестибюлѣ стоялъ; и у входа въ уборную стоялъ. Они уже помнили ихъ лица, но иногда путали, кого какъ зовутъ.

Папироска въ зубахъ. Катали папироску языкомъ изъ угла въ уголь рта. Курили прямо

въ коридорѣ, дымили безпощадно. Они кашляли, закрывали носы платочками. Караульные скалились, видя ихъ. Экія павы! Румяной корочкой пирожки покрыты! Нагулялись досыта! На солнышкѣ пропеклись! А нахлебались бы досыта? А прямо сейчасъ? Мамашка, ты не слушай! Ушки глиной залѣпи. Не о тебѣ рѣчь, ты старая ворона! Отъ тебя уже смердить. И медвѣдь на тебя не польстится!

Глянь, глянь, у той, слѣва, какой запердень!

Ну, ты тоже скажешь. Тоща! Спина какъ у воблы, хоть съ пивомъ глодай! Одрѣ кости! Не, я на такихъ не падокъ. Ищо малявка. А вонъ вишь ту, што щасъ въ комнату входитъ, – вотъ бы ее бы! Хороша. Лакомый кусъ! А ты, папашка, што блѣдный такой? Што сумеречный? Расхватали не берутъ твоихъ дѣвокъ? А смѣшаль бы иху кровь съ нашей кровью; вотъ бы и народилися красавцы! И – міромъ бы завладѣли!

Не брешы. Къ чему эта дурь. Міровая революція завладѣтъ міромъ. И совѣмъ скоро. А этихъ – въ подваль затолкаемъ. Кирпичами забросаемъ! Будемъ имъ туда на вилахъ куски тянуть!

А честно, ты бы – какую – выбралъ?

Да я ихъ бы всѣхъ бы перебралъ, только бы денекъ покороче да ночь подлиннѣй!

Ну да, ночка-ночка, зачнемъ сыночка...

Они спѣшили поскорѣе скрыться въ комнаты, чтобы не видѣть усатыхъ или голыхъ лицъ, не слышать словъ, отъ которыхъ запросто можно было потерять сознание, но они не теряли его, не валились въ обморокъ, не умирали – они жили, и странно и страшно было это, вотъ такъ жить. Имъ въ спины втыкались хриплые смѣшки: давай, давай! Головенку суй подъ подушонку! И тамъ – во тѣмѣ и духотѣ – поплачь! Обидѣли мы тебя?! Обидѣли – вась?! Вась развѣ обидишь! Вы – на своихъ охотахъ – звѣрье сотнями убивали, ради забавы, а трупы потомъ въ овраги выкидывали, раздѣлать никто не могъ! И гнили, смердѣли вами погубленные олени и лоси! А на вашихъ войнахъ? Народъ, какъ тѣхъ лосей, гуртомъ на погибель гнали! И что?! Поднялся народъ-то! А вы думали – народъ – это безропотное звѣрье! И не поднимется! И стрѣлять его можно, убивать безнаказанно!

Они заходили къ себѣ въ комнаты, хотѣли закрыться, а закрыться было нельзя – со всѣхъ дверей были сорваны запоры и задвижки, съ мясомъ вырваны, вырѣзаны замки. Двери ходили на петляхъ ходуномъ, въ любой моментъ, когда пожелають, могли къ нимъ войти караульные. Играли стрѣлки наганями, пыхали дымомъ имъ въ лица. А когда они отъ дыма и ужаса отворачивались, ихъ за руку хватали, силкомъ къ себѣ поворачивали, и зубы скалили, и языки высовывали, ихъ дразня: ну, вы! Нѣженки! Розочки! Дыма не нюхали? Дерьма не жевали? Только нашу кровушку пивали? Теперь – нашъ табачокъ обоняйте!

И закуривали папиросу новую. И садилась дѣвушка, обезсилѣвъ, закрывъ лицо руками, на корточки, рядомъ съ сапогами солдата. И курилъ онъ, и ссыпалъ пепель ей на голову, въ русый проборъ.

Обыскивать? Пожалуйста. Грубить? Сколько угодно. «Мы имъ насолили, насолили», – оправдывая ужасъ, шептали они другъ другу, когда ихъ никто не могъ услышать. Но они не могли и слова поперекъ сказать тюремщикамъ. Они пробовали; ихъ обрывали такъ злобно, что имъ казалось – еще немного, и въ нихъ выпустятъ всѣ пули, что хранятся въ желѣзной слѣпой кишкѣ револьвера.

А они хотѣли жить.

Жить, несмотря ни на что.

Завтракать. Обѣдать. Ужинать. На ужинъ опять тотъ же, похожій на помои, жидкій супъ и тѣ же жесткія, какъ подошвы, котлеты. Послѣ ужина – книги, молитва и спать. А назавтра опять вставать; и видѣть наглыя хари; но вставать – это значить жить. Опять жить.

И снова завтракъ, отъ слова «завтра». И снова обѣдъ, отъ слова «обίδα». И ставятъ на столъ вмѣсто супницы громадную, во вмятинахъ, грязную миску; и снова нѣтъ ножей, и не хватаетъ ложекъ, сегодня онѣ не деревянныя, а желѣзныя, солдатскія. За столъ, вмѣстѣ съ ними, садится прислуга и кухонныя бабы. Одну изъ нихъ зовутъ Прасковья. Она молода и молчалива. Кто-то сказалъ, что она воевала и убила много людей на войнѣ. И вѣрно, взгляды у нея такой дикій. И мрачный. Хотя глаза цвѣтомъ свѣтлы. Она слишкомъ громко хлебаетъ супъ. Она хочеть ѣсть всегда. А они, когда слышать громкое чавканье, отодвигаютъ тарелки отъ себя. И тогда тотъ, кто стоитъ сзади ихъ стульевъ, кричитъ: ну что! Невкусно?! Ахъ ты сволочь, невкусно ему! Невкусно ей!

А иногда бываетъ и такъ: они еще ѣдятъ, еще ковыряютъ вилкой въ котлетѣ и картошкѣ, а сбоку, ниоткуда, протягивается немытая, съ черными ногтями, рука и запускаетъ ложку въ тарелку. Или вилку. И руку дѣвушки чуть на вилку не насаживаютъ. И ложкой – недоѣденную котлету подцѣпляютъ. И голосъ, странный и гнусавый, будто изъ-подъ земли, изъ могилы: ну, будеть съ вась! Обожрались никакъ! И обкусанную котлету – рука утягиваетъ; и голосъ, голосъ пожираетъ, глотаеть ее.

А послѣ обѣда опять ужинъ, намъ не нуженъ; такъ мама имъ говорила всегда: завтракъ съѣшь самъ, обѣдъ раздѣли пополамъ, а ужинъ отдай врагу, ужинъ намъ не нуженъ. Зачѣмъ на свѣтѣ голодъ? Онъ есть, и они есть. Молитесь, дѣти, чтобы ночь была спокойной и намъ всѣмъ завтра проснуться въ добромъ здравіи.

Чтобы намъ всѣмъ – завтра – проснуться.

Ложиться спать. На полъ. Дѣвушки спятъ на полу. На всѣхъ не хватило кроватей. Тощіе матрацы, плоскія подушки. Наволочки мятыя, какъ лопухи. На сонъ грядущій караульные устраивали переключку. Гражданинъ Николай Романовъ! Я. Гражданка Александра Романова! Я. Гражданка Ольга Романова! Здѣсь. Гражданка Настасья Романова! Тутъ я. Гражданинъ Алексѣй Романовъ! Такъ точно. Гражданка Татьяна Романова! Да. Гражданка Марія Романова! Молчаніе.

Эй, гражданка Марія Романова!

Тишина. Известковая вьюга на заляпанныхъ дослѣпа окнахъ.

Гражданка Марія Романова сбѣжала!

Да нѣтъ же, вотъ она. Они выталкиваютъ Марію впередъ, чтобы стрѣлки убѣдились въ ея наличіи. Здѣсь она! Тутъ она. Да вотъ же она! Машка, подай голосъ, кричатъ они ей, какъ собакъ. Она молчитъ. Ей противно говорить. И, когда она разлѣпляетъ губы, она говоритъ тихо и медленно: «Мнѣ жалко васъ».

И тогда имъ навстрѣчу – эти, красные – теперь молчатъ.

Всѣ молчатъ теперь: и они, и бойцы. Кто первый что-то скажетъ?

И, злобно сплонувъ, говоритъ этотъ, наглый, сивый и бритый, кажется, его зовутъ Сашка: ишь, жалко ей насъ, вишь ли, а намъ жалко тебя, сука, потому что тебя все равно убьютъ, все равно, а мы – будемъ жить. И строить наше будущее! А ты пойдешь червямъ на обѣдъ, пойдешь, пойдешь, тьфу!

И Марія стоитъ передъ Сашкой Люкинымъ такая спокойная, красивая, и только рѣсницы и губы у нея еле видно дрожать.

##

Они старались ночью не вставать въ уборную; но слишкомъ мучительно это было, терпѣть, а ночныхъ вазъ у нихъ не было, не разрѣшено было имъ. Ночью страшно было итти по коридору между ночныхъ бойцовъ; ночью они бросали имъ вслѣдъ слова совсѣмъ ужъ раздѣтыя, да просто голыя, неприкрытыя, адскія. И дѣвушки шли одна за другой, опять цугомъ, двѣ, три; медленно, по одной половицѣ ступая, и еле, какъ въ страшномъ снѣ, передвигая чугунныя ноги. Надъ ними глумились, а онѣ повторяли себѣ шопотомъ, онѣмѣлыми губами: Господи, прости имъ. Дверь въ уборную скрипѣла и не хотѣла открываться. Ольга заходила, Марія вставала спиной къ двери и раскидывала руки, заслоняя дверь собою и своей жизнью. Въ эту минуту она готова была и съ жизнью проститься, и ей ничуть не было страшно. Она и злилась, и смѣялась. Напротивъ нея стояли бойцы. Когда двое и трое, когда четверо и больше. Они кричали ей: что скалишься, сучонка?! И она отвѣчала имъ безстрашно: надъ вами смѣюсь, вы смѣшныя! И жалкіе!

И однажды тотъ, кто ближе всѣхъ къ ней стоялъ, хотѣлъ ударить ее, уже руку занесъ, но не ударилъ.

Можетъ-быть, это былъ самъ комендантъ. Авдеевъ.

Авдеевъ былъ главный надъ ними. Кто такой Юровскій, они не догадывались, кто такой Голощекинъ, они не знали. Кажется, тотъ, кто ихъ встрѣчалъ на вокзалѣ? Время отъ времени Голощекинъ появлялся въ Домѣ, осматривалъ стѣны, скользилъ взглядомъ по людямъ. Стѣны, ящики, шкафы, ружья, люди – все это было инвентарь и все подлежало учету и контролю. А пища? О да, и пища тоже. Какъ можно не наблюдать и не описывать пищу! Ее ѣдятъ, и ѣдятъ слишкомъ много. Надо экономить. Сегодня вмѣстѣ съ арестованными будутъ обѣдать и слуги, и повара, и красноармейцы, и комиссары. Не слишкомъ ли много людей будетъ за столомъ, товарищъ Авдеевъ? Не слишкомъ, товарищъ Мясоѣдовъ!

Всѣ разсѣлись, вдвигая стулья и табуреты межъ ихъ стульевъ, ихъ тѣлъ. Комендантъ Авдеевъ сѣлъ напротивъ царя, фуражку не снялъ за столомъ, всѣ ѣли, а онъ курилъ, и вынулъ изо рта папиросу и ссыпалъ пепель, будто не глядя, въ тарелку Маріи. Пашка внесла на сковородѣ вѣчныя котлеты. Поставила сковороду на чугунную подставку. Подняла крышку. Котлеты показали коричневыя мертвыя рожи. Марія взяла свою ложку, приподняла свою тарелку и ложкой смахнула пепель въ тарелку Авдеева. Возникло и всѣхъ опутало длинное, какъ нить изъ клубка, молчаніе. Авдеевъ взялъ свою тарелку и прямо пальцами соскрѣбъ пепель Маріи на платъѣ, на колѣни. Марія встала, отряхнула юбку и сѣла. Ыли въ молчаніи. Потомъ кто-то изъ бойцовъ захохоталъ хрипело. Царь протянулъ руку и хотѣлъ посадить на вилку котлету со сковородки. Авдеевъ быстро протянулъ руку и ловко стащилъ своей

вилкой котлету съ вилки царя. И тут-же отправилъ въ ротъ. И жеваль, и кругло, нагло и весело глядѣль на царя. Прожеваль, проглотилъ. Царь сидѣль неподвижно. Авдеевъ всталъ, наклонился надъ сковородой – и вдругъ очень быстро нагнулся впередъ, приблизился къ царю, согнулъ руку, взявъ прямо пальцами котлету со сковороды – и, оборачиваясь, сильно ударилъ локтемъ царя въ лицо. Въ подглазье.

И опять погасли смѣшки и разговоры. Но только на мигъ. Царь закрылъ ладонью половину лица. Половина, что на виду, глядѣла круглымъ совинымъ, скорбнымъ глазомъ. Глядѣла вглубь, въ темную суть каждаго, кто сидѣль за этимъ столомъ и жеваль. Царица молчала, очень низко нагнувшись надъ тарелкой, и ѣла, ѣла. Быстро, быстро, по-бѣличьи, жевала, будто боялась, что кусокъ изо рта вырвутъ, отнимутъ. И не смотрѣла ни на кого. И на царя тоже. Сильно ссутулилась, согнулася кочергой и сразу стала старая, очень старая и равнодушная ко всему, кромѣ ѣды.

Повара ѣли вмѣстѣ съ тѣми, кому они наготовили ѣды. Ѣли и облизывались. А Пашка ничего не ѣла, только подносила ѣду и уносила пустую посуду.

А когда всѣ пообѣдали и вышли изъ-за стола, причемъ выльзали съ трудомъ, солдаты хохотали и не пускали плѣнниковъ на свободу, совали имъ подъ ноги табуреты, чтобы они спотыкались и ушибали ноги о жесткія деревяшки, – первыхъ дѣвушекъ, кто оказался въ коридорѣ, Ольгу и Анастасію, насильно погнали въ уборную: валяйте, живо бѣгите, а то у васъ кишка за кишку зацѣпится, и не развяжемъ! Обѣихъ въ уборную загнали. Солдатъ прислонился спиной къ двери уборной. Хохоталь до икоты. Кто это былъ? Люкинъ? А можетъ, Трифоновъ? А можетъ, Бабичъ?

Неважно: они, красные, умѣли нацѣплять другъ на друга лица другъ друга. Чтобы ихъ не узнало начальство. Чтобы во-время возникнуть или во-время смыться.

Охрана совѣмъ освоилась – и стала красть. Дѣвушки то-и-дѣло плакали: мама, у меня исчезъ гребень съ рубинами! Папочка, они стащили у меня золотой флакончикъ съ духами «Fleurs du Passe»! Цесаревичъ не жаловался. Онъ страдалъ молча. Только однажды, когда мать наклонилась надъ нимъ, чтобы поцѣловать и перекрестить его на сонъ грядущій, онъ смущенно шепнулъ ей на ухо, подъ сѣдую, кольцомъ свернутую прядь: мама, у меня пропала иконка святителя Николая въ серебряномъ окладѣ. Это твоя иконка, и мнѣ ее очень, очень жаль.

Онъ не сказалъ: своровали, украли, стащили, – хотя онъ прекрасно зналъ эти слова. Онъ просто и тихо сказалъ: пропала. Можетъ, сама пропала; какъ пропала, такъ и появится. Иконы иногда исчезаютъ, а потомъ вдругъ воссіяютъ гдѣ-нибудь совершенно въ другомъ мѣстѣ. За сотни и даже тысячи миль отъ того мѣста, гдѣ онъ пребывали раньше. Это свойство святыхъ иконъ, мама не разъ ему говорила.

Золото и серебро, и иконы въ драгоценныхъ окладахъ, съ корундами и жемчугами въ витой золотой скани, и узорчатые табакерки, и позолоченныя чайныя ложечки, и скромныя, съ мелкими изумрудами и крошечными бриллиантами, дѣвичьи колечки, онъ на ночь снимали ихъ и наивно клали въ чайныя блюда на тумбочку. А потомъ разстилали на полу матрацы, крестили другъ друга и крестились сами, и ложились спать, а ночью въ комнаты входили солдаты и шарили глазами и руками по тумбочкамъ, стульямъ, шкафамъ, комодамъ. Воровать – это же въ природѣ человѣка, это ему присуще! Никуда это не дѣнешь! Воруютъ всѣ, даже самые чистые и честные съ виду. А развѣ самъ царь не вороваль? Развѣ это не онъ до нитки обвороваль свою-же собственную страну?

Ну ладно-бы серебро, золото: они всегда слишкомъ соблазнительны. Ладно-бы самоцвѣты – ихъ блескъ слѣпить, они тоже манятъ неимоვნно. Но бѣлье, одежда, обувь? Мама, у меня пропали лѣтнія туфельки съ бантиками! Мамочка, нѣтъ моей кружевной пелеринки, гдѣ она, ты не видѣла? Я вотъ сюда вѣшала, на спинку кресла! Господи, мама, исчезла твоя ночная рубашка! Какая – моя? Моя – у меня подъ подушкой! Ну, твоя, что ты мнѣ на день ангела дарила! Съ кружевами изъ Лондона, они еще такъ красиво топорщились!

И мать потерянно разводила руками и шептала невнятно: топорщились... топорщились... was ist топорщились...

Отецъ насмѣлился, подошелъ къ бойцамъ и отчетливо, какъ передъ строемъ, сказалъ имъ: вы бесчестны, ваши люди безъ чести и совѣсти, вы воруете у насъ наши вещи, я этого такъ не оставляю. Ему прямо въ лицо засмѣялись. Какъ! Ты! Ты смѣешь намъ выговаривать! Сами теряете ваши чортовы бездѣлушки, а на насъ сваливаете! Очень нужны намъ ваши грязныя тряпки! Ваши коробчонки и портсигары! Тѣмъ болѣе – иконы! Вашъ богъ-то намъ не нуженъ, а иконы тѣмъ паче! Хотѣли плюнуть царю въ лицо, а плюнули подъ ноги. И царь растеръ этотъ плевокъ на полу подошвой сапога и, когда растираль, улыбался.

Прогулки ждали, какъ счастья или поцѣлуя, и неважно, шель ли дождь, гремѣла ли гроза или солнце палило – все равно: воздухъ, небо, свобода. Двадцать минутъ свободы. Потомъ – пятнадцать. Потомъ – десять. Потомъ – пять. Пять минутъ жизни! Это очень много. Здѣсь

они не пилили дрова и не складывали ихъ въ полѣнницы, какъ въ Тобольскѣ. Здѣсь имъ можно было только размять мышцы и кости въ своихъ каморкахъ – легкая англійская гимнастика, чтобы не омертвѣть вконцецъ. Царь сказалъ Маріи на ушко: доченька, я чувствую себя ржавымъ протрѣленнымъ англійскимъ танкомъ. И Марія закрыла ему ротъ ладонью и постаралась весело разсмѣяться.

А кто же тогда былъ Алексѣй? Танкъ, эсминецъ, сожженная яхта? Онъ все время лежалъ. Когда ему нужно было ѣсть и пить, или въ уборную, или на прогулку – его бралъ на руки матросъ Нагорный и несъ. И Алексѣй плотно сжималъ губы. Что рвалось вонъ изъ этихъ губъ? Слово, крикъ? Честный крикъ о себѣ: не жалѣйте меня, я все равно скоро умру? Отецъ отвѣтилъ бы ему на это: мы всѣ все равно умремъ, и такъ негоже разсуждать. Это противъ Бога. Не гнѣви Его.

И хуже всего для нихъ былъ вечеръ. Они вечеръ такъ раньше любили. А теперь вечеръ они проклинали. Потому что вечеромъ красные хотѣли развлекаться. И заставляли плѣнниковъ ихъ развлекать. А развлеченій, самыхъ главныхъ, было три: спиртное, карты и музыка. Вотъ музыку умѣли извлекать изъ инструмента великія княжны. И ихъ, поочередно, усаживали за фортепьяно. Играй, кричали имъ, играй громче! Чтобы – за Исетью было слышно! Да нѣтъ, что тамъ, чтобы – въ Москвѣ было слышать! Въ Кремль! Чтобы Ленинъ твою буржуазную музыку услышалъ! И понялъ: ага, тутъ вы всѣ, птички, въ клѣткѣ, – и разсмѣялся! Вождь нашъ! У него, говорятъ, такая славная улыбка!

Ольга садилась за инструментъ, вытирала потныя ладони о колѣни. Играй «Разлуку», кричали ей, «Разлуку» знаешь?! Она не знала. Къ ней подсакивали, шипѣли: сейчасъ руки вывернемъ, играй! Настя наклонялась и шептала: Оля, да играй ты все, что въ голову взбредетъ, они же все равно не понимаютъ ничего. Ольга вздергивала руками, опускала ихъ на ледяныя клавиши, онѣ таяли подъ ея пальцами. Она знала много старинныхъ и цыганскихъ романсовъ, играла ихъ, а ей кричали: пой! Пой, вѣдь это «Невечерняя»! Она набирала въ грудь воздуху и брала первую ноту, и все, что обнимало вокругъ, что давило и рѣзало на куски, уплывало и сгорало. И дымъ кострища вился, умиралъ вдалькѣ. А голось жилъ. Онъ жилъ надъ чудовищами и внѣ чудовищъ, надъ небесами и жестью крышь, надъ пустыми и полными бутылками, окурками, огрызками, рыбьими скелетами. Надъ засаленными, пухлыми колодами картъ, гдѣ валеты – это былъ цесаревичъ, дамы – цесаревны и царица, король – царь, а тузомъ глядѣлъ то ли топоръ, то ли черный револьверъ.

Поваръ Харитоновъ ахалъ, стискивая полныя мягкія руки: милая Александра Ѳедоровна, ваше величество, какимъ святымъ духомъ вы живы, вѣдь вы ѣдите однѣ только макароны! Ну и что, отвѣчала царица и старалась улыбнуться какъ можно веселѣй, вѣдь вотъ итальянцы ѣдятъ одни спагетти – и ничего, и процвѣтаютъ. Харитоновъ кричалъ бойцамъ прямо, безъ обиняковъ: прекратите воровать у царскаго семейства! Матросъ Нагорный не отставалъ. Однажды онъ за руку поймалъ Сашку Люкина, Сашка пытался стащить у Маріи черную шкатулку съ тонкой росписью и позолотой. На крышкѣ шкатулки были изображены печальныя дѣвушки въ кокошникахъ. Одна пряла, другая пѣла, третья вышивала на пальцахъ, четвертая играла съ попугаемъ въ золотой клѣткѣ. У ногъ той, что вышивала, сидѣлъ мальчикъ; онъ закинулъ голову и мечтательно глядѣлъ въ небо. Голубой кусокъ неба въ маленькомъ, какъ коробокъ спичекъ, окошкѣ подъ крышей. Это мы всѣ, со вздохомъ говорила Марія, глядя пальцемъ расписную крышку, мы, сестры, и нашъ любимый братецъ. Вотъ мы всѣ тутъ. Кто и когда расписалъ эту шкатулку? Не зналъ и не помнилъ никто.

Можетъ-быть, ее привезли изъ Дивѣва, съ обрѣтенія мощей святого Серафима Саровскаго.

Нагорный шагнулъ въ спальню дѣвушекъ, когда Люкинъ схватилъ съ зеркальной полки шкатулку и уже упрятывалъ въ карманъ штановъ. Что творишь! Ничего, отойди. Это ты отойди! Нагорный, силачъ, морякъ, крѣпкой рукой схватилъ за локоть Люкина, другую руку запустилъ ему въ карманъ. А это что?! Люкинъ плюнулъ матросу въ лицо, плевокъ сползаль по щекѣ, Нагорный толкнулъ Люкина въ грудь и вытеръ плевокъ обшлагомъ. Ты, царская подстилка! Предатель народа! Твои братья тамъ, въ Петроградѣ... за революцію воюють! А ты, гнида!

Это ты гнида, медленно и вѣско сказалъ Нагорный, а потомъ тяжело выронилъ: пошелъ вонъ!

Да я тебя въ тюрьмѣ сгною, процѣдилъ Сашка Люкинъ, пятясь къ двери. Еще какъ сгною! А лучше – самъ я тебя разстрѣляю. Ну давай, стрѣлай, что ждешь. А мнѣ самому руки пачкать неохота. Пусть тебя, предателя народа, судъ судить. Чтобы все честь по чести.

И снова вечеръ. И снова музыки хотять. А Нагорнаго требуютъ къ цесаревичу: онъ желаетъ, чтобы матросъ немного поносилъ его по коридору, у него очень болитъ нога, и мальчикъ хочетъ отвлечься отъ боли. Вотъ матросъ и цесаревичъ въ коридорѣ, и туда-сюда ходитъ Нагорный, и на согнутой его рукѣ прямо, слишкомъ прямо и жестко сидитъ

цесаревичъ, сидить, какъ деревянная кукла, не какъ человѣкъ, для человѣка въ немъ слишкомъ много мужества и воли, и чести, и вѣры; а тутъ изъ двери вышагиваетъ царь, и подходитъ къ матросу, и говоритъ: дай я самъ поношу сына, я по немъ соскучился, да и онъ по мнѣ тоже, дай? Просить, словно милостыню. Матросъ краской заливается. Ну конечно, ваше величество, держите сыночка, а я немного отдохну, вы позволите, ваше высочество? Цесаревичъ закрываетъ глаза. У него даже нѣтъ силъ сказать «да».

За него всѣ все и всегда знаютъ, и говорятъ, и дѣлаютъ.

А онъ только это все наблюдаетъ.

Онъ наблюдаетъ свою жизнь. И жизнь другихъ. И жизнь страны. И жизнь мелкихъ, маленькихъ существъ въ саду, въ старой бочкѣ, когда послѣ дождя въ нее набирается темная вода; въ травѣ, когда матросъ нѣжно, осторожно кладетъ его въ траву на широко разстеленную теплую, чтобы не простудился, подстилку. Нога опять болитъ, но это все равно. Ему уже все равно! Вѣдь жизнь вокругъ шевелится и кипитъ. И шуршитъ. И плачетъ.

А сейчасъ жизнь играетъ музыку, рвется изъ-подъ рукъ его сестры, онъ угадаетъ по звуку, по тону, кто изъ сестеръ играетъ сейчасъ; нѣтъ, невозможно угадать, да это же сама жизнь. Она играетъ ему о себѣ самой, она поетъ слабымъ дрожащимъ голосомъ, и онъ со слезами подпѣваетъ ей, онъ попадаетъ въ тонъ, въ тактъ, но музыка уходитъ впередъ, и ему ее уже не догнать.

И тогда онъ, сидя на рукахъ у отца въ темномъ, пахнущемъ клопоморомъ коридорѣ, зажимается и плачетъ, очень тихо, чтобы отецъ не понялъ и не услышалъ, но отецъ все понимаетъ и тѣснѣе, сильнѣе, навѣкъ прижимаетъ его къ себѣ. И, кажется, плачетъ вмѣстѣ съ нимъ.

##

Они изо всѣхъ силъ старались быть спокойными. Это было трудно. Трудно оставаться спокойнымъ, когда тебя мучаютъ. И когда вокругъ такая тревога. И нога болитъ у мальчика. Надо лучше, сильнѣе просить Бога, чтобы Онъ разрѣшилъ имъ взять страданія ребенка на себя. Но Богъ выбралъ для страданія Алексѣя; и можетъ, съ Богомъ спорить не надо. Вѣдь на все воля Его.

А эти красные люди всерьезъ думаютъ, что нѣту никакой Его воли. Что все вершатъ только люди.

Боже, прости имъ, вѣдь они ошибаются. И ошибка имъ можетъ дорого стоить.

Они смѣются надъ святымъ. Они кривляются и хохочутъ: ваши цѣнности! Да какія у васъ, отжившихъ, цѣнности! Все протухло, прогнило. Все ваше – на свалку! И вы повторяете одно и то же, въ вашихъ примитивныхъ молитвахъ нѣтъ мысли, нѣтъ полета и простора. Мысль человѣка идетъ, летитъ дальше, выше вашего бога! Такъ они смѣются и учатъ, и народъ затверживаетъ это новое ученіе. И въ этомъ новомъ завѣтѣ нѣтъ мѣста царямъ. Нѣтъ мѣста Богу и всѣмъ Его святымъ. Что бы сказалъ батюшка Серафимъ Саровскій, увидѣвъ и услышавъ ихъ?

Поэтому они снова хохочутъ, когда царь выносить въ садъ сына на рукахъ. Что, усатая нянька, таскаешь парня? Уже женихъ, а все таскаешь! А онъ и радъ притворяться!

Иногда царь сажалъ Алексѣя въ коляску и выкатывалъ коляску въ садъ, и каталъ сына по саду, какъ маленькаго, и вспоминалъ его во младенчествѣ, и слезы катились по его щекамъ и таяли въ бородѣ, и онъ стряхивалъ ихъ ладонями, какъ комаровъ или мухъ. Царица перестала выходить во дворъ. Ей кричали: гражданка Романова, на выходъ, безъ вещей! Она зажимала ладонями уши, не въ силахъ слушать громкій хохотъ. Подбирала кружевныя юбки. Выходила на крыльцо. Солнце било ей въ грудь, и она шаталась. Сынъ сидѣлъ въ коляскѣ и смотрѣлъ на нее. И она молча смотрѣла на него. Что было говорить. Сынъ еще въ коляскѣ, а она уже старуха. Худая голодная старуха. И платья на ней висятъ. И кожа свисаетъ со щекъ. И шея въ слоновьихъ складкахъ. Жизнь проходитъ и уже прошла. А все остальное неважно. Ей уже все равно.

Она наставляла дочерей: дѣвочки, а вы повѣжливѣй. Вы улыбайтесь, когда навстрѣчу вамъ – стрѣлокъ. Онъ вамъ грубость, а вы ему – радость! Человѣкъ созданъ Богомъ, чтобы дарить ближнему радость. Мама, но они-то не радуются! А вы радуйтесь все равно.

Краснымъ было запрещено вступать въ разговоры съ арестантами. И, можетъ-быть, это было правильно. Кто знаетъ, какъ цари могли улестить своихъ сторожей? На что подбить? Господа всему учены, а простой народъ – ничему. Съ господами держи ухо востро. Не ровень часъ, обмануть. А вдругъ у царя гдѣ-нибудь припрятанъ револьверъ? Да ну, сколько обысковъ провели, и – ничего, изъ оружія развѣ только вилку и ножъ съ обѣденнаго стола упрутъ. Не упрутъ, Пашка слѣдитъ за этимъ.

Эта дѣвка, Прасковья, чѣмъ-то страннымъ, неуловимымъ нравилась имъ. И это они

пытались съ ней заговорить; да она тутъ же поворачивалась спиной, передергивала широкими прямыми плечами, быстро и сердито уходила.

Однажды комендантъ Авдеевъ не удержался, подошелъ въ саду, на пятиминутной куцей прогулкѣ, къ царю. Царь остановился, не отворачивался, глядѣль на Авдеева. Авдеевъ вдругъ замялся. Куда и грубость исчезла. «Эй, гражданинъ Романовъ, а какъ тамъ война? Вамъ, небось, ваша родня все доносить, въ письмахъ пишетъ», – выпалилъ и глядѣль царю не въ глаза – на бороду, въ ротъ. «Война уже давно идетъ межъ русскими людьми. Русскіе съ русскими воюють», – медленно и спокойно отвѣтилъ царь и все-таки отыскалъ подъ чужимъ лбомъ, подъ фуражкой, подъ червяками бровей чужіе, ускользящіе, стыдящіеся глаза.

И нечего больше Авдееву было сказать.

Комендантъ наклонился и сталъ срывать цвѣты и ломать стебли. Что это вы рвете, съ любопытствомъ спросилъ царь. Это высушимъ, измельчимъ, и будетъ что курить, тихо отвѣчалъ Авдеевъ. Они впервые, въ этомъ саду, гдѣ вдоль забора тѣсно, сучая и позѣвывая, стояли караульные, разговаривали по-человѣчески. Какъ люди, разговаривали.

Однажды парадная дверь была настежь открыта, и дѣвушки увидѣли изъ коридора, какъ эта, кухонная баба, Прасковья, принимаетъ, вмѣстѣ съ караульными, корзины съ ѣдой, что имъ носили изъ комиссарской столовой, у повязанныхъ бѣлыми платками трехъ женщинъ и двухъ дѣвочекъ. Прасковья кричала, принимая изъ рукъ женщинъ очередную корзину: мясо! молоко! котлеты! супъ! ржаной хлѣбъ, три буханки! – и передавала корзины бойцамъ. Бойцы волокли корзины на кухню. Женщины стояли у параднаго крыльца, не уходили. Имъ крикнули: что не уходите, толчетесь? Одна баба развязала отъ смущенія и снова завязала уши бѣлаго платка. Да вотъ, царей поглядѣть хотимъ.

Глядите, захохотали красные, глядите! А вотъ они, спрятались, бѣлочки!

И одинъ солдатъ забѣжалъ за спины княжонъ, и сталъ подталкивать ихъ къ двери, а бабы вдругъ сморщились и заревѣли, и закрестились мелко и поспѣшно, а на кухню по коридору бѣжали караульные съ корзинами въ рукахъ, и Прасковья стояла каменно, съ каменнымъ лицомъ, каменной грудью и кирпичными руками.

А еще къ нимъ разрѣшали приводить священника. Имъ недостаточно было ихъ собственныхъ утреннихъ молитвъ. Они тосковали по слову Божию изъ устъ апостольскаго наслѣдника. Не каждый день, конечно, но на каждый праздникъ и въ дни ангела батюшка былъ званъ. Густой басъ доносился изъ спальни царицы, отъ ея вѣчнаго походнаго кіота. Миромъ Господу помолимся! Они всѣ стояли вокругъ батюшки, и лица у всѣхъ были такія свѣтлыя, что при этомъ свѣтѣ, въ сумеркахъ утра, можно было читать Святую Книгу.

И пѣли, и говорили молитвы, и подпѣвали басу батюшки, а потомъ батюшку приглашали съ ними на завтракъ. И наливали пустой чай, и пододвигали ближе къ старику плетеное блюдо съ коряво нарѣзаннымъ ржанымъ хлѣбомъ. Вотъ, отвѣдайте, его же и Господь вкушалъ! Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ!

А вы не смотрите вкось, что эти... морщатся. Пусть морщатся! Имъ молитвы поперекъ глотки. А намъ молитвы – сладость звѣздная, манна небесная. Пусть строятъ свой, новый міръ! Посмотримъ, какъ они далеко безъ Бога-то уйдутъ.

И батюшка смѣлой рукой ломалъ вчерашній, зачерствѣлый хлѣбъ и отправлялъ кусокъ въ ротъ, подъ сивую, сѣдую, въ кольцахъ старыхъ кудрей и колтунахъ, мощную бороду. И они всѣ радостно совали руки къ хлѣбной тарелкѣ, расхватывали куски и крестились, и къ сердцу ладони прижимали, какъ причастники. А батюшка basilъ: примите, ядите, – эхъ, потира съ Кровью Христовой не хватаетъ! Кагорчику бы нынче!

Но никто изъ красныхъ будто бы ничего этого не слышалъ, а дѣвица Демидова хватала и обѣими руками поднимала тяжеленный, армейскій чайникъ, и подливала кипятокъ въ царскіе стаканы, и цесаревичъ обжигалъ ладони горячимъ подстаканникомъ и кривился, а съ потолка на голый столъ сыпалась штукатурка.

А по воскресеньямъ тоже разрѣшали службу; и тогда батюшка приводилъ съ собою дьякона, и дьякона тоже поили чаемъ, а въ честь воскресенья къ столу, кромѣ ржаного, подавали еще бѣлые сухари и даже сахаръ, въ маленькой, какъ лягушка, сахарницѣ. И каждый боялся первымъ поднять фаянсовую крышку и запустить въ сахарницу ложку. Сахаръ былъ мелко колотый, на мелкія сладкія льдинки раскусанный мѣдными щипцами. Щипцы всегда лежали въ кухнѣ на подпечкѣ. Прасковья иногда отстригала ими свекольную ботву.

И собирались на небѣ тоскливыя тучи. Тоска! Ничего, и Пушкинъ тоже тосковалъ. И всѣ тоскуютъ. И небо тоскуетъ и плачетъ дождями. Надо читать. А читать печально. Надо вышивать. Вышьешь тоску! Можно вить изъ проволоки, вертѣть изъ грубыхъ нитокъ петельки для елочныхъ игрушекъ. Вѣдь Новый годъ и Рождество они все равно будутъ встрѣчать здѣсь. Все равно.

Можно еще пѣть. Что? Чайковского, Глинку? Рахманинова, «Сирень», «Какъ мнѣ больно»?

*Какъ мнѣ больно. Какъ хочется жить!
Какъ свѣжа и душиста весна...
Нѣтъ, не въ силахъ я сердце убить
Въ эту ночь голубую безъ сна!*

Ольга, зачѣмъ ты такъ горько поешь. Ольга, твой голосъ разрѣзаетъ меня, какъ ножомъ! Лучше – духовную кантату спой! Былъ у Христа младенца садъ!

*Хоть бы старость пришла поскорѣй...
Хоть бы иней въ кудряхъ заблестѣлъ...
Чтобъ не пѣлъ для меня соловей,
Чтобы лѣсъ для меня не шумѣлъ,
Чтобы пѣснь не рвалась изъ души
Сквозь сирени въ широкую даль!*

...Оля, милая, ну прошу тебя... ну хватить...

*...чтобы не было въ этой тиши
Мнѣ чего-то... мучительно... жаль...*

Оля, а въ коридорѣ, на стѣнахъ, Ѳаддей Сафоновъ опять непотребства написалъ! Да вонь онъ, Сафоновъ, выйди на крыльцо, погляди! На заборѣ сидитъ! И здѣсь, въ комнатахъ, слышно, что поетъ. А что поетъ? Да ужасъ что. Не слушай! Уши заткни!

Нѣтъ, я слышу. Слышу! И могу повторить! Все до словечка!

*Шель я лѣсомъ, видѣлъ чудо —
Царь съ царицею сидятъ,
Панталоны снявъ для блуда,
Длинный конскій хрѣнь гдѣятъ!*

...пожалуйста... не надо... не могу...

Давай лучше встанемъ у окна и заглушимъ его, и споемъ. Сами споемъ! А что? «Херувимскую»!

Иже херувимы... тайно образующе... святую пѣснь пригѣвающе...

*...ты, царица, меня слышишь?
Я съ тобой не буду грубъ!
Подними подолъ повыше –
Нешто я тебѣ не любъ!*

...какая противная эта балалайка у него. Какъ онъ брямкаетъ на ней!

*...балалайка, балалайка,
А царица на цѣпи!
Ты собакою полай-ка,
Кошкой дрраной повони!*

...Пальцы Ольги впились въ клавиши. Она играла «Аппассионату» Бетховена. Мощные аккорды заглушали срамныя слова, что летѣли снизу и пробивали мутное стекло. Солнце каталось за закрашеннымъ стекломъ краснымъ огнемъ въ опаловомъ перстнѣ.

Имъ нарочно рисовали на стѣнахъ коридора, комнатъ нижняго этажа, на дверяхъ и даже на потолкѣ – кто-то исхитрился, лѣстницу приставилъ и на потолкѣ малеваль – всяческія безобразія: ихъ самихъ въ неглиже, а то и голякомъ, съ растопыренными ногами, царицу – вверхъ ногами перевернутую, съ распяленнымъ въ жуткомъ крикѣ ртомъ, похожимъ на могильную яму, царя – съ метлой въ рукахъ, а у его ногъ маленькій, какъ ежонокъ, Распутинъ, и царь пытается вымести его метлой, а у Распутина на спинѣ ежовыя иглы, онъ сворачивается въ клубокъ, и иголки торчатъ, и торчатъ изъ иглъ длинный носъ и черная разбойная борода. Вотъ Татьяна раздвинула ноги, а на ней лежитъ боець, а изо рта у нея вылетаетъ облако, а въ облакѣ надпись: «ДАВАЙ ИЩО ХОЧУ ИЩО БОЛЬНО МИНѢ А

ХАРАШО!» Вотъ Ольга играетъ на роялѣ. Стоя играетъ, а задъ оттопырень и обнажень; и въ задъ ей боець безжалостно втыкаетъ штыкъ, и надпись надъ ихъ головами: «ЗДОХНИ ЦАРСКОЕ ОТРОДЪЕ, СЫГРАЙ СЕБѢ ПОХРОННЫЙ МАРШЪ!» Вотъ Алексѣй сидитъ на стульчакѣ, а на его головѣ огромная, съ гроздьями цвѣтовъ, дамская шляпа, и голыя ноги и животъ – все на виду, и подъ нимъ ползеть червемъ надпись: «Я МАМАНЬКИНЪ СЫНОКЪ, ОТЪ ПОНОСА ИЗНЕМОГЪ!» А вотъ Марія. Она, какъ и Татьяна, нарисована въ совокупленіи. У бойца лицо подозрительно похоже на лицо Лямина.

А вотъ и царь. Онъ безъ штановъ, но въ кителѣ. Въмѣсто погонь у него на одномъ плечѣ – ящерица, на другомъ – жаба. Причинное мѣсто изображено въ видѣ маятника. Надпись: «АСТАНОВИЛЕСЬ ТВАИ ЧАСЫ, ДУРАКЪ РАМАНОВЪ! КОНЧИЛОСЯ ТВАЕ ВРЕМЯ!»

Кто это все рисоваль? Я видала. Это боець Стрекотинь. Его зовуть Андрей. Я съ нимъ разговаривала, когда онъ это рисоваль. Я просила, чтобы онъ не дѣлалъ этого. Настя, мы же тебѣ всѣ говорили, не говори съ ними! Не говори! Пожалуйста! Неизвѣстно, во что это выльется!

А Стрекотину помогали еще Бѣломоинь, Сафоновъ и Люкинъ. Они рисовали это все и ржали, какъ кони. И другъ друга поправляли, и кричали: эй ты, такъ не надо! – и учили, какъ надо.

Дѣвочки, а давайте споемъ: «Умерь бѣдняга въ больницѣ военной». Чтобы эту жуткую балалайку заглушить. Давайте!

Онѣ возвышали голоса, голоса сливались въ стройный чистый хоръ, бились бѣлыми голубями о замазанное стекло. Женскіе голоса, гдѣ ваша мужская теплая земля? Гдѣ всѣ эти пьяницы, курильщики, матерщинники, они лишь притворяются солдатами? Умерла армія. А эти только притворяются арміей. Отець шепчетъ: для того, чтобы стать арміей, имъ нужны будутъ новыя сраженія. И они у нихъ есть. Они бьютъ другъ друга. Русскіе бьютъ русскихъ. Это дьяволъ веселится, пируетъ на русской землѣ.

Но красные и въ дьявола не вѣрятъ. Они не вѣрятъ ни во что. Вѣрятъ ли они другъ въ друга?

...Недобрыя сердца. Злыя души. Глаза злыхъ котовъ. Но вдругъ – изъ-подъ бровей – косо – зрачки летятъ, и въ нихъ – жалость къ тебѣ, интересъ: а какъ ты себя чувствуешь, – любопытство: а какъ ты живешь? Да, правда, какъ же ты живешь? Тутъ, подъ градомъ насмѣшекъ, въ домѣ, гдѣ замазаны известью окна, гдѣ на завтракъ даютъ спитой несладкій чай?

Они видѣли и эти лица. Лица не звѣрей, не котовъ и собакъ, не волковъ – лица людей. Эти лица можно было просить; отъ нихъ можно было ждать не только оскорбленія, но и пониманія. Лица эти торчали въ общей красной толпѣ, въ плотной живой стѣнѣ охраны, какъ прозрачные изумруды или алые турмалины въ древней, мѣдной, хитро переплетенной скани; и къ этимъ лицамъ бросались они, пытаясь достучаться, руки протянуть, обнять, – признаться, повѣрить, прошептать, высказать. Бросали свои души, уже исклеванныя ночными военными птицами. Уже наполовину раскрошенные подъ ногами въ сапогахъ, подъ мордами коней и собакъ, подъ свистами пуль. Поднимите! Мы вамъ отдаемъ самое дорогое, что у насъ есть!

И – поднимали. Не всѣ. Кое-кто.

Самое страшное – просить. Они просили Мошкина. Мошкинъ шелъ къ Авдееву. Авдеевъ рычалъ: пусть идутъ къ лѣшему! Просьбы погибали, корчились въ мукахъ. Пожалуйста, откройте окна! Мы задыхаемся! Ну и задохнитесь, гады. Задохнись, ты, Николашка. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

И лицо довольное, лоснится: царю отказалъ.

Не гражданину Романову, а – царю.

Но другія лица ловили губами другія ихъ просьбы. И глотали, будто причастіе. Тата однажды подошла къ солдату Сафонову, тому самому, что рисоваль на стѣнахъ поганые рисунки, потрогала его за рукавъ и сказала: вы хорошо рисуете, вамъ бы учиться! Сафоновъ откѣль. Вы будете художникомъ, я вижу; а я бы тоже хотѣла немного порисовать, принесите мнѣ бумагу, а? Я хочу нарисовать дерево въ саду на фонѣ синяго неба. Я умѣю. Я вамъ покажу, какъ надо небо рисовать и дерево рисовать. Принесете? Пожалуйста!

И Файка Сафоновъ тихо и растерянно повторилъ, эхомъ, вслѣдъ за Татой это слово: пожалуйста.

И жадно, рѣзко двинувъ кадыкомъ, проглотилъ это слово, какъ хлѣбъ пополамъ съ виномъ изъ золотой храмовой лжицы.

Вечеромъ, когда мать вслухъ читала имъ всѣмъ изъ Библии, боець Сафоновъ принесъ листъ бумаги и обгрызенные цвѣтные карандаши. И еще гуашевыя краски въ двухъ маленькихъ банкахъ: красную и синюю. И кисточки къ нимъ. Двѣ кисточки. Мягкія,

колонковья. Тата захлопала въ ладоши. Сумасшедшая, встала на цыпочки, и закинула руки за шею бойцу, и расцѣловала его въ щеку. Сама испугалась. Смущенно поглядѣла на мать. Мать какъ читала Писаніе, такъ и продолжила читать. Головы отъ страницы не подняла. Помилуй мя, Боже, по величїи милости Твоей!

А внизу опять пьютъ, гуляютъ. Вина много у нихъ. Откуда берутъ? И водки вдосталь, и крѣпкой корчмы. Авдеевъ напился пьяный и рухнулъ безъ чувствъ на полу въ коридорѣ, и стрѣлки дотащили его, ухвативъ за ноги, до комендантской, и втащили туда, и уложили на одѣяло, и шубой сверху накрыли, ибо сильно дрожалъ онъ. Часъ назадъ онъ и къ нимъ приходилъ. Еле стоялъ на ногахъ. Щурился, раздвигалъ губы въ нелѣпой ухмылкѣ. Что, цари горохи, сидите, кукуете? Сидите, сидите! Вамъ одно и осталось – сидѣть! А ну стоять! А ну всѣ быстро встали!

Мать встала вмѣстѣ со всѣми. Но ея губы не прекратили читать. Она щурила глаза, не различала буквы, но читала: она знала Писаніе наизусть. Всѣ стояли вокругъ стола. Будто поминки, и читаютъ молитву. Только не налито въ бокалы вино. Вусмерть пьяный Авдеевъ обвелъ всѣхъ слѣпыми красными глазами. Ахъ вы суки! Подчинились! А эта, старуха, что трещить безумолку?! Прекратить бормотать! Молчать!

Тогда мать замолчала. На время. Всѣ стояли и молчали, и шумно соглѣ Авдеевъ, а мать вздохнула и отчетливо сказала: я не бормочу, а читаю Пятидесятый псаломъ. Это Псалтырь, ее написалъ царь Давидъ.

Царь, царь, опять царь! Вамъ, гнидамъ, всюду чудятся цари!

Но это правда, пожалала плечами мать. Тонкая пелерина упала съ ея плеча на полъ.

Авдеевъ наступилъ пьянымъ сапогомъ на пелерину и усмѣхнулся.

Это ваша правда!

Правды нѣтъ вашей и нашей, есть правда только одна. На всѣхъ.

Нѣтъ, шалишь! Сколько людей, столько и правдъ! А правдивѣй всѣхъ правдъ – наша, красная правда! А почему? А потому что мы мучились больше всѣхъ! Вы – насъ – мучили! Мы кровью нашу правду отработали!

На первомъ этажѣ пѣли. Голоса проламывали полы и потолки. Голоса распиливали бревна, разбивали стекла. Катались по полу пьяными котами. Взрывали погребъ и крышу. Они были главными здѣсь, эти голоса. Они плевали на «Херувимскую». Они не умѣли Чайковского. Они пѣли свое, выстраданное, красное.

*Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой –
Любви беззавѣтной къ наро-о-о-оду...
Вы отдали все, что могли, за него –
За жизнь его, честь и свободу!*

Пьяный Авдеевъ сжалъ кулакъ и поднесъ его, круглый, тяжелый, къ носу царицы. Вотъ она, наша правда! Правдивѣе всѣхъ правдъ вашихъ! Вотъ она – для всѣхъ! И мы выпьемъ за нее! За ея праздникъ! За нашъ, великій, красный праздникъ! Пиръ на весь міръ! Скоро всѣ народы возстанутъ. Противъ васъ, убійць!

Вы сами всѣ убійцы, беззвучно сказалъ царь. Пошупалъ отощавшія плечи. Рукава гимнастерки на локтяхъ собрались гармошкой. На половицахъ комками валялась грязь; она соскочила съ сапогъ Авдеева. Только-что прошумѣлъ дождь. Они слышали шорохъ, но дожда не видѣли. Бѣлья бѣльма скрывали міръ.

Голоса взрѣзали доски, обои, кирпичи:

«Отречемся отъ стараго міра, отрясемъ его прахъ съ нашихъ ногъ! Намъ не надо златого кумира – ненавистень намъ царскій чертогъ!»

Вотъ, слышите, ненавистень, сказалъ Авдеевъ, не разжимая кулакъ. Всѣ слышали?! Всѣ?!

Они всѣ стояли кругомъ стола и молчали.

...а боець Ляминъ стоялъ за дверью, и тоже сжималъ руки въ кулаки, и тоже молчалъ.

##

На посту номеръ девять – часовой Добрынинъ. Онъ случайно выстрѣлилъ въ потолокъ. У бойцовъ бывало не разъ, что пуля сама собой изъ ствола вылетала.

На охотѣ и то вылетаетъ; а тутъ, когда оружіемъ они накормлены подь завязку?

– Эй, Добрынинъ, какъ у тебя выстрѣлъ-то получился? Ежели не секретъ?

– Да ставилъ затворъ на предохранитель. Она, сволочь, и шархнула.

Черезъ пару дней – на другомъ посту – бомба взорвалась. А въ чемъ дѣло-то? А

неосторожно съ бомбой товарищъ обращался; она надъ нимъ и посмѣялась. Оружіе есть оружіе. Осторожнѣй съ нимъ.

– Учить васъ надо съ оружіемъ обращаться, бойцы!

– Еще чего, учить насъ. Мы – ученые!

У коменданта было свое понятие и о выстрѣлахъ, и о взрывахъ. Онъ велѣлъ тѣхъ стрѣлковъ неосторожныхъ приставить къ наградѣ. Приказа еще не написалъ; но уже похвалилъ и по плечу одобрительно постучалъ солдатамъ. Такъ ихъ! Бди! Вѣдь у нихъ, собакъ, заговоръ. Они его осуществляютъ. Дѣвицы – изъ оконъ – людямъ внизу – знаки подаютъ! Какіе знаки, товарищъ комендантъ, окна же доверху известкой замазюканы. А онѣ, шельмы, фортку открываютъ! И – жестикулируютъ! Такъ что вы, бойцы, молодцы! Такъ ихъ, пугай ихъ!

Что подозрительнаго замѣтишь – не бойсь, шугани! Чтобъ неповадно было! Можешь стрѣлнуть такъ, чтобы пуля надъ ухомъ просвистала! Чтобы – обдѣлались со страху!

...Ляминъ видѣлъ, какъ уводили изъ дома матроса Клима Нагорнаго и лакея Ивана Сѣднева. Нагорный кричалъ и махалъ руками. Онъ еще сопротивлялся. Сѣднень молчалъ, и сѣрыя тучи плыли по его лицу, заслоняя глаза, брови и щеки.

«Насовсѣмъ берутъ. Не вернутся».

«А можетъ, вернутся! Подержать да отпустить».

«Сейчасъ уже не отпускають».

Ляминъ стоялъ у воротъ и провожалъ пролетки глазами. Винтовка за плечомъ прожигала холодомъ кожу сквозь вспотѣвшую гимнастерку.

...Въ Домѣ не жгли электричество зазя; сэкономили. Ужинали при этомъ тускломъ мертвомъ бѣломъ свѣтѣ, сочившемся въ слѣпя окна. Не щелкали выключателями. Не велѣно.

Старуха ѣла молча, усердно жевала. Потомъ бросила жевать, утерла ротъ платочкомъ, вынутымъ изъ-за пазухи, и строго спросила:

– А гдѣ Сѣднень и Климентій?

Ляминъ кашлянулъ и тихо сказалъ:

– Увезли ихъ. Вы развѣ не знаете?

Старуха вмяла въ него, какъ въ конвертъ, сургучи глазъ.

– Нѣтъ!

– Вы только не волнуйтесь.

– Ихъ убьютъ, – спокойно произнесла старуха, снова принимаясь за ѣду.

Она доѣдала оставшіяся отъ обѣда супъ, а отъ холодной котлеты отказалась.

...Михаилъ вдыхалъ сложный, плотный духъ караульной, укладываясь спать. Матрацы, кровати, брошенные на полъ шинели. Человѣкъ уснетъ на чемъ угодно, хоть на сырой землѣ, если хочетъ спать. У часовыхъ – ночь бессонная. Завтра его чередъ дежурить. Авдеевъ ставитъ его на постъ къ парадному крыльцу. На улицу. Значить, онъ будетъ нюхать свѣжій воздухъ и видѣть звѣзды. А вотъ они, арестанты, бѣдняги, звѣздъ не видятъ уже давно. Только – красныя: у солдатъ на гимнастеркахъ, на шинеляхъ. На папахъ у командировъ. На комиссарскихъ фуражкахъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«23 февраля 1918.

Вчера на багровомъ закатѣ, любуясь силуэтами домовъ и деревьевъ, думалъ: до чего близко къ намъ небо, – вѣдь я уже иду по звѣзды небесной! Тысячи звѣздъ и мириады рожденій и смертей въ пространствѣ, мириады восторговъ и отчаяній. И какъ я не могу помочь ни одной твари, погибающей въ системѣ Сиріуса или Капеллы, такъ и онѣ не могутъ помочь мнѣ. Вся полнота спасающаго ихъ божества тамъ въ нихъ – и только въ нихъ, какъ здѣсь во мнѣ – и только во мнѣ. Въ пучинѣ моря крохотная креветка увильнула отъ пасти дельфина, и она спасена. Если нѣтъ – нѣтъ... Кому ты долженъ молиться? Вчера зашелъ къ Введенію – акаѳистъ Николаю, вся церковь поетъ, выходитъ красиво, Николай-угодникъ – большой образъ въ золотой ризѣ, паникадило передъ нимъ, какъ разгорѣвшійся костеръ. Николай – какъ бы большой баринъ въ сравненіи съ другими святыми – передъ тѣми свѣчечка, а то и ничего. Николай заслонилъ и Божію Матерь, и Иисуса Христа, и Бога Отца.

Есть еще двѣ иконы: мѣръ, меня объемлющій, которому молиться не надо, напрасно: онъ и безъ молитвы даетъ все, что можетъ, безразлично – на спасеніе или на гибель. Вторая икона – зеркало. Подойди къ нему, ты увидишь старое лицо очень слабого, въ

общемъ, крайне ничтожнаго существа. Живая или, точнѣе, полуживая пылинка. И все-таки это Божественное существо способно до нѣкоторой степени спасти тебя. Ты и тебѣ подобныя, точнѣе – твои повторенія въ міръ. Молись себѣ и имъ, пробуждай свое и ихъ вниманіе, возбуждай участіе ихъ – и, быть-можетъ, тебѣ удастся увильнуть, какъ криветкѣ отъ пасти чудовища. Что касается безконечно-великаго, всевластнаго существа, которое скрыто въ міръ до невидимости и до неоцутимости, то неужели ты не видишь, что такое существо живетъ своей сверхжизнью, въ твою не вмѣстимой? Гляжу на звѣзды и спрашиваю себя, что между звѣздами? Ихъ сіяніе, трепетъ ихъ лучей, нѣкое реальное „нѣчто“ и во всякомъ случаѣ – не „ничто“. Это и есть плоть Твоя, Господи, видимая мнѣ душа Твоя».

Михаилъ Меньшиковъ. Дневникъ 1918 года

Пришелъ священникъ, одинъ, безъ дьякона. Михаилъ встрѣтилъ его у воротъ и самъ проводилъ въ Домъ. Священникъ трудно тащилъ свой животъ. Подъ рясой онъ выпиралъ черной угольной насыпью. По лѣстницѣ поднимались такъ долго, что Ляминъ зазѣвалъ. И священникъ переваливалъ свое тѣло впередъ, со ступеньки на ступеньку, а Ляминъ стоялъ и все зѣвалъ. Попъ обернулся. Ляминъ прикрылъ ротъ рукой.

Дошли до двери въ спальню царей. Ляминъ хотѣлъ безъ церемоній толкнуть и открыть, но передъ глазами возникло сердитое лицо Маріи; онъ взялъ и постучалъ. Громко, часто.

– Эй! Граждане! Къ вамъ пришли!

Дверь подалась. Марія держалась за мѣдную гнутую ручку. Волосы не распущены по плечамъ, а подобраны въ пучокъ на затылкѣ. Въ волосахъ кружевной бантъ. «На дамочку похожа. На фифу. Вотъ такими онѣ всѣ стануть, когда повзрослѣютъ».

Но это широкое, скуластое лицо. Крестьянское лицо! Слишкомъ русское для нѣмки. Онъ ощупывалъ зрачками, какъ волкъ въ зимнемъ лѣсу ощупываетъ глазами – издали – загулявшаго зайца, сладкую добычу, ея шею и грудь, брови, рѣсницы, эти твердыя торчащія скулы. Дѣвка на сѣнокошѣ! Какая принцесса!

Онъ только теперь, внезапно и дико, понялъ, какъ Марія съ Пашкой похожи.

– Батюшка вамъ, обѣдню служить. Какъ заказывали.

«Заказываютъ же человѣка, какъ пирогъ въ кондитерской».

Старуха уже быстро шагала навстрѣчу, поднимая руки, свѣтлѣя лицомъ. Она такъ поднимала къ священнику изсушенное слезами и мыслями лицо, будто хотѣла его страстно и многожды расцѣловать, а руки вздымала для того, чтобы задушить попа въ объятіяхъ; еще немного, и она сдѣлала бы это, попъ для нея былъ носителемъ того міра, что безповоротно ушелъ у нея изъ-подъ ногъ. Нѣтъ, не весь уплылъ, – вотъ же его представитель, одинъ изъ его прежнихъ насельниковъ; пока церковь еще не всю растерзали, батюшка пришелъ, и кадило у него подъ мышкой, и ладанъ и елей въ большомъ черномъ кожаномъ, почти комиссарскомъ портфельѣ.

Царь опередилъ ее, не далъ ей невѣжливо, не по правиламъ, обнять и расцѣловать батюшку. Шагнулъ впередъ, сложилъ руки черпакомъ, наклонился:

– Благословите, отецъ Тихонъ.

Священникъ медленно перекрестилъ Николая и выпустилъ изъ себя длинную басовую ноту:

– Госпо-о-одъ благословить.

Ляминъ глядѣлъ на то, какъ играютъ золотомъ и яичнымъ желткомъ, и киноварью, и сурикомъ, въ свѣтѣ жаркаго утра, многочисленныя иконы въ старухиномъ кіотѣ.

«А иконъ тьму насобирали. Наворовали у народа, товарищъ Яковъ говорить! Можетъ, оно и такъ. Всѣ другъ у друга воруютъ».

Вспомнилъ, какъ въ Буянгѣ, въ голодный годъ, своровалъ тощую корову изъ чахлаго, еле живого стада, взялъ за рога и увелъ въ подлѣсокъ; и тамъ зарѣзалъ, а потомъ освѣжевалъ и изрубилъ въ куски, грамотно, на пнѣ, маленькимъ, но тяжелымъ топоромъ. Мясо сложилъ въ мѣшокъ и принесъ домой, и спустилъ въ погребицу въ сараѣ. И Софья варила изъ говядины супъ, и даже картошки къ нему не было; такъ и хлебали, воду да жесткое старое мясо, корова оказалась старухой, усаливали да пили изъ мисокъ черезъ край, и хлѣба не было. Но такъ спаслись.

А чья та корова была, какого сосѣда-сельчанина, такъ и не узналъ никогда.

А они, они-то – даже вымя, даже мозги, даже носъ и хвостъ сварили.

...Они всѣ уже выстроились напротивъ кіота. Попъ запѣлъ, и они запѣли.

«Всѣ службы наизусть знаютъ, выходятъ такъ?»

Себя чувствовалъ тутъ лишнимъ. Но отчего-то тупо, упрямо стоялъ, не уходилъ. Марія, осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, оглянулась на него. И онъ вдохнулъ воздухъ коротко и рѣзко и сдѣлалъ широкой шагъ къ этому домашнему иконостасу.

«А можетъ, какъ раньше, а? Перекреститься, постоять службу съ ними?»

И рука уже потянулась ко лбу, пальцы склеивались въ стыдную забытую щепоть.

Снизу, въ открытую дверь спальни, донеслось:

– Бойцы! Полдень! Смѣна караула!

И такъ же рѣзко отшагнуль назадъ отъ кружевныхъ спиныхъ, отъ царскихъ сутулыхъ лопатокъ подь слово-зеленой гимнастеркой.

Цесаревичъ лежалъ въ кровати и ясно смотрѣль на Лямина.

«Чортъ, лежить и глядитъ, какъ святой. Настоящій святой! На одрѣ мученика. А я для него – грязь, отбросъ. Мусоръ людской. И онъ меня, мусоръ, любитъ и понимаетъ и прощаетъ. А я его – выходитъ такъ – нѣтъ?!»

Вышелъ, крѣпко захлопнулъ дверь. Одна изъ иконъ, икона святой равноапостольной княгини Ольги, сорвалась съ тонкаго гвоздя и шлепнулась на полъ. Старуха метнулась поднять, ее опередилъ мужъ. Уже стоялъ съ иконкой въ рукахъ, улыбался нѣжно, юродиво.

– Вотъ, родная. Вотъ. Не волнуйся.

– Плохая примѣта.

Священникъ не останавливалъ службу. Басиль, поднималъ, какъ дирижеръ, руки, и широкіе рукава рясы скользили, падали къ локтямъ. Марія взяла изъ рукъ отца икону св. княгини Ольги и поставила къ трюмо. Исподъ иконы отразился въ зеркалѣ. Марія перекрестилась и запѣла вмѣстѣ со священникомъ:

– Вѣрую во единого Бога Отца, Вседержителя!

И запѣли всѣ.

И Алексѣй, лежащій въ кровати въ высокихъ взбитыхъ подушкахъ, веселѣе всѣхъ крестился и пѣль громче всѣхъ. На тумбочкѣ, на салфеткѣ съ аппликаціей, тускло отблескивалъ градусникъ. Темнѣла въ мензуркѣ недопитая лѣчебная жидкость.

Мать стояла лицомъ къ иконамъ, пѣла и плакала.

...Начались жаркіе дни. По улицамъ шли рыбаки-старики и бѣжали мальчишки, и всѣ волокли за плечами куканы – кто съ плотвой, кто съ перламутровыми судаками, кто съ хариусами, а кто волокъ и тяжелаго, чернаго, тиннаго сома, и мертвое чудовище закатывало бѣлыя бусины глазъ, а за хвостомъ сома, волочащимся въ пыли, бѣжала кошка, призывно и жадно мяукала и хватала хвостъ когтистой лапой. Ляминъ подслушалъ, какъ мужъ жаловался женѣ: моль, жара стоитъ, а они сидятъ взаперти!

Куриль на крыльцѣ, а цари стояли въ коридорѣ, и Николай крѣпко мялъ и сжималъ руки Александры, будто грѣль ихъ, будто замерзла она.

– Такая чудная погода, милая. Такая жара! Искупаться бы въ рѣчкѣ. Тутъ же есть рядомъ рѣка.

– Есть.

– А можетъ, ихъ – попросить? Ну Христомъ-Богомъ попросить! Ну не аспиды же они!

– Ты слишкомъ наивень.

– Я больше не могу – взаперти. Я съ ума сойду! Рядомъ, за окнами, садъ шумить. А мы даже въ садъ не можемъ выйти и погулять вволю! Ну на что это похоже!

– Ни на что.

– Солнышко, почему ты мнѣ такъ отвѣчаешь? Я обидѣль тебя, да? Тогда прости.

– Нѣтъ, любимый. О чемъ ты говоришь. Никогда ты не можешь меня обидѣть. Скорѣе – я тебя.

– Я хочу воздуха. Воздуха! У меня легкія слиплись! Они даже форточку уже не разрѣшаютъ отворять! Это же тюрьма!

– Да. Тюрьма.

И на этомъ словѣ разговоръ оборвался. Концы нитей еще помотались въ воздухѣ вздохами, всхлипами. Потомъ и они исчезли. Ляминъ докуриль сигарку и пощупалъ рукой щетину надъ губой.

...Онъ такъ часто схватывалъ волчьими ушами ихъ разговоры, бесѣды, обрывки раздумій вслухъ, что ему стало казаться – онъ нѣкій потайной ящикъ, куда всѣ эти бесѣды и шепотки прячуть, приберегая, аккуратно складывая, до поры: можетъ, память обо всемъ этомъ кому пригодится.

...Бэби спалъ нынче? Плохо спалъ. Нога болитъ? О да, болитъ, онъ хотъ и не жалуется, да я же вижу. Докторъ осматривалъ? Довольно долго. Щупалъ ногу, а мальчику, кажется, было больно. Онъ закусилъ губу. Онъ у насъ очень терпѣливый. Это онъ въ тебя. Нѣтъ, въ тебя. Какъ онъ сегодня будетъ у насъ гулять въ саду? Ты понесешь его на рукахъ? Нѣтъ, покатимъ. Въ коляскѣ? Нѣтъ, комендантъ распорядился привезти кресло-каталку, и его уже привезли. У него такія огромныя колеса, даже страшно. И серебряныя спицы. Милая, какое сегодня солнце! Оно пробиваетъ даже эту чортову извѣсть на стеклахъ. Милый, развѣ можно упоминать вслухъ имя сатаны. Сейчасъ же перекрестись и попроси у Господа прощенья. О да, ты

права. Господи, прости меня и мою душу грѣшную!

...Солнце, у него боли усилились. Онѣ невыносимы. Гдѣ сейчасъ нашъ Другъ? Другъ въ землѣ. Молись о немъ. Теперь Друга нѣтъ, и у нашего мальчика есть только мы. Но мы не обладаемъ силой Друга. Богъ дастъ и намъ силы; надо только хорошенько Его попросить. Я и такъ прошу. Мало, плохо просишь!

...Осторожнѣй переодѣвай его. И тихонько вынимай изъ каталки. Не надо тревожить больную ногу. Скоро принесутъ обѣдъ. Вѣчныя котлеты, онѣ мнѣ такъ надоѣли! Благодарю Бога, что есть котлеты. А если бѣ ихъ не было? Если бѣ супъ варили изъ щепокъ, а на второе жарили опилки? Какъ ты страшно шутишь. Не надо такъ шутить. Не буду, прости великодушно.

...Ты понялъ, что заборъ возвышаютъ? Да. А зачѣмъ? Мы же не перепрыгнули бы и этотъ. Имъ бы проще было упечь насъ въ тюрьму. Туда, гдѣ сейчасъ Климычъ и Сѣдневъ. Молись за Клима и за Сѣднева! Я молюсь за ихъ души. Они привидѣлись мнѣ во снѣ мертвыми. Яма, а они на днѣ лежатъ. Безъ гроба и креста, какъ татары. Татары хоронятъ своихъ въ бѣлыхъ мѣшкахъ. Да, такъ у магометанъ. А какъ же они, тоже возстанутъ изъ земли на Страшномъ Судѣ?

...Мнѣ худо. У меня дико болятъ геморроидальныя шишки. Опять! Надо бы свинцовыя примочки. Кто мнѣ ихъ тутъ приготовить? Евгенийъ Сергѣичъ? Они не пошлютъ въ аптеку, чтобы купить дистиллированную воду. Ложись на животъ, лежи такъ! Я приготовлю тебѣ примочки сама. Солнце, зачѣмъ ты будешь со мной возиться. Я потерплю. Я хочу гулять! Когда я хожу, боль утихаетъ. Почему у человѣка все время что-нибудь болитъ? Почему онъ терпитъ боль? Христовъ терпѣлъ и намъ велѣлъ. Такъ Другъ все время повторялъ. Боль, радость – какаѣ разница? Богу на небесахъ все равно. Значить, намъ тоже должно быть все равно.

...Ты нынче лежи, не вставай. И тебѣ полегчаетъ. Я знаю, надо лежать, и кровообращеніе возобновится. Покой, только покой! А гдѣ у насъ докторъ Деревенко? Онъ сегодня не приходилъ? Его давно не видно. Бѣби и я, мы оба въ немъ нуждаемся. А его, видимо, къ намъ не пускаютъ. Вотъ звѣри! Милый, никогда не осуждай ближняго. Это – грѣхъ! Ты знаешь, солнце, я пересталъ понимать, что грѣхъ, что святость. Все смѣшалось въ сплошной ужасный комъ. Знаешь, на меня сегодня такъ пронзительно смотрѣлъ этотъ солдатъ, ну, этотъ, рыжий. Солдатъ Ляминъ? Ну да. Онъ рядомъ съ нами всегда. Мнѣ иной разъ кажется, онъ шпионъ. Но мы же ничего такого не говоримъ! Мы – да. Но чужія уши могутъ услышать въ рѣчи все что угодно. И что этотъ Ляминъ? У него въ глазахъ было такое, даже передать не смогу. Ну что, что? Жалость? Сочувствіе? Нѣтъ. Хотя и это тоже. Другое. Знаешь, навѣрное, это пониманіе. Нѣтъ. Гораздо теплѣе. Теплѣе пониманья только любовь. Любовь? Неужели это любовь? А развѣ они – способны на любовь? Къ намъ, ихъ губителямъ, какъ они повторяютъ все время?

...Я сегодня ночь не спалъ. Такія сильныя боли. Я молилъ Господа: Господи, если Тебѣ нужна моя жизнь, возьми ее. Какъ ты можешь такъ просить Господа! А мы всѣ? На кого ты насъ покинешь? Насъ всѣхъ? Прости, любимая. Но такъ боли были сильны. Я просилъ не подумавъ. Въ саду такая чистая, мощная зелень! Такъ наливаются сокомъ яблоки! Они тутъ маленькія, смѣшныя, должно-быть, это китайка. Такъ пахнутъ цвѣты табака! А солдаты рвутъ листья и цвѣты табака, высушиваютъ, измельчаютъ и курятъ. Имъ не на что купить себѣ папиросы.

...Солнышко, знаешь, я чувствую что-то въ воздухѣ. Нѣчто виситъ надъ нами. Что? Они не такъ съ нами разговариваютъ. Не такъ смотрятъ. Одни смотрятъ жалѣючи, другіе – такъ, будто мы полѣнья, и насъ надо поскорѣе испилить и изрубить на дрова. Съ нами почти не говорятъ. Они съ нами – молчатъ. Они всѣ тревожны, напряжены. Можетъ, между ними тамъ идетъ раздрай? Was ist раздрай, sag mir bitte! Раздрай, родная, это такая крупная, большая и долгая ссора. Она все идетъ, идетъ и не кончается. И воздухъ вокругъ все накаляется. Хорошо бы они всѣ другъ съ другомъ поссорились! А кто-нибудь – съ нами – подружился, и мы смогли бы отсюда убѣжать! Этого никогда не будетъ. Никогда.

А тебѣ развѣ не все равно, гдѣ умирать?

Нѣтъ! Мнѣ – не все равно!

А вотъ мнѣ уже все равно.

##

– Люкинъ! Эй!

Сашка поглядѣлъ на Михаила черезъ плечо.

«На птицу большую похожъ. На дрофу».

– Што тебѣ, Мишка?

– Поди сюда. Скажу что.

Ему не хотѣлось это выговаривать громко, чтобы все слышали.

«Да все и так знают. Знают, знают! Еще как знают. Но каждый – друг от друга – скрывает. И комиссары молчат как рыбы».

Люкин подошел вплотную, придвинулся к Лямину, надавил плечом. Дышал табаком. Михаил видѣл его раздутую конскую ноздрю.

– Ну выкладывай, што наболѣло. Про Пашку опять небось? Утомил ты тут всех этой своей бабой.

– Она не баба, а боец Красной Армии.

– Боец, боец. На кухнѣ рѣжет овец.

– Погодь! Дурень ты совсем.

Цапнул Сашку за плечо. Под его губами возникло Сашкино твердое, будто деревянное, ухо.

– Ты. Слушай. Челябинск под бѣлками. И они идут сюда.

Сашкино ухо под его ртом похолодѣло. А щека вспыхнула. Сашка отодвинулся и пытался разворошить острыми ножницами глаз гнѣздо Михайлова лица. Пустое, сѣрое гнѣздо.

– Да ну?

– Что слышал. Повторять тут нечего.

– Побожись!

Люкин сложил губы, как для свиста. Сдернул фуражку и крѣпко почесал бритую почти лысую русую башку.

– Ты. Красноармеец ты или попович?

– Ладно. Брось, – Люкин потер нос желтым табачным пальцем. Маленькие глазки его бѣгали туда-сюда, как две мыши, заплутавшие в кладовой, а впереди – зѣва мышеловки. – Может, набрехали табѣ?

– Нѣтъ. Свѣдѣнія точныя. Авдеев сказал. Мнѣ и еще Трофимову. И то нехотя. А ему – Юровскій. Юровскому по телеграфу передали. А к Авдееву гонец прискакал. Он этим ихним отрядом наперерѣз шел. Как не подстрѣлили парня, ума не приложу. Стал бы я тебѣ завирать.

– Так. Понятное дѣльце.

Снова крѣпко терь нос, и шмыгал, и кряхтѣл, а Лямин смотрѣл на эти ужимки и уже жалѣл, что сказал.

– Да может, еще отгонять наши.

– А думаешь, среди наших не окажецца гнуса?

– Предателей?

– Да вѣдь спят и видят переметнуца к бѣлым!

– Кто?

– Так табѣ на тарелочкѣ и донеси.

– Наплевать мнѣ. Я – за себя отвѣчаю.

– А они, энто, в Челябинскѣ, може, застрянуть?

– Нѣтъ. Уже идут.

– Ясенько.

Люкин помотался, как пьяный, на длинных худых ногах-костылях, вскинул сивую голову и рѣзанул глазами Лямина по жесткому лицу.

– И ты-то, ты што предлагаешь? Всем проорать: унесите, братцы, ноги? Али – на бой кровавый, святой и правый?

Лямин пожевал губами. Сильно хотѣлось курить.

– На бой – да, это ты вѣрно сказал.

– Да вѣдь я про предателей-то не чешу языком. Прапорщик Ардавов перешел уже к бѣлым. Ускакал из города к едренѣ матери. И отряд увел. А энти – наступают. Будет, – содрогнулся, как звѣрь, всей спиной, – бойня.

Лямин ощутил быстрый бѣг мороза по кожѣ. Сколько боев ему суждено? В котором его убьют?

– Ураловѣт крѣпкій. Он не отдаст Екатеринбург. А мы на что? Выстоим, – говорил, языком молодь, и сам себѣ не вѣрил. – Верх-исетские не дадут. У них комиссар Ермаков. Знаешь его.

– Знаю. Он и сюды иной раз наѣзжать.

– Крѣпкій мужик. Просто камень. Много бился. Опыт имѣет.

– При чем тут опыт, – Люкин дернул головой, как гусь. – Переколотят нас, как вошей в вошебойкѣ!

– Не исключено. Война дѣло такое. Ты на войнѣ всегда вѣдь готов к смерти. И это

страшно. Тебѣ – страшно. На Успенской площади тутъ такое было!

– Знаю.

– Народъ поднялся. Насъ не хотятъ. Собралась куча людей, вопить: красныхъ клоповъ долой!

– Долой, значитца. А раньше кричали – красные, защитите насъ отъ царскихъ прихвостней! Бѣляки сколь народу въ селахъ на Исети пострѣляли... порубали...

– А людямъ развѣ втолкуешь про хорошую будущую жизнь? Имъ – въ настоящемъ ее подай. Имъ все плохо, что на зубъ не положишь и не раскусишь!

– На площади-то – какъ наши справились?

– Какъ, какъ. Ермаковъ съ конными стоялъ. Голощекинъ подоспѣлъ. Юровскій прибѣжалъ съ людьми своими. Съ латышами. И съ заводскими, со злоказовскими. Навалились. Но, по слухамъ, долго толпу эту разгоняли. Народъ, онъ страшень, если его – много!

– Да ужъ знаю.

– Сашка! Да вѣдь народъ – это мы и есть?

Люкинъ слегка отупѣлъ отъ такого вопроса.

– Да. Выходить, што такъ.

– Значить, народъ правъ? И мы, окажись мы въ той толпѣ, мы бы тоже такъ могли?

– Какъ?

– Ну, кричать: долой красную сволочь!

– Мишка, – придвинулся къ нему горячей колючей щекой Люкинъ. – Мишка, я не пойму, ты мене на пушку берешь али ты сурьезно? Може, шуткуешь? Какая красная сволочь? Игдѣ?! Люди... едрить ихъ... просто устали, слышишь! Устали, вымотались!

– А Юровскій вѣщаетъ: мировая революція, – улыбаясь, сказала Ляминъ холодными онѣмѣлыми губами. «Будто мятныхъ конфектъ накушался».

– А мы бы ищо привалили бѣ на ту площадь, вразъ бы энтотъ мятежный народецъ разогнали. Площадь бы – отъ говна – расчистили.

– Люди, Сашка, не говно.

– А насъ вѣдь тутъ, – Люкинъ мотнулъ башкой, обеда теменемъ крупный кругъ, – полнымъ-полно. Бойцовъ двѣсти всѣхъ будетъ, я не считалъ. Но прикидываю. И што? Мы тутъ энтихъ дармоѣдовъ охраняемъ. А могли бы – городъ отъ мятежа спасти!

Ляминъ морщился. На душѣ было темно, гадко.

«Мятежъ, мятежъ. Мять и бить кого-то живого. Опять варить кровавую кашу. А можетъ, это мы, красные, для нихъ для всѣхъ – мятежники, а они, народъ, невинные мученики? И бѣляки, что хотятъ царя на тронъ вернуть, правы, а мы – ошметки и обноски, и – сжечь насъ, въ костеръ!»

– Такъ намъ надо было самимъ.

– Самимъ, легко сказать! Попробуй самъ сабѣ отдай команду! Чай, у насъ командиры есть. Да словно въ ротъ воды набрали. Вотъ про взятіе Челябинска я отъ тибя узналъ. И ты таисся. Нѣтъ бы намъ всѣмъ – въ полный голосъ провѣщать! Глядишь, и по-иному бѣ дѣло пошло!

...Авдеевъ явился и прокричалъ:

– Арестованныхъ нынче въ садъ не выпускать!

– Слушаюсь, товарищъ комендантъ, – сдвинулъ сапоги Ляминъ.

Сегодня онъ долженъ былъ выводить царей изъ комнатъ – во дворъ.

Авдеевъ выглядѣлъ неспавшимъ, лицо его напоминало мятый старый сапогъ.

– Боецъ Ляминъ, проводи меня къ Романовымъ. Живѣй!

По Дому не шли – почти бѣжали.

Навстрѣчу по коридору медленно шель докторъ Боткинъ. Авдеевъ внезапно остановился и ухватилъ доктора за рукавъ.

– Вотъ что! Мнѣ надо съ вами переговорить. Ляминъ! Насъ охраняй! Чтобъ никто не подслушалъ!

Авдеевъ былъ трезвый и злой. И очень, слишкомъ встревоженный.

Они, втроемъ, спустились на первый этажъ.

– Куда податься? А, вотъ въ кухню.

Нажалъ плечомъ на дверь кухни.

– Никого тутъ? Ага, никого! То, что надо.

Не замѣтилъ присѣвшую на корточки за огромными кастрюлями – Пашку.

– А это кто тутъ хоронится?! А, это ты, боецъ Бочарова! Освободи помѣщеніе. Быстро!

Пашка, крѣпко затягивая на затылкѣ узелъ платка, вышла изъ кухни, презрительно вильнувъ задомъ. Ляминъ старался не смотрѣть, какъ она идетъ и выходить.

– Ляминъ, встань около двери! И никого не впускай.

– Слушаюсь, товарищъ комендантъ.

Онъ всталъ къ двери, поправилъ ремень винтовки на плечѣ. Винтовка вдругъ стала очень тяжелой, будто за плечомъ у него висѣлъ пудовый мѣшокъ – съ зерномъ-ли, съ солью.

Авдеевъ и Боткинъ усѣлись за кухонный столъ. На раздѣлочной доскѣ лежала сиротливая, уже зачерствѣлая горбушка ржаного. Разбросаны крошки, валяется тесакъ. Въ печи медленно догорають дрова, обращаясь въ черныя, съ синими огнями, головни.

– Евгений Сергѣичъ. Выслушайте меня внимательно и не перебивая. А то я самъ спутаюсь. Мы опасаемся возстанія. Очень опасны въ городѣ стали анархисты. Вамъ всѣмъ, возможно, скоро придется отсюда уѣхать. Да, да, это правда, не смотрите-же на меня такъ ужасно!

Авдеевъ дернулся на стулѣ, какъ подь токомъ, подь безпомощнымъ, почти дѣтскимъ взглядомъ доктора поверхъ смѣшныхъ, съ круглыми стеклами, очковъ.

– Анархія – страшная штука! Вы еще не знаете, что это такое. Я – знаю. Меня самого чуть не растерзали, какъ звѣри добычу, анархисты... около Кіева. Я вѣдь много чего повидалъ, пока вы тамъ... въ вашихъ дворцахъ... возсѣдали, – опять дернулся, кинулъ мрачный взглядъ на Лямина, мертво застывшего у двери. – Поэтому я и толкую вамъ...

– Мы куда отѣдемъ?

Голосъ доктора Боткина былъ спокоенъ и глухъ.

– Да куда угодно! Лишь бы подальше! Хоть... въ Москву. Поѣздъ будетъ заказанъ... заказанъ... – Авдеевъ затрясъ губами. – Литерный... И потому... вамъ надо приготовиться къ скорѣйшему отбытію. Къ скорѣйшему, вы слыхали! Это значить – начинайте собираться немедленно! Укладывайте вещи. Много не берите. Много чего придется оставить здѣсь... я понимаю, какъ бы вамъ ни было жаль... но... лучше ѣхать налегкѣ. Только самое необходимое! Вы поняли?

– Понялъ.

Боткинъ склонилъ голову. Ляминъ смотрѣлъ на него, представляя его въ бѣлой врачебной шапочкѣ.

– Ну и хорошо, – Авдеевъ нервно облизнулъ ротъ. – Ступайте! Скажите – имъ! Но только чтобы безъ паники. Безъ этихъ аховъ, оховъ! Твердо скажите: собираемся! Но – только тихо! Чтобы не увидѣлъ, не услышалъ караулъ! Въ полной, слышите, тишинѣ. Тайно! Никому ни слова. Молчите. Будто бы... ну... дѣлаете свои дѣла. Двигайтесь просто какъ мыши!

– Мыши, – тихо, потерянно произнесъ Боткинъ.

«Мыши. Это вѣдь люди. Шила въ мѣшкѣ не утаишь».

Ремень винтовки все больнѣе врѣзался въ плечо, прорѣзала ткань гимнастерки.

– Не привлекайте ничьего вниманія!

– Я васъ понялъ, господинъ... товарищъ комендантъ, – выдохнулъ докторъ Боткинъ устало.

А Ляминъ все глядѣлъ на эту раздѣлочную доску; вмѣсто хлѣбныхъ крошекъ и черной горбушки ему тамъ мерещились куски мяса, мясная красная обрѣзь, хрящи и жилы, и мозговья кости, и ребра, и сложенные въ синюшную мушиную кучу потроха.

... – Скажи имъ: сейчасъ не ѣдемъ. Остаемся еще на пару дней.

Ляминъ подошелъ къ комнатѣ, воткнулъ голову въ бѣлесый туманъ за дверь, прокричалъ:

– Комендантъ приказываетъ! Отставить сборы! Пока – остаетесь здѣсь!

Царь медленно поднялъ голову отъ чемодана. Онъ сидѣлъ передъ чемоданомъ на корточкахъ и утрамбовывалъ поклажу.

«И что возять, возять за собой всѣ эти бесполезныя тряпки. Выкинуть все да и сжечь. Или – нищимъ раздать. Пускай въ царскихъ одеждахъ пощеголяютъ».

Волосы бороды, сѣдые и золотые, кривыми лучами расходились отъ средоточія, отъ печальнаго маленькаго, какъ у женщины, рта.

Разогнулъ колѣни и съ трудомъ всталъ.

«Болятъ колѣнки-то. Старѣеть. Мерзляковъ болталъ – ему ужъ пятьдесятъ».

– Что, что?

– Не ѣдемъ, – уже тихо сказала Ляминъ, глядя царю сначала въ ротъ, а потомъ въ глаза.

Царь потеръ ладонями вытянутые на колѣняхъ штаны.

– Хорошо. Спасибо, товарищъ Ляминъ.

– Не за что. Приказъ.

– Приказъ есть приказъ.

– Киньте, – Ляминъ рукой махнулъ, – всю эту канитель.

– Хорошо. Пусть такъ все останется. Ничего не будемъ раскладывать снова. Пускай по-бивачному.

...Ужинали молча. Глотали и давились. Подъ чужими глазами, подь вѣчнымъ наблюдениемъ. Нынче обошлось безъ привычныхъ смѣшковъ и грубостей. Всѣхъ, и охрану и ца-

рей, вечерь будто накрыль тяжелой свинцовой крышкой. И жара упала; надвинулись тучи, разметали по небу путаную шерсть, зарядиль дождь, зашлепаль по крышѣ и стрѣхамъ. Авдеевъ ужиналь вмѣстѣ со всѣми. Молча, сосредоточенно жеваль жесткую котлету. Шепталь съ набитымъ ртомъ: «Пережарили, дряни». Ляминь глядѣль: у коменданта красный носъ, красныя щеки, пальцами игриво пошевеливаетъ на столешницѣ, – значитъ, уже чуть навеселѣ.

Пашка и кухонная бабенка унесли грязную посуду. Авдеевъ всталъ, уперся пальцами въ доску стола и замѣтно качнулся. Лицо его, какъ всегда, когда онъ выпиваль, становилось сытымъ, кошачьимъ.

– Граждане арестованные, эй! Вни-ма-ні-е. Объявляю вамъ. Анархисты... пойманы. И посажены, ну да, въ тюрьму. Опасности для васъ нѣтъ! Отѣздъ – отмѣняется!

Изъ-подъ носа у великихъ княжонъ бабы выдергивали пустыя тарелки. Утаскивали. Обнажались голыя, въ крошкахъ, доски.

Царь безпомощно посмотрѣль на жену. Она остро глянула на мужа и отвела взглядъ.

«Ничему не вѣрять. Знаеть, что послѣ этой команды запросто можетъ раздаться другая: быстро собирайся! Пролетки у параднаго!»

– Ну да, что тарашитесь? Не ѣдемъ никуда! Спать ложитесь, граждане, спать!

Глазами сладко обвелъ груди Ольги подъ кружевнымъ лифомъ.

И вдругъ наслѣдникъ зѣвнулъ. Во весь ротъ. Показавъ зубы. И даже не прикрывъ ротъ рукой.

– Алексѣй! Что ты дѣлаешь!

Мать даже задохнулась отъ негодованія.

– Скучно! – громко, раздѣльно произнесъ мальчикъ, словно ему было больно и онъ никакъ не могъ выкричать эту боль. А можетъ, такъ оно и было.

Анастасія опустила голову такъ низко надъ столомъ, что ея лобъ едва не коснулся грязной столешницы.

– И мнѣ тоже скучно.

Ляминь видѣль, какъ по крѣпкой, не ущипнешь, щекѣ Маріи ползуть слишкомъ дѣтскія, запрещенныя строгими взрослыми слезы. Ему захотѣлось встать такъ, чтобы мать не увидѣла эти слезы и не взъярилась. Не накричала на дочь.

– Мама, а мы что, уже въ Москву не ѣдемъ? – такъ же громко и отчетливо, вызывающе спросила Татьяна.

Авдеевъ нетвердо ковыляль къ выходу изъ столовой. У двери замеръ, взялся рукой за плохо крашенную, шершавую притолоку.

– Не ѣдете, мать вашу черезъ коромысло. Не ѣдете! Сказано вамъ! Уши къ головѣ привинчены?!

Царь согнулся надъ столомъ и закрыль уши ладонями.

А Ольга, напротивъ, выпрямилась – и закрыла ладонями глаза.

##

Въ Домъ явились двое. Они ихъ помнили въ лицо.

Эти люди встрѣчали ихъ въ Екатеринбургѣ; и они думали, эти лица будутъ мотаться передъ ними все время, а они помячили передъ царями въ день приѣзда – и слизало ихъ коровьимъ языкомъ быстро, жаркое и влажное время.

Военный комиссаръ Шая Голощекинъ, товарищъ Филиппъ, и рядомъ хорошее такое, скуластое, чуть полноватое, круглое доброе лицо молодого: товарищъ Бѣлобородовъ. Ляминь встрѣтилъ обоихъ на крыльцѣ, отдалъ честь. Голощекинъ радостно поглядѣль на Михаила.

– Гдѣ такъ загорѣль, боець?

– Не загорѣль, а – закалился!

Бѣлобородовъ ткнулъ пальцемъ въ бокъ Голощекину.

– Эхе-хе, я серьезно, а ты все въ шутку обращаешь.

Ляминь разулыбался. Отеръ со лба и щекъ потъ, да онъ все равно текъ и текъ изъ-подъ фуражки.

– Такъ мы жъ все времечко на солнышкѣ, товарищъ комиссаръ!

«Добрые какіе. И не скажешь, что свирѣпые. Что звѣрски съ бѣляками дерутся. Уже много земли нашей отъ бѣлаго дерьма почистили. И – доброты не утеряли».

Душа Лямина разъединилась. Одна половина восхищалась красными комиссарами. Другая опасно ежилась, болѣзненно ныла: а что, что они тебѣ устроятъ завтра?

«О завтра – не думать. Это запрещено».

– Товарищъ комиссаръ, а вопросъ можно?

– Задавай, боець.

У него внутри словно вѣтеръ мощный задулъ, когда онъ вдыхалъ воздухъ, чтобы выдохнуть вопросъ.

– Мы Екатеринбургъ – защитимъ? Или намъ придется... отходить?

Чуть не сказалъ: драпать.

Голошекинъ изъ живого человѣка мгновенно превратился въ чугунный черный шаръ на чугунныхъ ногахъ.

– Ты вотъ что, боець...

– Ляминъ, товарищъ комиссаръ.

– Боець Ляминъ. Ты взрослый человѣкъ. И все понимаешь. И – воеваль. Воеваль?

– Такъ точно, товарищъ комиссаръ. Воеваль.

– И ранень бываль?

– Такъ точно.

– Самъ знаешь, что такое война. Города сдають, города берутъ. Кутузовъ вонъ сдалъ Москву. И Москва – горѣла. Вся сгорѣла къ едренѣ матери! Зато потомъ мы французовъ погнали. Историю знать надо!

Бѣлгородовъ стоялъ рядомъ и странно, по-дѣтски улыбался.

– Гдѣ арестованные? Гуляютъ?

– Нѣтъ, товарищъ комиссаръ. Въ комнатахъ.

– Хорошо. Пошли, Бѣлгородовъ, подыдемся къ нимъ.

...Когда по лѣстницѣ поднялись, перекинулись парой словъ межъ собой. Михаилъ навострилъ уши. Ему показалось: онъ волкъ и слушаетъ опасные лѣсные звуки.

– Падеть городъ. Какъ скотина, падеть.

– Бѣжать? Въ Москву?

– А какой другой выходъ? Не въ Мурманскъ же?

– Безъ разрѣшенія Ленина ничего дѣлать не будемъ.

– А если рискнуть?

– Нужно согласіе Ленина и Свердлова. Самочинство тутъ не пройдетъ. Ты знаешь о томъ, что Михаилъ...

Ляминъ вздрогнулъ, его имя произнесли.

И дальше шопотъ: Голошекинъ приблизился къ Бѣлгородову и оставшіяся слова высыпалъ ему прямо въ готовно подставленное ухо. И ступени скрипѣли. И половицы пѣли.

«Нѣтъ, это не обо мнѣ. Какого чорта я тутъ затесался. Кто я такой! Мелкая сошка. О какомъ-то другомъ Михаилъ толкуютъ».

И пѣли, пѣли птицы за окномъ, за парадной тяжелой дверью.

#

– Настя, поздравляемъ тебя!

– Stasie, тебѣ семнадцать! Такая прелесть!

– Дѣвочки, ну не зацѣлуйте меня.

– Настя! Подойди ко мнѣ!

– Папа, держи Алешиньку крѣпче, не урони.

– Вотъ, и вотъ, и вотъ. Вотъ тебѣ! Троекратно!

– Какъ въ Пасху...

– А можетъ, у насъ вѣчная Пасха! Христось же всегда воскресаетъ, всегда! Каждый день!

– Настинька, желаю тебѣ... всего того, что можно пожелать своей любимой доченькѣ въ семнадцать лѣтъ...

– А я развѣ нелюбимая?!

– А я!

– А я!

– Дѣти, вы всѣ, всѣ самые мои любимые... вы же знаете...

– Стася, дай поглядѣть, что тебѣ мама подарила! Ой! Какое чудо! Что это?

– Это мастеръ дѣлалъ, ювелирь? Но насъ же не выпускають никуда...

– Это я сама дѣлала, дѣти.

– Мама! Но ты лучше всѣхъ ювелировъ на свѣтѣ!

– Жемчужина у меня давно хранилась... а оправу изъ серебряной проволоки я давно приготовила. Сплела...

– А чѣмъ ты жемчужину прикрѣпила? Чѣмъ?

– Клеемъ...

– А кто тебѣ его принесъ?

- Файка Сафоновъ!
- Боже! Это тотъ идиотъ, что рисоваль непотребства на стѣнахъ!
- Да. Это онъ.
- И ты взяла?! Изъ его рукъ?!
- Онъ сталъ другимъ. Я за него молюсь.
- Не станетъ онъ никогда другимъ! И всѣ они – не станутъ!
- Доченька, Христось пришелъ не къ праведникамъ, но къ грѣшникамъ.

...Жара опять вернулась, безжалостно убила дождь. Жара обнимала небо и рушилась на землю съ воплемъ, съ воемъ: выли клаксоны моторовъ на улицѣ, выла баба за бѣлыми окнами, быть-можетъ, раздирая грудь и вырывая волосы на головѣ, причитая: убили! убили! Убивали на каждомъ шагу, убивали ни за что и за дѣло, убивали просто такъ и по великой, ничѣмъ не вытравимой ненависти; убивали походя, играючи, играя ножомъ или наганомъ, и убивали четко, вывѣренно, рассчитанно, продуманно, выстраданно. Революція была временемъ убійствъ, а дѣвочки Романовы хотѣли научиться готовить. Имъ разрѣшено было каждый день отправляться на кухню, къ повару Харитонову, и Харитоновъ училъ ихъ замѣшивать тѣсто, кислое и прѣсное, и ставить хлѣбы, и ставить опару такъ, чтобы она подходила весело и споро, и чтобы печиво изъ нея получалось пышное и душистое.

Послѣ ужина онѣ, всѣ четверо дѣвчонокъ, оставались на кухнѣ, и Харитоновъ не уходилъ, хотя очень уставалъ къ концу дня; и онѣ показывалъ имъ, какъ нужно мѣсить муку, какъ разбивать яйца и выливать въ кратеръ сверху мучной горки, и потомъ вливать туда простоквашу, а потомъ класть сметану, а если яицъ мало, можно добавить и молока, только надо рассчитать и не перелить, а то вмѣсто пироговъ, ваши высочества, у васъ выйдутъ блины. Блины! Блины! Это тоже прекрасно! Блины, Оличка, испеки мнѣ блины, я хочу блиновъ! Тебѣ?! Одной тебѣ?! Хитрая какая! Тебѣ, и больше никому!

Ну... намъ всѣмъ... всѣ блиновъ хотятъ...

Онѣ замѣшивали тѣсто на ночь, и оно поднималось и вспучивалось, а утромъ, послѣ молитвы, гурьбой бросались на кухню – глядѣть, во что превратилась чудесная опара; и Харитоновъ училъ ихъ лѣпить караваи, и закладывать хлѣбы въ печь, а Марія уже совсѣмъ недурно, быстро и сноровисто, разжигала въ печи огонь. Сначала маленькихъ вѣточекъ наложить, и щепки для розжигу; потомъ, когда пламя займется, подкладывать маленькихъ полѣнца; а потомъ можно и покрупнѣе бревешки. Машка! Да ты настоящая баба! Настя, что ты орешь на весь домъ!

Старуха сидѣла въ спальнѣ. До нея доносился запахъ свѣжеиспеченнаго хлѣба.

Она закрывала слезящіяся глаза ладонью и батистовымъ платкомъ.

#

Свѣтъ. Но это и не свѣтъ.

Если у тебя закрыты глаза – ты видишь сквозь вѣки свѣтъ?

Да, видишь. Чувствуешь. Слепые тоже чувствуютъ. Но они плачутъ, потому что сознаютъ: это не настоящій свѣтъ. Это его дыханіе. Его слѣпое, какъ у слѣпого щенка, тыканье носомъ: въ твой колѣни, въ твой склоненный лобъ, въ твои губы.

Свѣтъ сквозь замазанныя бѣлой краской окна. Оконъ нѣтъ. Это не окна и не стекла. Это твои живыя вѣки, а развѣ подъ ними живутъ глаза? Глаза тебѣ выкололи. Тебя ослѣпили.

И ты только притворяешься, что у тебя есть глаза: ты рано утромъ встаешь и глядишь на икону, а святой глядитъ мимо тебя, поверхъ тебя. И ты его не видишь, и онѣ тебя не видитъ. Вы оба не видите другъ друга. Это наступилъ конецъ свѣта?

Ты глядишь на человѣка, что вошелъ къ тебѣ въ комнату; у него есть лицо, есть двѣ руки и двѣ ноги, да, по всѣмъ примѣтамъ это человѣкъ, но ты не видишь въ немъ человѣка. И страшно это, и ты притворяешься, что видишь его, и улыбаешься ему, а онѣ считаетъ тебя и васъ всѣхъ по головамъ.

Всѣ ли тутъ, не убѣжалъ ли кто. Не ушелъ ли изъ стойла.

Ты глядишь на исписанный листъ бумаги. Это человѣчье письмо, его принесли тебѣ сегодня утромъ. Ты глядишь на кривыя, мчащіяся быстрѣе паровоза буквы и не видишь, въ какія слова онѣ сливаются. Онѣ всѣ отдѣльныя. Нѣтъ словъ, и нѣтъ мыслей. Есть несчастная черная вязъ поверхъ бѣлаго, стылago зимняго плата, поверхъ этой бѣлой извести, которой закрыть мѣръ.

А вотъ, смотри, это ѣда, ее разрѣшили приносить вамъ изъ Новотихвинскаго монастыря, отъ сердобольныхъ монашекъ: мать игуменья, о, добрая такая, она два, три раза въ недѣлю посылаетъ вамъ монастырскіе святыя дары: куриныя крупныя яйца въ красноталовыхъ корзинкахъ, снятыя ложкой-шумовкой жирныя сливки въ маленькихъ стеклянныхъ банкахъ и глиняныхъ крынкахъ и молоко въ огромныхъ, какъ изъ-подъ хмельной корчмы,

длинногорлыхъ бутыляхъ. Славьтесь, безвѣстные монашки и съ ними мать игуменья! А ты, ты молись за нихъ, пока у тебя достанетъ силъ молиться.

Гляди на ѣду, видишь ее? Неужели не видишь?

Видишь и не видишь, какъ такое можетъ быть?

Да, она сейчасъ исчезнетъ. Вы всѣ съѣдите ее. И это утро исчезнетъ, и этотъ день исчезнетъ. Провалится въ дымъ и туманъ. Въ бѣлые потеки извести.

Все, что вы носите, вся одежда и обувь ваша, и беретика вязаные, и халаты, обшитые сѣвернымъ кружевомъ, и собольи и бѣличьи шубки, и кители, и гимнастерки, и пеньюары, и сорочки, и все-все носильное, милое сердцу и близкое тѣлу, все исчезнетъ, развѣется прахомъ, а можетъ, сожжется; да, сгоритъ, это вѣрнѣе всего, сейчасъ же все поджигаютъ и жгутъ, и огонь, онъ жадный и ненасытный, онъ съѣдаетъ все. И вы сами – его скорая пища.

Всѣ мы – пища другъ друга, и трапеза Бога; такъ что же тутъ роптать? И, главное, на что же тутъ надѣяться?

Ты открылъ громадную бутылъ – хотѣлъ налить въ стаканъ молока – а вмѣсто пробки у тебя въ пальцахъ – свернутая въ трубку бумага. Записка. Письмо. Буквы опять бѣгутъ, не успѣешь сложить въ слова. Надо встать ближе къ слѣпому окну, сосредоточиться и читать вслухъ, тихо шевеля губами и повторяя эти, вотъ эти, уже ставшія странными, чужими, простыя слова.

Посмотри на него. Ты же не слѣпая, ты же еще видишь его. Онъ твой отецъ и твой царь. Усы цвѣта лисьей шерсти. Въ бородѣ сѣдые вьюжныя нити. Борода прокурена, какъ у простого солдата. Плечи чуть опущены: сутулятся. Теряетъ военную выправку. Глаза летаютъ по непонятнымъ строчкамъ. Ловятъ буквы, какъ бабочекъ. Въ глазахъ то озерная зелень, то небесная синь, то несутся сѣрыя, дикія тучи и быстрѣе тучъ – дикія утки. Шея отошала, а вѣдь мощная была. Онъ занимался борьбой, лондонской гимнастикой и нѣмецкой штангой. Окликни его! И онъ оторвется отъ напраснаго чтенья. Онъ повернетъ голову и взглянетъ на тебя.

А ты посмотришь на него.

И не увидишь его.

И онъ не увидитъ тебя. Такъ все просто.

Ты только слышишь, какъ онъ, съ бумагой въ рукахъ, нервно ходить по комнатѣ. Военный шагъ. Онъ печатаетъ шагъ, вдавливая сапоги въ половицы. Комната, вѣдь это не плацъ. Тюрьма – не воздухъ поля! Это сраженіе невидимое. Оно для слѣпыхъ и глухихъ. И о твоей смерти на полѣ этого боя никто и никогда не узнаетъ.

И не узнаешь даже ты самъ. Не догадаешься. Зачѣмъ догадываться, когда и такъ все исчезнетъ?

Ты, съ исписанной бумагой въ рукахъ, пытаешься глядѣть на вошедшаго якобы человѣка. Отъ темной неясной фигуры пахнетъ алкоголемъ. Этотъ человѣкъ по утрамъ приходитъ къ тебѣ съ великаго похмелья. А ты на него не смотри. Ты посмотри на своихъ дѣтей. Ты видишь своего ребенка? Онъ лежитъ въ кровати. Онъ улыбается или плачетъ? Тянетъ къ тебѣ руки или отталкиваетъ тебя? Все равно. Ты исчезнешь, онъ исчезнетъ.

Сильно и остро и гадко пахнетъ водочнымъ перегаромъ. Нельзя нюхать этотъ запахъ.

Слишкомъ открыто стоишь ты передъ нимъ съ чужимъ письмомъ; онъ это не ты, онъ все видеть.

Нѣтъ! Онъ смотреть и не видитъ.

Или дѣлаетъ видъ, что не видитъ.

А можетъ, онъ самъ это письмо и написалъ?

...Какъ хочется выпить хорошаго вина.

Бокаль хорошаго краснаго вина, съ виноградниковъ Роны, съ виноградниковъ Бургундіи. Въ Бургундіи хорошо дѣлаютъ сливовую водку, онъ знаетъ. А въ Дофинэ – великолѣпную грушевую настойку и персиковый спиртъ. Нѣтъ жизни безъ вина; но и вино исчезло, а жизнь?

Она еще здѣсь. Еще съ тобой.

...Смотри на своего отца. Онъ глядитъ на коменданта и не видитъ, онъ глотаетъ слюну и воображаетъ себѣ темнокрасное вино въ длинномъ хрустальномъ бокалѣ.

...Смотри на свою дочь. Она стоитъ у двери, и книга въ ея рукахъ. И законная известъ ложится блѣдными пятнами ей на щеки и шею.

...Ты, старуха, смотри на дѣтей своихъ. Ихъ повѣсятъ на высокихъ крестахъ, на сырыхъ перекладахъ, и ты будешь стеречь ихъ, бѣгать вокругъ нихъ съ пучкомъ розогъ и отгонять воронъ. Нѣтъ, это не ты, а Рицца! Или, можетъ, это Агарь въ пустынѣ.

...Голоса. Голоса. Слушай, это переговариваются твой отецъ и чужой, съ похмелья, человѣкъ. Они обмѣниваются рваными рѣзкими фразами. Слова рвутся на тряпки, на военные бинты. Человѣкъ, пахнущій перегаромъ, не беретъ у твоего отца изъ рукъ исписанную бума-

гу. Онъ лишь глядитъ на нее. Глядитъ и не видитъ.

...Ты стоишь и не видишь, что не видятъ тебя; тебѣ кажется – ты весь на просвѣтъ.

И всѣ уже давно знаютъ, что въ письмѣ написано.

Въ томъ письмѣ тебѣ пишутъ о твоёмъ побѣгѣ изъ твоей тюрьмы; но тюрьма тоже исчезнетъ, правда, послѣ твоей смерти, а тебѣ не все ль равно?

Да. Тебѣ все равно.

Бумага истлѣетъ. Разказы забудутъ. Пули навѣкъ застрянутъ подь ребрами.

Что же останется?

И, главное, – зачѣмъ?

Чужой человекъ съ запахомъ перегара уходитъ. Ты мнешь письмо въ пальцахъ. Твоя жизнь расписана по секундамъ, только ты не знаешь объ этомъ. Все засекретили. И раскретятъ уже послѣ, потомъ.

А когда будетъ это потомъ?

А можетъ, его не будетъ никогда.

##

Ляминъ глядѣль, глядѣль, глядѣль на этого, лобъ въ морщинахъ, бойца. Все глядѣль, и что-то толкало его изнутри.

«Гдѣ-то видѣль я его. Точно! Гдѣ-то... точно...»

Росточку небольшого. Лицо широкое въ скулахъ, узкое къ подбородку: степняцкое лицо, кочевное. Въ плечахъ тоже широкъ, крѣпокъ. Глаза раскосые, монгольскіе, острые: не подходи близко – наколешься. Смуглый. Это не загаръ – отроду такой. Фуражка сидитъ на немъ нелѣпо, мятой сковородой. А красотой мужицкой, сильной и храброй, весь горитъ. Ходитъ вразвалку. А надо поспѣшить – идти быстро, какъ конь, наметомъ, почти летить.

«Кого напоминаетъ онъ мнѣ? Кого...»

Самъ надъ собой посмѣялся: Ленина, вотъ кого. Какъ вождя на плакатахъ рисуютъ.

Однажды, такъ искоса разсматривая его, вдругъ увидалъ: изъ разстегнутаго ворота его гимнастерки вывалился, на тяжелой, крупной мѣдной цѣпочкѣ, позеленѣлый мѣдный натѣльный крестъ. Боецъ стоялъ, нагнувшись, оттиралъ съ сапога грязь, мѣдный крестъ качался на цѣпочкѣ, какъ маятникъ, – и вдругъ Лямина прошибло. Онъ отеръ со лба потъ и шагнулъ къ смуглому раскосому бойцу. Тотъ выпрямился. На Лямина мрачно смотрѣль.

– Павелъ... Еёимычъ?

Въ горлѣ пересохло. И больше ничего спросить не могъ.

Боецъ Ереминъ вглядывался въ лицо рыжаго охранника.

– Да никакъ... Минька?!

Еще мигъ, другой топтались другъ возлѣ друга, какъ медвѣди, не въ силахъ другъ друга обнять.

Обнялись. Маленькій Павелъ Еёимычъ, обхвативъ, легко, какъ перо, приподнялъ Михаила.

– Мишка, Ляминъ!

– Онъ самый. А я все гляжу, думаю...

– Что глядѣть! Подошелъ бы, въ лобъ спросилъ! А то стѣсняется!

– Павелъ Еёимычъ... – воздуха въ груди не хватало. – Зачѣмъ мы оба...

– Тутъ? – закончилъ Ереминъ. – А объ этомъ одинъ Господь знаетъ.

– Нѣту никакого Господа!

Выкрикнулъ и испугался, а послѣ засмѣялся.

Ереминъ смотрѣль на него строго. Узкіе глаза еще больше сузились, прошивали темное, цвѣта очищенной вяленой тарани, лицо двумя иглками.

– Это ты врешь.

– Павелъ Еёимычъ!

– Эхъ, Мишка...

– Сколько смертей! А вы о Господѣ.

– Еще Его вспомнишь.

Ереминъ повертѣль мѣдную пуговицу на Мишкиной груди.

– Пойдемъ покуримъ? Къ забору?

– Идемъ.

Пошли, и стали у забора, и стояли, смолили, то коротко, весело взглядывая другъ на друга, то желая что-то говорить, но слова вдругъ сами куда-то исчезали, и не нужно было ихъ ловить: достаточно было вдыхать дымъ и черезъ этотъ дымъ глядѣть другому въ лицо – и передъ Михаиломъ вставалъ Новѣй-Буянь, какъ живой, съ церковкой, съ желтѣющими по осени лугами, съ холмами и перелѣсками, – и вотъ она, Волга, Волженька, синевой бьетъ

по глазамъ, по сердцу, сперва вспыхивая за поворотомъ дороги, потомъ открываясь вся, просвѣченная солнцемъ, теплая, то желтая-золотая, медовая, то густо-синяя, то сморщенная вѣтромъ, съ яростными гребнями-бѣлками, – и за спиной Еремина волной вставала вся эта мирная убитая жизнь, весь его рухнувшій въ одночасье миръ, – а можетъ, не въ одночасье погибъ, а постепенно, медленно, но вѣрно грызли его жуки-точильщики, сосали клещи. Миръ! Волга! Рыба! Поля! Косьба! Пирогъ въ печи! И его семья, могла бы быть... Наталья... дѣтки кругомъ ползають, вокругъ его начищенныхъ воскомъ сапогъ, а кто и ходить уже.

– Эй! Минька! Что призадумался?

– Да нѣтъ, ничего, Павелъ Еюмычъ.

Ереминъ дососалъ «козью ножку», склонилъ голову, какъ большая птица, однимъ глазомъ глянулъ на Лямина.

– Ты вотъ что. Ты Бога не ругай, еще чего выдумалъ. Я вѣдь помню, какъ ты къ Наташкѣ сватался. Помнишь Наталью-то?

Отъ Еремина исходилъ еле слышный, призрачный запахъ Буяна. Сѣна. Рыбьей чешуи. Сосновой смолки.

Михаилъ склонилъ голову, и чуть не упала фуражка.

– Помню.

Ереминъ шагнулъ къ нему, и носокъ ереминскаго сапога наступилъ на ляминскій носокъ.

– Вотъ все закончится...

Молчаніе шаталось между нихъ, брало ихъ за плечи, выворачивало руки, нагибало шею. Они подчинялись молчанью.

– И что?

Онъ уже зналъ, что Ереминъ скажетъ.

– Вотъ все закончится... возвращайся – да сватайся снова... я не прочь, чтобы ты зятемъ...

Голова закружилась. Ляминъ все вдыхалъ и вдыхалъ запахи отъ гимнастерки Еремина, и это онъ – Волгой дышалъ.

«Ерунда какая, чушь въ голову лѣзетъ... какая Волга...»

Хотѣлъ сказать: у меня тутъ другая, – а вмѣсто этого выдохнулъ вдругъ, коротко и влажно:

– Хорошо...

Раскуривать новую сигарку было лѣнь. И говорить нельзя ужъ было. Все сказали. Подъ ногами, подъ сапогами лежала земля, и земля ихъ несла на себѣ, на выгибѣ своего горба, и колыхала – двухъ людей съ винтовками за плечами.

#

– Ники! Это русскіе офицеры. Они насъ спасутъ!

– Возможно.

– Они могутъ даже умереть за насъ!

– Не отрицаю.

– Какъ ты можешь быть такимъ спокойнымъ!

– А зачѣмъ волноваться?

– Напиши отвѣтъ, прошу тебя!

И царь садится и пишетъ.

...Они оба читають отвѣты. Тѣ же листы бумаги, свернутые въ трубочку и воткнутые вмѣсто пробки въ бутылъ съ молокомъ. Руки Аликсъ трясутся отъ радости. Царь спокоенъ и даже равнодушенъ; онъ не раздѣляетъ восторга жены. Спасеніе? Оно исчезнетъ такъ же, какъ и появилось. Сколько ошибокъ въ письмахъ, писанныхъ по-французски! Но юные поручики тоже могутъ ошибаться въ иноземномъ правописаніи.

Они читають письма заговорщиковъ, а у ихъ дверей смѣняется охрана. Ушли Бабицъ и Трофимовъ, встали Фаттахудиновъ и Ляминъ. Почему такъ блестятъ глаза у Машки? Будто ей подарили перстенъ съ изумрудомъ. Милый, ну развѣ ты не помнишь, что у Машки скоро день рожденья! И ей сравняется девятнадцатъ. Боже, невѣста!

Солдаты стоятъ у дверей. Отъ солдатъ за версту несетъ табакомъ. Какъ много курятъ эти молодые люди! Иногда и не слишкомъ молодые. Подъ красныя знамена встають и старики. Въ письмахъ – призывы, чтобы они открыли окно. Надо притвориться, что мы задыхаемся, что умираемъ отъ удушья! И тогда окно откроютъ! Ну, откроютъ, а дальше что?

Ты старъ, Ники, ты сталъ старый, ни во что не вѣрящій скептикъ!

Я всего лишь разумный человѣкъ.

О, прости меня, если можешь, прости...

Ляминъ и татаринъ Фаттахудиновъ, изъ Уфы, видѣли, какъ супруги рвутъ другъ у друга изъ рукъ эту жалкую, вконецъ измятую бумажку. Комендантъ бѣжитъ по коридору и,

словно невзначай, бросаетъ Лямину: боець Ляминь, отвори арестованнымъ окошко! Пусть подышать! Расправятъ легкія!

Авдеевъ произноситъ: «расправятъ лехкія».

Пустая бутылка изъ-подъ молока стоитъ у двери. Солнце насквозь пробиваетъ ее штыками лучей. Въ горлышкѣ бутылки – туго скрученная бумага. Это отвѣтъ.

И Ляминь слышитъ, какъ царь, слишкомъ близко подойдя къ стоящей у распахнутаго окна женѣ, говорить тихо, внятно и горько:

– Намъ пишутъ, мы отвѣчаемъ, но это все обманъ. Они играютъ съ нами! Мы кошки, они мышки!

И жена, схвативъ его за руки, шепчетъ, какъ кошка шипитъ:

– Ну неужели же ты не хочешь жить?! Совѣмъ не хочешь?!

И онъ молчитъ. А потомъ, спустя вѣка, говоритъ медленно и тягуче:

– Ты знаешь, если честно, то мнѣ все равно.

##

Имъ никто и ничего не говорилъ про наступленіе бѣлыхъ. Ни про какой Чехо-словацкій корпусъ. Ихъ будили, кормили, поили, молча ставили на столъ стаканы и хлѣбъ, тарелки и крупную сѣрую соль въ деревянныхъ солонкахъ. Они ѣли и пили, а за ихъ спинами, за шеями и лопатками угрюмо молчали не люди – молчали Тюмень и Миассъ, Кыштымъ и Златоустъ, Челябинскъ и Шадринскъ.

А здѣсь стоялъ огромный голый деревянный столъ, и столъ звался Екатеринбургъ. Все сосредоточилось на столѣ и за столомъ. Иногда имъ казалось: на столѣ стоятъ телѣги, впряженные въ лошадей, и кони, и верхомъ сидятъ красные. Подмигиваютъ другъ другу.

И посрединѣ стола, вмѣсто солонки, валяется круглое колесо съ кривыми спицами, оторванное отъ телѣги, страшное отдѣльное, одинокое колесо. И дѣти, всѣ, смотрятъ остановившимися выпученными глазами на это сиротливое колесо. Кто его оторвалъ? Ураганъ?

Старые люди на улицахъ Екатеринбурга говорили: лѣто будетъ ураганное, ожидаются большіе вѣтра, – но они не слышали этихъ сплетенъ. И предчувствія у нихъ не было. Они просто жили и уже не торопились. Всѣ вокругъ нихъ торопились, спѣшили. Куда-то опаздывали.

Опаздывали убить и умереть.

А они уже вездѣ опоздали. И оставался только голый столъ, и колесо посреди, и остановавшіеся, медленно свѣтлѣющіе глаза.

Сколько въ Екатеринбургѣ красныхъ бойцовъ? А кто считалъ? Имъ не говорятъ, сколько тутъ бѣлыхъ, сколько красныхъ. Сколько старыхъ, сколько новыхъ. Миръ раздѣлился на ветхій и новый, какъ сама Библия. Миръ уже никто не спасетъ.

Ихъ никто и никогда не спасетъ. Никогда и никто.

Ну и что, все равно.

Они не торопились завтракать, не торопились обѣдать. Не обижались, когда къ ихъ тарелкамъ изъ-за спины протягивались чужія руки. Съ готовностью оборачивались и сами въ эти руки свои тарелки всовывали: нате, возьмите! Мы уже наѣлись! Намъ не надо!

Аликсъ глядѣла на Ники торжествующе. Скоро имъ ничего тутъ не будетъ надо! Скоро ихъ освободятъ!

Ники глядѣлъ на Аликсъ нѣжно и скорбно. Онъ понималъ: Аликсъ заблуждается и мечтаетъ.

Но ему было такъ жалко ее, и онъ думалъ: пусть мечтаетъ.

Страна рушилась вокругъ нихъ, а они сами стояли въ центрѣ зданія съ падающими отвѣсно стѣнами; стояли, взявшись за руки и глядя на клубы сѣрой пыли, на руины, на орущихъ людей подъ завалами. Камни! Время собирать камни прошло. Теперь время камни разбрасывать. И – камни взрывать. Тѣ люди, что назвали себя бѣлыми, не хотятъ посадить царя снова на престолъ. У престола оторваны ноги, и царскій титулъ – безъ рукъ и безъ головы. А что же за власть теперь будетъ у насъ? Нѣтъ этой власти имени.

Народъ вопить: негодай Распутинъ, распутница царица! Плюется: измѣнникъ царь, война ему нужна была лишь для того, чтобы возвеличиться! Дешевый патриотизмъ, дешевая ложь, и самъ онъ дешевак! Онъ прекрасно знаетъ: никто его не будетъ освобождать. И всѣ эти письма въ молочныхъ бутылкахъ – не болѣе чѣмъ опасная игра. Игра въ топоръ и шею.

Поѣвъ и вставъ изъ-за стола, они утирали рты носовыми платками: о салфеткахъ давно забыли.

Царь отодвигалъ отъ стола стулъ, дѣлалъ шагъ назадъ, потомъ военный жесткій шагъ впередъ, и думалъ: онъ не нуженъ ни бѣлымъ, ни краснымъ. Онъ не нуженъ никому.

Бѣлымъ онъ живой не нужень. Слишкомъ драгоцѣнна эта вышивка на бѣломъ знамени – лицо Николая Втораго, Всея Россіи Царя, Государя и Самодержца. И краснымъ онъ не нужень живымъ. Красные спятъ и видятъ, какъ ихъ всѣхъ убить. Какъ? Гдѣ? Можетъ, они всѣхъ ихъ отравятъ? А можетъ, утопятъ въ Исети?

Письма съ ворохомъ ошибокъ. Никто изъ красныхъ не знаетъ хорошо ни англійскій, ни французскій, ни нѣмецкій языки. Они не аристократы. Они – необразованные парвеню. И у глупцовъ нѣтъ будущаго. Жди, когда они всѣ выучатся; это произойдетъ черезъ сто лѣтъ. А пока эти сто лѣтъ идутъ и проходятъ – страна погибнетъ въ крови и грязи, и жестокости, и дурости. Это-ли будущее онъ для Россіи желаль?

Они, одинъ за другимъ, шли къ себѣ въ комнаты по пустому и холодному, даже въ жару, коридору. Имъ казалось, этотъ коридоръ вель подъ землю. Вель – во тьму. Открывали двери, и изъ дверей билъ бѣлый слѣпой свѣтъ. Призракъ свѣта. И они, слѣпые, шли на свѣтовой миражъ, и сами себѣ казались мертвецами и призраками.

Папа, у меня ноги просятся танцевать, жалобно сказала ему Анастасія, да здѣсь простора нѣтъ! Онъ закусилъ губу. Какъ точно сказала дѣвочка! Здѣсь и правда нѣтъ простора. А на просторахъ Россіи русскіе убиваютъ русскихъ. Казаки бьютъ красныхъ, красные бьютъ юнкеровъ, казаковъ и бѣлыя войска, присягнувшія на вѣрность императору Михаилу. Гдѣ теперь Михаилъ? Недавно царю приснился странный сонъ. Михаилъ въ ямѣ, подъ землей, и оттуда, изъ черной земляной дыры, доносится его слабый голосъ: «Ники! Ники! Помоги мнѣ!»

И онъ встаетъ передъ ямой на колѣни, и опускаетъ въ нее руку, и тянетъ руку, и кричитъ: «Я тутъ! Я тутъ! Миша, хватай!»

И будто жаръ касается дрожащихъ пальцевъ. А потомъ налетаетъ холодъ.

И онъ быстро, ужасаясь, выдергиваетъ изъ черной пустоты руку.

Онъ рассказалъ этотъ сонъ женѣ, проснувшись. Она заплакала и перевернулась на животъ, и такъ, лицомъ въ подушку, долго лежала, и спина ея тряслась.

#

Голощекинъ сѣздитъ на паровозѣ въ Москву. Мощный красный магнитъ, брошенный въ центръ Россіи, притягиваль разбросанныя по странѣ красныя кривыя желѣзьяки.

Поѣздка была опасной, но нужной.

Шая, живой и невредимый, не застрѣленный и не покалѣченный, вернулся изъ Москвы и много чего рассказалъ. Не кому-нибудь, а Пашкѣ, вотъ странно.

Пришелъ въ домъ Ипатьева чайку попить. Пашка чайку соорудила и сѣла на лавку, и долго слушала возбужденные, путаные, веселые рассказы Шая.

Можетъ, Шая выпилъ гдѣ штофикъ и развязалъ языкъ; а можетъ, просто съ красивой бабой поболтать хотѣлъ.

Долго сидѣли на кухнѣ; Шая ушелъ, когда въ ночи мѣдно, длинно часъ пробило.

...Ляминъ думать не думаль спрашивать ее о Голощекинѣ. Онъ прекрасно видѣлъ, какъ оба чекиста, и Голощекинъ и Юровский, ѣдятъ Пашку глазами. Но ему уже стало какъ-то странно и пусто, все равно. Время и вокругъ Лямина, и вокругъ всѣхъ бойцовъ остановилось; оно вязко липло къ пальцамъ и сердцамъ, тяготно накручивалось на острые, а можетъ, тупые штыки, и ему не было конца, но кто-то иногда видѣлъ конецъ – и смѣялся.

Пашка, протянувъ Лямину чистую, хорошо выстиранную, но плохо высохшую, еще сырую смѣнную гимнастерку – сдернула ее съ длинной, во дворѣ, веревки, – и глядя, какъ онъ на траву грязную рубаху скидываетъ и чистую надѣваетъ, внезапно подала голосъ и сказала тихо:

– А Ленинъ-то къ намъ сюда скоро подкрѣпление пришлетъ.

Ляминъ такъ и застылъ, всунувъ голову въ раструбъ ворота и держа рубаху за хвостъ пустого рукава.

– Ишь ты! Откуда знаешь?

И тогда Пашка сѣла на толстое бревно, приткнутое къ стѣнѣ дома, и стала говорить. Тихо и медленно. И четко, умно, какъ мужикъ. Безъ бабьяго многословья и причитаній.

Большевики обезпокоены обстановкой. Добровольческая армія уже сколочена. Англичане высадились въ Мурманскѣ, и они, по слухамъ, отмѣнно вооружены. На сѣздѣ Совѣтовъ жуткая эсерка Марія Спиридонова выкрикиваетъ страшную рѣчь противъ большевицкой власти. На нее тоже орутъ, но все запоминаютъ, что она сказала. А сказала она, трясясь отъ злости и ярости: недолго вамъ осталось сидѣть наверху, кровавые волки! Морды у васъ въ крови! На васъ охотники уже зарядили ружья! Приморье, вся Сибирь, Уралъ – все горитъ огнемъ, и поджигаютъ дома большевицкихъ Совѣтовъ. Скоро и въ Екатеринбургѣ все заполюхаетъ.

А еще одинъ врагъ съ небесъ спускается, воздушный черный шаръ: это голодь.

Голодь обниметь землю – людямъ не жить. Забудутъ, какъ другъ въ друга на поляхъ палить.

Другъ друга будутъ исподтишка убивать, жарить и ѣсть.

Люди и такъ уже взорвались. Москва вся крикомъ изошла.

Ляминъ словца не могъ въ Пашкину рѣчь вставить. Она, тихо и желѣзно прикручивая эти слова другъ къ дружкѣ, мастерила сама свою стальную машину будущаго. И ужасался Ляминъ этой машинѣ, ея корявой смертельной модели.

– Ты, Пашка, про какой это взрывъ болтаешь?

– Германскаго посла укокошили.

А еще въ Москвѣ эсеры съ большевиками бьются. Эсеры попытались главные дома захватить. А Ленинъ латышей послалъ, и латыши всѣхъ эсеровъ перебили. А еще, по слухамъ, офицеры возстали въ Муромѣ и на Волгѣ – въ Рыбинскѣ и въ Ярославлѣ.

– Такъ что неизвѣстно, будемъ мы тутъ цѣлы или расклюютъ насъ по косточкамъ.

– Расклюютъ? Ты, Пашка, сама у меня коршунъ.

Пашка много не говорила. Слова падали рыночными гирьками. Падали ей подъ ноги. Латыши – звѣри. Ленинъ – брызгаетъ слюной. Многие въ истерикѣ бьются. Все больное, все гниеть. Люди разные. Кто хочеть нацѣпить на Ленина корону, кто – застрѣлить его.

– Откуда ты все такъ хорошо знаешь?

– Я жъ толкую тебѣ, Голощекинъ рассказывалъ.

– За стаканомъ чая? На кухнѣ? Или въ другомъ мѣстѣ?

– Дуракъ ты, Ляминъ.

Встала съ бревна. Одернула юбку. Съ тѣхъ поръ, какъ задѣлалась поварихой, ходила не въ штанахъ, а въ обтягивающей ноги юбкѣ, и это будоражило Михаила, вызывало въ немъ то ли брезгливый протестъ, то ли рѣзкую, почти охотничью тягу.

– Прямо такъ ужъ и дуракъ.

– Тогда глупыхъ вопросовъ не задавай.

Направилась къ Дому. Онъ пошелъ за ней тихо, сторожко, а внутри него и даже снаружи все рвалось. Съ каждымъ шагомъ. Будто шелъ и ногами рвалъ невидимыя, некрѣпкія постромки.

У дверей Пашка обернулась и встала. И ждала, пока онъ подойдетъ.

– А ты какъ думаешь-то самъ, – спросила нарочно холодно, понимая всю важность вопроса, – убьютъ ихъ или нѣтъ?

Михаилъ неожиданно для себя кивнулъ. Будто бы все давнымъ-давно зналъ.

– Убьютъ. Дороги у нихъ другой нѣтъ.

– Или у насъ?

– Можетъ, и у насъ. Намъ надо сейчасъ... – онъ дышалъ тяжело, запаленно. Глазами охватывалъ ея бедра, ея плечи. – Враговъ нашихъ пугнуть. Чтобы поняли: мы – сила. И мы сождемъ, къ чертямъ, ихъ зная. Вѣдь они, – опять мотнулъ головой и слюну проглотилъ, – ихъ зная! Пусть ахнутъ. Древко это изъ рукъ у нихъ вырвемъ! Они о немъ – грезять! Но и...

– Намъ тоже надо себя показать, – подхватила его мысль Пашка.

Усмѣшка красиво покривила ея полныя, обвѣтренныя, съ сухой корочкой, губы.

Онъ захотѣлъ взять губами эти губы, облизать, съѣсть, выпить.

Но она уже давно не подпускала его къ себѣ.

«Все. У насъ съ ней все кончено. И надѣяться – пустое. Отлюбили».

Горечь собралась подъ языкомъ, и онъ чуть не плюнулъ комъ этой горечи въ Пашкину грудь.

– Правду говоришь!

– Ну какъ же. Убьемъ – это значить покажемъ имъ кукишъ, а намъ – нашу гордость. Ну, что мы смогли это сдѣлать. Значить, сможемъ и все остальное. Все! Россія будетъ наша. И построимъ мы въ ней все, что хотимъ! Сами! А не что намъ навяжутъ! Ты думаешь, наши солдаты, наши рабочіе, комиссары наши – не ждуть, что мы именно такъ и сдѣлаемъ?

– Что сдѣлаемъ?

– Раздавимъ этихъ червей!

Онъ смотрѣлъ ей въ лицо. Понималъ: все, что она говоритъ, это съ чужого голоса слова.

«Значить, у ней новый. Кто? Голощекинъ? Юровскій? Авдеевъ?»

«Какая чушь. Не мучь себя. И ее – не мучь».

– Ты правда такъ думаешь?

– Я такъ не думаю, Мишка. Я – такъ – живу.

– Жестокая ты! И не жалко тебѣ... дѣвчонокъ этихъ?

Пашка крѣпче затянула платочный узелъ на затылкѣ.

Подъ тѣмъ узломъ таились теплые волосы, въ нихъ онъ когда-то погружалъ носъ,

пальцы, щеки, губы.

– А насъ, если мы не сдѣлаемъ этого, всѣ неправильно поймутъ.

Онъ схватилъ ее за плечи. Тряхнулъ грубо, жестоко.

– Ты! Жестокая ты тварюга!

Онъ ждалъ: изъ желѣзной арматуры она снова превратится въ теплаго, въ жалкаго человѣка.

Пашка повела головой и посмотрѣла на его руку, впившуюся ей въ плечо; и онъ разжалъ пальцы.

– Я – тварь? Тогда кто эта старуха? По ея шучьему велѣнью были убиты на войнѣ сотни тысячъ людей. Ты самъ былъ на войнѣ. Ты бы вотъ хотѣлъ, чтобы тебя тамъ – убили?

Руки его висѣли вдоль тѣла. Ноги горѣли подъ сапожной кожей.

– Насъ всѣхъ и такъ, здѣсь, убьютъ. Все равно гдѣ.

Пашка повернулась и пошла въ Домъ, и онъ глядѣлъ ей въ спину.

Когда дверь закрылась и хлопнула, дверная доска приняла очертанія Пашкиной спины и еще долго качалась передъ его глазами, ослѣпшими отъ стыдныхъ слезъ и безсильнаго, безтолковаго гнѣва.

#

Пашка знала, Голощекинъ долженъ отправить телеграмму въ Москву, самому Ленину.

Ленину! – это и ужасало, и окунало въ кипятокъ великой гордости.

Откуда она знала объ этомъ? Шая ей самъ сказалъ?

Нѣтъ. Ей сказалъ объ этомъ Юровскій.

Онъ поймалъ ее за руку въ коридорѣ. Пустой коридоръ; охрана вышла на крыльцо покурить. Два, три слова, отвернутое лицо. Сдавленный голосъ, можетъ, онъ выплевываетъ ругань, а можетъ, выбалтываетъ секреты, за которые разстрѣливаютъ на пустырь.

Скоро въ Москву улетитъ телеграмма. Мнѣ-то вы зачѣмъ объ этомъ говорите? Низачѣмъ. Все на волоскѣ. Я тоже хожу по канату. Меня могутъ шлепнуть въ любую минуту. Я воруваю дѣлами, людьми и событіями, и я слишкомъ много знаю. А ты... Я поняла. Ну вотъ и хорошо, что поняла.

За руку крѣпко держалъ. Мертвой хваткой.

А кто отправить? Я и Голощекинъ. Или Голощекинъ и Сафаровъ. Или Сафаровъ и Бѣлобородовъ. Это все равно. Мы, каждый, замѣщаемъ другъ друга. Екатеринбургъ – подъ прицѣломъ. Или насъ разстрѣляютъ, или мы разстрѣляемъ. Кого? Всѣхъ, кто къ намъ близко подойдетъ. Что такъ смотришь? Такими круглыми глазами? Не вѣришь?

Чему это я не вѣрю?

Тому, что мы сдѣлаемъ это.

А телеграмма-то Ленину – уйдетъ. Слова на бумагѣ – это не то, что слова въ бесѣдѣ. Набрехать можно все что угодно. А слово, написанное перомъ, не вырубишь топоромъ, тебѣ извѣстно. Такъ вы что отъ меня хотите? Ничего. Недогадливая ты. Ты же сказала, что догадалась.

А что будетъ въ той телеграммѣ?

Что будетъ, это ты сама увидишь. Мнѣ важно, чтобы ты знала: телеграмма ушла.

Уже ушла?

Уйдетъ. Скоро.

Что такое «скоро»?

Скоро – это скоро, Прасковья. Запоминай, что въ ней будетъ. Уши наострила? Москва, Кремль, Свердлову, копія Ленину. Суда ждать не можемъ. Промедленіе смерти подобно. Приступаемъ къ дѣйствию. Если вы противъ, немедленно сообщите намъ по прямому проводу. Запомнила?

Запомнила.

А теперь забудь. Забыла?

Забыла.

И вспомни только тогда, когда надо будетъ.

А когда будетъ надо?

А вотъ этого мы съ тобой не знаемъ. Ни я, ни ты.

Пустите руку, больно! Пальцы затекли!

Хорошо, что не мозги. Мозги у тебя свѣжіе, молодые. Когда надо – вспомнить, когда надо – забыть. Такъ?

Ея рука оказалась на свободѣ, она шевелила измятыми въ чужомъ кулакѣ пальцами, а съ крыльца въ парадное входили бойцы, отряхивали тужурки и гимнастерки отъ табачнаго крошева, перекидывались смѣшками и матюжками, дышали шумно и трудно, какъ долго

бѣжавшіе кони.

##

Что ей еще сказалъ Юровскій? Можетъ-быть, что-то еще и сказалъ; самое главное. Мысли метались, и память металась. Не было ни мыслей, ни памяти. Онъ вѣдь видѣлъ Ленина. Самого Ленина! И самъ Ленинъ давалъ распоряженіе. Ленинъ говорилъ ртомъ Юровскаго. Юровскій въ коридорѣ и говорилъ, и молчалъ. О чемъ онъ смолчалъ – знаетъ только огонь въ печи.

Пашка разжигала въ печкѣ огонь, совала и совала въ зѣвъ печи мятыя газеты, а дрова послѣ недавняго дождя отсырѣли, не хотѣли падать въ объятія пламени. Огонь вспыхивалъ, охватывалъ потемнѣлыя влажныя вѣтви и плашки старыхъ, отъ разобраннаго солдатами сарая, сѣрыхъ досокъ, а Пашка подкладывала въ печь аккуратно наколотыя березовыя дрова; дровишки тѣ нарубилъ Михаилъ намедни. Онъ такъ и всталъ передъ ея глазами – ладный, веселый, въ пропотѣвшей, съ темными полумѣсяцами подъ мышками, старой гимнастеркѣ, уже разѣзжавшейся по швамъ, съ закатанными по локоть рукавами, съ топоромъ, что больно вспыхивалъ въ его крѣпкихъ рукахъ, мгновенно озаряя скуластое худое, съ впалыми щеками, мрачное лицо. Она словно бы впервые увидала, что онъ чуть раскосъ – какъ всѣ они, волжане, по которымъ прошли острія грабли чувашей, татаръ, мордвы, черемисовъ.

Бдкій дымъ лѣзъ въ ноздри. Пашка махала передъ носомъ рукой. Потомъ встала съ корточекъ, сдернула платокъ, плеснула на него водой изъ ковша, завязала мокрымъ платкомъ носъ и ротъ. Опять сѣла къ печкѣ. Скорчилась. Совала въ печное зѣвло березовое полѣнце, тыкала имъ въ скопленіе чадящихъ дровъ. Большой коробокъ спичекъ въ ея рукахъ дрожалъ и наконецъ упалъ на полъ. Она подняла его съ жестяного припечного фартука, и въ животѣ у нея что-то тяжело передвинулось и надавило ей на согнутыя колѣни.

Ребенокъ, зачѣмъ онъ въ такое время? А дѣти не спрашиваютъ насъ, когда имъ родиться. Имъ – все равно, когда. Хоть война, хоть смерть, хоть дно морское.

Кому война, а кому мать родна, вспомнила старую пословицу – и представила себя рожавшей, съ раскинутыми ногами и сугробнымъ вздутымъ животомъ, на полѣ брани. Вокругъ выстрѣлы, кони скачутъ, пушки бьютъ, а она – рожаешь.

Смѣшно стало. Ну, даже еслибъ и прихватило ее въ бою рожать, такъ вѣдь нашла бы какой бивакъ, въ какую землянку упряталась бы. За брустверь легла бы.

Всунула полѣнце въ печной огненный ротъ – и охнула, и положила руку на поясницу, и встала, еле разогнувшись.

– Крутится, вертится шарфъ голубой... крутится, вертится надъ го-ло-вой... Уничтожить царствующій домъ... всѣхъ?.. всѣхъ... или не всѣхъ?.. Крутится, вертится, хочетъ упасть... Одною царя... царя съ царицей... или дѣтей?.. Дѣтей... дѣтей... Кавалеръ барышню... хочетъ украсть...

Пламя нахально гасло. Не хотѣло родиться. Пашка сжала зубы. Ощерилась звѣрькомъ. Побѣжала съ кухни во дворъ, набрала на локоть дровъ, прижала къ себѣ охапку, обратно въ домъ вбѣжала. Въ животѣ болѣло и тянуло.

– Ахъ ты, печь... ты наглая какая... не хочешь горѣть, и все... а дрова – не хотятъ умирать?.. сожжетея всѣ, неправда, всѣ сдохнете... всѣ – въ огнѣ – окочуритесь... Гдѣ эта улица, гдѣ этотъ домъ!.. гдѣ эта барышня... А ты, Юровскій, гдѣ ты-то... Ты думаешь... что ты мнѣ секретъ выболталъ!.. да про этотъ секретъ... всѣ бойцы догадались!.. Гдѣ эта барышня, что я влюбленъ...

Смяла еще клокъ газеты. На газетѣ было напечатано крупно: «РЕВВОЕНСОВѢТЪ КРАСНАГО УРАЛА ПОСТАНОВИЛЪ...»

– Мы сами себѣ... все... постановили. Сами кашу будемъ расхлебывать! Вотъ эта улица... вотъ этотъ домъ...

Пашка чуть приподняла съ губъ мокрый платокъ. Дышала ртомъ. Угарный газъ неслышно струился изъ печи, отъ мокрыхъ дровъ, опьянялъ, голову крутилъ.

Она пѣла, напѣвала, бормотала, не понимая, что бормочетъ. Шерудила кочергой въ печи. Переваливала съ боку на бокъ лѣнныя дрова. Огонь разъярился, загудѣлъ. Гулъ пошелъ по печнымъ ходамъ вверхъ, дымомъ вырывался въ трубу.

– Ахъ ты, лѣто, лѣто красное... А вѣдь поди-жь ты, дожди и сырость... ну какъ оно безъ дождей-то, безъ нихъ совсѣмъ-то нельзя... овощъ не дозрѣетъ, ягода не нальется... Вотъ эта барышня... что я влюбленъ!

Огонь полыхалъ. Печь гудѣла. На улицѣ моросилъ дождь. На второмъ этажѣ сидѣли, наохлившись, эти, несчастные голуби. Пашка думала: и вѣдь эта старуха когда-то рожала своихъ дѣтей! Всѣхъ пятерыхъ! И изгибалась, и животъ надувала, и тужилась, и все-все дѣлала, что бабы при родахъ творять. Да и орала, поди! Какъ же оно безъ крика-то!

Нарождаются въ крикахъ, а умирають молча.

– Врешь ты себѣ все, Пашка... и умирають – въ мукахъ – кричать... ажъ глазенки изъ-подъ лба вылазять...

Еще запустила кочергу глубоко въ печь – поддѣла красное пламенное полѣно – вытащила кочергу, положила у печи, плотно прикрыла дверцу. На чугунной дверцѣ красовалось фигурное литье: женщина въ пышной юбкѣ стоитъ на повозкѣ, а повозку везуть радостные кони.

– Царица, тоже, небось... владычатъ они... и празднують... безконечно...

Печь гудѣла. Дождь барабанилъ по крышѣ. Мишка исчезъ. Не мучилъ ее вопросами и придирками. Можетъ, онъ спалъ въ караульной. А можетъ, стоялъ въ наружной охранѣ, у забора.

Она уже жалѣла, что сказала ему о ребенкѣ. Ну пусть бы все узналъ, когда бы срокъ подходилъ. А такъ – ломаетъ голову себѣ, что да когда, и какъ оно все будетъ. Да никакъ. Все придетъ въ свой чередъ. Если, конечно, до этого череда ее къ стѣнкѣ бѣляки не поставятъ.

– Вотъ эта улица... вотъ этотъ домъ... Ахъ, Юровскій, дрянъ же ты, – сказала, оборвавъ пѣнье, громко, грубо, и засмѣялась.

Смѣхъ этотъ ея, подлець, звучалъ болью и пылалъ огнемъ.

#

Они оба мѣшали сахаръ въ стаканахъ чаю одинаковыми чайными ложечками.

Золочеными. Съ витыми ручками.

Еще вчерашними, буржуйскими ложечками.

А стаканы – пролетарскіе: на подстаканникахъ выгисненъ профиль орущаго мужика, а за нимъ – развѣвается знамя.

Да не сахаръ, а сахаринъ.

Да не чай, а рѣзанный вѣникъ.

Да не кипяткокъ вовсе, а ужъ остылъ, пить противно.

Разогрѣть, можетъ, на спиртовкѣ?

– Подогрѣть чаю, Владиміръ Ильичъ?

Лысая круглая, тяжелая кегля головы наклонилась впередъ. Руки обхватили подстаканникъ. Грѣлъ руки объ остывающій чай.

– Бьосьте, Яковъ Михайлычъ. Хлопоты лишнія зачѣмъ. Давайте-ка лучше подумаемъ объ этомъ непростомъ дѣлѣ.

– О какомъ, Владиміръ Ильичъ?

– О екатейинбургскомъ.

Руки разжались, разошлись въ стороны надъ стаканомъ, – будто надъ рѣкой развели мосты.

Человѣкъ напротивъ лысаго глядѣлся изысканнымъ аристократомъ. Волосы чернымъ дымомъ обнимають красивую восточную голову. На чернаго кота похожъ, благородныхъ, заморскихъ кровей. Изящество, пріятная смуглость, сливовые глаза изъ-подъ пенснэ, нѣжно смотреть.

Слѣдятъ: за вздрогомъ бородки; за прищуромъ раскосыхъ хитрыхъ глазенокъ; за тѣмъ, какъ зубы кусаютъ, кусаютъ губу, и она становится красной, яркой.

И раскосые глаза слѣдятъ: за сливовыми глазами; за нѣжными руками, берущими то ложечку, то коробокъ спичекъ, то салфетку, а ногти коротко острижены, какъ у ребенка; за чернымъ пухомъ волосъ надъ смуглымъ лбомъ, надъ льдистымъ блескомъ круглыхъ, совиныхъ стеколъ пенснэ.

– И что вы думаете?

– Я? Давайте думать вмѣстѣ. Вмѣстѣ!

– Извольте. Я думаю, что дѣло дѣлать надо.

– Вотъ и я тоже думаю! Еще какъ надо!

Лысый человѣкъ отхлебнулъ чай. Черный котъ покосился.

– Сахаринчику ужъ маловато. Надо еще заказать.

– Да, надо. Не отвлекайтесь отъ главнаго, товайищъ!

Засмѣялся, но черный котъ смѣхъ не поддержалъ.

Чай – пили. Прихлебывали. Дѣлали видъ, будто – горячій.

– А вы – что думаете?

– Думаю, думаю... Голова все время думаетъ, дойгогой Яковъ Михайлычъ! И нѣтъ ей покоя. Думаю такъ: нельзя бѣлякамъ оставлять живое, кха-кха... – покашлялъ. – Знамя. Живую хоюгвь! Чтобы бѣляки съ ней – въ бой пошли! Вы знаете, какъ они воодушевятся, войдя въ гойодъ и обнаюживъ тамъ эту семейку?

– Догадываюсь.

– Вы – догадываетесь, а я – знаю! Пьосто знаю! – ложечка звенѣла въ стаканѣ уже серdito. Весь сахаринъ давно ужъ растворился въ жидкомъ, нищемъ чаѣ, а ложка все звенѣла и звенѣла. – У-нич-то-жить! Вѣдь это такъ пьосто.

Лысина блеснула въ свѣтѣ настольной лампы, и черный котъ мелькомъ глянулъ въ нее – посмотрѣлся, какъ въ зеркало.

– Нѣтъ. Не просто. Это сложно.

– Сложно, сложно! Что вы мнѣ тутъ сказки йазсказываете! Что, у насъ нѣтъ къясной-мейцевъ?! Нѣтъ пуль?! Патьоновъ?! Нѣтъ – комиссайовъ, что отдали бы пьиказь?!

– Есть.

Черноволосый медленно всталъ изъ-за стола, обтянутаго зеленымъ сукномъ. Ловко выхватилъ изъ-подъ руки у лысаго стаканъ. Взялъ свой. Вышелъ въ коридоръ и крикнулъ:

– Часовой! Скажи на кухнѣ, пусть горячаго нальютъ! И, если есть хлѣбъ... пару кусочковъ хорошо бы...

Вернулся. Сѣлъ за столъ. Оба не курили, а молчаніе вилось дымомъ, опьяняло.

Смуглыя щеки надъ черной бородой порозовѣли.

Лысый лобъ сморщился закатаннымъ рукавомъ гимнастерки.

Вскинули головы и внимательно, остро поглядѣли другъ на друга.

– Вы знаете, я вотъ о чемъ думаю. Думаю о томъ, какъ бы свайганить это все шито-къ-то. Такъ тихо, подъ суйдинку... чтобы къ намъ не пьидьялась Евйопа. А то вѣдь, знаете, пьидеутся. Убийцами – обзовутъ.

– Могутъ. Вполнѣ. А я вотъ думаю... надо это дѣло держать подъ контролемъ, но сдѣлать такъ, чтобы не отъ насъ получили приказъ, а – сами рѣшили. Чтобы Уралсовѣтъ вынесъ рѣшеніе – и казнилъ. Но мы, мы должны быть въ курсѣ.

– О да! Несомнѣнно! Мы всегда должны быть въ куйсѣ.

– Мы не то чтобы скомандуемъ. Мы дадимъ санкции. Мы – наблюдатели, но внимательные наблюдатели. А они – главные исполнители. Исполнитель всегда думаетъ, что онъ играетъ одинъ, что ему достается вся слава. Онъ забываетъ о дирижерѣ.

– Ха, ха! Это вы вѣйно подмѣтили, дойогой Яковъ Михайлычъ! Тетейевъ токуеть, а охотникъ – дийжиуеть!

– Вотъ и я думаю...

Вошелъ часовой, ремень винтовки врѣзался ему въ тусклое болотное сукно шинели. Онъ несъ два стакана съ горячимъ чаемъ.

– Кипятокъ, надѣюсь?

– Горячій, товарищъ Свердловъ! Пейте на здорovie, товарищи!

– Спасибо, товарищъ!

Чай обжегъ губы. Черный котъ едва не замыкалъ отъ блаженства.

– А хлѣба не принесли.

– Хлѣбъ, дойогой товайищъ, это нынче пейежитокъ капитализма! Вотъ настанетъ вьема – у насъ будетъ свой хлѣбъ! Завались! Закйома!

– Такъ вы думаете, Владиміръ Ильичъ, – хлебокъ, плотокъ, смуглый кадыкъ дернулся внизъ-вверхъ, – мы должны все-таки отправить въ Уралсовѣтъ осторожный приказъ? Приказъ, и вродѣ бы не приказъ? Каковъ долженъ быть текстъ, чтобы они поняли?

– И чтобы мы поняли, что они поняли? Ха, ха, ха!

Лысый долго смѣялся, до слезъ. Утеръ узкіе монгольскіе глаза обшлагомъ.

– Именно такъ.

– Значить, именно такъ и поступимъ! Я самъ – текстъ телегьяммы сочиню! Вамъ – не довѣю!

Опять хорошо, тепло улыбался. И ложечка въ стаканѣ уже не подпрыгивала нервно, съ надоѣдливымъ звономъ.

...пили и говорили, говорили и смѣялись, смѣялись и молчали. Соглашались. Не соглашались. Но чаще вѣжливо соглашались, чѣмъ раздраженно возражали. Бесѣда текла неторопливо, какъ у двухъ помѣщиковъ, когда они, еще вчера, въ еще не сожженной усадьбѣ, кушали чай; только не было на зеленомъ столѣ ни рогаликовъ, ни сдобныхъ жаворонковъ, ни пирога съ вишней, ни сахарной головы, съ хищными щипцами у фарфоровой, съ золотыми павлинами, тарелки. Не было никакой старой Россіи; а то, что маячило вдали, новое и красное, дымящееся и пугающее, и такое громадное, что никакихъ рукъ не хватитъ удержать, – это новое и страшное они строили сами, и въ фундаментъ зданія надо было положить много, много русскихъ тѣлъ: сотни, тысячи, десятки тысячъ, миллионы отрубленныхъ рукъ, ногъ и головъ, выколотыхъ глазъ, выбитыхъ изъ черепа молотками мозговъ, пробитыхъ пулями легкихъ и сердецъ. Что такое человекъ? Матерьяль, сказалъ великій Марксъ. Всего лишь матерьяль! Изъ него вожди должны скроить будущее. И за свѣтлое будущее не грѣхъ рас-

платиться громаднымъ, грубымъ, роднымъ настоящимъ. А впрочемъ, кто тутъ кому родной? Этотъ народъ – мнѣ родной? И мнѣ, развѣ мнѣ онъ родной? Поглядите-ка внутрь себя, дорогой! Развѣ это ваша родина? Это всего лишь матерьяль, гипсъ, глина, и вы должны размять ее въ рукахъ и слѣпить изъ нее то, что вамъ болѣе всего по нраву. А что вамъ по нраву? А ну-ка? Не стѣсняйтесь, что? Что?! Міровая революція! Да! Да! И мнѣ она тоже по нраву! И я такъ вижу будущее Земли! Хороша планета, да слишкомъ много по ней гадовъ расплозлось. Русскій народъ на девяносто девять процентовъ состоитъ изъ гадовъ! Ихъ надо раздавить. Раздавить – безжалостно! А что вы хотите, дорогой, время такое!

Но какое, какое, чортъ меня возьми, великое время! Миръ перекраивается! И мы, мы взяли власть. Вы понимаете, что мы не отдадимъ верховную власть?! Понимаете?!

Еще какъ понимаю! Да вы такъ не кричите!

Я и не кричу! Я – веселюсь! Радуюсь! Просто духъ захватываетъ, какъ радуюсь! Это же такое счастье, такое! У насъ верховная власть, и это же просто чудо! Просто чудомъ все произошло, я до сихъ поръ не могу опомниться, хоть болѣе полугода прошло! Россія – наша!

Наша, наша, чаю-то попейте, а то опять остынетъ!

Ахъ, спасибо за заботу, дорогой, что бы я безъ васъ тутъ дѣлалъ! Вы тутъ одинъ – нашъ Дантонъ, нашъ Робеспьеръ! Только, умоляю, не кончите, какъ они! Да я самъ этого не позволю! Я лучше утоплю Россію въ крови, чѣмъ позволю насъ – отсюда – скинуть! Диктатура пролетаріата, а съ нею красная смерть, и всѣ станутъ черезъ годъ-другой тише воды ниже травы!

Да, смерть!

Да, смерть! Смерть – необходимое условіе революціи! А революція – необходимое условіе развитія! А развитіе – это и есть наше съ вами свѣтлое будущее, дорогой товарищъ! Скажите часовому, пусть еще чайку горячаго нальетъ! И корочку хлѣбца – въ закромахъ поищеть! Вреть, что нѣтъ: въ закромахъ – найдеть!

...такъ это было или не такъ? Но именно такъ они оба, красные вожди, приснились Лямину. Онъ оторвалъ красную лохматую голову отъ вонючей, пропахшей чужимъ потомъ подушки. Наволочки не было: бойцы разорвали ее на портянки. Птичье перо прокололо наволочку и кололо щеку. Проснулся, и гадко на душѣ было. Вспомнить сонъ не могъ. Обрывки рѣчей висли въ воздухѣ, крутились около ушей, висковъ. Таяли дымомъ.

Хотѣлось заплакать.

##

Юровскій сталъ комендантомъ, а Авдеева убрали. Куда дѣвали его? Никто не зналъ.

Да незачѣмъ и спрашивать было. Никто и не спрашивалъ.

Въ революцію такъ: ты меньше знаешь – легче спасешься.

Юровскій оставилъ всѣхъ злоказовскихъ рабочихъ для внѣшней охраны, и дневной и ночной. Злоказовцы – наслѣдство Авдеева, и они несли службу исправно, и зачѣмъ ихъ было мѣнять?

А вотъ внутреннихъ всѣхъ замѣнили.

Всѣхъ, кромѣ Лямина. Юровскій, непонятно почему, оставилъ его.

Михаилъ самъ дивился.

Иныхъ внутреннихъ перекинули во внѣшніе: такъ поступили съ Сашкой Люкинымъ, съ Антономъ Бабичемъ, съ Трофимовымъ и еще съ другими. А вокругъ Лямина уже ходили-бродили незнакомцы.

Откуда Юровскій людей набралъ – Богъ вѣсть. Здѣсь были и военные, и штатскіе. И простые мужики, и народъ изъ мѣщанъ, изъ разночинцевъ. Кажется, даже студенты. Крестьяне, само собой. Всѣмъ выдали гимнастерки и солдатскіе штаны, и сапоги, и каждому – винтовку.

Еще Ляминъ увидѣлъ въ Домѣ странныхъ высоченныхъ людей. У нихъ у всѣхъ были свѣтлые, соломенные волосы, свѣтлые глаза, квадратныя скулы, неподвижныя, мощной лѣпки лица: мышцы застыли въ ледяномъ, пугающемъ спокойствіи, держали твердое лицо, какъ щитъ, передъ настоящими мыслями и чувствами. Ему сказали: это латыши, новые чекисты. Латыши всѣ какъ на подборъ, какъ братья, не отличишь. Рослые. Крѣпкіе.

«Такимъ и винтовки не нужны: медвѣди, голыми руками задушатъ, заломаютъ».

Латышей Юровскій поселилъ во всѣхъ комнатахъ перваго этажа. И въ кладовой, и въ томъ подвалѣ, куда Пашка приходила одиноко плакать. Въ той комнатенкѣ, гдѣ полосатые обои, а на стѣнѣ виситъ чья-то позабытая старая фотографія: дѣвушка съ мрачнымъ взглядомъ и бородатый мужчина, тоже печальный; бородачъ сидитъ, дѣвушка стоитъ и ему руку на плечо положила. Оба въ черномъ. Начитанный Бабичъ сказалъ Лямину: это

писатель Достоевскій, а мрачная дѣвушка – его первая жена Марія.

Онъ ходилъ и повторялъ: Марія, Марія, Марія, – а въ караульной винтовокъ все прибывало, ихъ складывали въ уголь у окна, и въ сундукъ, и на сундукъ. Солдаты шутили: у насъ здѣсь прямо оружейный складъ.

Ляминъ примѣтилъ: у водителя мотора, Сергѣя Люханова, на боку явился револьверъ въ кобурѣ.

«Ишь, и шоферу оружіе вручили. Точно бѣляковъ ждуть. Со дня на день».

Воровство прекратилось. Охрана больше не крада у царей вещи.

Дѣвушки то-и-дѣло ошупывали себя, груди и животы и плечи; Михаилъ давно запримѣтилъ этотъ странный жестъ, будто имъ было холодно и онѣ хотѣли укутаться.

«Охватываются, язви ихъ. Можетъ, чешутся? Можетъ, клопы одолѣли? Или – комары? Или, язви ихъ, вши?»

Комары въ жару исчезали, а какъ дождь, опять вылетали откуда-то изъ-за сараевъ и садовыхъ деревьевъ сѣрыми тучами. И сѣрое небо колыхалось, какъ жидкая гречневая каша въ необъятной кастрюлѣ.

Юровскій гоголемъ ходилъ. Солдатамъ хвастался, да и царямъ тоже: это я кражи ликвидировалъ. Что, спокойно теперь вамъ всѣмъ?

Да, кивали всѣ, да, намъ спокойно. Спасибо.

Николай тоже поблагодарилъ новаго коменданта. Протянулъ ему руку и поглядѣлъ ясно, прозрачно, и небо и вода разомъ ходили, колыхались въ его глазахъ безъ дна: мы рады, больше не воруютъ, спасибо большое отъ насъ ото всѣхъ. Отъ всей семьи.

Юровскій, въ черной кожанкѣ и въ черныхъ галифѣ, вѣжливо стащилъ съ руки черную перчатку и крѣпко пожалъ руку царя.

Онъ всегда, даже въ жару, ходилъ въ перчаткахъ.

Михаилъ глазъ не могъ отъ этихъ перчатокъ отвести. «Ну да, онъ медикъ, и въ хирургіи работаль, а хирурги – они завсегда въ перчаткахъ».

«Брось, при чемъ здѣсь хирурги!»

Черный, и слишкомъ вѣжливый, и очень, очень умный.

Авдеевъ въ сравненіи съ нимъ пентюхъ пентюхомъ, да еще выпивоха.

А этотъ, будто графскій сынъ, даромъ что комиссаръ.

Подъ его началомъ новая охрана откопала въ саду, подъ яблоней-китайкой, обтянутый бархатомъ ящикекъ, въ немъ лежали двѣнадцать серебряныхъ ложекъ. Семейное царское серебро, это Николаю подарила матъ-императрица, Марья Ѳедоровна, на его восемнадцатилѣтіе. Аликсъ такъ плакала, когда онѣ пропали! И вотъ Юровскій на порогѣ, и въ рукахъ у него бархатный ящикъ, весь грязный, въ комкахъ земли, и улитка по крышкѣ ползеть; а за нимъ охрана топчется со смущенными лицами, а Юровскій улыбается желтыми, чуть выгнутыми, заячьими зубами, торжествующе.

– Нашли ваши ложки, гражданинъ Романовъ! Вотъ. Возвращаемъ!

Царь взялъ ящикъ и низко наклонилъ голову.

Онъ – чекисту – кланялся.

Изъ глазъ Аликсъ вылетали молніи. Вмѣстѣ со слезами путались въ выцвѣтшихъ рѣсницахъ.

– Кто ихъ укралъ?! Гдѣ – нашли?!

– Кто своровалъ, не знаемъ. Я и такъ уволилъ всю прежнюю охрану внутри Дома. Теперь живите, не думая о ворахъ. Ихъ больше нѣтъ. Но вотъ есть одна загвоздка.

– Какая?

Царица стояла напротивъ Юровскаго, и по ея лицу ходили тѣни, гнѣвъ и вѣтеръ.

– Вы носите драгоценности. Но вы арестанты. Мы вынуждены сдѣлать опись всѣхъ вашихъ камешковъ, всего золота... на шеяхъ и пальцахъ вашихъ женщинъ, хм, дѣвушекъ.

– Это еще зачѣмъ?! Это наше! Личное! Это интимныя вещи!

– Это все равно. Вы не должны. Временно. Потомъ, возможно... Я сама добыюсь разрѣшенія. Но я получилъ приказъ. Прошу къ столу! – сдѣлалъ приглашающій жестъ. – И дѣвушекъ, дѣвушекъ позовите!

Юровскій крикнулъ, вошли двое караульныхъ. Ляминъ и Никулинъ. Слѣдомъ за ними – дрожащія дѣвушки, лица ихъ то краснѣли, то рѣзко блѣднѣли, и, когда за столъ сѣла Марія, Ляминъ испугался: вдругъ въ обморокъ упадетъ. Такая бѣлая, цвѣта писчей бумаги, кожа на лицѣ у нея стала.

Дѣвушки вынимали серьги изъ ушей, стаскивали съ запястій браслеты. Снимали съ пальцевъ кольца и перстни. Клади на столъ, на разстеленный по всему столу широкій, съ кистями, платокъ.

«Съ какой-то бабы платокъ-то сняли, что ли. Или бабу – убили? Изъ-за платка?»

Онъ случайно касался платка, и ему казалось: онъ еще теплый. Дрожь отвращенія

пробирала.

Напротивъ сидѣлъ чекистъ Григорій Никулинъ, новый комендантъ его съ собою привелъ, строчилъ по бумажкѣ, а Ляминъ, подъ пронзительнымъ взглядомъ Юровскаго, вертѣлъ въ рукахъ каждую осиротѣлую вещицу и выкрикивалъ, чтобы Никулинъ записалъ:

– Жемчужная низка, на шею, съ золотымъ крестикомъ! Перстенецъ съ краснымъ камнемъ!

– Не перстенецъ, а перстень, – участливо поправлялъ Юровскій, – съ краснымъ турмалиномъ. Нѣтъ, песь его разбереть... запиши: съ рубиномъ.

Никулинъ, высуня языкъ, скрипѣлъ перомъ по разграфленной бумагѣ.

Марія разстегивала еще одно висящее у нея на шеѣ украшеніе. Золотую цѣпочку, и на груди тихо, довѣрчиво лежала розовая жемчужина, большая, величиной съ жука бронзовку. Положила цѣпочку на платокъ. Глаза вскленъ слезами налиты. Вотъ-вотъ прольются.

– Это мнѣ мама... на день рожденья...

– Маша! – голосъ старухи чистъ, холоденъ и строгъ. – Прекрати!

– Насъ хотятъ обезопасить, – самъ себѣ не вѣря, сказала царь.

– Вѣрно, – улыбнулся Юровскій, – правильно мыслите.

«Мыслѣте, буква такъ именуется...»

Ляминъ выкрикнулъ:

– Цѣпочка золотая! Съ жемчужинкой!

– Съ розовымъ жемчугомъ, одна штука, – вѣжливо поправилъ Юровскій.

Слезная водка вылилась разомъ изъ обѣихъ глазъ-рюмокъ. Марія встала и прикрыла глаза рукой.

«Обижается, что я видѣлъ ея слезы. Стыдно ей. Ничего тутъ не попишешь».

«Одна штука», – медленно карябалъ въ очередной графѣ Никулинъ.

За столъ сѣла Ольга. Она замѣтно дрожала. Кусала губы. Быстро, жестоко сдергивала съ себя камешки и золото. Вотъ освободилась высокая, какъ башня, шея. Вотъ осиротѣли мочки. Вотъ соскользнули съ рукъ толстые и тонкіе браслеты на мятую шерсть платка.

Ляминъ видѣлъ приставшіе къ платку сѣдые волосы.

«Со старухи стащили, съ уличной, мимохожей. Можетъ, и правда стрѣльнули?»

Юровскій вытянулъ обѣ руки и аккуратно подгребъ къ себѣ кольца, цѣпочки, браслеты.

– Мы все это у васъ забираемъ, граждане арестованные. До разрѣшенія. Вамъ все равно всего этого сейчасъ носить нельзя, а кражи могутъ и повториться. Никто не застрахованъ. Изъ вашихъ сундуковъ за это время исчезло изрядно цѣнностей. И что? Вамъ хочется, чтобы все это тоже ушло?

– Нѣтъ. Не хочется, – сухими губами сказала царь.

– Отдайте мои вещи!

Ольга хотѣла крикнуть это, а вышелъ замогильный шопотъ.

– Нѣтъ, – улыбнулся Юровскій, – поздно. Мы съ вами все совершили по закону, вы сняли запрещенныя драгоценности, мы сдѣлали опись. Теперь мы беремъ ваши украшения на хранение. Ихъ вамъ выдадутъ при первой же возможности. Мы лишь выполняемъ предписанія нашей власти. Вамъ все ясно?

– Болѣе чѣмъ, – спокойно отвѣтилъ Николай и опять низко наклонилъ голову.

Никулинъ уцѣпилъ платокъ за четыре конца и увязалъ всѣ концы въ одинъ узелъ. Чужіе сѣдые волосы смѣшались съ камнями и золотомъ, что носила эта скуластая, съ мощными плечами, сильная тѣломъ и духомъ дѣвушка. Тепло старога тѣла, тепло молодого. Всѣ тѣла смертны. Эта великая княжна тоже умретъ. Сегодня-ли, завтра, черезъ полвѣка. Кто будетъ черезъ пятьдесятъ, сто лѣтъ носить ея украшения? Развѣ мы знаемъ имена тѣхъ людей?

«Какъ она будетъ плакать сегодня. Юровскій же ихъ обокралъ. Самъ обокралъ, нагло и открыто. Не таясь. Эта опись – театр. Сейчасъ выйдутъ въ коридоръ, зайдутъ въ комендантскую, и Юровскій вынетъ у Никулина изъ рукъ платокъ и заткнетъ себѣ за пазуху. И все».

Татьяна отвернулась къ бѣлому окну. Гладила мазки извести пальцемъ.

Анастасія трогала свои уши, безъ серегъ.

Мать сказала тихо, но Юровскій, Никулинъ и Ляминъ услышали:

– Не огорчайтесь. Намъ нечего огорчаться. Подумайте о Господѣ и о томъ, какъ Онъ страдалъ.

Ляминъ вскинулъ глаза и увидѣлъ, какъ старуха улыбается.

Она улыбалась царственно, торжественно и даже торжествующе.

##

– Милый мой, милый. Ты развѣ не понялъ, что произошло?

– О, я все понял. А дѣти? Они – поняли?

– Клянусь тебѣ, нѣтъ. Они просто разстроились, что драгоценности куда-то увезутъ, и надолго. Какъ хорошо, что мы все тщательно запрятали!

– Тише говори.

– Я и такъ бормочу. Насъ тутъ никто не слышитъ. Гляди, я не смогла снять эти два браслета, и они съ меня ихъ не стали сдергивать!

– Какіе любезные, просто страхъ.

– Тебѣ бы все шутить, родной.

Николай обнялъ жену за плечи. И вздрогнулъ: косточки торчали.

– Кто-же тебя развеселитъ, если не я?

Покрылъ ея лицо мелкими, нѣжными поцѣлуями.

– А правда, милый такой этотъ молодой помощникъ Юровскаго? Вѣжливый такой. Не ругается. И глаза у него такіе ясные, свѣтлые. И рубашечка чистая. А знаешь, какъ его имя?

– Знаю. Григорій, комендантъ окликалъ.

– Григорій! – старуха закатила глаза подѣ лобъ и такъ постояла, глядя въ потолокъ, за неимѣніемъ неба. – Григорій... какъ нашъ Другъ... Я слышала, какъ онъ говорилъ солдату Лямину въ коридорѣ: я и печи класть умѣю! Нашъ Другъ... тоже печи клалъ...

– Не плачь только, умоляю.

– Слезливая стала, darling.

...Михаилъ присматривался къ Никулину. Съ удивленіемъ обнаружилъ: онъ сталъ ревновать Юровскаго къ Никулину. Онъ всегда такъ хорошо служилъ и революціи, и ея начальникамъ!

«Думалъ, новому коменданту ты тоже правой рукой станешь? По душѣ придешься? А онъ, вонъ, видишь, съ собой своего щенка привелъ. Прикормленнаго».

«Да пусть кого угодно приводитъ. И пѣстуетъ!»

«Да онъ Никулина – сыномъ зоветъ!»

«Сынокъ, щенокъ, какая разница. Все равно».

Никулинъ тоже понял, что Ляминъ тутъ, въ охранѣ, не изъ простого тѣста слѣпленъ. Сталъ къ Михаилу приближаться болѣе, чѣмъ къ остальнымъ. Можетъ, Юровскій на Лямина какъ-то особо кивнулъ; можетъ, подмигнулъ многозначительно, никто не зналъ. А только Григорій Никулинъ особо зауважалъ бойца Лямина. И баловать его гостинцами сталъ: то папирозъ изъ лавки дорогихъ принесетъ, то косушечку. Ляминъ бралъ, а что жъ отказываться. Косушку – вмѣстѣ выпивали. А что съ ней церемониться, малюсенькая же она.

Никулинъ сказалъ ему, когда на крыльцѣ курили: комендантъ вернулъ арестантамъ ихъ драгоценности въ ящикъ; приказалъ проверить, все ли на мѣстѣ, и самъ по описи проверялъ, а потомъ при арестантахъ ящикъ опечаталъ и оставилъ имъ – на храненіе. Ляминъ побагровѣлъ отъ стыда. «Вотъ, я плохо думалъ о Юровскомъ! А онъ-то, онъ – честнымъ оказался!»

Махра пахла остро и худо, козьимъ пометомъ, дымъ разѣдалъ ноздри, и тревога глодала.

«Нѣтъ, нечисто тутъ что-то. Не можетъ быть начальникъ такимъ щедрымъ! Зачѣмъ онъ имъ золото возвернулъ? Чтобы они – ему – больше довѣряли? Чтобы – за благороднаго держали?»

Въ Домѣ, возлѣ дверей и на лѣстницѣ и у входа стояли дылды-латыши, и винтовки у нихъ за плечами торчали, какъ каменные. И сами стояли памятниками на площади. Незыблемо. Ударъ – не покачнутся. А снаружи охрана толкалась все та же – изъ извѣстныхъ Лямину заводскихъ рабочихъ и бывалыхъ солдатъ, что, какъ и онъ, прошли дымы и взрывы мировой войны.

«Какъ насъ много! Зачѣмъ насъ цѣлая толпа? Зачѣмъ мы всѣ тутъ, и доколѣ?»

Додумывать плохую, черную мысль – боялся.

...Ляминъ сталъ плохо спать. Грозы шли съ запада, тучи не ползли, а отвѣсно вставали въ зенитѣ сѣрыми и синими столбами. А солнце пускало обезумѣвшіе лучи горизонтально, параллельно землѣ. Всѣ сошли съ ума, и природа тоже.

Всѣ спятили съ этой революціей, и спятилъ онъ. Двѣ дѣвушки сожгли его, изранили, изрѣзали. И Россію на-двое раздираютъ, ровно лягушку. Царей превратили въ узниковъ, еще немного – нацѣпять на нихъ каторжные кандалы и погонять по этапу.

Онъ спятилъ, и онъ сегодня видѣлъ ихъ во снѣ, облитыхъ кровью. Проснулся въ поту, теръ глаза, теръ лобъ, стремясь вытереть, вычистить сумасшедшій мозгъ, видѣвшій то, чего видѣть никакъ нельзя.

И спятилъ онъ, потому что его ребенокъ ему тоже снился; по-всякому, то голый и орущій, на рукахъ у отчего-то тоже голой Пашки, то лежащій на землѣ, въ грязи, и солдаты бѣгутъ, они бѣгутъ не мимо, а прямо на него, и ребенокъ изгибается червякомъ, бьетъ ножками по

кислой отъ непрерывныхъ дождей землѣ, и солдаты бѣгутъ по ребенку, наступая ему на ручки и ножки, раздавливая въ красную грязь его орущую голову, и это осень, это умираи́е, и завтра наступитъ зима, и она будетъ вѣчной.

За понедѣльникомъ шелъ вторникъ, за вторникомъ среда, но Ляминъ давно потерялъ счетъ днямъ. Календарь будто сожгли въ печкѣ. Пашка использовала его для розжигу. Или нѣтъ, Юровскій разодралъ его на листы, и въ каждый листъ завернулъ по царской бездѣлушкѣ.

Тамъ, въ опечатанномъ ящикѣ, хранилась и Маріина золотая цѣпочка съ розовой жемчужиной. Онъ смутно и дѣтски жалѣлъ, что не онъ ей эту жемчужину подарилъ. «А не укупилъ бы ты такое великолѣпье никогда! Даже если-бъ – самого толстаго банкира убить!»

А вѣдь и правда, какъ просто: убить одного и отнять у него все и присвоить себѣ. Богатый былъ богатъ, а теперь онъ бѣденъ и въ грязь валяется, и идетъ на разстрѣлъ, а богатый – ты. Нѣтъ, вожди революціи не хотягь быть богатыми! Они – за міровую революцію умираютъ! За всемірное братство! Имъ – все равно!

Міръ кроится и кромсается, а тутъ, въ Екатеринбургѣ, ничего не мѣняется въ тихомъ Домѣ. Онъ тихъ и суровъ. И печаленъ. И даже эти дѣвушки, красивыя и нѣжныя, не красятъ его. Тюрьма она и есть тюрьма. Домомъ накрыли ихъ всѣхъ, какъ мышей – шапкой-ушанкой. И сидятъ они подъ шапкой тихо, тише мышей скребутся. И какъ плачутъ, не слышитъ никто.

Ночью опять накатила гроза. Тучи раскальвались надъ городомъ, тяжело переворачивались, громъ возился между тучъ бѣшенымъ медвѣдемъ, рычалъ, ревлѣлъ. Молнии шли стѣной. Били непрерывно. Тата и Ольга сидѣли на кровати, прижались тѣсно. Анастасія молилась. Мать обняла отца за шею, припала къ нему въ постели; чтобы не кричать и не выть отъ тоски, укусила его за плечо. Громъ ударилъ надъ самой крышей. Марія стояла у слѣпного окна, сжавъ руки.

Ляминъ вышелъ изъ караульной въ уборную. Услышалъ, какъ царица вскрикнула въ комнатѣ:

– Маша! Отойди отъ окна! Молнія ударить!

А потомъ трескъ услышалъ. Будто трещало дерево, ударенное молніей, и падало.

– Маша! Что ты дѣлаешь!

Рѣзкій стукъ. Стекольный звонъ.

– Маша! Боже! Это же запрещено!

«Открыла окно».

Изъ-подъ двери потянуло сквознякомъ.

Молнии, онѣ такъ слѣпятъ. Михаила гроза всегда притягивала. Ему хотѣлось въ гущу тучъ, подъ огненнымъ копьемъ молній. Однажды, ребенкомъ, онъ такъ и бѣгалъ по двору въ грозу – ливень хлесталъ, а онъ вопилъ радостно и шлепалъ по лужамъ, и взбрасывалъ руки къ небесному огню, и весь извазюкался въ грязи. Отецъ отхлесталъ его тогда ремнемъ. И сколько еще грозъ потомъ было! Налетали, грохотали. Мучили, молніями въ душу били. Онъ однажды подумалъ: умру въ грозу, молнія въ меня ударить, и конецъ.

Вода съ небесъ. Небесная вода. И небесный огонь. А они всѣ на землѣ. И никогда съ земли въ небо не подняться. Только задраť голову и смотрѣть, какъ она тамъ гремитъ, небесная революція. Небесная бойня. Богъ – генераль, тучи – его солдаты. А молнии – кони. Свѣтъ скачетъ впередъ быстрѣе всѣхъ.

##

Докторъ Боткинъ сидѣлъ за столомъ и писалъ.

Михаиль видѣлъ доктора каждый день, и каждый день онъ сидѣлъ за столомъ и медленно, терпеливо писалъ.

«Можетъ, какой ученый трудъ пишеть. Медицинскій. А можетъ, дневникъ; господа всегда эти свои дневники строчать. Что ни день, то запись. Какъ поѣлъ, какъ въ нужникъ сходилъ. Вкусная ѣда была или невкусная. Въ кого влюбился, кого разлюбилъ. И что оно такое, дневникъ? Зачѣмъ онъ?»

Смутная тревога бродила по его кровеноснымъ сосудамъ, по сердцу, когда онъ начиналъ думать о дневникѣ.

«Эхъ, вотъ я сколь бы могъ всего интереснаго, важнаго записать! Да – когда? И неграмотенъ я, такъ, какъ господа, слова въ предложенья складывать. Калякать-то еще могу. И бойко, и складно. А вотъ писать – это дѣло потруднѣе... позаковыристѣй».

Онъ много всего уже въ жизни навидался. И все это уйдетъ вмѣстѣ съ нимъ. А ну какъ онъ въ могилу скоро ляжетъ? Смерть не спрашиваетъ, когда ты хочешь ее обнять. Она сама обниметъ тебя. И все, закрылъ глаза и не помнишь ничего; и, главное, не проснешься.

Ляминъ кашлялъ въ кулакъ. Докторъ Боткинъ вздрагивалъ, лопатки его подъ шерстяной безрукавкой сдвигались нервно. Выпрямлялся, втыкалъ перо въ чернильницу. Молчалъ. Ждалъ. Спина становилась послушной и безропотной. Обреченной.

Ляминъ весело выдыхалъ:

– Работаете?

– Да, да, – невнятно отвѣчалъ докторъ и слѣпо, растерянно махалъ рукой.

И опять принимался писать.

...и сегодня писалъ. И еще какъ быстро. Перо процарапывало тонкую желтую бумагу. На почтѣ имъ покупали самую дешевую бумагу, она легко рвалась, ползла подъ руками.

Сидѣлъ въ столовой. Писалъ за обѣденнымъ столомъ. Отобѣдали уже; Пашка унесла и перемыла посуду. Въ саду громко кричали жадныя галки. Онѣ охотились за черной смородиной и малиной. Мелкія сѣверныя яблоки птицу не привлекали.

Ляминъ вошелъ въ столовую, увидѣлъ Боткина.

«Вездѣ сидитъ, куда ни глянь. И пишетъ, пишетъ. Что?»

Его разобрало любопытство.

– Гражданинъ Боткинъ, – Боткинъ молчалъ. Писалъ. – Евгенийъ Сергѣичъ. Эй! Слышите!

Боткинъ оторвался отъ бумаги.

– Да? Что?

– Товарищъ комендантъ, – вралъ напропалую, – приказалъ вамъ пройти къ наслѣднику и осмотрѣть его.

– Зачѣмъ? Я осматривалъ его утромъ.

– Не знаю, – Ляминъ правдоподобно пожалъ плечами. – Приказъ коменданта.

Боткинъ тоже пожалъ плечами. Осторожно положилъ вѣчное перо на стальные рога чернильницы. Всталъ. Потянулся. Поднял надъ головой руки, какъ гимнастъ, повертѣлъ шей.

– Остеохондрозъ, знаете ли. Надо больше двигаться. И меньше... говорить.

Издаль короткій, смущенный смѣшокъ.

Вперевалку, уткой, двинулся къ двери, вышелъ.

И Ляминъ неожиданно хищно бросился къ столу. И читалъ, читалъ взахлебъ, дико и торопливо, стараясь разсмотрѣть, понять мелкія буквы, рвущіяся впередъ строчки, этотъ граціозный витѣватый почеркъ, и то, что за почеркомъ, и то, что могло быть тайной, тайной не только Боткина, но и ихъ всѣхъ. Пальцемъ по еле высохшимъ лиловымъ строкамъ – водилъ. Губами шевелилъ, вслухъ повторяя слова.

«Дорогой мой, добрый другъ Саша. Дѣлаю послѣднюю попытку писанія настоящаго письма – по крайней мѣрѣ отсюда, – хотя эта оговорка, по-моему, совершенно излишня: не думаю, чтобы мнѣ суждено было когда-нибудь куда-нибудь откуда-нибудь писать. Мое добровольное заточеніе здѣсь настолько же временемъ не ограничено, насколько ограничено мое земное существованіе. Въ сущности, я умеръ – умеръ для своихъ дѣтей, для дѣла... Я умеръ, но еще не похороненъ или заживо погребенъ – какъ хочешь: послѣдствія почти тождественны... У дѣтей моихъ можетъ быть надежда, что мы съ ними еще свидимся когда-нибудь въ этой жизни, но я лично себя этой надеждой не балую и неприкрашенной дѣйствительности смотрю прямо въ глаза... Поясню тебѣ маленькими эпизодами, иллюстрирующими мое состояніе. Третьяго дня, когда я спокойно читалъ Салтыкова-Щедрина, которымъ зачитываюсь съ наслажденіемъ, я вдругъ увидѣлъ какъ-будто въ уменьшенномъ размѣрѣ лицо моего сына Юрія, но мертваго, въ горизонтальномъ положеніи съ закрытыми глазами. Вчера еще, за тѣмъ же чтеніемъ, я услышалъ вдругъ какое-то слово, которое прозвучало для меня какъ „папуля“. И я чуть не разрыдался. Опять-таки это не галлюцинація, потому что слово было произнесено, голосъ похожъ, и я ни секунды не сомнѣвался, что это говоритъ моя дочь, которая должна быть въ Тобольскѣ... Я, вѣроятно, никогда не услышу этотъ милый мнѣ голосъ и эту дорогую мнѣ ласку, которой дѣтишки такъ избаловали меня...»

Палецъ оторвался отъ бумаги. Въ коридорѣ скрипнула половица. Голосъ Пашки послышался, вспыхнули короткимъ громкимъ смѣхомъ и погасъ. Михайлъ бездумно навалился руками, грудью на письмо, защищая его, какъ отъ собаки птенца.

«Если „вѣра безъ дѣлъ мертва есть“, то дѣла безъ вѣры могутъ существовать. И если кому изъ насъ къ дѣламъ присоединилась и вѣра, то это только по особой къ нему милости Божьей. Однимъ изъ такихъ счастливицевъ, путемъ тяжкаго испытанія, потери моего первенца, полугодовалаго сыночка Сережи, оказался и я. Съ тѣхъ поръ мой кодексъ значительно расширился и опредѣлился, и въ каждомъ дѣлѣ я заботился и о Господнемъ. Это оправдываетъ и послѣднее мое рѣшеніе, когда я не поколебался покинуть моихъ дѣтей круглыми сиротами, чтобы исполнить свой врачебный долгъ до конца, какъ Авраамъ не поколебался по требованію Бога принести ему въ жертву своего единственнаго сына...»

Шаги рядомъ съ дверью. Ляминъ отошелъ отъ стола. Бумага лежала такъ же, перо покоилось такъ же.

– Я выполнилъ приказъ Юровскаго. Наслѣдникъ цесаревичъ осмотрѣвъ. Состояніе у него все то же, безъ измѣненій. Ни въ худшую, ни въ лучшую сторону измѣненій не наблюдается. Температура чуть повышенная, субфебрилитетъ, тридцать семь и одна.

«Отчитывается передо мной, будто не онъ лейбъ-медикъ, а я. А онъ – мой помощникъ».

– Хорошо. Я передамъ коменданту.

Докторъ Боткинъ подходилъ къ столу, а Ляминъ медленно отходилъ отъ него.

– Вы читали мое письмо?

«Видѣлъ все старикъ».

– Заглянулъ.

– А вы знаете, что чужія письма читать нехорошо?

– Знаю, – зло выдохнулъ Михаилъ. – Вы хотѣли, чтобы я вамъ совралъ?

– Нѣтъ.

– Вы видѣли.

– Нѣтъ, не видѣлъ. У васъ такое лицо. На немъ все написано.

Боткинъ подошелъ близко къ Лямину и постучалъ пальцемъ ему по груди.

– Это хорошо или плохо?

Ляминъ кусалъ губы.

– Хорошо. Здѣсь, – опять постучалъ ему по твердо-деревянной, подъ гимнастеркой, мышцѣ, – у васъ есть сердце. Еще – есть.

Запоздало стали густо-малиновыми щеки Лямина.

– И это хорошо, вы краснѣте не разучились. Стыдъ, милый человекъ, это почти страхъ Божій. А безъ Божьяго страха нѣтъ и человекъ. Слышите ли! Нѣтъ.

– А кто же тогда мы всѣ безъ этого страха?

«Съ нимъ-то какъ-разъ большевики и борются, съ предразсудкомъ этимъ».

Боткинъ вздохнулъ тяжело и прерывисто.

– Нелюди, дорогой. Нелюди.

##

Рабочіе люди прикрѣпляли рѣшетку къ окну.

Окно было открыто, и они всѣ могли подойти къ раскрытымъ створкамъ и вволю подышать лѣтнимъ воздухомъ. Можетъ, это чудо. А можетъ, подвохъ. Никто не знаетъ.

Николай шурился и глядѣлъ на странный, состоящій изъ многихъ предметовъ, бѣлый свѣтъ за окномъ. Тамъ, въ открытомъ квадратѣ, шумѣли на вѣтру листья, неслись въ синевѣ облака, торчали надъ крышами трубы, грохотали по мостовой авто. Жизнь снаружи шла и проходила, и ее сегодня можно наблюдать. Какая нѣжность, до слезъ.

Рабочіе молча привинчивали за окномъ рѣшетку. Рѣшетка была тяжелая и все время валилась у рабочихъ изъ рукъ, и они ее ловили и матерились.

Чугунъ рѣшетки что-то важное зачеркивалъ въ ихъ жизни. Царь глядѣлъ на чугунные прутья, по обыкновенію чуть прищурившись. И они его пугали. А онъ испугу не поддавался.

Онъ же былъ – солдатъ.

А вотъ жена испугалась. Не на шутку! Комендантъ запретилъ имъ монастырскія подношенія: сливки, сыръ, яйца и творогъ. Аликсъ дрожала и все повторяла: какая низость, какая низость, они лишаютъ насъ послѣдней радости, они что-то задумали! Что, усмѣхался мужъ, что они могутъ задумать? Все уже не только задумано, но и сдѣлано.

Аликсъ повторяла беззвучно: нѣтъ, не все! Не все! Почему ты такой безчувственный!

И онъ послушно соглашался: нѣтъ, не все, насъ ждетъ новая пытка.

Марія смотрѣла, какъ мать сжимаетъ руку въ кулакъ. Она такъ рѣдко сжимала кулаки. И онъ былъ такой странный и жалкій, этотъ кулакъ: маленькій, какъ у ребенка, съ истончившейся кожей, съ коричневыми плоскими пятнами, будто въ бородавкахъ. Пестрый, желточерный, что яйцо перепелки.

Послѣ утренняго чая царица ложилась и не вставала. У нея сильно болѣла голова.

Марія клала ей на лобъ, какъ всегда, вымоченное въ холодной водѣ полотенце.

Алексѣя изъ столовой отецъ несъ на рукахъ. Укладывалъ въ постель. Алексѣй говорилъ: спасибо, папа, – и тутъ же поворачивался лицомъ къ стѣнѣ.

И не хотѣлъ ни смотрѣть, ни говорить.

Подъ кѣмъ молча жилъ городъ? Подъ бѣлыми или подъ красными? А ни подъ кѣмъ. Затишье. И надо лежать лицомъ къ стѣнѣ и ни о чемъ не думать. И даже молиться бесполезно. Теперь уже все равно.

#

Въ домъ привезли раненаго.

Великія княжны рано утромъ, еще чуть свѣтало, услышали возню и ворчанье въ коридорѣ. И кто-то громко, тяжело и бесконечно стоналъ.

Внутри стонать иногда возникала пустота молчанья; а потомъ чловѣкъ начиналъ стонать опять, длинно и жутко.

Ольга и Марія одновременно сбросили ноги съ кровати.

– Оличка... кто-то стонетъ...

– Машинька. Я слышу.

Оглянулась. У Татьяны и Анастасіи открыты глаза. Слышать всѣ.

– И папа и мама тоже слышать. И Бэби.

Чловѣкъ стоналъ все сильнѣе.

– Раненый, – очень тихо, едва слышать, сказала Марія.

Ольга уже быстро напяливала поверхъ ночной сорочки платье, подпоясывалась наспѣхъ, совывала ноги въ домашнія туфли.

– Идемъ!

Марія и Татьяна поняли ее безъ словъ. Одѣвались такъ же поспѣшно. Сонная Анастасія поднялась съ койки и шатнулась, и чуть не упала. Марія подхватила ее.

– Настинька... Ты спи. Вѣдь еще очень рано. Пѣтухи еще первые поютъ...

Далеко, за Ипатьевскимъ домомъ, за заборами и мостовыми, гдѣ-то въ другой, славной и сладкой жизни, и правда пѣли мирные, давніе пѣтухи.

Онѣ выбѣжали въ коридоръ, все трое. Пробѣжали коридоромъ, въ свѣтлыхъ холщовыхъ платьяхъ, Марія – въ широкой бѣлой блузѣ поверхъ платья, похожія на ожившихъ, слегѣвшихъ съ церковной фрески ангеловъ. Остановились передъ комнатою, откуда раздавались стоны. Сестры опустили глаза. Онѣ увидѣли ноги Маріи.

– Машка! Ты же босая!

Она сама смотрѣла на свои ноги.

– Ну и что! Босая такъ босая!

Стояла босикомъ на грязномъ, заплыванномъ, въ окуркахъ, неряшливо крашенномъ полу.

Вздернула кулакъ и крѣпко въ дверь постучала.

– Откройте! Это сестры Романовы. Мы можемъ оказать первую помощь!

Затрещали половицы подъ шагами. Дверь открылъ Сашка Люкинъ.

Глаза на-выкатѣ. Голова побрита, какъ у каторжнаго. Измѣрилъ дѣвушекъ глазами, плюнуль – безъ слюны – вбокъ, досадливо.

– Вамъ-то што тутъ надоть? Спать ступайте!

Марія сжимала руки передъ грудью.

– Мы можемъ перевязать! Вѣдь у васъ раненый!

– Онъ можетъ умереть! – крикнула Татьяна.

Она стояла блѣднѣе всѣхъ; щеки крахмальной наволочки бѣлѣе. И глаза бѣгають, и губы дрожать.

За спиной Люкина, на порогѣ, появились еще двое, потомъ трое, потомъ пятеро солдатъ, потомъ вся комната гудѣла и кишѣла солдатами, – или это у нихъ въ глазахъ двоилось. Отъ слезъ.

Солдаты кричали:

– А, эти!

– Што не спицца барышнямъ?!

– Явились, вотъ те разъ!

– На кровь поглядѣть?!

– По-жа-лѣ-е-е-ть?!

– А ну давай шуруй отседа! Шуруй, шуруй! А не то мы щасъ васъ всѣхъ...

Пальцами прищелкивали. Зубоскалили.

Кое-кто и свистѣлъ даже – кольцомъ пальцы сложилъ и въ ротъ засунуль и свистнуль.

Стоны не стихали. Марія шагнула впередъ. За порогъ.

Она переступила порогъ, и сестры съ ужасомъ глядѣли на нее.

– Машка... – Татьяна округлила темные вишни-глаза. – Они же тебя сейчасъ... схватятъ...

Люкинъ и правда весело вцѣпилъ Маріи въ круглыя, подъ кружевной блузой, плечи.

– Ишь ты! Какая! Самая средь ихъ сдобная! Сдобна булочка-пирогъ, закатись-ка за порогъ!

Марія сняла съ плечъ сначала одну руку Люкина – обѣими своими руками, потомъ другую.

– Вы не поняли, – губы ея слегка вздрагивали. Широкия скулы рдѣли. – Мы хотимъ помочь.

– Помо-о-о-очъ?

– Ну да. Да! Мы же работали въ войну въ госпиталяхъ! Мы – экзамены сдавали!

– Мы – операциі дѣлали! И хирургамъ ассистировали! – отчаянно, высоко крикнула Татьяна.

Ольга молчала. Переводила взглядъ на одного, на другого, на третьяго солдата.

– Гдѣ раненый? – тихо и строго спросила.

– Не твое дѣло!

– Мы можемъ его перевязать. Пулевое раненіе? Осколочное? Ножевое? Сквозное? Куда?

Въ конечность? Въ животъ? Въ голову? Въ позвоночникъ?

Ольга задавала вопросы, какъ настоящій хирургъ. Бойцы притихли.

– Она... и вправду знаетъ...

– Ищо чево... отъ рукъ гадюки царской спасеніе принимать... пусть проваливать...

Татьяна безпомощно озиралась. Губы кусала.

Схватила Марію за подолъ, тащила назадъ, вонъ изъ комнаты.

– Машка, Машка... Маруся... Руся... да выйди ты оттуда...

Марія смотрѣла въ лицо Люкину.

Раненый опять застоналъ, дико, протяжно, а потомъ и заоралъ.

– И вамъ не стыдно вести время?

Люкинъ жадно поймалъ губами воздухъ, донесшійся изъ губъ Маріи.

Пчмокалъ и сощурился.

– Не стыдно. Щасъ все сами перевяжемъ! Што мы, не воевали! Брысь, курочки! Разойдися!

По коридору шумѣли шаги.

Пашка подошла и грубо, зло оттолкнула отъ порога Марію.

Марія уступила Пашкѣ дорогу.

Пашка переступила высокой порогъ, растолкала стрѣлковъ и подошла къ койкѣ. На койкѣ лежалъ раненый боець и корчился.

– Эхъ, солдатъ, солдатъ, – сказала Пашка ровно и угрюмо. – Мало ты воевалъ. Вотъ бы повоевать еще бы. – обернула ко всѣмъ бѣлое, желтое отъ злости лицо. – Бинты есть?!

Марія слушала, какъ Пашка кричить.

Ольга и Татьяна заткнули уши.

– Пашка, кончай орать... откуда у насъ бинты?!

– Доктора трясите!

Люкинъ, грохоча сапогами по коридору, бѣжалъ къ доктору Боткину.

И тутъ откуда-то изъ табачной тьмы голый, грязной комнаты явился Ляминъ.

Безъ фуражки. Гимнастерка не заправлена въ штаны, полы висятъ поверхъ ремня. Рожа рыжая, какъ и спутанный рыжій овинъ волосъ – будто взяли и испекли его въ печкѣ: такъ обгорѣлъ на солнцѣ.

– Что за шумъ, а драки нѣтъ?

– А ты што, дрыхъ?

– Не возбраняется, если не въ караулѣ.

Ляминъ молча подошелъ къ Маріи.

– Идите отсюда... иди... Не надо тутъ...

Люкинъ бѣжалъ по коридору съ рулонами бинтовъ и пакетами марли.

– Вотъ! Валяй, Пашка! Дохтуръ ты таковскій, Паня, всѣмъ дохтурамъ дохтуръ!

Пашка взяла изъ рукъ Люкина бинты. Подошла къ койкѣ. Раненый пересталъ стонать, поднялъ вѣки, искалъ вокругъ красными, воспаленными глазами, нашелъ Пашку съ призраками бѣлыхъ бинтовъ, какъ бѣлыхъ голубей, въ рукахъ.

Пашка бросила бинты прямо на грязный полъ. Взяла одинъ, разорвала зубами тесемку, сѣла на край койки.

– Разнагишайте мнѣ его!

Бойцы раздѣли раненаго, стащили съ него гимнастерку, пропитанную кровью, тяжелую, влажную, темную; раненый вскрикивалъ и скрежеталъ зубами.

– Раненіе сквозное, пулевое, – беззвучными, ледяными губами сказала Марія, – легкое пробито... летальный исходъ возможенъ...

Пашка не слышала этого бормотанья цесаревны. Она сложила кусокъ марли вчетверо, притиснула къ ранѣ. Крикнула:

– Эй, кто-нибудь! Руку ему поднимите! И набокъ... поверните!

Бойцы выполняли ея приказы. Цесаревны стояли и безпомощно смотрѣли. Онѣ смотрѣли, какъ Пашка грубо, неловко, но все сильнѣе и ловчѣй и ухватистѣй, перевязываетъ

раненаго – стиснувъ губы, сжавъ зубы, мотокъ за моткомъ, витокъ за виткомъ страшной, зимней бѣлизны. Зимняя гора росла на груди бойца и подъ мышкой. Онъ стоналъ все тише. То ли полегчало, то ли умиралъ.

Ляминъ стоялъ въ дверномъ проемѣ. Онъ смотрѣлъ на босыя ноги Маріи.

«Вотъ бы – на колѣни... И – ноги эти – нѣжно – губами... щеками...»

Марія повернулась первой – уходитъ. И первая пошла. Сестры за ней.

Онѣ, трое, шли по коридору и плакали, каждая другой не показывая, изо всѣхъ силъ скрывая слезы.

##

Царей выгуливали.

Семья ходила кругами по двору: сначала въ одну сторону, потомъ въ другую. Сестры брали другъ дружку подъ ручки. Ляминъ стоялъ на караулѣ около забора. Подъ его сапогами приминалась мягкая, свѣжая трава.

«Туда-сюда бродятъ. Тюрьма, она и есть тюрьма. Ужъ лучше бы въ настоящую помѣстили».

Царь вдругъ отдѣлился отъ гуляющаго семейства и подошелъ къ Лямину.

– Товарищъ Ляминъ...

Михаиль видѣлъ глаза царя. Плыло зеленое небо, и дрожало зеленое, синее болото. Смѣшалась земля, падала въ широкіе зрачки.

– Что вамъ?

– Вотъ вы мнѣ скажите... одну вещь.

Ляминъ покосился на скамейку возлѣ подвальныхъ оконъ.

– Можетъ, присядемъ?

– Давайте. Не откажусь.

Оба пошли къ скамейкѣ. Ляминъ медлил садиться. Царь сѣлъ осторожно, будто на ежа. Въ жару, въ холодъ, всегда – въ полковничьей этой фуражкѣ. Фуражку смущенно поправилъ, оставилъ на Лямина.

Ляминъ – ждал.

– Товарищъ Ляминъ, вы газеты читаете?

– А какъ же. Читаю. Чтобы знать, что въ Россіи творится.

– Вы мнѣ... пересказать не можете?

Михаиль растерялся.

– Пере... сказать? Что? Я не знаю. Много всего происходитъ.

– Вы мнѣ – про Ленина расскажите.

– Про... Ленина?

Растерялся еще больше. Царь глядѣлъ кротко, прозрачно, бездонно.

– А что жъ вамъ такого про Ленина-то? Ну, власть у него... ну, командуетъ. Война вѣдь идетъ! И насъ... хотягъ затоптать... Антанта хочеть, бѣляки... надо ихъ къ ногтю... – самому казалось: лепеталь дѣтски, смѣшно. – Гражданинъ Романовъ! Не умѣю я говорить про это!

Повернулся, чтобы итти, и тутъ царь странно, стыдно схватилъ его за руку и сжалъ эту руку. Держалъ его и крѣпко.

Ляминъ смотрѣлъ на царя сверху внизъ и видѣлъ: прозрачные, болотные глаза его метались, будто вода изъ нихъ хлестала; будто плакалъ, только безъ слезъ.

– А что онъ дѣлаетъ со страной? Что онъ – съ Россіей дѣлаетъ? Вѣдь это невозможно! Вѣдь это нельзя такъ!

Ляминъ, озираясь, нехотя на лавку – сѣлъ. На самый краешекъ. Вотъ-вотъ вскочить и уйдетъ.

– Почему – нельзя? Ленинъ все дѣлаетъ правильно. На насъ нападаютъ – мы должны защищаться! Насъ хотягъ умертвить, уничтожить – такъ мы жъ убьемъ тѣхъ, кто на насъ ползеть! И Ленинъ, онъ вѣрные приказы отдаетъ! По всей Россіи война идетъ, гражданинъ Романовъ. Вонъ какъ Сибирь зажглась! А бѣлоказки что творять! Начисто села вырѣзають! Заимки поджигаютъ! Да разгромить этихъ бѣляковъ къ...

Сжалъ кулакъ и отчего-то показалъ его царю.

Будто царь былъ главный виновникъ огненной русской смуты.

И царь поглядѣлъ на этотъ кулакъ холодно, отрѣшенно.

Опять водяные глаза на Лямина вскинулъ. Никуда отъ этихъ глазъ не уйти.

– А Ленинъ? Что про Ленина пишутъ? Что онъ тамъ... – наконецъ насилу выговорилъ. – Про насъ – думаетъ? Ничего не пишутъ? Ничего?

– Не до этого Ленину, – мрачно выдохнулъ Михаилъ. – Не до васъ. Вы всѣ тутъ... вотъ... живете... а мы васъ сторожимъ. Пока такъ вотъ. Дальше – что прикажутъ.

– А приказа... – царь сглотнул, усы его дрогнули. Чуть прикрыль глаза, и Лямину стало легче. – Приказа никакого не было отъ Ленина? Насчетъ насъ? Въ газетахъ – не печатали?

– Нѣтъ, не было приказа.

Ляминъ глядѣль себѣ подь ноги. По сапогу ползла малая букашка.

– И... комендантъ приказа никакого не получаль?

Мишка разсердился.

– Да съ чего вы взяли! Вы меня просто пытаете! Все! Отставить разговоры!

Поднялся. И царь всталъ со скамейки, поправиль ремень. Глаза его, подь козырькомъ фуражки, внезапно и страшно ввалились вглубь черепа, подглазья потемнѣли, обвисли, и онъ разомъ постарѣль на добрый десятокъ лѣтъ.

##

...я хотѣль его, солдата этого, распросить обь ихъ вождѣ, я его, видимо, недооцѣнивалъ все это время, Ленинъ не такъ недалекъ и глупъ, какимъ я его себѣ представляль, нѣтъ, онъ уменъ, хитерь и дальновиденъ, но онъ очень, очень жестокъ, такими жестокими не могутъ быть люди. Говорять, онъ на смерть самъ отправляетъ людей въ темные подвалы, и тамъ палачи ихъ казнятъ разными страшными способами. Но вѣдь это хуже средневѣковья! Да, это хуже средневѣковья, въ тысячу разъ хуже. И мы живемъ въ этомъ времени. И еще будемъ жить. Легче умереть! О нѣтъ, умирать не надо. Господь самъ возьметъ насъ, когда Ему будетъ угодно. Все же назначено. Вспомни Серафимушку. Вспомни бумагу монаха Авеля изъ той, въ Саровѣ, шкатулки. Ленинъ страшный человекъ, и онъ, можетъ-быть, даже и не человекъ, а тотъ, кому теперь имени нѣтъ, но онъ теперь главный, онъ командиръ, да что тамъ, самъ себѣ признайся, – онъ царь, онъ просто заняль твое мѣсто, взяль твою власть и топить твою страну въ крови твоихъ, твоихъ людей. Да! Моихъ людей! Которыхъ я любилъ и люблю!

...которыхъ ты задавилъ въ орущихъ толпахъ Ходынки; разстрѣляль на крейсерахъ японскими торпедами; вздернулъ на висѣлицы за малую, ничтожную провинность; перебилъ въ то несчастье, будь оно проклято, воскресенье, и народъ самъ назвалъ его Кровавымъ; послалъ на жуткую войну, гдѣ они падали подь снарядами, корчились подь пулями, задыхались, окутанные ядовитыми газами; которыхъ ты, ты, да, ты, великій царь, самъ велъ на смерть, и сейчасъ они, твои люди, продолжаютъ итти на смерть – изъ-за тебя, за тебя!

...за тебя... за тебя... поютъ народы...

...за тебя... за тебя... всѣ эти долгіе годы, и дѣти выросли, и у нихъ могутъ народиться свои дѣти...

...а этотъ Ленинъ? Да, этотъ Ленинъ? Маленькій лысый человекъ? Ты думалъ – онъ кукленокъ, игрушечный рождественскій поросенокъ. А онъ оказался настоящимъ вождемъ, и держитъ твою Россію въ кулакъ – и давить, давить изъ нея сокъ и кровь! – и тебя держать въ тюрьмѣ, вѣдь этотъ домъ – тюрьма, и этотъ дворъ – тюрьма, и ты знаешь, что скоро Ленинъ прикажетъ съ тобой сдѣлать? Да, знаю! Знаю! Все въ пророческихъ пергаментныхъ написано! Ага, знаешь. Знаешь, такъ молчи. Что жъ возстаешь? Что плачешь и кричишь? Никому не хочется гибнуть. А за свою страну? Такъ вѣдь умерь бы! За Россію! За матушку! На брустверь вражеской пошелъ бы! Подь пушечное ядро! Я же солдатъ! Солдатъ! Солдатъ! А меня держать тутъ! Въ тюремномъ домѣ! На хлѣбѣ и водѣ, на клейкой гречневой кашѣ! А я, можетъ, я хочу воевать! Съ тобой, чертенокъ Ленинъ! Да, съ тобой! Потому что я – настоящій царь, а ты – гадкій самозванецъ! Ты собачій сынъ! А я – сынъ императора! Я царь Россіи, и Великія и Малыя и Бѣлыя... Руси...

...за тебя... за тебя... царь мой... я молось...

...она молится... слышишь... и они – молятся... и еще – будутъ впредь молиться...

##

Откуда, какъ Ляминъ это услышалъ? Но вѣдь услышалъ же.

...сегодня, нынче, вотъ сейчасъ, рожденье Маріи; у нея именины; и надо сдѣлать праздникъ, а дѣвочки уже просили у охраны и у коменданта, чтобы разрѣшили имъ сдѣлать сегодня фотографическіе снимки, и Марія надѣла такое красивое бѣлое, съ кружевами и оборками, платье, онъ самъ уже видѣль. Воспользоваться фотографическимъ аппаратомъ имъ отказали. И это Ляминъ слышалъ.

Онъ видѣль и слышалъ теперь много всего, зрѣніе, нюхъ и слухъ у него странно, какъ у звѣря, обострились. Чѣмъ бы обрадовать ее? И всѣхъ? Къ лѣшему всѣхъ, ему надо – ее.

Только – ее.

...онъ никогда, никогда не хотѣль сдѣлать Пашкѣ праздникъ. А вотъ Маріи – захотѣль;

до боли подъ ложечкой, до сухости во рту.

Что придумать? Куда побѣжать? Что купить, на какія деньги?

Побренчалъ въ карманѣ штановъ монетами. Негусто.

Мысль прошибла веселая, яркая.

Слава Тебѣ Господи, нынче онъ не стоялъ въ караулѣ. Свободень – бѣги по улицамъ, слоняйся, гуляй!

...Онъ побѣжалъ, такъ быстро еще никогда не бѣгалъ, и сапоги его топали, гремѣли по деревяннымъ тротуарамъ, по булыжной мостовой, и этотъ топотъ и стукъ оставался позади него, за его лопатками.

«У нея именины. У нея именины!»

Слова бились въ головѣ, текли сладкимъ, терпкимъ, краснымъ сиропомъ.

Гудѣли авто: шоферы, веселясь, пугали стремглавъ бѣгушаго по улицамъ рыгаго молодого солдата. Можетъ, украсть у кого-то въ кабацкѣ часы или портсигаръ и теперъ уносить ноги?

...Увидаль вывѣску: «КОНДИТЕРСКАЯ». Влетѣлъ. Застылъ на порогѣ. Кондитеръ поманилъ толстымъ пальцемъ. Михайль, стыдясь, подошелъ къ прилавку. Торты, пирожныя, пирожки, кулебяки. Разстегаи, слойки, горы конфектъ въ стеклянныхъ вазочкахъ. Варенье въ стальныхъ смѣшныхъ бочонкахъ. «Вотъ какъ они, богатые, у кого денежки, живутъ. Намъ – такъ – никогда не жить! А – хочется!»

– Чѣмъ могу служить? – согнулся пухлый кондитеръ въ поклонѣ.

– Да я не знаю, – откровенно сказалъ Мишка.

– Ухъ вы и рыжіе, товарищъ, такіе рыжіе! Страсть! – сказалъ кондитеръ и разогнулся. И смѣялся. Во рту блестѣли золотые вставные зубы.

Михайль разсердился.

– Мнѣ... что-нибудь... вкусенькое.

– Для себя, къ столу чайному? Или по какому случаю?

Толстый кондитеръ игралъ золотой цѣпочкой брегета на затылкомъ въ бѣлый атласъ жилетки, кругломъ брюхѣ.

– По... случаю. Ко дню рожденья подарокъ. Барышнѣ... одной.

– О, дѣвицѣ? Дѣвицы сладкое-то любятъ! Лю-у-убяты! – кондитеръ расплылся въ приторной улыбкѣ. – Возьмите тортикъ! Съ розочками! Невѣроятный! Съ начинкой изъ орѣховъ и безе! Только сейчасъ изъ Парижа рецептъ доставили!

– Я... невѣстѣ.

– А! Невѣстѣ! Невѣстущкѣ! Такъ вѣдь такой пирогъ! Только для невѣстѣ, нарощно, и выпекаемъ!

– Сколько... стоитъ?

Кондитеръ, скаля золотые зубы, назвалъ цѣну. Мишка вытащилъ изъ кармана деньги. Сосредоточенно считалъ.

– Разъ, два... пять... восемь... Еще пять гривенниковъ и рубль... Нѣтъ, не хватить. Давайте что другое. Подешевше.

– Хм, другое. Понятно, дѣвицѣ, да... А вотъ пирогъ возьмите! Свѣжій, еще теплый, горячій!

– Съ чѣмъ пирогъ?

– Съ вареньемъ! Съ малиновымъ, сударь... пардонъ, товарищъ! Пальчики оближешь, какой пирогъ!

– Покажите.

Кондитеръ ловко выдернулъ, на деревянной дощечкѣ, пирогъ съ полки и брякнулъ о прилавокъ. Отъ пирога понесся сладкій малиновый духъ. Корочка румянилась, блестѣла, смазанная яйцомъ.

– Божественный пирогъ! Амброзія! Нектаръ!

Кондитеръ закатывалъ глаза. Золото зубовъ блестѣло, брегетъ изъ кармана жилетки валился на полъ. На пирогъ у Лямина денегъ хватило.

Ссыпалъ всѣ деньги, монеты и бумаги, въ готовно подставленную пригоршню торговца. Выбѣгалъ изъ кондитерской прочь, а толстякъ кричалъ вослѣдъ:

– Довольнешенька ваша невѣста будетъ! Еще за однимъ – васъ пошлетъ!

...Несъ въ Ипатьевскій домъ, прижимая къ животу, чтобы пирогъ не растерялъ тепло.

Взлетѣлъ по лѣстницѣ, какъ на небо вознесся. Въ гостиной услышалъ веселые голоса. Около двери въ гостиную стояла на караулѣ Пашка. Увидѣла Лямина со сверткомъ въ рукахъ.

Сдернула съ плеча винтовку и заслонила ею дверь.

– Куда?!

– Пашка, – онъ старался и говорить, и дышать спокойно, – не сходи съ ума.

– Куда тебѣ, зачѣмъ туда? Ступай въ комендантскую! Тамъ тебя Юровскій ищетъ!

Онѣ видѣлъ, что она вретъ.

Озлился.

– Ты. Не прогоняй меня. Я тебѣ не вещь, не отшвырнешь.

Крѣпко взялся за винтовку и рвануль къ себѣ. Пашка откатилась отъ двери вмѣстѣ съ винтовкой, отбѣжала, зло крестила его льдыстыми глазами.

– Подарочекъ пришелъ дарить? Да?!

Уже въ открытыхъ дверяхъ онѣ обернулся къ ней и рѣзко крикнуль:

– Да!

И вошелъ въ гостиную.

...они всѣ не стояли на мѣстѣ, всѣ двигались, поворачивались, разводили руками, стискивали руки, смѣялись, о чемъ-то оживленно, свѣтло и ласково переговаривались, тамъ и сямъ вспыхивали огни смѣха и тутъ же гасли, блестя чисто вымытые локоны, блестя натѣльные крестики въ вырѣзахъ платьевъ, улыбались веселые юные рты, а вотъ и старуха тутъ, старуха, да она сегодня вовсе не старуха, принарядилась, умѣло причесалась – и вотъ, глядишь, уже не старуха, а молодуха, глаза горять, зубы въ улыбка блестя, уже мелкіе, желтые, старые лисьи зубки, закусила ими Россію, нѣмчура, да не прокусила насквозь, не удалось, мы, красные, опередили, – а они всѣ гомонили, веселились, къ кому-то все время живо и весело поворачивались, кого-то крѣпко обнимали, – и онѣ понималъ, кого, онѣ догадывался, кого, да только не видѣлъ ее, за кѣмъ и отъ кого она прячется, она скользитъ и исчезаетъ, то ли это бѣлое платье ее метелью заметаетъ, то ли бѣлое, слѣпо замазанное окно мертво глядитъ въ залу вмѣсто нея, а она – за створками двери, за гардиной, она играетъ въ прятки – съ кѣмъ? съ нимъ? – ну погоди, дѣвчонка, онѣ тебя настигнетъ, онѣ ужъ тебѣ покажетъ!

Онѣ шель къ столу, какъ слѣпой, держа пирогъ въ вытянутыхъ рукахъ впереди себя, и шель къ столу цѣлый вѣкъ, и ноги вязли во вдругъ ставшемъ мягкомъ и ледяномъ паркетѣ, и шея не гнулась, онѣ не могъ обернуться и поглядѣть, какъ надъ нимъ смѣются и объ немъ судачать.

Онѣ подошелъ къ праздничному столу, и всѣ вразъ замолкли и замерли.

И смотрѣли на него. На одного его.

Въ молчаніи было слышать, какъ мѣрно, мѣдно клацаетъ надъ головами маятникъ петроградскихъ настѣнныхъ часовъ «Фридрихъ Винтеръ».

– Вотъ, – онѣ не узналъ свой хриплый голосъ. Онѣ доносился не изъ горла, а откуда-то извнѣ, вродѣ какъ съ потолка. – Поздравляю. Съ именинами! Марью Николавну! Пирогъ вотъ... именинный...

Искалъ, все искалъ ее глазами.

И – нашель.

Она стояла здѣсь-же, у стола, и – вотъ чудо – рядомъ съ нимъ. И отъ нея къ нему доносилось тепло, какъ отъ пирога. И онѣ такъ же, крѣпко, нѣжно, какъ давеча пирогъ, хотѣлъ прижать ее къ своей груди, къ животу. И нести, унести куда-то, давно забыль куда, но далеко, далеко.

На праздничномъ столѣ стояли: стаканы съ чаемъ, тонко нарѣзанный ржаной, бѣлые сухари, тарелки съ вѣчной гречневой кашей, варенныя яйца на бѣломъ фаянсовомъ блюдцѣ, вродѣ какъ въ Пасху, и что-то бѣлѣло въ сахарницѣ, можетъ, сахаръ, а можетъ, сахаринъ, а можетъ, сметана. Не разобрать. Михаилъ протянулъ руки и сталъ медленно разворачивать пирогъ, выпрастывать изъ промасленной бумаги, слой за слоемъ.

Вынуль. Бумага на полъ со стола сползла. Шуршала подъ ногами. На бумагу наступали, не видя ее. Видѣли только пирогъ. И восклицали, и кричали, всплескивая веселыми руками:

– Мама! Папа! Глядите! Какой прелестный пирогъ! Настоящій именинный пирогъ! Какое чудо! Да это же чудо! Настоящее чудо! Солдатъ Ляминъ, какое чудо, чудо вы намъ принесли!

Марія смотрѣла на него. Онѣ смотрѣлъ на нее и чувствовалъ запахъ, исходящій отъ нея.

– Ну такъ давайте разрѣжемъ. На всѣхъ, – сказала Марія, не отрывая глазъ отъ глазъ Лямина, и протянула руку къ сестрамъ – чтобы вложили въ руку ножъ.

Ножъ ей дали. Она крѣпко сжала въ рукѣ ножъ.

...столовое семейное серебро. Еще въ Царскомъ Селѣ тѣ ножи рѣзали мясо и отрѣзали куски отъ масла, и намазывали на хлѣбъ черную икру, и вонзались въ арбузы и дыни.

...а можетъ, бывалый солдатскій ножъ, и Пашка его выгатила со дна вещевого мѣшка, и свалила въ кучу со шербатыми вилками и обгрызенными деревянными ложками, въ чанъ съ кипяткомъ, гдѣ мыла посуду, мисками грохотала.

Марія взмахнула ножомъ, воткнула его въ пирогъ и стала рѣзать. И еще воткнула, и – отрѣзала кусокъ.

Тата подсунула ей тарелку. Марія, орудуя ножомъ, положила на тарелку кусокъ пирога. Изъ пирога на бѣлый фаянсъ вытекало красное варенье. Текло и застывало.

Марія протянула тарелку Лямину.

– Возьмите, товарищъ Ляминъ. Угощайтесь.

Онъ взялъ. Тарелка обжигала руки. Стоялъ и кусалъ губы, потомъ засмѣялся.

– Спасибо. Съ днемъ рожденья, Марья...

– Вы ѣшьте! А я сейчасъ на всѣхъ разрѣжу.

– Нѣтъ, я только послѣ васъ.

– Нѣтъ! Я приказываю вамъ!

Она топнула ногой, и всѣ вокругъ засмѣялись.

Онъ поднесъ пирогъ ко рту, откусилъ, и тутъ дверь распахнулась, грубо хлопнула створкой, и вошли караульные, съ ними Пашка, Юровский и Никулинъ.

Мишка жеваль пирогъ. Кусокъ у него чуть поперекъ горла не всталъ.

– Это еще что такое?!

Никулинъ, бѣсясь, дергаясь лицомъ, брезгливо указалъ пальцемъ на пирогъ на столѣ.

– Пирогъ, товарищъ командиръ!

Ляминъ дожевывалъ, глоталъ, выпрямлялся, руки по швамъ.

– Кто принесъ?!

– Я, товарищъ командиръ.

– Вы? Кому?!

– Я... въ подарокъ...

– Въ по-да-рокъ?!

«Донесла, сука».

Пашка стояла за спинами солдатъ и гадко усмѣхалась.

– Отставить въ подарокъ! Пирогъ – изъять! Въ пирогъ можно спрятать все что угодно! Запечь въ него – сами знаете что! Нѣтъ! Даже не знаете! Дураки вы всѣ! Боецъ Ляминъ! Трое сутокъ ночного дежурства возлѣ воротъ! И дневного – возлѣ нужника! Нѣтъ, пятеро! Не спи пять ночей! Узнаешь тогда пироги!

Юровскій стоялъ, молчалъ. Сложилъ руки на животъ и перебиралъ большими пальцами. Никулинъ бросилъ кричать, развернулся и вышелъ. Караульные – за нимъ. Пашка вразвалку подошла къ столу, наклонилась, подобрала съ пола промасленную кондитерскую бумагу, хищно завернула въ бумагу пирогъ.

– Будетъ чѣмъ водочку закусить.

Подмигнула – и пошла къ двери.

Всѣ стояли молча, не шевелились; и Ляминъ не шевелился.

Будто тотъ толстый кондитеръ его самого выпекъ изъ тѣста – и поставилъ въ этой залѣ, и сейчасъ его, еще теплаго, случайно уронять на полъ, ахая, поднять, взгромоздить на столъ, положить на тарелку, разрѣжутъ и съѣдятъ.

Всѣ красные вышли вонъ. А они, бѣлые, всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ, – остались.

Даже на царѣ былъ нынче бѣлый китель.

Марія изъ призрака праздника, изъ слѣпоты, изъ бѣлизны подняла на мать огромные глаза.

– Машка... – царица сглотнула и дернула губой. – Что смотришь своими... синими блюдами...

– Мама, – твердо, съ напоромъ сказала Марія, – я выйду замужъ за солдата. Я выйду замужъ только за солдата. И я рожу ему двадцать дѣтей.

##

– Мишка, эй. Слухай.

– Ну что?

Крѣпкій вѣтеръ гналъ по небу мощныя, пухлыя облака, сметалъ птицъ со стрѣхъ, вертѣлъ вѣтки китайской яблони. Ляминъ и Люкинъ стояли подъ яблоней, Михаилъ обрывалъ листья и мялъ ихъ въ пальцахъ.

– Юровскій сболтнулъ...

– Что? Не томи.

Видно было, какъ Сашка боялся это выдать.

– Уралсовѣтъ рѣшеніе принялъ.

– Ну и что?

– О томъ, штобы энтихъ...

Люкинъ не успѣлъ рѣзнуть себя пальцемъ по горлу.

Къ яблонѣ подходилъ Юровскій. Кажется, онѣ не видѣлъ ихъ.

Или сдѣлалъ видъ, что – не видитъ.

Подошелъ ближе. Завозился. Повернулся къ нимъ задомъ. О землю, о палые листья зашуршала струя. Бойцы едва дышали, а Люкинъ прижалъ руку къ губамъ, чтобы не расхохотаться, стоялъ какъ изъ чугуна вылитый. Юровскій застегнулъ портки и пошелъ прочь. Когда уже всходилъ на крыльцо – Люкинъ заклокоталъ хриплымъ, похожимъ на бульканье кипящаго супа смѣхомъ.

– Охъ, охъ! Облегчилъ душу грѣшную!

Михаилъ посмотрѣлъ на пальцы, обзеленные мятой листвою.

– Всѣ мы грѣшники, Сашка.

– Не безъ того.

– Такъ что тамъ съ Уралсовѣтомъ?

Похоже, Люкинъ раздумалъ говорить.

– Да такъ, вретъ онѣ все. Небылицы въ лицахъ плететь! Мы съ тобой на томъ Совѣтѣ не были, да и не будемъ. Чхать на ихъ. Мы несемъ свою службу, и будетъ съ ихъ!

– Это ты правъ.

Ляминъ вздохнулъ.

Оба пошли черезъ садъ къ Дому. Сашка шелъ, какъ пьяный, нога за ногу. Когда подбредли къ подъѣзду, Сашка вдругъ разразился гнѣвной рѣчью. Какъ съ трибуны оралъ.

– А палачи онѣ! Да и палачи всѣ они! Судь-то на ихъ нуженъ! Да ишо какой, всенародный! И я вѣрю, будетъ тотъ судъ! Поль-Расей людей изничтожилъ, сгубилъ! А самъ – живеть! Козьявка коронованная! Ну погоди, отольюща кошкѣ... Да все въ мирѣ погано! И справедливость сама не явицца! А справедливость – мы сами дѣлаемъ, люди!

Ляминъ чуть не захохоталъ.

– Охолонь, Сашка. Для кого орешь? Чтобъ кто – услышалъ?

– Да всѣ штобъ и слыхали! У всѣхъ у ихъ уши – есть!

Сѣли на крыльцо. Курить не хотѣлось. Облака бѣжали шибко, то-и-дѣло заслоняя бѣлое веселое солнце.

Въ воротахъ показались пятеро: троихъ бойцы хорошо знали. Голощекинъ, Бѣлобородовъ, Сафаровъ. Очкастый Сафаровъ подслѣповато шурился на блестящія на солнцѣ оконныя стекла. Все время поправлялъ очки, тыкалъ въ переносицу большимъ пальцемъ. Голощекинъ одѣтъ какъ обычно: кожанка, сапоги. Бѣлобородовъ въ крестьянской косовороткѣ навывпускъ, штаны шарами надуваются надъ колѣнями, будто паруса. Двое – неизвѣстные. Лица непроницаемыя.

«Чекисты, точно. Ихъ за версту видать».

Ляминъ и Люкинъ быстро встали. Отдали честь.

– Вольно, бойцы, – весело сказала Голощекинъ, – а комендантъ гдѣ?

Навстрѣчу уже бодро, пружинящимъ военнымъ шагомъ, шелъ Юровскій.

##

Они межъ собой говорили часто, много, обо всемъ – что было дѣлать вечерами тѣмъ, кто не стоялъ на стражѣ вокругъ дома, кто не маячилъ возлѣ комнатъ, гдѣ цари почивали?

Толковали обо всемъ; сыпали, что на умъ придетъ, и дѣлились тайнымъ, драгоценнымъ; взрывались нежданнымъ и страшнымъ признаньемъ – и, слово за слово, вытягивали другъ изъ друга то, что и на исповѣди-то люди боятся высказать.

Они говорили о томъ, что жгло и мучило. И о радости говорили тоже.

А кто-то молчалъ, не сронивъ ни слова.

...крестьяне хотѣли – къ землѣ; рабочіе – на заводъ. Да вотъ бѣда, не знали они, чья теперь земля и чьи заводы.

Здѣсь, въ охранѣ, они были всѣ странно равны передъ униженными и оплеванными царями; и ихъ давній трудъ, трудъ ихъ семей и родовъ, отсюда, изъ мглы застывшаго въ ночи Ипатьевского дома, видѣлся имъ единственной правильной жизнью, ихъ потеряннымъ райскимъ садомъ; они забывали липкіе отъ грязи полы горячихъ цеховъ, гдѣ гнули спину съ разсвѣта дотемна, забывали тяжесть сохи и торчащія ребра голодныхъ лошадей, и воду изъ горячаго отъ солнца кувшина, воду вмѣсто молока на пашнѣ; забывали, какъ въ проходной завода мяли, зло перебирали въ карманѣ рубли и копейки, выданные за сгорающую на кострахъ сажу и желѣза жизнь.

Они повторяли лишь одно: земля, землю, къ землѣ.

А еще: заводъ, родные цеха, родныя проходныя, скорѣй бы.

Они хотѣли это все, прежде – чужое, хозяйское, – отнять у господъ, присвоить и межъ собою раздѣлить. Завѣтная мечта, и красный флагъ вымочень въ крови – за эту мечту!

А можетъ, и мечты-то давно уже нѣтъ. А они все повторяютъ, повторяютъ ея слова. Все ее вспоминаютъ.

И о ней – говорятъ.

Нѣтъ, не можетъ такъ быть, чтобы такія огромныя горы бѣднаго народу стронулись, загудѣли и пошли, двинулись на богатыхъ, – поплыли, навалились, чтобы навѣкъ уничтожить тѣхъ, кто жироваль и пироваль на ихъ бѣдняцкихъ жизньяхъ, подстеливъ ихъ, еще живыхъ, измотанныхъ, себѣ на широкіе обѣденные столы, какъ скатерть. Кто заносилъ надъ ними ножи и вилки, аккуратно разрѣзая ихъ на золоченомъ блюдѣ, – и ужъ, конечно, великолѣпно зная, что, хоть они и бѣдные, зато настоящіе на вкусъ: настоящая горечь, настоящая сладость.

Народъ тронулся – повалилъ, посыпалъ снѣгомъ, задулъ вѣтромъ, сметалъ съ земли все то, что самъ же и построилъ, и не жаль ему было ничего: ни церквей вѣсковыхъ, ни кораблей и пароходовъ, ни садовъ и парковъ, ни громаднхъ домовъ, въ которыхъ жили мелкіе, слабые люди. Народъ понималъ такъ: если это не наше – пусть никому и не достанется! Ни имъ, ни намъ!

Выжигали свою землю. Разбивали молотками головы своихъ людей. Въ подвалахъ, гдѣ ярились красные комиссары, полы были завалены, залиты человѣчьими мозгами. Выколотые глаза сгребались лопатой въ уголь, какъ тухлыя яйца. Били себя, себя убивали, – а думали, бьютъ и убиваютъ другого.

Нѣтъ, многіе такъ и знали, что – себя; и тѣмъ слаще было самоубійство, тѣмъ отраднѣе было думать: пусть мы погибнемъ – а на нашей крови взойдутъ новые, чудовищно прекрасные цвѣты!

Другъ друга пытали: ну, какъ ты пришелъ сюда, въ охрану царя? Въ Красную Армію? Кто тебя надоумилъ? Кто тебя подтолкнулъ? Или приказъ получилъ? Или – случаемъ, невзначай, непогодой, вѣтромъ залетнымъ?

И кто что отвѣчалъ. Сквозь курево; сквозь видѣнія безбрежныхъ толпъ, что кричали и бурлили за спиной. Спина, живая, твоя – единственное, что заслоняло отъ черной надвигающейся народной тьмы. Тьма народу, это значить, много. Слишкомъ его много. Слишкомъ много людей на Руси; и поубавить бы малость. Ничего, вотъ революція и война, брать на брата, все это и спишетъ изъ реестровъ, все освободитъ, разрѣшетъ, разупонитъ.

Бѣлочехи идутъ; генераль Дитерихсъ войска собираетъ; Врангель, Дроздовскій, Лукомскій, Кутеповъ, Семеновъ, и несть имъ числа – ведутъ, ведутъ народъ за собой. Да какой это народъ? Шваль бродяжья! Э, нѣтъ, братъ, шалишь. Это они думаютъ: мы – шваль бродяжья. Мы съ тобой, братъ. Зубы не скаль.

Вотъ мы, красные, въ Екатеринбургѣ засѣли; а о чемъ это говорить? Ни о чемъ. Бѣлые двинутся, войдутъ, займутъ. Всѣхъ перестрѣляютъ, перевѣшаютъ. Мы имъ глаза выкальвали – а они намъ повыколотъ.

Да это мы, мы жъ сами себѣ – и повыколемъ!

А ты что, всерьезъ считаешь, что они – это мы?

Да такіе жъ русскіе люди!

Врешь, ой вре-о-о-ошь. Не русскіе. Нерусскіе.

Да какъ же нерусскіе, когда – православные, и крестятся справа налево!

Нѣтъ. Они только родились здѣсь. А защищаютъ они – тѣхъ, кто насъ, насъ съ тобой на широкихъ, накрытыхъ камчатными скатертями столахъ – жралъ. И косточки хрустѣли.

Хочешь, чтобы тебя опять сожрали?! Хочешь, да?!

Да вѣдь такъ и такъ сожрутъ. Все едино – сожрутъ. Съ костями. Съ потрохами.

Сейчасъ смерть гуляетъ. Это намъ кажется, что на улицѣ день. А на самомъ дѣлѣ – ночь.

Ночью – ночь, и днемъ – ночь.

А ты вотъ на фронтъ пойдешь? Потомъ? Опосля?

Когда это – опосля?

Ну, послѣ того, какъ...

Не договаривали. Было и такъ ясно. Опять закуривали. Головами вертѣли, бѣлки глазъ блестя въ угрюмомъ табачномъ дыму.

А то. Пойду. Конечно, пойду. Биться за лучшую жизнь. За счастливую.

И я – пойду. Надоѣло быть подстилкой. И я не хочу, чтобы меня опять жрали, грызли. Лучше я пойду и самъ ихъ загрызу. Врангелевцевъ. Дроздовцевъ. Семеновцевъ. Да всѣхъ ихъ. Они, небось, въ моемъ селѣ всѣхъ къ стѣнкѣ поставили. И бабу, и мать, и ребятокъ. А я тутъ!.. царей этихъ... обихаживаю...

Скоро имъ конецъ-то? Ай нѣтъ?

Никто не знаетъ. Всему на свѣтѣ будетъ конецъ. И войнѣ этой.

А Россіи? Россіи, слышь, будетъ конецъ?

Россіи? Эка загнулъ.

А – народу? Народу, народу русскому, слышь ты, будетъ конецъ?!
 Народу – нѣтъ, не будетъ.
 Иди ты!
 Самъ иди.

##

Они жили, все такъ же молясь по утрамъ и благословляя жизнь и умоляя Господа: да будетъ воля Твоя, – видя, что Онъ волю Свою творить руками чужихъ, темныхъ и страшныхъ людей. Нѣтъ, это были, конечно, обычные люди, и они боролись за что-то свое, имъ безмѣрно дорогое. Но вотъ за что? Они не понимали. И – смирились съ этимъ.

Алексѣя впервые послѣ Тобольска искупали въ ваннѣ. Когда отецъ опускалъ его въ ванну на ослабшихъ, въ безсильно вздувшихся мышцахъ, худыхъ рукахъ – сына, тоже исхудалаго, блѣднаго, тонкаго, какъ былинка, – слезы сами потекли, и отецъ, посадивъ сына въ теплую воду, быстро вытеръ лицо руками и прошепталъ: жарко здѣсь, я вспотѣлъ, хорошо натопили. На что Алексѣй такъ же быстро и тихо сказалъ: папа, не плачь, это все напрасно.

И отецъ поцѣловалъ сына въ горячее темя, въ русый завитокъ.

Онъ смотрѣлъ на колѣно мальчика: все такое же распухшее, но надо его обмануть, порадоваться, сказать, что онъ поправляется. Святая ложь! Они всѣ поняли, что она существуетъ. Съ неизлѣчимо большими всегда она рядомъ. Безъ нея просто не проживешь. Вотъ и сейчасъ нельзя ее упустить. И быстро, торопясь, а то ложь взмахнетъ крыльями и улетитъ, и больше никто и никогда ему не повѣритъ, говорилъ отецъ, намыливая мочалку, сыпалъ какъ изъ пулемета: охъ, Алешинька, какъ прекрасно, колѣночка-то гораздо лучше, гляди-ка, опухоль спадаетъ, ну все, пошелъ на поправку, скоро будешь бѣгать, прыгать, мой родной, золотой!

Это тонкое, длинное, нѣжное тѣло. Тѣло отрока, подростка. Его холили, гладили, окатывали то холодной, то горячей водой, чтобы закалилось; къ нему прикладывали компрессы и въ него вкалывали иглы уколовъ, его обливали слезами и покрывали поцѣлуями, и они обжигали хлеще кипятка. Милое, ласковое, сыновье тѣло! Отецъ склонялся все ниже, ниже и теръ мочаломъ худенькую спину, тощія лопатки, и все смотрѣлъ, не пробиваются-ли сквозь кожу крылья. Ангель мой! Хорошо-ли тебѣ? О да, папа, мнѣ такъ хорошо! Я какъ въ раю!

Кожа краснѣла подъ липовой мочалкой, пахло запареннымъ лыкомъ и немного медомъ, и, можетъ, весеннимъ медомъ пахло отъ этого блѣднаго, слабаго тѣла подростка, подранка. Отецъ, охотникъ, зналъ, когда, подстрѣленная, умираетъ дичь. Жизнь – хорошій стрѣлокъ, а еще лучше жизни стрѣляетъ смерть. Онъ поливалъ сына водой изъ ковша, и вода стекала стальнымъ покрываломъ съ его затылка по его лицу и плечамъ, и сквозь прозрачный миражъ воды онъ видѣлъ улыбку ангела. И страшно становилось ему.

А когда онъ намылъ его всего и напоследокъ окатилъ его чистой водой и вынулъ изъ ванны, подхвативъ на руки, на чистое полотенце, онъ не удержался и заплакалъ, уткнувшись сыну во влажную ключицу, туда, гдѣ вдохъ и выдохъ то-и-дѣло мѣнялись мѣстами. И мальчикъ все понималъ, не сталъ утѣшать отца, а только крѣпко обхватилъ его за шею и всѣмъ чистымъ, теплымъ и влажнымъ тѣломъ прижался къ нему.

И такъ отецъ, съ сыномъ на рукахъ, вышелъ изъ купальной комнаты на первомъ этажѣ и прошелъ мимо кладовой, гдѣ, межъ сваленныхъ въ кучу иконъ, сидѣла эта кухонная баба, Пашка, и рыдала, царапая себѣ грудь подъ изстиранной вконецъ, до нитяной паутиной сѣтки, старой льняной гимнастеркой.

А сынъ отвернулъ вбокъ голову и тихо, сдавленно сказалъ: папа, мнѣ и правда лучше, нога почти не болитъ, пусти меня, я самъ пойду.

...Онъ больше ничего не записывалъ въ дневникъ. Докторъ Боткинъ еще писалъ, все что-то писалъ; онъ однажды спросилъ доктора, что-же такое онъ все пишетъ и пишетъ, – а докторъ слабо махнулъ рукой и сказалъ, не ему, въ воздухъ и вѣтеръ: да хотѣлъ письмомъ другу послать, учились вмѣстѣ, хорошій мой другъ, вотъ началъ, да не могу закончить, и чую, что не отправлю, а что получается вмѣсто письма, не знаю; теперь уже все равно. Онъ гладилъ доктора по рукаву и тоже махалъ рукой, безъ слов: да идите, идите! Пишите! Можетъ, такъ легче! Подходилъ къ столу. На столѣ, раскрытый, лежалъ его дневникъ. Жена тоже вела дневникъ. Она писала въ дневникъ всегда, сколько онъ ее помнилъ; и праздничной принцессой въ Кобургскомъ замкѣ, и обезумѣвшей отъ горя матерью надъ кроватью умирающаго сына. Жена, какъ и Боткинъ, еще что-то могла писать. Онъ глядѣлъ на пустыя страницы. Онъ самъ ихъ пронумеровалъ, поставилъ всѣ цифры до конца тетради, и нигдѣ разсѣянно не ошибся.

Пустая страница номеръ... А кому это будетъ такъ важно? Дневникъ сожгутъ въ печи, какъ только его не станетъ. И ихъ портреты сожгутъ; и ихъ одежды, платья и бѣлье, плащи и шляпы. Зачѣмъ тогда черкать стальнымъ узкимъ перомъ по снѣгу страницъ, кровава ихъ стильными чернилами?

Брала ручку, замирала надъ тетрадь. Тетрадь разстилалась бѣлымъ полемъ.

Широко наше бѣлое поле, широко Сѣверъ, тамъ и сейчасъ, въ июль, лежатъ снѣга.

И цвѣтной, неизреченной, яростной красоты сіяніе играетъ въ зенитѣ надъ снѣгами, переливаетъ небесное вино изъ черной ночной бутылки въ земной нищій, снѣжный кувшинъ.

Бумага молчала. И онъ тихо клалъ перо и крестился.

На нѣтъ и суда нѣтъ, говаривалъ его отецъ, императоръ Александръ.

...Били артиллерійскія орудія. Шли черезъ городъ солдаты. Окно открывали нечасто, и они не могли видѣть, красные это солдаты или бѣлые. Когда окно растворяли, они видѣли чугунную рѣшетку и переглядывались. Каждый утѣшалъ другого обманными глазами: рѣшетка это нарочно, это чтобы намъ жить въ безопасности, это защита, и вообще, можетъ, это все не съ нами, и рѣшетка намъ только снится.

Шли и конные, былъ слышенъ цокоть копытъ и грубые окрики, и снова непонятно было, чья это кавалерія. Однажды послышалась громкая духовая музыка; маршировала духовой оркестръ, а за нимъ топали бойцы, и царица вздрогнула – она услышала нѣмецкую рѣчь. Это наши, наши, наши! – кричала она, схвативъ мужа за обшлага, это наши вошли въ городъ!

Потомъ имъ Ляминъ сказалъ: ну что волнуется, успокойтесь, это всего-на-всего плѣнные австріяки, мы захватили ихъ полки въ плѣнъ еще годъ назадъ, и мы хотимъ выпустить ихъ сражаться съ чехами, что идутъ изъ Сибири и приближаются къ намъ.

И они всѣ такъ оживились, обступили Лямина и хватили его за рукава, за локти, и трясли, и обнимали порывисто, и забрасывали вопросами: какъ! правда чехи идутъ? они приближаются? они уже скоро здѣсь будутъ? скажите, когда? завтра? черезъ недѣлю? ну хотя бы дней черезъ десять – будутъ? это правда, они уже недалеко? гдѣ идутъ сраженья? какъ они продвигаются? ну скажите, скажите!

Они словно забыли, что онъ врагъ, красивый; такъ велико было ихъ нетерпѣніе узнать и жажда скорѣй встрѣтить спасителей. Вернуть ихъ мертвый міръ! Вотъ что для нихъ превыше всего. А все остальное хоть сгори въ огнѣ. Ляминъ двигалъ подъ кожей желваками. Они трясли его и ворковали надъ нимъ, и причитали, и смѣялись, и чуть не плакали. А онъ молчалъ. Наконецъ они поняли свое неприличіе, отступили, и сами смолкли, какъ птицы, когда на солнце наползаютъ тѣнь. Алексѣй самъ поднялся съ кровати, съ трудомъ распрямылся и стоялъ – какъ журавль, на одной ногѣ. Держался руками за гнутую спинку вѣнскаго стула.

И къ ночи солнце смѣнялось дождемъ, и дождь настойчиво стучалъ по кривымъ стрѣхамъ, и далеко стрѣляли, а потомъ стрѣляли близко, совсѣмъ рядомъ, подъ окномъ.

##

У царицы болѣли голова, спина и ноги. Докторъ Боткинъ ничего не могъ сдѣлать. Безпомощно улыбаясь, онъ разводилъ руками: это возрастъ, ваше величество, думаю такъ, это уже возрастныя измѣненія въ позвоночномъ столбѣ. Есть много новѣйшихъ способовъ лѣченія, къ примѣру, спинномозговая пункція, избобрѣтеніе доктора Квинке, но ее дѣлаютъ только въ условіяхъ хорошей клиники и только очень опытные невропатологи; я, если бы и въ операционную зазвали, не рѣшился бы. И потомъ, процедура небезопасная, иные больные послѣ нея и... Не договаривалъ. Щеки царицы бѣлѣли, она вздергивала носъ и высококомѣрно доканчивала: умираютъ!

И докторъ согласно наклонялъ голову.

Въ воскресенье имъ разрѣшено было служить обѣдню, и пригласили батюшку, только не стараго, а молоденькаго. Батюшка привелъ съ собой дьякона, ну, опять праздникъ! Они всѣ батюшку знали: отецъ Іоаннъ Сторожевъ пришелъ, какая радость! Всѣ, поочередно, подошли ему къ ручкѣ – благословляться. Онъ всѣхъ старательно, нѣжно благословилъ. Юровскій дернулъ священника за рукавъ: идите переоблачатся въ комендантскую!

...Батюшка брезгливо оглядывалъ военную комнатенку. Всюду грязь, мусоръ, мятыя бумаги на полу. Никто не выметаетъ. Рояль запыленный. Крышка отогнута. Клавиши раскрыты. На крышкѣ вповалку – ружья, револьверы, бомбы, гранаты. Священникъ не задрожалъ при видѣ оружія, а вздрогнулъ отъ зычнаго храпа. Оглянувшись: это храпѣлъ Никулинъ, крѣпко спавъ послѣ ночного дежурства, пускалъ на подушку слюну. Дьяконъ мялся, потиралъ руки, щипалъ козлиную тощую бороду. Юровскій съ шумомъ пододвинулъ стулъ къ неприбранному столу, усѣлся плотно, отрѣзалъ кусъ ржаного, намазалъ масломъ и широко, мощно кусалъ. Жевалъ. Запивалъ холоднымъ чаемъ изъ граненаго стакана.

– Что ждете? – спросилъ, не оборачиваясь. – Насъ разсматриваете? Время, время!

Священникъ сталъ рѣзко, быстро скидывать съ себя одежду. Раздѣвался и глядѣлъ въ затылокъ Юровскому. Дьяконъ обнажался, смущаясь, какъ дѣвица. Накидывали другъ на друга подрясники, рясы. Батюшка то-и-дѣло кашлялъ, подносилъ руки ко рту, грѣлъ ихъ дыханьемъ. Дьяконъ поправлялъ на спинѣ у батюшки воротъ рясы, одергивалъ раструбы рукавовъ. На очередной кашель Юровскій обернулся. Къ губѣ у него прилипла крупная ржаная крошка.

– Кто изъ васъ кашляетъ?

– Я.

– Не нравится мнѣ вашъ кашель.

– Я все время мерзну, – извиняющимся голосомъ сказалъ батюшка и опять погрѣлъ выдохомъ пальцы и поежился.

– Лѣто на дворѣ, а вы будто съ мороза.

Юровскій всталъ изъ-за стола и подошелъ къ священнику.

– Э, милый человекъ, у васъ типичное лицо чахоточнаго. Блѣдное, бѣлое, и румянецъ лихорадочный.

– Товарищъ... да... у меня плевреть.

– А! – торжествующе вскрикнулъ Юровскій, – ну я же говорилъ! Я же все-таки хорошій діагностъ. У меня, кстати, тоже былъ процессъ въ правомъ легкомъ! И – ничего! Какъ новенькій, видите!

Отецъ Иоаннъ стоялъ передъ Юровскимъ уже въ полномъ церковномъ облаченіи. Хоть и молодой, а какъ рясу надѣлъ – такъ увеличился, погрознѣлъ. Нависъ надъ кожанымъ большевикомъ угрюмой грозовой тучей, и вотъ-вотъ зажметъ въ рукѣ пукъ молній – и этими молніями прямо въ кожаную грудь – съ размаху ударить.

– У васъ былъ хорошій врачъ?

Священникъ пригладилъ и безъ того масляные волосы.

– Я самъ себѣ врачъ!

Юровскій разсмѣялся. Дьяконъ, дрожа, отвернулся отъ этого смѣха, будто на его глазахъ жгли икону или насильовали дѣвушку.

– Вотъ какъ? Вы докторъ?

– Въ прошломъ. Вы знаете, что я вамъ посоветую? Въ первую очередь, при любомъ легочномъ процессѣ, будь то плевреть, бронхитъ, бронхоаденитъ или туберкулезная каверна, нужно приготовить себѣ вотъ такую адскую смѣсь. Слушайте и запоминайте. Въ равныхъ пропорціяхъ взять медъ, сокъ алоэ и коньякъ...

– Коньякъ? Да гдѣ жъ теперь его взять? – священникъ взмахнулъ руками, черные рукава упали до локтей.

– Тамъ же, гдѣ и вашъ кагоръ для причастій!

– Да мы, – батюшка задохнулся, – причащаемъ нынче... вареньемъ, разбавленнымъ еще довоенной водкой, акцизной...

– Ну, значить, тамъ, гдѣ водку берете! Итакъ, коньякъ, медъ и алоэ, и все тщательно перемѣшать...

Юровскій говорилъ и любовался собой, и священникъ это понималъ. Опускалъ глаза, чтобы скрыть отвращеніе и презрѣніе, это были плохія, совсѣмъ не христіанскія чувства. Киваль: да-да, я запомнилъ, и по столовой ложкѣ три раза въ день, передъ ѣдой, да. Голова у него раскачивалась кадиломъ. Дьяконъ зажалъ носъ: спящій Никулинъ на койкѣ громко, вонюче рыгнулъ.

Юровскій стоялъ передъ батюшкой, раскачиваясь на каблукахъ сапогъ, и неуловимое, побѣдное торжество просвѣчивало, какъ раскаленная пружина, черезъ его невозмутимое лицо и черную чортову кожу тужурки.

– Вы запомните, что я вамъ сказалъ! Я лучшій въ мірѣ докторъ!

– Не сомнѣваюсь.

Отецъ Иоаннъ хотѣлъ поклониться – и чуть не плюнулъ въ лицо этому заносчивому еврею. А если начать говорить о Богѣ? Ему – объ алоэ, а онъ – о Христѣ.

И никто, ни одинъ человекъ на свѣтѣ, не знаетъ, что сегодня эта служба у царей – послѣдняя; а ты, ты-то почему знаешь? Тебѣ-то кто сказалъ? Господь? Не возмни о себѣ слишкомъ много. Это страшная гордыня. Просто иди и служи, и молись. Вмѣстѣ со всѣми.

...Нынче обѣдно служили не въ спальнѣ царицы – въ столовой. Будто бы Пасха, да только куличей нѣтъ. Батюшка сразу прошелъ къ иконамъ – дѣвица Демидова и Боткинъ развѣсили ихъ сегодня рано утромъ на стѣнѣ столовой, заколотивъ въ стѣну тонкіе маленькіе гвозди и привѣсивъ иконы за атласныя ленты. Дьяконъ всталъ рядомъ. Они, двое, были гребцы, и гребли и выгребали въ старой лодкѣ стараго міра къ свѣту, а лодка дала течь, и дьяконъ старательно вычерпывалъ воду, а батюшка, задыхаясь отъ плеврита, все гребъ и гребъ, на-

прягая мускулы.

Христось тоже былъ сильный и мускулистый. Онъ былъ сыномъ плотника и самъ плотничаль. И ведра съ водой носиль, и бревна таскаль. Онъ былъ сильный, какъ мужикъ или солдатъ, а Его на иконахъ часто малюють – нѣжнаго такого, благостнаго, тощенькаго, со слабой всепрощающей улыбкой. А кто же тогда, подъявъ жестокою плетъ, изгналъ поддыхъ торжниковъ изъ храма?

Алексѣй, сидя въ креслѣ-каталкѣ, пытался улыбнуться и не могъ. Мать смотрѣла на его блѣдное лицо, и ея глаза округлялись отъ страданія. Служба шла, отецъ Иоаннъ пѣль, дьяконъ подпѣваль, и пѣли они всѣ, умиленно складывая руки на груди. Какіе выстрѣлы! Какая кровь! Войны умирали сами собой. А оставалась лишь вотъ эта любовь, эта, съ блескомъ золотыхъ и сѣдыхъ волосъ, съ блескомъ глазъ, и радостнымъ и слезнымъ, съ блескомъ зубовъ межъ губъ въ слабыхъ и счастливыхъ улыбкахъ, оставалась вотъ эта жизнь, которой они еще не знали, а она уже шла на нихъ, надвигалась, и надо было привѣтствовать ее нѣжными пѣснопѣньями, знакомыми съ дѣтства, счастливыми стихирами, ирмосами и кондаками.

Царица устала стоять и тихо попятилась, и сѣла на стулъ рядомъ съ сыномъ. Положила руку на огромное колесо каталки. На ея руку тихо положиль руку Алексѣй. Такъ сидѣли.

Дѣвица Демидова зажгла на столѣ и передъ иконами толстыя хозяйственныя свѣчи, и онѣ чадили, испускали черный печальный, пахучій дымъ. Фитили съезживались. Пламя то краснѣло, то бѣлѣло. Докторъ Боткинъ, стоя передъ иконой Распятія, крестился медленно и жестко, будто впечатывалъ въ лобъ и плечи сургучъ. Онъ бросилъ креститься и молиться и оглянулся на царя.

Николай стояль близко отъ него. Рядомъ. Царица сзади смотрѣла на мужа: зеленяя брюки повытерлись на швахъ и подъ колѣнками, онъ глубоко заправиль ихъ въ сапоги, но онѣ все равно вздувались надъ голенищами. Сапоги всегда чистые, черно блестящіе. Онъ самъ ихъ ваксиль по утрамъ, послѣ умыванья. Боткинъ смотрѣль на царя сбоку: четкій профиль, спокойный взглядъ. Царь глядѣль на икону. Нѣтъ, онъ глядѣль внутрь себя.

А вокругъ него стояли его дѣвочки и смотрѣли на него, и онъ для нихъ былъ иконой – отецъ, царь, любимый. А мать ихъ учила: ничего земного нѣтъ вѣчнаго, не привязывайтесь къ земному, на небесахъ – Царь нашъ и Отецъ нашъ небесный! Все тамъ! И указывала рукой. Такъ что же сейчасъ она сидитъ рядомъ съ каталкой сына и держитъ руку мальчика въ своей, а другой крестится и быстро, неловко смахиваетъ соль любви съ морщинистыхъ щекъ?

Слуги крестились. Крестился парнишка, поваренокъ Ленъка Сѣднень. Накладывали крестное знаменіе священникъ и дьяконъ. Царь повелъ плечомъ, будто рука затекла. Дрогнуль спиной. Цесаревичъ пріоткрыль ротъ. Старуха на стулѣ, какъ на тронѣ, глядѣла гордо, повелительно. Отецъ Иоаннъ махнулъ кадиломъ. Изъ дырокъ кадила вылетѣль ладанный дымъ и небеснымъ приборомъ брызнулъ въ лица, въ сердца.

Дьяконъ глубоко, какъ въ оперѣ, вздохнулъ и запѣль:

– Со святыми упокой!

Отецъ Иоаннъ вздергивалъ и трясъ кадиломъ, оно тихо позванивало, сладко дымило, и глядѣль на иконы.

Первыми на колѣни опустились дочери. Потомъ встала мать и тоже колѣни подогнула. Отецъ обернулся къ сыну. Подхватилъ его подъ мышки.

– Осторожнѣй, сыночекъ... вотъ такъ, такъ, давай...

Алексѣй, морщась, согнулъ больную ногу. На колѣни – всталь.

Отецъ всталь на колѣни рядомъ съ нимъ.

Они всѣ стояли на колѣняхъ и пѣли заупокойную молитву, и дѣвушки, въ бѣлыхъ кофтахъ и темныхъ юбкахъ, подносили шепотъ ко лбу, и тихо переливались русыми и сливовыми, парчовыми нитями ихъ отросшіе волосы въ красномъ, невѣрномъ свѣчномъ свѣтѣ; и царь въ старой рубахѣ и старыхъ штанахъ, и старая его жена, и слуги, и врачъ, и малый поваренокъ, – и цесаревичъ, блѣдный и гордый, и, чѣмъ сильнѣе толкалась боль въ его ногъ, тѣмъ выше онъ поднималъ голову – вѣдь его такъ училъ отецъ: тебѣ больно, а ты терпи и не подавай виду! Онъ и не подавалъ. А молитва плыла и томилась, и она была сейчасъ на весь міръ одной, единственной. Страшной.

А что не страшно? Кто не страшень?

Страшень міръ. Страшны люди въ немъ.

– Идеже несть ни болѣзнь... ни печаль, ни въздыханіе!..

Морозъ шель по кожѣ у Лямина. Онъ неслышно всталь позади слугъ. Видѣль, какъ выстаетъ колючки кудрей на потной шеѣ у дѣвицы Демидовой. Слышалъ общее дыханіе, нестройное, тревожное. У кого хриплое, у кого чистое. Люди, люди. Перекачиваютъ воздухъ черезъ легкія, и больные и здоровыя. А все равно всѣ – подъ кожей – скелеты. И стануть

скелетами. Все равно.

– Но жизнь... безконе-е-е-ечная-а-а-а...

Лямину захотѣлось броситься на шею Маріи. Крикнуть: дѣвчонка! Ты свѣтлая! Чистая! И я тебя люблю! Такъ люблю!

Тутъ же криво, кособоко усмѣхнулся надъ собой. Изматерилъ себя.

«Дурень, въ бога душу...»

Священникъ взялъ высокую ноту и закашлялся. И кашлялъ надрывно, надсадно. Плохо, влажно. Хрипѣлъ. Дьяконъ за него – вдвое громче пѣлъ.

Царь, на колѣняхъ, стоялъ по лѣвую руку отъ сына, царица – по правую.

У нихъ стали иныя лица. Отъ всѣхъ нихъ, отъ рукъ и глазъ, отъ задранныхъ къ иконамъ лицъ пошелъ странный, тихій свѣтъ.

Свѣте тихій, съ ужасомъ и восторгомъ подумалъ священникъ, осѣняя всѣхъ, стоящихъ на колѣняхъ, широкимъ крестомъ.

Марія перекрестилась. Волосы вились у нея за ушами. Ляминъ стоялъ въ дверяхъ и костерилъ себя на чемъ свѣтъ стоитъ.

«Ты что, остолопъ, стать на колѣни уже не можешь?! Уже все, безбожникомъ сталъ, какъ всѣ?!»

«Кто – всѣ? Они же вотъ – не стали!»

Марія обернулась. Сквознякъ медленно текъ сквозь ея тонкое платье, тонко, неслышно пошевеливая его.

Ляминъ опускался на колѣни медленно и мучительно, стыдно.

«Стыдно мнѣ. Стыдно. Забылъ, какъ это оно все бываетъ!»

И все-таки перекрестился – крюча пальцы, ломая душу.

##

...За чаемъ царь и докторъ Боткинъ – странно, запальчиво и страстно разговорились.

Александра, чтобы не мѣшать, быстро допила чай и ушла, шелестя юбками; дѣвочки тоже ускользнули, одна Нюта Демидова угрюмо и услужливо собирала со стола чашки и тарелки, относила на кухню. Да и Нюта исчезла.

Царь видѣлъ: докторъ Боткинъ немало нервничалъ. У него руки мелко тряслись, какъ у пьяницы.

– Вотъ скажите, ваше величество, вы ведете дневникъ?

Царь поднялъ плечи, потомъ опустилъ медленно и тяжело.

– Веду, Евгенийъ Сергѣичъ. Какъ всегда. Въ тетрадь пишу. А что?

– А то, что ваши писанія – отберуть у васъ и сожгутъ, и – въ печку!

– Да кто отбереть? – подергалъ усы. – А впрочемъ, кто-нибудь да отбереть.

– Теперь ничего нельзя писать. Ничего, вы понимаете, ни-че-го! Не дай Богъ вы запишете то, что будетъ этимъ... противъ шерсти. Вы знаете, одного мальчонку, гимназиста, разстрѣляли лишь потому, что въ его тетрадкѣ – по логикѣ ли, по ариѳметикѣ, Богъ вѣсть – нашли стихи: «Лучше намъ царя съ свининой, нежели Ленина съ кониной!» И взяли мальчонку, и – къ стѣнкѣ...

– Кто вамъ это рассказалъ?

Глаза царя глядѣли скорбно, лучисто, невѣряще.

А руки сжимались въ кулаки: руки – вѣрили.

– Да кто угодно! Да это и неважно! Важно то, что это – правда! Видите, сколько смертей вокругъ! Красные – сѣятели смерти. И вы прекрасно видите, чѣмъ они эту всеобщую смерть оправдываютъ.

– Ну, чѣмъ? Чѣмъ?

Царь разсѣянно взялъ со стола пустой стаканъ и грѣлъ объ него, уже остывшій и пустой, растерянные руки.

– Своими дурацкими лозунгами! Припомните-ка ихъ воззванія. Ихъ рѣчевки. Ножъ въ спину великой революціи! Отрубимъ головы контрреволюціонной гидрѣ! Сотремъ въ порошокъ приспѣшниковъ империализма! Задушимъ ненавистныхъ буржуа! И это, это ихъ коронное... знаменитое!.. миръ хижинамъ, война дворцамъ...

Царь прижалъ пустой стаканъ къ щекѣ, будто у него болѣлъ зубъ.

– Милый, я это все знаю и безъ васъ.

– Комиссары говорятъ солдатамъ: голодь, голодь, кричите вы, голодь! Развѣ это голодь? Вы хлѣбъ жрете, водку пьете. Голодь – это когда несчастная мать сходить съ ума, убиваетъ своего ребенка, рѣжетъ его на куски, варить и ѣсть! Вотъ это – голодь!

Царь темнѣлъ лицомъ.

– Жизнь потеряла цѣнность! Жизнь – обезцѣнилась! Любая! И любого, самага жалкаго

и нищаго крестьянина, и солдата, и слесаря, и моя, и ваша! Да, ваша! Ваша! Ваше величество, они всѣ – истерики! Они науськиваютъ толпу. Они брызгаютъ злобной слюной! Они обратились не къ добру человѣческому, а – къ пороку, къ дьяволу въ человѣкѣ. Они поняли: дьяволъ въ человѣкѣ близко сидитъ, ближе, чѣмъ Богъ. И давай къ дьяволу зывать! И давай кричать: убивай, грабь, это правильно, это – хорошо! И всѣ, всѣ... повѣрили...

Стекла очковъ доктора Боткина запотѣли. Онъ сдернулъ ихъ съ носа и нервно, крѣпко протиралъ великанскимъ фуляромъ.

– Зачѣмъ вы мнѣ все это сейчасъ-то говорите?

Голосъ царя тоже нервно, невольно подскочилъ до крика.

– Простите, ваше величество. Простите! Но я больше не могу молчать. Не могу молчать! Они врутъ, что они хотѣли для страны – хорошо! Для нихъ, тамъ, наверху, народъ – вродѣ мотыги, лопаты! Имъ они сгребаютъ навозъ! Они убиваютъ офицеровъ. Они срубаютъ башки крестьянамъ. Они устраиваютъ облавы по городамъ... да, по городамъ... и тянуть въ свои адскія конторы женъ и дѣтей тѣхъ, кто нынче въ Бѣлой Гвардіи... и – подъ ножъ! подъ топоръ! подъ пулю! И хорошо еще, если – подъ пулю. А то – пытаются. Я знаю!

– Откуда вы знаете?

– Знаю!

– Пытаютъ...

– Наслаждаются! Вы знаете, что самое, самое наслажденіе для черни – видѣть невыносимыя страданія ближняго!

– Чернь... У меня была не чернь. У меня былъ – народъ!

– Народъ?! Значитъ, вы не знали своего народа, ваше величество, не знали! А ѣда? Что вы ѣдите на завтракъ, обѣдъ, ваше величество?! Что – мы всѣ – ѣдимъ?!

– Какъ – что? Ыду!

– И это – ѣда?! Этотъ ржаной, клеклый, кислый хлѣбъ, съ опилками, съ мусоромъ, да туда намѣшаны жмыхъ, солома, куриный пометъ, я не знаю что... А вѣдь по деревнямъ – хлѣбъ – есть! У насъ такіе урожаи были въ послѣдніе годы передъ этой... красной чумой! На Вяткѣ, на Волгѣ, на Камѣ...

– Внизъ по Волгѣ-рѣкѣ, съ Нижня-Новгорода... – тихо вышептали губы царя.

– Куда они дѣли хлѣбъ?! Мясо?! Всѣ подъ красными – перешли на фунтовый паскъ! А заводы? Кто сейчасъ работаетъ на заводахъ? Да никто! Всѣ рабочіе – поразбѣжались! Кто въ деревню... кто поденщикомъ... кто въ эту Красную Армію... кто куда...

– Милый докторъ, другъ мой, – губы царя подъ сѣдымъ сѣномъ усомъ едва подрагивали, – да откуда у васъ всѣ эти свѣдѣнія?

– Ваше величество... мнѣ – братъ пишетъ...

– И письма – не люстрируютъ? Странно.

– Можетъ, и вскрываютъ конвертъ! Но мнѣ – даютъ читать.

– Навѣрняка вскрываютъ. Боже, гдѣ законъ?

Царь щелкалъ ногтемъ по пустому стакану.

– Гдѣ законъ Божій, лучше сказать. Не человѣческой, но Боговъ! Да вотъ бѣда, Бога-то теперь – нѣту!

– Какъ такъ – нѣтъ?

– Нѣтъ, и все! И все!

На вискахъ доктора показались мелкія прозрачныя капли. Онъ промокалъ ихъ шелковымъ фуляромъ.

– Но для насъ Онъ есть навсегда.

– Для насъ – да. Но мы, ваше величество, мы – уже не Россія.

– А что такое – мы?

И тутъ Боткинъ, тяжело, какъ на бѣгу, дышавшій, сталъ опускать голову. Опускалъ, опускалъ ее – и опустилъ: царь видѣлъ лишь его блѣдный мокрый лобъ и лысѣющее темя. И выжалъ изъ себя, выкряхтѣлъ:

– Мы... уже ни здѣсь, ни тамъ... мы – нигдѣ...

– Но вѣдь въ нигдѣ человѣкъ не можетъ быть, – сказалъ царь, прекратилъ стучать ногтемъ по стакану – и улыбнулся.

Хороша всегда была эта его улыбка. Ясная. Истинно праздничная. И вмѣстѣ печальная. Смирренная. Онъ улыбался и ясно смотрѣлъ на Боткина. Потомъ отвелъ глаза къ окну, и улыбка голубемъ слетѣла съ его лица и улетѣла.

– Можетъ, государь.

Голосъ Боткина былъ тяжелъ, какъ молотъ, а воздухъ вокругъ отзванивалъ призрачной наковальной.

#

Тучи. Онѣ опять налетѣли.

Они всѣ боялись непогоды такъ же, какъ предстоящаго сраженія бѣлыхъ и красныхъ. Сюда идутъ бѣлые, красные начинаютъ бояться, ура! Но и они боялись; они воображали себѣ битву, и пулеметный огонь, и крики, и кровь, и себя въ этой гущѣ смертей. Выживутъ ли? Освободятъ ли ихъ? Сквозь тучи пучками били солнечные лучи – въ лица, въ крыши. Имъ опять открыли окно, и они столпились и видѣли лишь рѣшетку. Пристально разсматривали ее. Пашка привела съ собою трехъ бабъ, и онѣ вчетверомъ мыли полы, почти не отжимая тряпки и размазывая воду по всему дому, и вода затекала подъ шкапы, подъ кресла, подъ кровати. Пашка накручивала тряпку на швабру и съ тихими проклятьями совала швабру подъ кровати царей. Александра Ѳедоровна чувствовала себя какъ въ госпиталѣ. Только не она ухаживала за ранеными, а за ней, раненой въ сердце, и рана на-вылетъ, ходили чужіе злые люди.

Алексѣй кричалъ:

– Папа, тучи! Я вижу ихъ за этой бѣлой краской! Вижу!

– Ничего, на Балтикѣ вонь сколько тучъ лѣтомъ летаетъ. Полетаютъ и улетятъ.

Прислушивались, не грохочетъ ли канонада. Всѣ отдавали себѣ отчетъ: въ бойнѣ они могутъ погибнуть. Алексѣй гордился: это будетъ славная смерть!

– Папа, я тоже буду сражаться, если наши воины придутъ!

– Мы всѣ будемъ.

Онѣ не спорилъ съ сыномъ. И не переубѣждалъ его.

Полы вымыли, и солнце залило Домъ. Царица сѣла въ кресло, Марія усѣлась у ея ногъ на маленькую скамеечку съ Писаніемъ въ рукахъ. Сегодня она читала Второе посланіе къ Коринѣянамъ святаго апостола Павла.

– Любовь долготерпитъ, милосердствуетъ, не ищетъ неправды, но сорадуется истинѣ.

Мама, ну что ты!

Ловила и согрѣвала руками ледяныя руки матери. Взглядомъ искала въ ея глазахъ слезы.

– Ты замерзла! Ты заболѣла!

– Нѣтъ, доченька. Я здорова.

– Тебѣ нужно горячаго чаю!

Побѣжала на кухню. Тамъ у холодной плиты стояла Пашка. Злобно глядѣла на печную дверцу. Не успѣли отзавтракать, и скоро обѣдъ. Опять дрова, опять топить. Кухонная баба – послѣ всѣхъ сраженій, послѣ Галиціи и Польши! Такъ вотъ чѣмъ все заканчивается! Грязными тарелками!

Сзади вздохнули. Пашка обернулась. А, эта пышногрудая стержовная княжна! Мишкина мечта. Близокъ локотокъ, да не укусишь.

– Ну что?

Въ животѣ боль повернулась, и еще, и еще разъ, хитро затихла.

Подумала смутно: только бы не закровянило.

Сберечь хотѣла ребенка? Выкинуть? Еще сама не знала. А только страшно стало.

– Ничего. Что вы мнѣ грубите!

– А что съ тобой церемониться.

Другъ противъ друга, молодья, крѣпкія, красивыя. И обѣ – будто крестьянки изъ одного села.

– Разогрѣйте кипятку!

– Сама грѣй. Вонъ чайникъ, вонъ вода въ ведрѣ.

Кивнула на ковшъ и ведро.

– Да огня нѣтъ!

– А ты растопи.

Уже, не стѣсняясь, растягивала потрескавшійся большой ротъ въ побѣдной улыбкѣ.

Марія побѣжала за дровами. Принесла вязанку, придерживая обѣими руками у груди. Грязныя полѣнья тѣсно прижимались къ шелковому платью, къ кружевному переднику. Пашка смотрѣла, какъ Марія присѣдаетъ у печки, какъ умѣло, знающе сначала суетъ въ нее вѣтки и щепки, зажигаетъ спичку, поджигаетъ пустую коробку изъ-подъ папиросъ, что валялась рядомъ съ кочергой. Какъ дуетъ на пламя. Осторожно подкладываетъ дрова.

Огонь завылъ. Застоналъ. Пашка нагло похлопала цесаревну по плечу.

– Вижу. Умѣешь. Ну и откуда ты такая умѣха?

– Насъ всему папа училъ. У насъ въ Зимнемъ дворцѣ и въ Царскомъ Селѣ тоже были печи. Мы же не на облакахъ жили.

Встала съ коротчекъ. Прямо и гордо глядѣла на Пашку.

– Вонъ какъ! У нихъ во дворцахъ! А у насъ, значитъ, въ избенкахъ!

– Я и въ госпиталяхъ печи топила.

Пашка не выдержала. У нея сорвалось это.

– Скоро на облакахъ будете жить!

Съ наслажденьемъ смотрѣла на бѣлѣющее лицо этой крѣпкой, сильной дѣвчонки.

– Это мы еще посмотримъ, кто гдѣ будетъ! Городъ – скоро – отъ васъ освободятъ!

Пашка, не помня себя, схватила кочергу.

– Катись отсюда шибче!

Марія повернулась, взяла чайникъ, налила въ него ковшомъ воды изъ ведра и поставила чайникъ на плиту. Посмотрѣла на Пашку, будто взрѣзала ея лицо стерильнымъ, презрительнымъ скальпелемъ. Еще легко присѣла передъ печью, открыла дверцу, глянула на гудящій красный огонь. И только тогда ушла.

Пашка размахнулась и бросила кочергу въ уголъ. Она зазвенѣла. Отъ печной кладки отвалился кирпичъ и бухнулъ объ полъ.

... – Мама, я поставила чайникъ на огонь. Онъ очень большой, но я налила мало воды, сейчасъ она закипитъ.

– Спасибо, голубушка.

Тата подошла и спросила:

– Мама, тебѣ почитать изъ «Дѣяній апостоловъ»?

Мать шевелила губами, и шопотъ мерцалъ:

– Если я обладаю всѣми сокровищами міра, а любви не имѣю... то я мѣдъ звенящая или кимваль бряцающей...

Тата сѣла на кровать, погладила лежащую на кровати Библию, какъ любимаго звѣрька.

Она пошуршала желтыми, заляпанными воскомъ страницами, легла на кровать на животъ и стала читать, и мать смотрѣла, какая у нея узкая гибкая спина и широкія бедра, и прикидывала: легко будетъ рожать. Да, она думала о каждой изъ дочерей, какъ она будетъ ихъ замужъ выдавать и какъ онѣ понесутъ и будутъ рожать. Четыре дочки, шутка ли, внуковъ будетъ – цѣлый полкъ! Ну, дѣдъ-полковникъ у нихъ уже есть. Только бы бѣлые офицеры освободили ихъ! Только бы чехи пришли и согнули бы, растоптали этихъ красныхъ, краснорожихъ!

– Мама, а кто такой Ермаковъ?

Тата замолчала. Водила глазами по святой страницѣ. Мать пожала плечами.

– Солдатъ?

– Комиссаръ, – Марія сидѣла на скамеечкѣ, обхватила себя руками за плечи. – Я помню его. Онъ былъ у насъ нѣсколько разъ. У него лицо юродиваго.

...Цесаревичъ принялъ ванну опять. Онъ уже самъ влѣзалъ и вылѣзалъ изъ нея. Гулъ ветхозавѣтныхъ строкъ висѣлъ въ воздухѣ, какъ самолетный гулъ. Артиллерійскіе выстрѣлы сотрясали ночи. Во дворѣ караульные тоже стрѣляли: или веселились, или выслѣдили врага. Юровскій появлялся, лицо у него чернѣло, будто обугленное: безсонное. Рядомъ съ нимъ мотался человекъ дикаго вида, съ волосами, торчащими вокругъ лица торчкомъ и ползущими по щекамъ черными и сѣрыми змѣями, съ выпученными бѣлыми глазами; Юровскій называлъ его: «Товарищъ Петръ». Они оба то уходили, то приходили. Вотъ опять ушли; и вновь отворилась парадная дверь, и голосъ Юровскаго рѣзко взлетѣлъ вверхъ по лѣстницѣ: «Мы поѣхали въ Коптяки!» Потомъ дверь хлопнула, и все стихло.

Опять приходили бабы, ими командовала Пашка; тащили ведра, тряпки и швабры, на сей разъ мыли полы аккуратно, воду не лили, тряпки отжимали тщательнo. Пахло содой и хлоркой, какъ въ госпиталѣ. Царица крестилась. Пришелъ мастеръ и выворачивалъ перегорѣвшія лампочки и вворачивалъ новыя. Въ караульную привезли ящикъ папиросъ и ящикъ водки. Тата и Марія подходили къ Юровскому и просили его: разрешите намъ попользоваться фотографическимъ аппаратомъ, мы хотимъ снять другъ друга на фонѣ яблони-китайки въ саду! Юровскій рѣзко сказалъ: забудьте разъ и навсегда про аппаратъ и не приставайте ко мнѣ съ глупыми просьбами! И отвернулся, и курилъ передъ открытой форточкой.

...Юровскій почистилъ щеткой сапоги, ею же почистилъ тужурку. Ляминъ спросилъ его: куда вы, товарищъ комендантъ? Онъ отвѣтилъ: въ «Американскую гостиницу». А что тамъ? Любопытство свое прибереги, оно тебѣ еще понадобится, огрызнулся Юровскій. Такъ же, какъ и храбрость. А впрочемъ, давай сопровождай меня въ гостиницу. У меня тамъ въ номерѣ совѣщаніе. Есть, товарищъ комендантъ.

И пошли. Вечеръ, уже звѣзды. Далеко стрѣляютъ. Это уже чехи? Нѣтъ, это еще не чехи. Это наши отряды отбиваются отъ царскихъ сволочей. Не дрейфь, мы все равно побѣдимъ. Все равно!

А зачѣмъ мы такъ поздно идемъ въ эту гостиницу? Юровскій долго думалъ, отвѣчать или нѣтъ. Я тебя на шухерѣ хочу поставить. Мы будемъ обсуждать, кто хочетъ принять

участіе въ... ну самъ знаешь въ чемъ. Не знаю. Не прикидывайся полнымъ дуракомъ. Ты, вотъ ты, да, хочешь самъ разстрѣлять царя?

Царя? Да, царя. Не знаю. А долженъ знать. Тѣ, кто на совѣщаніе придеть, они уже знаютъ. Это тѣ, кто хочетъ, подчеркиваю. Мы не неволимъ. Но слишкомъ тяжелъ его кровавый шлейфъ, слишкомъ долго тянется по землѣ. По всей землѣ, не только по Россіи. Вы приговорили его? Развѣ былъ судъ? А развѣ сама революція – это не справедливый судъ? Я вотъ буду стрѣлять. Я не могу его не разстрѣлять. Я буду стрѣлять ему прямо въ сердце. Чтобы не мучился. И каждый возьметъ на себя кого-то. Мы ихъ распредѣлимъ другъ по другу. Назначимъ, кто – кому.

Ляминъ изо всѣхъ силъ держался, чтобы не упасть. Сильно кружилась голова.

И дѣвочекъ распредѣлите? Какіхъ дѣвочекъ? Дочерей кровопійць? Пока онѣ свои мѣха и алмазы на себѣ таскали, по баламъ вертѣлись, народъ – на плаху – жизни клалъ? Голодалъ? Мерзь? Трясся въ окопахъ? Погибалъ подъ пулями, подъ ядовитымъ газомъ? Пока этого гнилого мальчонку икрой да устрицами кормили, въ сливкахъ и въ шампанскомъ купали – крестьянскіе дѣти подышали на лавкахъ, шубами прикрытые, подъ себя ходили, скелеты?! О чемъ ты говоришь, Ляминъ! Тебѣ – жалко?

Нѣтъ. Нѣтъ. Мнѣ – не жалко.

Вралъ себѣ. Вралъ Юровскому. Ночь, хорошо, спасибо ей, обнимала лицо, фонари почти всѣ погашены, и можно кусать губы и даже кусать руку, чтобы не заорать. Зачѣмъ объ руку зубы чешешь, Ляминъ? Что ты какъ волкъ! Комаръ укусилъ, товарищъ комендантъ.

Смутно видѣль, сквозь дымъ то ли табака, то ли сна, а можетъ, ужаса, номеръ въ гостиницѣ. Тужурку Юровскаго, скинутую и брошенную на неряшливую кровать. Кричали: я царя возьму! Я! Оралі: да, въ сердце, въ сердце! Человѣкъ съ выпученными глазами, лохматый, какъ паршивая собака, по-собачьи трясъ башкой и восклицалъ: нѣтъ, мнѣ его! Мнѣ! Онъ – мой личный врагъ! Онъ – меня на каторгу услалъ! Мнѣ его дайте! Дымъ вился и заслонялъ лица. Оставались только оружіе голоса. Голоса схлестывались и падали на полъ. Разбивались, какъ плохіе, съ трещиной, стаканы. Откуда-то явилась водка, ее наливали въ кружку, а кое-кто сложенные ладони подставлялъ. Хлебали какъ воду. Закусывали своими матерками. А гдѣ мы захоронимъ трупы? Эту задачу мы рѣшимъ! Она непростая. Юровский, а ты кого возьмешь? Старуху. Въ сердце ей? Да, въ сердце! А я думалъ, ты ее хочешь помучить. За Распутина. Да за то, что она, сука, евреевъ не пускала дальше огненной черты. Нѣмка дерьмовая. А ты знаешь, что ни нѣмцевъ, ни евреевъ, ни русскихъ, ни украинцевъ нѣтъ, а есть только міровой пролетаріатъ и дерьмовые цари? Знаю. Я все знаю!

Григорій, а ты кого? Я – цесаревича. Медвѣдь! Кого ты! Я – Марію. Она, это, такая, ну, самая видная! Рослая дѣвушка! Хорошая мишень! Эхъ, зачѣмъ мы ихъ всѣхъ перестрѣляемъ! Стариковъ – да, надо, а дѣвокъ-то?! Лучше ихъ въ лѣсъ увезти... въ твои Коптяки.. и тамъ... А ужъ потомъ...

Пространство вокругъ Лямина обратилось въ скопище летучихъ мышей и сѣрыхъ, съ синими пятнами на спинѣ, проворныхъ гадюкъ. Изъ стѣнъ вылетѣли черные вороны и стали клевать людей въ глаза, въ затылки. По лбамъ, по шеямъ полилась кровь. Люди кричали и отмахивались отъ птицъ. Снимали сапоги и швыряли ихъ въ напирющую ниоткуда гадость. Дымъ заволакивалъ міръ, и дымъ застывалъ, какъ чья-то сѣдая, чудовищная, мраморная борода. Крючили хвосты раки, облѣпленные жутко пахнущей тиной. Человѣкъ напротивъ, смѣясь, курилъ, а по его рукѣ ползъ хамелеонъ, такихъ тварей Ляминъ видѣлъ въ дѣтствѣ въ самарскомъ бродячемъ циркѣ. Черви лѣзли изъ ушей и изо рта, черви падали сквозь дымъ и шлепались у ногъ, и обвивали щиколотки, и сапоги раздавливали ихъ и скользили по сукровицѣ, по лиловымъ ошметкамъ мигъ назадъ еще живого.

Сгинь, пропади, – хотѣлъ крикнуть Ляминъ, а вмѣсто этого неожиданно выкрикнулъ: Марію – мнѣ! Я! Мнѣ оставьте! Его двинули по плечу и выкричали въ отвѣтъ: а что! И сможешь! Съ кулака, толкнувшаго его въ плечо, посыпались крошечные змѣиные дѣтки. Змѣеныши ползли по плечамъ Лямина, по рукавамъ, заползали подъ обшлага. Онъ закричалъ очумѣло: чортъ! Куда вы лѣзете! Прочь, прыгайте вонъ съ меня, вонъ! И стряхивалъ съ себя гадюкъ, будто предсмертно обирался. А вокругъ зычно, гортанно хохотали: ты, упился съ одного стакана, да развѣ жъ ты силачъ, ты же слабакъ, а – какъ тамъ?! Тамъ-то какъ?! Завтра?!

А развѣ уже все завтра, растерянно бормоталъ Ляминъ, развѣ все уже завтра будетъ? Да, оралі ему, да, завтра! А онъ все стряхивалъ съ себя змѣенышей и вопилъ: прочь, вонъ, вонъ отсюда! Я не вашъ! Я самъ свой! Я ни съ кѣмъ!

Смѣялись вокругъ: ты не такой?! Да ты же точно такой! Точно такой же, гадкій и скользкій, ты приспособился, чтобы выжить въ заварухѣ, и весь міръ стоитъ на кровавыхъ кишкахъ, и ты тоже змѣенышъ и вырастешь и станешь змѣемъ, дай срокъ, вотъ застрѣлимъ одного змѣя и его змѣенышей – и будемъ такіе, какъ они!

А гады все ползли и падали, шевелились и расплзались по полу, и люди стояли и качались на волнахъ, на морѣ нечисти, ноздри залѣпляло погаными запахами, и Ляминъ только повторялъ одно, какъ спятившій: «Я – Марію! Я! Я – Марію! Мнѣ – Марію!» – и люди вокругъ него стали медленно обращаться въ чудищѣ, у нихъ изъ лицъ полѣзли длинные, какъ змѣи, носы, и пальцы вились змѣями, и волосы тоже, и ноги росли, утоньшались и змѣями изгибались, – и они стали ложиться на полъ, обползать вокругъ Лямина, чудовищныя, огромныя, людскія змѣи, онѣ ложились штабелями и живыми черными, синими срубамы, его запирали, какъ въ тюрьму, въ срубъ изъ змѣй, и онѣ заорали дико: «Нѣтъ! Я никогда не буду такимъ! Марія! Лучше я самъ тебя убью!» – а сквозь дымъ протягивались змѣи рукъ, змѣи выползали изъ глазъ и протыкали дымъ насквозь, и Ляминъ не выдержалъ этого, змѣиный дымъ забилъ ему носъ и ротъ и легкія, и онѣ упали на полъ, плывя по волнамъ гадкихъ узкихъ спиныхъ, переплывая море ужаса, и зная, что – не выплыть ему.

##

...царь, въ постели лежа, по привычкѣ думалъ вслухъ, и жена наостряла уши: вотъ Боткинъ сказалъ – чернь, и правда – чернь, власть черни, власть не народа, а самой настоящей черни, вѣдь они все врутъ, они кричатъ: свобода печати! – и закрываютъ сотни, тысячи прежнихъ газетъ, они вопятъ: долой смертную казнь! – а сами косятъ изъ ружей, изъ нагановъ, изъ пулеметовъ людей направо и налево; они хрипятъ: долой войну! – а сами развязали такую войну, жутче которой нѣтъ никакой въ цѣломъ свѣтѣ: гражданскую, и Россію устилаютъ трупы, и не построишь изъ тѣхъ труповъ ни дворца, ни храма, ни зиккурата, ни мавзолея. А труповъ столько, что изъ нихъ можно сложить мертвый городъ; мертвую крѣпостную стѣну, отгораживающую насъ отъ Европы или, можетъ, Китая. И трупы будутъ гнить и смердѣть, и ни одинъ человѣкъ къ той ужасной стѣнѣ не подойдетъ. И такъ, родная, мы будемъ жить долго. Долго.

А что будетъ потомъ, родной?

А потомъ мы пойдемъ съ тобою работать на заводъ, Sunny. Просто – на заводъ. На Злоказовскій, на Путиловскій. И встанемъ къ станку. И надъ нами будетъ стоять надзиратель, и у него въ одной рукѣ будетъ плетка, въ другой – наганъ. И, если мы замѣшкаемся и будемъ отлынивать отъ работы, онѣ сначала ударитъ, потомъ – выстрѣлитъ. Ибо кто не работаетъ, тотъ не ѣсть, сказалъ апостоль Павелъ.

А это апостоль Павелъ сказалъ?

Или ихъ попугай Ленинъ. Да не все ли теперь равно.

Царица заплетала жидкіе волосы въ косу, а царь продолжалъ тихо, размѣренно говорить: гдѣ наши холмогорскія коровы? Гдѣ наши орловскіе рысаки, владимірскіе тяжеловозы? Знаешь, darling, они запрягаютъ орловскихъ рысаковъ въ телѣги, телѣги нагружаютъ неподъемно, хлещутъ благородныхъ лошадей по бокамъ не кнутомъ, нѣтъ, – палками, жердями, – и забиваютъ до смерти. Я бы самъ сталь этой лошадей! Самъ! Чтобы смотрѣть на людей, бьющихъ меня, ея влажнымъ, кроткимъ глазомъ. Гдѣ наше молоко, родная? Гдѣ бочки со сливочнымъ вологодскимъ масломъ? Съ архангельской семгой? Съ каспійской осетровой икрой? Господи! Господи! Евгенийъ Сергѣичъ получилъ наемни письмо. Ему пишутъ изъ Петрограда: въ Гатчинѣ въ звѣринецъ явились красные люди, наставили на безвинныхъ звѣрей ружья и всѣхъ – всѣхъ до одинаго, слышишь – перебили. И это – свобода? Это – новые люди? Гнусность это, а не люди! Мерзость! И они же – насъ – мерзостью старой, отжившей – считаютъ... плюютъ намъ вослѣдъ, когда мы – по коридору – въ нужникъ идемъ...

Царица блѣднѣла, краснѣла. Клала ладонь на лобъ.

А царь все говорилъ, размѣренно и мѣрно, какъ священникъ съ амвона, будто этими рѣчами и вправду могъ облегчить себѣ душу: я вижу, вижу, родная, что все сбывается, всѣ – намъ – предсказанія, всѣ пророчества исполняются, и намъ не надо бояться, хотя я понимаю, страшно, страшно, да. Но кто не страшился? И кто не плакалъ въ ночи? Они всѣ сволочь. И мы для нихъ – сволочь. Мы – сволочь другъ для друга. Какъ бы они ни прикрывались маской любви, это всего лишь маска. Они говорятъ: пройдетъ десять, двадцать, тридцать лѣтъ, и Россія станетъ великой державой! Какъ будто она не была, уже не была великой державой. А они – и черезъ тридцать, сорокъ, пятьдесятъ лѣтъ всѣ будутъ – сволочь. Сволочь всегда остается сволочью, она не перекраивается. Если ихъ метлою погонять съ нашей земли, они еще ожесточатся. Они должны дорѣзать недорѣзанное. И – доворовать недоворованное. Они начали съ разбоя – а закончатъ разбоемъ еще большимъ, ужаснѣйшимъ. Если Добровольческая Гвардія ихъ побѣдитъ – уходя, они споютъ такую осанну смерти, какую еще не слыхалъ міръ.

Царица медленно поворачивала къ царю голову на подушкѣ и тихо говорила: хватитъ,

будеть, довольно, успокойся, не бойся.

И онъ поворачиваль лицо къ ней, улыбался и шепталъ ей: не бойся.

И она шептала: обними меня.

И онъ, улыбаясь, сотрясаясь всею спиной, всѣмъ нутромъ отъ сухихъ, безслезныхъ рыданій, крѣпко, крѣпко обнималъ ее.

##

...Княжонъ и слугъ разобрали. Каждый – по себѣ. Павелъ Ереминъ на собраніи тоже былъ. Мрачно молчалъ. Всѣ говорили, а онъ молчалъ, и надъ бровями у него блестяль мелкій потъ, какъ приклеенныя къ картонному Дѣду Морозу елочныя стеклянныя блестки.

Ему кричали: а ты кого?! Онъ молчалъ. Потерявшаго разумъ Лямина оттащили на диванъ, водки больше не давали, натирали виски гвоздичной мазью – у фельдшера Юровскаго въ безсмѣнномъ портфельѣ нашлась, таскаль съ собою еще съ медицинскихъ временъ. А кто еще будетъ, кромѣ насъ? Латыши изъ ЧеКа. Ну это хорошо, все подмога. А ты что, не мѣткій стрѣлокъ? Мнѣ ихъ всѣхъ въ рядъ поставь – всѣхъ изъ одного револьвера положу!

Всѣхъ не положишь, въ револьверѣ шесть патроновъ, а ихъ – семеро.

Юровскій подобрался и сжался. Слушали внимательно. Запоминали все до слова. Въ полночь во дворъ въѣдетъ грузовое авто. Въ немъ будетъ сидѣть товарищъ Петръ. Ермаковъ, ты слышишь? Да. Ты отпустишь шофера. Да. За руль сядетъ Люхановъ. Да. Мы разстрѣляемъ ихъ и на грузовикѣ увеземъ въ лѣсъ ихъ трупы.

Да.

Какъ мы будемъ возвращаться? Городъ опасенъ. Насъ подстрѣлять. Ты трусь. Вы всѣ сами трусы. Вы хотите, чтобы насъ убили и все рухнуло къ чертямъ? Нѣтъ. Расходимся поодинокѣ. Движемся окольными улицами. Разсчитываемъ время. Встрѣчаемся всѣ въ караульной.

А гдѣ все это будетъ, товарищъ комендантъ? Что? Ну, это. А, это. Я самъ еще думаю. Я все скажу вамъ завтра. Въ послѣдній моментъ! Врешь. Послѣдній моментъ – это когда твой послѣдній мигъ наступаетъ. Наверъхъ вы, товарищи, усѣ по мѣстамъ! Послѣдній парадъ наступайтъ! Не кривляйся. Хватить калякать. Все уяснили. Всѣ запомнили? Да. Врагу не сдаецца... нашъ гордый «Варягъ»!.. пощады... никто... не жала-ить...

И онъ подаль съ дивана слабый, игрушечный, ненастоящий голосъ:

– Пощады... никто не желаетъ...

– Эхъ ты, а Мишка-то пробудился! Твоя, Мишка, казнь – стаканъ водки, ему больше не наливать! Ну, попробуй только промажь!

Михаилъ закрыль глаза. Теперъ онъ искусно, хитро притворился спящимъ. И даже чуть захрапѣль.

«Пусть имъ будетъ все равно, тутъ я или нѣтъ меня».

##

ИНТЕРЛЮДІЯ

Ну что жъ, давай поговоримъ, дорогой.

Ты задумаль снова дѣлать революцію.

Богатые мѣшаютъ тебѣ?

Это ты самъ хочешь быть богатымъ и такъ же распоряжаться деньгами, домами, машинами, яхтами, одеждами, сигаретами, винами и всѣми земными благами, какими распоряжаются въ мірѣ богатые.

Ты говоришь: частная собственность – гиль. Народъ долженъ владѣть заводами, фабриками, нефтью и газомъ, золотомъ и углемъ. Долой толстопузаго банкира! Долой магната – денежный мѣшокъ! Ты повторяешь, какъ попугай, то-и-дѣло, бесконечно, день за днемъ, годъ за годомъ: отобрать и подѣлить, отобрать и подѣлить. Отобратить богатства у богатыхъ и подѣлить ихъ поровну между всѣми. Вотъ оно, возжеланное равенство!

Хорошо. Отобратить. Подѣлить. А что ты еще, дорогой, предлагаешь?

Ты съ готовностью открываешь ротъ. Ты не молчишь. О, ты еще тотъ краснобай. Ты вдохновенно декламируешь: «Великая имперія отъ Владивостока до Гибралтара на базѣ русской цивилизації!» Ты тутъ же выпаливаешь: «Мы ненавидимъ лютой ненавистью безчеловѣчную троцку: капитализмъ, либерализмъ и демократію!» Вотъ ты уже встаешь передо мной. Вотъ ты уже кричишь, и я гляжу на твою крупную, хорошей правильной формы, большую голову, на гладкую, какъ зеркало, лысину, на лицо крупной лѣпки – хороший

скульпторъ могъ бы выстѣчь его изъ мрамора, отлить изъ бронзы: «Мы видимъ свою миссію на этой землѣ въ разрушеніи государственной системы до основанія!»

Милый, гдѣ-то я это уже слышала. Кто-то эту пѣсню уже пѣлъ. Стройный, мощный, слитно звучащій хоръ.

Весь міръ насилья мы разрушимъ
До основанья, а затѣмъ...

Я не спрашиваю тебя, что будетъ потомъ, когда вы разожжете революцію и возьмете власть.

Я и такъ это знаю.

Сначала вы будете убивать тѣхъ, кто не съ вами. Кто – противъ васъ.

Да даже и тѣхъ, кто – не противъ, а просто молчитъ.

Вы будете убивать ихъ долго, долго, потому что вездѣ вамъ будутъ чудиться ваши враги.

Ну, а потомъ вы будете строить новую іерархію. Ибо, какъ извѣстно, нѣтъ общества безъ іерархіи. Ибо всѣ неравны. Не правда ли, дорогой?

Ты поднимаешь рюмку водки, мигаешь мнѣ, усмѣхаешься и быстро водку выпиваешь. Слегка морщишься. Ты привыкъ хорошо выпивать и хорошо закусывать. Это все получилось потому, что твоя родина дала тебѣ возможность заработать денегъ. Хотя, ты помнишь, въ твоей жизни были времена, когда ты, твоя жена и дѣти ѣли на завтракъ, обѣдъ и ужинъ только жаренную на салѣ картошку. Только жареную картошку, и безъ хлѣба. Да, такіе тяжелые были годы, не хочется вспоминать.

Соленый свѣжій вѣтеръ рветъ и гнетъ салфетки въ хрустальной вазѣ на столѣ.

Ты говоришь мнѣ: я пью за тебя, и за то, чтобы тебѣ въ новой Россіи, съ нами, когда мы сдѣлаемъ нашу революцію, было хорошо и привольно!

Рядомъ съ моей фарфоровой ресторанный тарелкой тоже стоитъ рюмка, и въ ней – ледяная водка. Но я не поднимаю рюмку. Я смотрю поверхъ тарелки, поверхъ холодной рюмки на тебя.

Ты весь холодный, прозрачный, увѣренный, мощный, чистый, честный, какъ эта чистая тарелка, какъ эта горькая рюмка.

Ты немного мнѣ нравишься. Не такъ, какъ женицинь нравится мужчина. Ты нравишься мнѣ, какъ матери – ея родной ребенокъ: своей чистотой, сіяніемъ прозрачныхъ, чуть навывкатъ, глазъ. Своей увѣренностью въ вашей побѣдѣ.

Ты серьезно настроенъ выгнать поганой метлой теперешнюю власть, взять ее, какъ коша, за шкуру.

Кого посадить на тронъ? Себя?

«Да нѣтъ, зачѣмъ себя. У насъ есть много умныхъ людей, которые будутъ править много лучше, чѣмъ я».

Ты берешь съ тарелки устрицу, высасываешь ее изъ панцыря. Опять чуть морщишься. Наливаешь себѣ водки изъ запотѣлаго графина. Хорошо жить. Хорошо имѣть деньги въ карманѣ. Эй, официантъ! Еще графинчикъ! Хорошая водочка у васъ тутъ!

И къ водочкѣ – можетъ-быть, черная икорка найдется? Нѣтъ? Ну красная точно найдется? Точно! Я такъ и зналъ! Тащи.

Официантъ несетъ на поднось водку и закуски. Все въ міръ повторяется. Это все уже было когда-то. И еще будетъ. Съ другими, непонятными нами. Въ другихъ вѣкахъ.

Я знаю, дорогой, что ты мнѣ сейчасъ скажешь.

Я знаю все до слова.

Болѣе того: я знаю, почему ты скажешь мнѣ именно это.

«Пытать и вѣшать, вѣшать и пытать, – говоришь ты мнѣ съ очаровательной улыбкой, она такъ по-дѣтски морщитъ твои красивыя губы. – Посадить и разстрѣлять! Буржуемъ быть опасно, Россія будетъ красной! Для насъ навсегда: серпъ и молотъ и звѣзда! Застрѣли буржуя въ спину! Онъ не лучше, чѣмъ скотина! Сегодня – съ листовкой, завтра – съ винтовкой! Вставай, проклятемъ заклеименный! Ленинъ возвращается, краснзнаменный! Вооружайтесь, насъ трогать не смѣть! Вооружайтесь, капитализму – смерть! Скоро, скоро выстрѣлить „Аврора“! Вставай, поднимайся на бой! Революція придетъ за тобой!»

Я понимаю: я должна все это прекратить.

Но я какъ во снѣ. Я не могу раскрыть ротъ, чтобы крикнуть тебѣ: хватитъ! Довольно!

Я ничего не могу сказать.

И, можетъ, уже никогда не смогу.

И тогда я встаю. И беру со стола графинъ, полный холодной водки. И размахиваюсь,

и бросаю его за бѣлую, мраморную балюстраду ресторана. Веранда ресторана нависает надъ моремъ, и графинъ весело летитъ въ тяжелую, съ бѣлыми гребнями, соленую синеву.

И я беру фарфоровую тарелку съ устрицами и швыряю ее вслѣдъ за графиномъ.

Я обрѣтаю даръ рѣчи.

Я говорю тебѣ съ милой улыбкой: море тоже хочетъ выпить. Отобратъ и подглыть, такъ? Устрицы тоже хотятъ свободы. Онѣ не хотятъ, чтобы ихъ жадно сожрали подъ водку. Буржуемъ быть опасно. Но Россія не будетъ красной. Она это слишкомъ долго проходила и слишкомъ хорошо затвердила. Заучила, дорогой, наизусть. Записала кровью у себя на ладоняхъ.

##

...Юровскій пришелъ въ Домъ первымъ. Его руки стали жить отдѣльно отъ него: шевелиться, когда не надо, дергаться, вертѣться, то шалить, то отчаянно, больно ломаться. Онъ не понималъ, что у него съ руками. Даже спросилъ ихъ: руки, что такое съ вами?

Руки молчали. Имъ нечего было сказать.

Шелкнулъ выключателемъ. Мертвый свѣтъ полился изъ-подъ потолка. Столъ въ комендантской былъ заваленъ оружіемъ. Винтовки и револьверы лежали на роялѣ. Лежали на полу. Громоздились въ деревянныхъ ящикахъ. Они слишкомъ долго готовились къ этой ночи, чтобы можно было поскудиться на оружіе.

Послѣдняя ихъ война со старымъ миромъ. Эта казнь неизбежна. И ему, эй, руки, ему очень жалко дѣвочекъ. И этого большого мальчишку. Очень, руки, не дергайтесь! Надо выпить успокаивающихъ капель. Никакая водка не помогаетъ. Вонъ ея цѣлый ящикъ стоитъ подъ роялемъ. Но – солдатамъ – только послѣ исполненія приговора. Иначе, косые и веселые, они въ лампу попадутъ, въ подоконникъ, окна пулями разобьютъ, а въ лобъ и въ сердце – никому. Жизнь! Вотъ такъ она заканчивается. Что вы бѣситесь, руки? Какого чорта вы такъ разгулялись?

Чернильница на столѣ сама брызнула чернилами. По стѣнѣ проползъ огромный паукъ, на спинѣ у него мерцалъ чудовищный крестъ. Гдѣ ты это все сотворишь? И сотворилъ Богъ небо и землю, а въ какой тамъ день? Не все ли равно.

Есть одна комнатенка. Рѣшетка на ея окнѣ. Она рядомъ съ кладовой. Кладовая, тамъ складъ вещей прежнихъ хозяевъ, и тамъ очень много, онъ заглядывалъ, этихъ православныхъ сладкихъ иконъ. У иныхъ изъ нихъ такіе жуткіе глаза! Круглые, громадные, страшные. Поглядить такая на тебя – и вмѣсто души у тебя – водки стаканъ. А какъ Лямина-то развезло. Изъ гостиницы онъ – подъ ручку съ Ереминымъ пойдетъ. Ереминъ самъ вызвался съ нимъ итти.

Ночной городъ. Медленные шаги. Тьма. А если враги все прознали про ихъ планъ? И всѣхъ – поодинокѣ – пока они, змѣи, черви, ползутъ до Дома – ухлопаютъ, всѣхъ до одного? Не наклади въ штаны, комендантъ Юровскій. У тебя есть еще латыши. Много латышей. За тобой вся ЧеКа. За тобой – на томъ концѣ прямого провода – товарищ Ленинъ и товарищ Свердловъ. Они видятъ: ты выбираешь мѣсто казни. Они видятъ сквозь пространство и время, потому что они – гении. Лбище Ленина! Острый взглядъ товарища Якова! Они видятъ – будущее. Не твое, нѣтъ, сдался ты имъ. Они видятъ будущее цѣлой страны, и во имя его надо пожертвовать этими нѣжными дѣвочками. Этой старой матерью, старой сукой, выкормившей столько нѣжныхъ породистыхъ щенятъ.

Руки, прекратите эту пляску. Руки, да вы что! Никогда съ вами такого не случилось. Комната, кажется, выбрана. Имъ самимъ. Имъ однимъ. Комната, лучше не придумаешь. Почти подвалъ. Почти земля. Зажжемъ свѣтъ, а его не видать. Будемъ выпускать пули – а ихъ не слышать. То, что надо! Заплотъ у насъ высокій. Деревья... вѣтви густыя...

А что они у меня будутъ наутро жрать, руки? А? Вся эта солдатня! Вся разстрѣльная команда. Голодные мужики. Голодные и, возможно, пьяные. До водки они все одно доберутся. Нужна ѣда. Кровь изъ носу, нужна ѣда! Придется опять послать къ монашкамъ. За молокомъ и за яйцами. Пусть наложатъ цѣлую корзину яицъ. И пусть несутъ осторожно, не побьютъ. Руки! Цыцъ!

И ноги тоже задрожали. Выбрыкивали. Выкидывали колѣнца. Это признакъ пляски святого Витта, малой хорей. Зачѣмъ она у меня? Ну-ка поди вонъ! Капельки, давайте, капайте.

Юровскій взялъ стаканъ и добылъ изъ шкапа пузырекъ капель съ опиѣемъ. Онѣ утишаютъ боль. А эта боль его – особаго свойства. Онъ же не чудовище. И не желѣзный рельсъ. И не безмозглый камень. Онъ живой, и онъ понимаетъ: завтра онъ убьетъ живыхъ людей.

Сколько онъ уже убилъ! Но здѣсь особъ статья. Здѣсь – царь, и его жена, и дѣти. Онъ убиваетъ цѣлый миръ. Онъ одинъ.

Гордость захлестнула его. Дьявольская, неистовая гордость и радость. Такое бываетъ – разъ въ тысячу лѣтъ! Съ людьми! Со временемъ! Половицы въ коридорѣ проскрипѣли. Онъ думалъ – кто-то первый до Дома добрался. Залпомъ выпилъ опій, шагнулъ къ двери, открылъ. Пашкина спина качалась въ ночи, въ дыму. – Эй! Стой! – она остановилась. Не оборачивалась. – Ты куда? Пашка все стояла, ея глаза упирались въ стѣну. Юровский самъ подошелъ къ ней. – Что молчишь? Взять ее за плечо. – А вы что тутъ ночуете? Повернулась къ нему лицомъ. Скулы ея ярко горѣли. Какъ двѣ тусклыхъ электрическихъ лампы. – Ничего. Нельзя, что ли? – Гдѣ боецъ Ляминъ? – Зачѣмъ спросила? Живъ твой Ляминъ, здоровъ. Да пошелъ онъ. – Злой вы сегодня. – Да и ты не добрѣе. Пашка тряхнула плечомъ, чтобы сбросить руку. Юровский плечо не отпускалъ. Рука дергалась. – Что у васъ руки дергаются? – Не твое дѣло. Зубы тоже стали выбивать дробь. Онъ положилъ другую руку ей на другое плечо. И эта рука дрожала. И тогда Пашка поняла. Ноги ея онѣмѣли и налились дикой тяжестью. Губыплыли, пытаюсь улыбнуться и ободрить. Такъ стояли долго. Коридоръ молчалъ. Бойцы все не шли изъ далекой, словно во снѣ приснилась, прокуренной дешевой гостиницы. Юровский сильнѣе вцѣпилъ въ плечи Пашки и рывкомъ притиснулъ ее къ себѣ. Потянулъ ее за локоть. Она вся была какъ ватная. Оба вошли въ комендантскую, и Юровский повернулъ съ жесткимъ лязгомъ ключъ въ замкѣ.

#

Михаилу будто что-то рѣзко стукнуло въ голову, и онъ проснулся. Гостиница, сговоръ въ табачномъ дыму, гады и змѣи чудились ночнымъ кошмаромъ. Шесть утра, какъ всегда. Онъ всегда открывалъ глаза въ шесть утра, даже если ложились въ пять. Подремать часокъ, а потомъ въ шесть ноги скинуть съ койки. «Въ Буянѣ вставали и того раньше. Отецъ подымался въ четыре. Софья сразу за нимъ. Къ скотинѣ бѣжали, Софья – за водой. Бѣдная Софья! Какъ она тамъ? Голодуеть? Какъ выживаетъ? Да – жива ли? Можетъ, надругались надъ ней? Разодрали ее, какъ лягушку злые дѣти. Коли такъ – пусть сгорятъ твари въ аду! Адъ... Да есть ли онъ?» Ляминъ уже сомнѣвался въ существованіи ада. Можетъ-быть, міры перевернулись и, играючи, помѣнялись мѣстами, и вмѣсто ада теперь рай, а земля, оказавшись въ сѣрой пустотѣ, сама стала адомъ? Чтобы хоть чѣмъ-то быть, остаться. Часы въ гостинной проббили шесть разъ. Ледяной звонъ медленно плыль по дому, проникая въ самые тайные, жучиные, крысиные и мышьиные углы. Мицкевичъ, Мошкинъ, Логиновъ и Корякинъ спали. По двое на койкахъ. У окна, на двухъ разстеленныхъ ветхихъ одѣялахъ, спалъ Сашка Люкинъ. Чмокалъ во снѣ. Всегда такъ сладко спалъ, что тебѣ младенецъ, пушкой не добудишься. Дверь, хищно проскрипѣвъ, отворилась, и вошла Пашка. Не въ кухонной юбкѣ – въ своихъ старыхъ, съ лампасами, военныхъ галифѣ. Отъ нея пахло мыломъ. – Проснулся? Ну вотъ и гоже. А я готова. – Куда готова? У Пашки былъ странный, ровный и выпѣтшій голосъ. Слишкомъ спокойный. Онъ сидѣлъ на койкѣ босой, ноги еще портянками не обмоталъ. «Мнѣ повезло, на койкѣ сплю. А иные тутъ, въ домѣ, спятъ на чердакѣ, въ сараѣ и въ подвалѣ этомъ затхлому, на полу, безъ матраца. Ребра упражняютъ». Смѣшокъ воробьемъ вылетѣлъ изо рта. – Надо мной хихикаешь? – Пашка подняла плечо. Черезъ плечо глядѣла. – Досмѣешься. – Паша, ты опять. Ну будетъ тебѣ. Я надъ своимъ. Вотъ радуюсь, какъ человекъ сплю. Какъ господа. Пашка одернула гимнастерку.

– Теперь нѣтъ господь. Забудь про господь.

– Забылъ, – вскочилъ съ койки, шагнулъ къ ней.

Обнялъ, съ утреннимъ привѣтомъ, а она стоитъ какъ статуя. Эта, господская, мраморная, у книжного шкапа въ гостиной.

«Статуя голая, а Пашка одѣтая».

Пашка придирчиво обвела комнату острыми лисьими зрачками.

– А гдѣ Летеминъ и Клещевъ? И Дерябинъ? И Бабичъ? Въ церковь, что-ли, побѣжали?

Ляминъ обкручивалъ портянками ноги. Голыя лытки отсвѣчивали синимъ. «Какъ у замороженнаго въ погребницѣ цыпленка. Раздѣлывать меня можно. Порубить и въ супъ». Опять хохотнулъ.

– Что ты ржешь, какъ конь, съ утра? Водки, можетъ, дать?

Огрызалась уже зло. Ляминъ осторожно всунулъ обмотанную портянкой ногу въ сапогъ.

– А у тебя есть?

– Есть.

– Пей сама.

– И выпью.

Пашка добыла изъ кармана штановъ съ лампасами початую сороковку, отодрала пробку и на глазахъ у Лямина крупно, соблазнительно глотнула.

«И не закусываетъ вѣдь, стервь. У мужиковъ научилась. Да она сама давно ужъ какъ мужикъ стала».

Разсматривалъ ее, словно камень съ дыркой, куриного бога. Развернулъ другую портянку.

– Поторапливайся. Возишься. Я кашу ячневую на всѣхъ сварила.

– Ахъ ты наша повариха.

Напялили другую сапогъ и поморщился: слишкомъ туго портянку намоталъ. Пальцами поигралъ въ сапогъ. «Ничего, расхожусь».

– Гдѣ накрыла?

– Въ столовой.

– А развѣ не будемъ ждать, когда эти проснутся? – кивнулъ на дверь. – Мы же всегда съ ними столуемся.

– Сегодня Юровскій велѣлъ намъ пораньше управиться. Все? Обулся?

Ляминъ всталъ на ноги и потопалъ, утрамбовывая ноги въ сапоги. Улыбнулся Пашкѣ, уже хорошо, свѣтло. Ей одной.

– Пашуль, да что ты мрачная какая?

– А что веселиться.

Лицо ея было слишкомъ блѣдно, выпито. Будто ночь провела безъ сна, то ли цѣловальную, то ли за молитвой, у кіота. «Пашка, кошка, всегда надъ Богомъ смѣется! Смѣлѣе Пашки только красные генералы, что войско въ бой ведутъ! Ей бы до генерала дослужиться – цѣны бы ей не было! Жаль, бабъ въ генералы не берутъ».

Чувствовали: у ней какая-то мысль въ головѣ копошится, вредная вошь. Свербить.

«Но не скажетъ никогда, хоть упросись. Сама скажетъ, потомъ».

– Въ рукомойникѣ вода есть?

– Есть, я нанесла.

Пошелъ умываться и долго фыркалъ. Черезъ открытую дверь видѣлъ – въ комнатѣ товарищи завозились, стали вставать, одѣваться. Люкинъ спалъ одѣтый, ему легче всѣхъ: всталъ, ладонями растерся и побѣжалъ. На Люкина иногда находило: растѣлешится до пояса, выйдетъ во дворъ, хлещетъ на себя колодезной водой изъ ведра и чиститъ зубы господскимъ мѣловымъ порошкомъ. «Гдѣ взялъ порошокъ-то?» – «А у дѣвчонокъ украсть». – «Ну и какъ на вкусъ?» – «А ты попробуй!» – «А чѣмъ дѣвки зубешки чистятъ?» – «Ничѣмъ! Онѣ и такъ хорошо пахнутъ».

Никакихъ полотенецъ давно не водилось. Ляминъ промокнулъ лицо рукавомъ. Будто водку мануфактурой занюхалъ.

– Все? Готовъ? Идемъ.

Въ столовую уже стекались красноармейцы. Вся охрана: и наружная, и внутренняя.

«Господи, какъ насъ много, – съ изумленьемъ думалъ Ляминъ, – и такую прорву народу Пашка одна кормить! Медаль ей».

Сперва похотывали, разсаживаясь, гремя стульями; потомъ притихли. Пашка взгромоздила на столъ кастрюлю съ кашей и гору тарелокъ. Брякнула связкой ложекъ. Ложки, тарелки солдаты вмигъ расхватили.

– Ложки не у всѣхъ! – крикнулъ молоденькій Антонъ Бабичъ.

– Не цари! Перебьетесь.

– А што, черезъ край хлебать?

– Черезъ край!

Пашка зачерпывала половником кашу и бухала въ подставленные тарелки. Бойцы ъли; кто сосредоточенно, кто сонно, кто жадно, кто нехотя, кто – перекидываясь шуточками.

Другъ другу – пустыя тарелки передавали.

– Соли мало!

– А ты вспотѣй да каплями полей, вотъ и солено станеть.

– Или сбрызни чѣмъ другимъ!

– Слезками, слезками!

– Ищо наплачемси.

– Ты, весельчакъ! Все слопаль? Быстро же!

– А долго ли умѣючи.

Охранникъ Ваня Шулинъ обернулъ искромсанное шашкой лицо къ Пашкѣ:

– Безъ царей скушно. Съ ними весело. У нихъ изъ тарелки можно попробовать! А то и подѣсть.

– А что, оголодалъ?

Пашка стукнула Шулина поварешкой по крутому бычьему лбу.

– А бывшіе-то когда встанутъ?

Павель Ереминъ и Костя Добрынинъ, изъ наружной охраны, ъли, то-и-дѣло пихая другъ друга локтями въ бока.

«Какъ дѣти. Мы тутъ всѣ дѣти. Еще не наигрались. Гдѣ наши цацки?»

Пашка собирала со стола грязныя тарелки, ловко складывала въ неряшливую фаянсовую горку.

– Какъ обычно. Въ восемь, въ девять. Внутренняя охрана – быть всѣмъ на своихъ мѣстахъ! Стоять передъ комнатами, арестованныхъ сопровождать къ завтраку!

«Ого, Пашка, какъ фельдфебель ореть. Красный командирь! Нѣтъ, сдѣлаеть баба армейскую карьеру».

Думаль о ней отрѣшенно, ледяно и пусто. Вдругъ ощутилъ боль и жжение ниже кишокъ.

«А болитъ у меня по ней. Ноеть. Хочу ее. Все равно».

«Да хочешь ее, потому что больше рядомъ никого нѣтъ!»

И холодный голосъ откуда-то изъ-подъ потолка прозвенѣлъ еле слышно, какъ далекіе часы:

«И не будетъ».

– Расходись на посты!

«А меня-то что беспокоить? Кошмары снились».

Когда понялъ, что гостиница и сговоръ не приснились ему – изъ его лица наружу, какъ изъ печи, стало вырываться тяжело гудящее пламя.

Ищъ спальни царей донеслась еле слышная Херувимская пѣснь. Быстро смолкла.

Видно, тихо, шопотомъ молились.

...Ляминъ прошелъ вмѣстѣ съ Бабичемъ, Мошкинымъ и Лодей Логиновымъ къ царской спальнѣ. Бабичъ нахально отворилъ дверь. Не совсѣмъ, а такъ, немного, чтобы видно было, что внутри творится. Семья стояла на колѣняхъ, вся. Царь истово крестился передъ кіотомъ, клалъ земные поклоны. Съ его лица съ остроугольными, выпирающими подъ кожей скулами обильно текъ потъ. Онъ его не отиралъ. Старуха тяжело опустила голову, шарила глазами по половицамъ, губы ея медленно шевелились. Дѣвушки крестились быстро-быстро, будто сейчасъ не успѣютъ – и все, и грѣшницы навѣкъ. Мальчонка, наоборотъ, держалъ головенку прямо, слишкомъ гордо. «Заносчивый. Даромъ что отца развѣнчали. Этому дай власть – и онъ ее возьметъ и крѣпко удержитъ».

«Какая власть, окстись! Дитя. И больной весь насквозь. Пашка сказала, это болячка такая, до свадьбы не доживеть».

– Молются, – прошепталь Бабичъ.

– Антошка, а ты чо, никогда не молился?

– Я и щасъ молюсь.

– Ну вотъ видишь.

...Сапоги застучали внизу. Ляминъ перегнулся черезъ перила.

– Юровскій идетъ.

– Стража! На кра-уль! – Пашка гаркнула, чтобы Юровскому было слышать: тутъ у насъ дисциплина.

Юровскій поднимался по лѣстницѣ. Сапоги его были мокры, къ нимъ прилипли грязь и тополиные листья. Онъ поймалъ низкій, ползущій по полу взглядъ Лямина.

– У насъ надъ домами дождь прошумѣлъ, товарищъ Ляминъ. Слѣпой! Солнце горить, а дождикъ трещить. Вотъ, весь вымочился. – потрепаль себя по мокрой головѣ. – Зато бодрить. Охрана поѣла?

– Такъ точно, товарищъ комендантъ.

- Ну вот и славно. А... арестованные?
- Нѣтъ еще, товарищ комендантъ.
- Такъ кормите ихъ!
- У нихъ свои повара. И подавальщики свои.
- Однакоже вы вмѣстѣ съ ними все лѣто столовались.
- Такъ точно, товарищ...

Михаиль поймалъ слово.

«Столовались. Онъ говорить о нихъ въ прошедшемъ времени. Въ прошломъ».

Потъ влажно обвернулъ его лобъ и шею. Онъ облизнулъ губы, и губы тоже стали влажными.

- Дѣйствуйте. Пусть пьютъ свой чай, сколько хотятъ. И дайте имъ погулять.
- Такъ мы даемъ!
- Вволю погулять, вволю.

Юровскій отодвинулъ рукой стоящаго прямѣе штыка Лодьку Логинова и шагнулъ черезъ порогъ, въ спальню. На него пахнуло смѣшаннымъ, тревожащимъ запахомъ духовъ, смятыхъ постелей, старушей лаванды, что клали въ шкапы отъ моли, сердечныхъ капель, сиропа, ландыша, ржаного хлѣба, прибереженнаго въ ящикѣ – а вдругъ завтра голодь.

Ляминъ глядѣлъ въ спину Юровскому.

Пустая бутылка изъ-подъ французскаго коньяка стояла на комодѣ. Въ бутылкѣ торчали засохшія вѣтки сирени. Рядомъ, въ баночкѣ изъ-подъ кольдкрема, раскрывалъ цвѣты ландышъ.

– Духота тутъ у васъ! – твердо, скорѣе весело, чѣмъ разсерженно, сказала Юровскій. – Кончайте ваши молитвы!

Дѣвочки быстро повставали съ колѣнъ. Николай тяжело поднялъ съ пола Александру. Онъ поднималъ ее медленно, постепенно, будто толстую баржу тащилъ за собой маленькій тощенькій буксиръ. Наслѣдникъ такъ и стоялъ на колѣняхъ. И головы не повелъ въ сторону Юровскаго.

«Экій гордецъ. Тяжело ему придется... смерть принимать».

Юровскій остановился напротивъ цесаревича и чуть не пнулъ его ногой.

– Гражданинъ Алексѣй Романовъ, встать, когда въ помещеніи комендантъ!

Алексѣй съ трудомъ всталъ и отряхнулъ колѣни. Молчалъ.

«Будто ждешь удара. А Юровскій и ударить бы радъ».

– Всѣ здѣсь?!

– Всѣ, – Аликсъ сдѣлала книксенъ, не изъ вѣжливости: у нея подгибались ноги. – Дочери, сынъ. Мы.

Положила руку себѣ на грудь. Юровскій разсматривалъ кружева у нея на груди.

Ляминъ тоже косился.

«Чистенькія кружева. На насъ, солдатъ, стираетъ Пашка, въ подмогу себѣ беретъ мѣстныхъ бабъ, когда идетъ на Исеть. А на нихъ кто настирываетъ? Дѣвица Демидова?»

Ляминъ съ внезапной жалостью увидѣлъ: кожа на груди царицы – въ треугольномъ вырѣзѣ – сморщенная и висячая, будто слоновая, а кружева-то желтыя, съ грязинкой по краямъ.

– Не вѣрю, – Юровскій приложилъ палецъ къ ноздрѣ, будто хотѣлъ высморкаться. – И слуги всѣ? Кого-то я точно недосчитываюсь.

Развернулся на каблучкахъ, вышелъ за порогъ. И вдругъ опять вошелъ. Взялъ мальчика за подбородокъ. Царицыно оплывшее тѣло все пошло одной крупной волной, но она устояла, не ринулась защититъ.

– Ты, ребенокъ, – раздѣльно, хорошо выговаривая всѣ согласные, сказалъ Юровскій. – Ты уже не ребенокъ. А ты знаешь, что бога нѣтъ? Вашего – бога – нѣтъ? А если онъ и былъ, то мы его уничтожили. На радость будущимъ поколѣніямъ.

Ляминъ глядѣлъ, какъ выступаютъ капли пота подъ коротко стриженными волосами Алексѣя. «А у него на носу веснушки. У Маріи тоже. И у этой ихъ... младшенькой...»

– Богъ... есть, – такъ же жестко, внятно, раздѣливъ пропастью ледяной паузы оба слова, отвѣтилъ цесаревичъ.

Юровскій засмѣялся. Смѣхъ залязгалъ въ полной тишинѣ.

– Ну, вѣрь, вѣрь. Вѣрьте всѣ!

Снова вышелъ. Не оборачиваясь, сказалъ, и голосъ ударился о стѣну въ полосатыхъ обояхъ:

– Пріятнаго аппетита.

Еще шагнулъ: одинъ, другой шагъ. Ляминъ снялъ фуражку и вытеръ потъ. На него цесаревичъ смотрѣлъ такъ пристально и прозрачно, всѣ потроха просвѣчивалъ, разглядывалъ внутри Лямина сердце, печень, легкія, селезенку. Юровскій шелъ по коридору. Цари

смотрѣли ему вслѣдъ черезъ открытую дверь. Уже далеко отъ спальни Юровскій опять остановился, и теперь уже кинулъ черезъ плечо, черезъ воздухъ и духоту, какъ обсосанную кость – семи приبلуднымъ собакамъ:

– И счастливо прогуляться.

...Юровскій ходилъ по дому и открывалъ каждую дверь. Если дверь была закрыта, приказывалъ найти и принести ключъ. Охранники бѣгали по коридору туда-сюда.

Цари шли въ столовую – завтракать. Старуха пріосанилась. Вела за руку сына. Онъ еле шелъ – нынче самъ шелъ; сильно хромалъ. Николай, блѣднѣе обычнаго, вздувалъ на скулахъ желваки. Его волосы, зачесанные на-бокъ, сивѣли и сѣдѣли день ото дня. Борода, цвѣта селедочныхъ молокъ, неряшливо топорщилась въ разныя стороны.

– Ники, у тебя отросла борода. Надо подстричь, darling.

– Му Sunny, я подстригу. Сегодня же. Спасибо, что сказала.

– Ты совсѣмъ не смотришься въ зеркало.

– Я смотрю на иконы, любимая.

...Въ столовой разсѣлись, какъ всегда: царь и Александра Ѳедоровна рядомъ, два голубя; по правую руку отъ царя – Ольга, по лѣвую руку отъ царицы – Анастасія. Татьяна слѣва отъ младшей. Цесаревичъ справа отъ старшей. И праворучъ отъ Алексѣя – Марія.

«Маша, Маша, что за каша? Приготовила мамаша. Маша, Маша, жизнь наша – то ли щи, а то ли каша!» Онъ глупо напѣвалъ внутри себя нелѣпныя, дѣтскія, простыя слова. Слова время отъ времени приходили, наваливались и мучили его. А иногда радовали, но радость гостила недолго.

Кашу, овсяную и жидкую, разливала дѣвица Демидова. Въ бѣломъ фартукѣ, съ вѣчнымъ испуганнымъ выраженіемъ испитого лица. Будто ей исподтишка, изъ-подъ скатерти, взяли да и показали крупную длиннозубую крысу. И пообѣщали: тебѣ на голый животъ посадимъ и тазомъ прикроемъ.

– Нюта, спасибо, мнѣ много! Я столько не съѣмъ.

– Съѣшьте, ваше величество.

– Нюточка, и мнѣ чуть-чуть.

– Ваше высочество, надо ѣсть кашку по утрамъ.

Демидова, разливая сопливую кашу, кажется, глотала слезы.

«Что они всѣ? Что нынче въ воздухѣ виситъ? Вѣрно, изъ-за Исети гроза идетъ. Чортъ, а птицы высоко летаютъ!»

– А гдѣ поваренокъ Леничка Сѣднень? Онъ всегда завтракаетъ и обѣдаетъ вмѣстѣ съ нами!

Цесаревичъ вспыхнулъ и поугрюмѣлъ.

– Его забрали отъ насъ. Онъ приходилъ ко мнѣ прощаться. Нынче, передъ завтракомъ.

Они всѣ слышали, какъ по всему дому открываютъ и закрываютъ двери. Гдѣ дверныя пружины были тугія – дверь рѣзко хлопала, издавая звукъ выстрѣла. Дѣвочки вздрагивали, а мальчикъ – нѣтъ. Онъ старательно ѣлъ кашу, съѣлъ, взявъ кусокъ ржаного, отломилъ корку и сталъ ею возить по тарелкѣ, собирая овсяную слизь. Затолкалъ корку въ ротъ и жевалъ, жевалъ. Потомъ сморщилъ ротъ и схватился за колѣно.

– Что, солнышко?!

Старуха выронила ложку, и она выпачкала кашею скатерть. Демидова вынула изъ кармана салфетку и быстро вытерла за царицей.

– Ни... чего, – кряхтя, пытался улыбнуться цесаревичъ, – просто... больно...

Марія наклонилась надъ ногами брата. Отогнула скатерть. Колѣно замѣтно, толсто выпирало изъ штанины.

– Мама, у него опять все опухло.

– О, donnerwetter!

Мать пощупала колѣно мальчика. Ея рука превратилась въ шелкъ, въ льющееся молоко еле сдерживаемой ласки.

– Милый, ты только не волнуйся.

– Я не волнуюсь. Я привыкъ. Я инвалидъ. Я все знаю.

– Ты не инвалидъ! Ты хорошій здоровый мальчикъ. Только ты пока долженъ немного побережись. Слышишь?

Демидова унесла на кухню пустую кастрюлю.

– Мама, а почему съ нами сегодня не завтракаютъ солдаты?

Вопросъ Маріи повисъ въ жаркой пыльной пустотѣ. Всѣ молчали. Вытирали салфетками несытые, пустые рты.

– Мама! – Анастасія повысила голосъ, будто бы мать оглохла и не слышала ее. – А почему намъ сегодня не принесли яицъ? И молока?

Старуха сжимала пальцами ручку подстаканника. По пальцамъ, по запястьямъ бѣжали

морщины, какъ мелкіе муравьи, сливаясь въ темныя дорожки.

– Ich weiß nicht, mein Schatz.

Дѣвица Демидова вошла въ столовую. Она держала передъ собой, какъ колючаго ежа, крынку. По выгибу крынки сверху внизъ сползала бѣлая капля. За Демидовой семенила маленькая, какъ дѣвочка или старушка, монахиня въ круглыхъ смѣшныхъ очкахъ съ плоскими стеклами. На одномъ стеклѣ очковъ сидѣлъ крошечный черный жукъ. Монахиня выпятила нижнюю губу и сдула жука съ линзы. Большая корзина оттягивала ей руку.

– Яйца! Яйца! – захлопала въ ладоши Татьяна. – И молоко! – обернулась къ Анастасіи. – Что, съѣла!

– Сейчасъ съѣмъ, – нашлась сестра. Всѣ за столомъ захохотали. Перевели духъ.

– Благодарю, милая! – царица обернулась къ монашкѣ и схватила ее за руку, и чуть не поцѣловала эту руку, и сама себя испугалась. – Молитесь тамъ за насъ!

– Ужь молимся, ваше величество...

Царь заглянулъ въ корзину. Приподнял бѣлую бязь.

– Ого-го! Да тутъ яицъ на цѣлую роту! – улыбнулся, зубы желто блеснули. – Давайте угостимъ охрану.

– Съ ума сошелъ! – царица грудью легла на столъ и глядѣла на мужа, какъ на несмышленища. – Это же все намъ принесли! Монахини тогда откажутъ ихъ намъ носить! Простите, – она подняла обрюзглое лицо къ монашкѣ, – великодушно!

Монашка перекрестилась и поклонилась.

– Да развѣ я вольна васъ прощать, это вы можете прощать меня, а не я васъ.

– Папа, я хочу сырое яйцо! – весело крикнула Татьяна.

– Я тоже! – выкрикнула Анастасія.

– Всѣмъ раздайте по яйцу! – крикнулъ царь.

Ляминъ смотрѣлъ, какъ Демидова ходитъ вокругъ стола и кладетъ на скатерть яйца.

– Дѣти, вы можете разбить яйцо и взболтать его въ стаканѣ! – крикнула царица.

– А сколько еще осталось въ корзинѣ? – Ольга заглянула туда.

Марія сидѣла передъ своимъ яйцомъ и угрюмо смотрѣла на него. Потомъ стала крутить его на скатерти. Яйцо вращалось медленно, трудно.

– Намъ хватить на цѣлую недѣлю!

– Ну скажешь тоже...

– Мама, вели Нютѣ ихъ спрятать!

– Надо на холодъ, на жарѣ они протухнуть...

– Молочко-то пейте, не жалѣйте, – тонко пропѣла монахиня, – я еще двѣ бутылки принесла!

Демидова пригладила и безъ того залезанные жирные волосы обѣими руками.

– Прошу всѣхъ подставить стаканы!

Дѣти подставляли пустые стаканы, и Демидова наливала въ нихъ молоко изъ крынки. Тугая струя перевивалась въ воздухѣ, бѣлизна отсвѣчивала небесной синью.

– Бываетъ молоко желтоватое, а бываетъ синеватое. А бываетъ розовое.

– Анастаси, ты это серьезно?

– Дѣти, не препирайтесь, а пейте. Когда я ѣмъ, я глухъ и нѣмъ!

Они пили, припавъ губами къ стаканамъ.

Они пили, а Ляминъ глоталъ.

Онъ такъ давно не пилъ молока.

«Надо бы Пашкѣ сказать, пусть на рынокъ сходить. Я ей даже крынку пустую найду. Въ кладовой. Тамъ много вещей Ипатьева лежить. Тамъ даже есть корыто. И дѣтская ванночка. И три баташовскихъ самовара, съ клеймами, мѣдныхъ, позеленѣлыхъ. И крынки стоятъ, еще какія крѣпкія. Какъ пушечные снаряды. Въ трехдюймовку заложи – и выстрѣлить, и полетитъ. И еще цѣль поразить. Молока хочу! Молока!»

Слюни текли, какъ у пса. Анастасія первой выпила свой стаканъ и засмѣялась. Монашка погладила ее по головѣ.

– Допейте, ваше высочество, тутъ на доньшкѣ осталось.

Цесаревичъ выпилъ молоко, съ трудомъ, морщась отъ боли, всталъ, сдвинулъ каблуки и четко, по-военному, сказалъ:

– Благодарю всѣхъ.

Демидова опрокинула крынку надъ стаканомъ младшенькой великой княжны.

Марія поймала ладонью едва не укатившееся по столу прочь яйцо. Одной рукой яйцо держала, какъ пойманную птичку, другой закрыла лицо.

#

Гуляли послѣ завтрака. Сходило съ ума небо. То ярко и плотно, празднично синѣло, то затягивалось сѣрыми лоскутами тучь, то грохотало далекимъ громомъ и пылало зарницами, то, вновь очищаясь, улыбалось людямъ ясно и печально. Сто измѣненій. Сто лицъ природы. Такое они видѣли впервые. Лѣто! Красивое, вольное, свободное лѣто. Для кого-то. Для нихъ – безумная, глупая мечта за пеленой известковой метели.

Алеша, ты вѣдь чуть простуженъ, ты мѣрилъ температуру, все ли хорошо? О да, мама, все чудесно! Я вполне здоровъ! Не вполне, у тебя насморкъ. Надо закапать капли въ носъ. Тѣ, что докторъ Боткинъ прописалъ? Да, ихъ! И мы съ Ольгой сейчасъ тоже примемъ лекарство! Она тоже кашляетъ, и носъ у нея не въ порядкѣ!

Мама, не бойся, свѣжій воздухъ еще никому не повредилъ!

...Пришли домой. Сидѣли, читали.

Татьяна читала матери изъ Писанія. Нѣжный голосъ Таты усыплялъ, ворожилъ. Будто не изъ Библии читала, а изъ оперы Чайковского арию пѣла.

– И пойдетъ царь ихъ въ плѣнъ, онъ и князя его вмѣстѣ съ нимъ, говорить Господь...

Царица смотрѣла не на предметы, не на стѣны, иконы и живыя лица – она смотрѣла внутрь себя.

И она видѣла внутри себя пустоту и ужасалась ей.

– Клялся Господь Богъ святостью Своею, что вотъ, придутъ на васъ дни, когда повлекутъ васъ крюками и остальныхъ вашихъ удами...

Прервалась. Прерывисто вздохнула.

– Мама, но это же очень страшно!

– Читай дальше.

Татьяна сжала виски пальцами. Наклонилась надъ книгой.

– Поэтому разумный безмолвствуетъ въ это время, ибо злое это время.

– Злое, злое, – шептала вдогонку царица, и сомкнутыя вѣки чугуномъ давили на больные глаза.

– Вотъ наступаютъ дни, говоритъ Господь Богъ, когда Я пошлю на землю голодь, не голодь хлѣба, не жажду воды, но жажду слышанія словъ Господнихъ. И будутъ ходить отъ моря до моря и скитаться отъ сѣвера къ востоку, ища слова Господня, и не найдутъ его...

Мать слышала, какъ дышитъ дочь. Слышала ея голосъ. Она сама родила ее, и всѣхъ остальныхъ четверыхъ; и вотъ они уже читаютъ Писаніе, и понимаютъ его, и знаютъ, что нѣтъ воли людской, а есть воля вышняя, и противъ нея нѣтъ ничего человѣческаго.

– Но хотя бы ты, какъ орелъ, поднялся высоко и среди звѣздъ устроилъ гнѣздо твое, то и оттуда Я низрину тебя, говоритъ Господь. Мама, а мы тоже орлы?

– Все, хватить, – рыдающая рука матери летѣла въ воздухъ голубкой, – больше не могу...

Тата ловила родную руку и крѣпко, больно, даже зубы въ плоть вминая, цѣловала.

...Царь молился, стоя передъ кѣтомъ жены. Безъ молитвослова: онъ много молитвъ зналъ на память. Дѣвушки слушали его голосъ, легкой, какъ щепка, которую крутить рѣчная волна. Марія встала рядомъ съ нимъ, неслышно повторяла древнія слова. Эта древность странно соединяла ихъ съ міромъ мертвыхъ и съ міромъ будущихъ живыхъ – тѣхъ, кто придетъ потомъ. За мѣдными, кимвальными звуками вставало торжественное, громадное время, его рѣчной, небесный ходъ. Непобѣдимый, мрачный, тяжелый. Свѣтлый и свѣтящийся, какъ ночами Млечный Путь надъ тайгой, надъ увалами.

Потомъ явился Юровскій, крикнулъ: «Разрѣшено еще разъ выйти на прогулку!» – и они, радостные, снова вышли во дворъ. Не всѣ – царь и дочери; мать и мальчикъ остались дома. У матери болѣла голова, она лежала въ кровати, и сынъ сидѣлъ рядомъ съ ней и держалъ ея тяжелую старую руку.

Что она говорила мальчику, когда они остались одни? Что она видѣла, закрывъ глаза, задрвавъ морщинистое лицо, подъ тяжестью бѣлаго мокраго полотенца, лежащаго на высокомъ царскомъ лбу? А вѣдь она видѣла. Горячія и соленыя рѣки текли черезъ землю ея лица. Моря глазъ покрывались льдомъ подъ холмами бровей. Водой и землей становилось ея лицо, землей и водой, – и она понимала, осознала это превращенье себя, своей плоти въ ту безсмертную матерію, изъ нея же состоитъ земля; въ то, что мы топчемъ и во что ложимся, въ то, что мы пьемъ и ѣдимъ, и чѣмъ молимся, и что ненавидимъ. Обратить это превращенье въ слова было невозможно, и она лежала и молчала, а сынъ чувствовалъ, что она куда-то уходитъ, гдѣ-то далеко отсюда идутъ ея старыя ноги, переходятъ невидимый и незыблемый мостъ. Мальчикъ сжималъ ея руку, и рука становилась то холодной, то горячей, и ему казалось: мать – это полѣно, что горитъ и сгораетъ въ жестоко, мощно разогрѣтой печи, доверху, до самага дымохода, полной сухихъ и нищихъ дровъ. Онъ все сжималъ и сжималъ эту руку, и она истончалась на глазахъ, усыхала, обездвиживалась,

превращалась въ чистую ласку, въ прощальный жестъ, въ законный плывущій воздухъ. Эта рука перевязывала раненыхъ; перевязывала его больное колѣно; ставила ему на спину жгучіе, кусачіе горчичники; писала въ дневникѣ простыми и скупыми словами повѣсть ихъ жизни, ихъ семьи. Эта рука была сама – семья; ладонь – отецъ, кровь – мать, пять пальцевъ – они, дѣти.

И мальчикъ склонялся и цѣловаль эту руку, не понимавшую, когда она умретъ, но твердо знавшую, что – нѣтъ, не умретъ. Ибо что такое тѣло? Сосудъ для горящаго масла, для вѣчной, подъ сводами, лампы? Но масло выгораетъ, и храмъ разрушаютъ, и новые завоеватели кричатъ: Бога нѣтъ! – и растаптываютъ святыню. А жизнь набѣгаетъ новой волной, и тѣ, кто убиваль, сами стоятъ на колѣняхъ, и тѣ, кто умираль, летять живыми голубями и садятся на плечи тѣмъ, кто любить и вѣрить снова.

Мама, что ты плачешь? Зачѣмъ ты плачешь опять? Пойдемъ погулять! Нѣтъ, милый дружокъ, я нынче не могу. Ты со мной, и мнѣ свѣтло. Я буду лежать и думать. О чемъ, мама? Да развѣ расскажешь? Обо всемъ. Обо всѣхъ васъ.

Онъ стираль ей слезы ладонями со щекъ, ловиль ихъ концомъ обшитаго кружевомъ батистоваго шарфа. А ты-то, сынокъ, зачѣмъ плачешь? Я старая, у меня слезы рядомъ съ глазами, а ты-то что? Мама, мнѣ кажется, эти люди что-то новое знаютъ. Мнѣ снятся телеграммы, и что ихъ громко, вслухъ читають, и читають на непонятномъ языкѣ. Это даже не языкъ, это дикіе звуки. Такъ разговаривають звѣри. А можетъ, змѣи. Тебѣ снятся плохіе сны! Надо на ночь выпить чаю съ мятой. Я попрошу Прасковью заварить тебѣ чай съ мятой. Надбюсъ, она не откажетъ мнѣ, я попрошу ее сходить въ аптеку и купить мяты. Или собрать въ саду, если она тутъ растетъ. Мама, но вѣдь у насъ нѣтъ денегъ! У насъ есть наши жемчуга и золото, милый. Я подарю ей украшенье. Мама, за чай съ мятой ты хочешь отдать этому солдату въ юбокѣ нашу семейную реликвию? Я обойдусь безъ мяты! Сбереги наше царское золото! Ты мое золото. Мнѣ ничего для тебя не жалко. И потомъ, что такое жизнь, какъ не постоянная плата и расплата?

Теперь плакаль онъ. Мальчикъ наклонялся надъ старухиной рукой и утыкался ей въ ладонь лицомъ, всѣмъ мокрымъ, щенячьимъ, больнымъ и свѣтлымъ, и мать гладила, гладила его другой рукой по нѣжной головкѣ, все гладила и гладила, все утѣшала и утѣшала, когда и утѣшенье-то уже давно растаяло, когда время замерло, умерло и свилось въ послѣдній грубый, толстокожій свитокъ.

##

Слети къ намъ, тихій вечеръ!

Кто изъ нихъ пѣль и помнилъ эти слова?

Они просто сидѣли за столомъ и просто пили чай. Кто-то коряво пробрякаль по клавишамъ рояля въ комендантской, будто по нимъ пробѣжалась хромая мышь. Все смолкло. Мышиная тишь снизошла на домъ, и въ этой тишинѣ они сначала говорили за столомъ черезчуръ громко, а потомъ стали эту тишь внимательно слушать. Потомъ царь, крупно и шумно отхлебнувъ изъ стакана, махнулъ рукой, будто отдалъ команду, и всѣмъ снова стало безпричинно весело.

– Мама, мамочка, мнѣ хочется пѣть!

– Настя, за трапезой не поють, ты же это знаешь.

Марія встала изъ-за стола, взяла съ чугунной подставки армейскій чайникъ и всѣмъ подлила кипятка.

Парь вился надъ стаканами. Нагрѣвались подстаканники. Часы били въ гостиной: семь разъ.

– Мама, ты не узнала, почему утромъ забрали Ленку Сѣднева? И куда увезли?

Царица осторожно поставила стаканъ на столъ, держа его за выгнутую въ видѣ уха ручку подстаканника и чуть, по-купечески, отставивъ мизинецъ.

– Мнѣ никто не доложилъ.

– А ты спрашивала?

– Да.

– И что тебѣ отвѣтили? И кто?

– Комендантъ отвѣтилъ: не задавайте лишнихъ вопросовъ. Я и не задавала болѣе.

Докторъ Боткинъ подаль голосъ изъ-за стакана, изъ-за клубящагося кучевымъ облакомъ пара:

– Солдатъ Ляминъ мнѣ объяснилъ. Онъ сказалъ: поваренка отпустили встрѣтиться съ дядей. Еще сказалъ: мальчикъ скоро къ намъ вернется. Я успокоился.

Докторъ сказалъ это совсѣмъ не спокойнымъ тономъ. Внутри его голоса гуляли гарь, дымъ и вѣтеръ.

Тата допила чай, поставила стаканъ, заправила волосы за уши и вдругъ спросила:
 – А это только наша революція такая страшная или всѣ революции во всѣ времена были такими вотъ? Страшными, кровавыми? Жуткими?
 Отецъ не повернулъ головы. Такъ и глядѣлъ прямо передъ собой.
 Въ стѣну, оклеенную немодными, мрачными обоями.
 – Милая, всѣ. Тутъ нѣтъ никакихъ исключеній. Это – правило.
 – Папа, а что сейчасъ дѣлается въ Москвѣ?
 Ихъ всѣхъ какъ прорвало.
 – А въ Петроградѣ?
 – А въ Царскомъ Селѣ?
 – А въ Зимнемъ дворцѣ сейчасъ кто? Что?
 – Милые, – царь сталъ глядѣть на каждого, поочередно, растерянно, дико, – мнѣ давно не приносятъ газетъ...
 – А Екатеринбургъ скоро возьмутъ наши войска? Скоро ли, нѣтъ ли?
 – Выстрѣлы же все время! Канонада!
 – А мы тутъ сидимъ.
 – Можетъ, намъ и правда бѣжать?
 Царица сжала руки надъ пустымъ стаканомъ.
 – Если мы всѣ выбѣжимъ къ воротамъ и начнемъ въ нихъ ломиться, насъ разстрѣляютъ!
 У Алексѣя и лицо, и шея стали красными.
 – Но зато мы погибнемъ какъ герои!
 Царь, напротивъ, весь бѣлый сидѣлъ.
 – Ты мечтаешь о геройствѣ...
 – Я уже ни о чемъ не мечтаю! Я просто знаю, что это – хорошо!
 Царь протянулъ руку, положилъ на колѣно сыну, хотѣлъ сжать колѣно, да вспомнилъ – оно больное. И быстро, отчаянно убралъ руку, отдернулъ, какъ отъ куска раскаленной стали.

#

Что такое игра? Это средство отъ скуки.
 Можно игрой излѣчиться отъ ноющей тоски.
 Ноетъ и ноетъ подъ сердцемъ и давить лобъ, но это не золотая тяжесть шапки Мономаха, это иное. Сѣрая, трудная тоска. Она какъ надоѣвшій гриппъ. Насморкъ хоть лѣчи, хоть не лѣчи, все равно онъ тебя одолѣетъ. А потомъ пройдетъ самъ собой. А тоска? Она – пройдетъ?
 Вѣчная скука. У нихъ есть карты. Они переиграли уже во всѣ карточные игры, что знали. Впору выдумывать новыя. И запатентовать изобрѣтенъе.
 Безикъ, вистъ, кингъ, белоть, терцъ, преферансъ. Во что сегодня? Въ безикъ. Только мы одни, мы съ тобой. Дѣвочекъ зачѣмъ пріохочивать къ этой чепухѣ. Карты, любимый, вѣдь это же сущая чепуха, это для того, чтобы убить время. Убить! Вѣрно сказано. Ну давай же его убивать.
 Они раскладывали на столѣ карты и старались весело переговариваться, и весело смѣяться, и улыбаться, а потомъ, какъ по командѣ, вразъ замолкли. Оба. И просто клали на столѣ карты, клали и клали. И перекидывали. И тасовали. И снова клали. Будто выполняли тяжелую и нудную работу, и она имъ надоѣла, а они все тасовали и тасовали, клали и клали, и вытаскивали карту изъ колоды, и опять перемѣшивали, пальцы двигались, а рты сжимались. Царица сжала ротъ въ тонкую нить. Она и въ молодости по-старчески поджимала его. За это выраженъе лица ее не любили при дворѣ, называли вѣдьмой и злокой. А вѣдь у нея были такіе ясные, небесные глаза!
 Глаза не видѣли, видѣли губы. Строго поджатые. Стиснутые.
 – Милая, ты устала?
 – Я – выиграла.
 Ровный блѣдный голосъ. Ровное дыханье.
 Болить-ли у нея голова? Не жалуется. Хорошо, что не болить. Значить, спокойно отойдуть ко сну.
 Часы пробили десять. Звонъ плылъ по комнатамъ. Звонъ бывалъ разный: то бронзово-зеленый, холодный, то рыжий и веселый, какъ гребень пѣтуха, утренній, то чисто-серебряный, то церковный, малиновый, это по праздникамъ, особенно по двенадцатымъ – на Пасху, на Троицу, – а сегодня вечеромъ звонъ былъ мѣдный, красный, мрачный и густой, плылъ по Дому крѣпкимъ виномъ, запахомъ махорки. Мѣдный звонъ. Красная мѣдь. Хорошо слушать, не глядѣть.
 – Десять, родная.
 – Пора въ кровать.

Первой изъ-за стола встала царица. Потомъ царь. Охнулъ, улыбнулся.
 – Что съ тобой?
 – Колѣно болить. Не разогну.
 – Какъ у нашего сыночка.
 – А можетъ, это отъ меня передалось! У меня-то вѣдь давно болить!
 Они оба никогда не говорили другъ съ другомъ о гемофилии цесаревича.
 Они дѣлали видъ, что это совсѣмъ другая болѣзнь.
 ...Раздѣвались медленно. Она – за ширмой. Онъ – почти беззвучно. Быстро, по-армейски. Аккуратно складывала на кресло брюки, гимнастерку. Ея платье съ шуршаньемъ падало на полъ. Она поднимала его и вѣшала на спинку стула. Кружевное бѣлье уже изношено. А наваго никто не купить; не сошьеть.
 – Милая. Я люблю тебя любую.
 – Ты радость моя. И я тебя тоже. И навсегда.
 Гдѣ это «навсегда» живеть, они не знали, да и никто на землѣ не зналъ; люди, что взяли власть, тоже думали, что это навсегда.

#

...Двое стрѣлковъ, качаясь, подъ мухой, вошли въ чужой домъ. Не пьяные, а такъ, навеселѣ; а домъ-то рядомъ съ Домомъ, гдѣ стерегутъ ихъ, этихъ, гнидь. Бойцы Столовъ и Прокуряковъ, а навстрѣчу имъ вышелъ начальникъ охраны Павелъ Ереминъ. Эгей! Павлушка! Какой я вамъ Павлушка, стоять, отдать честь какъ надо! Гнусь сучья, въ бога душу мать, вонь отсюда, чтобы я ваши грязные рожи не видалъ, давайте, шуруйте, вонь, въ баню! Въ какую баню, командиръ? А вонь – во дворѣ – срубъ! Туда бѣгите и сразу спать валитесь! И выдыхнитесь, пьяныя собаки!

Ночь короткая, ночь звѣздная. Ясная. И тепло. Земля отдаетъ дневной жаръ.
 Солдатъ Якимовъ, ты на посту? Такъ точно! Якимовъ, ты разводишь караулъ. Кто это отдаетъ команды? Темная ночь, скроетъ все. И голоса, и лица. Кто тамъ кричитъ въ ночи? Но кто-то вѣдь и шепчетъ. Постъ номеръ семь, встань боецъ Дерябинъ! Постъ номеръ восемь, боецъ Клещевъ! Постъ номеръ три, боецъ Люкинъ! А ты, ты ступай спать. Ты развелъ всѣ посты, пора и отдохнуть.

Какой сейчасъ отдыхъ. Съ ума сойти. Только завалиться и захрапѣть. Какъ тѣ, пьяницы. Отдыха нѣтъ. И не будетъ. Онъ будетъ только на томъ свѣтѣ. А тотъ свѣтъ – есть?

#

...Свѣтъ гаснетъ въ спальнѣ. Два тѣла ложатся въ общую постель и обнимаются.
 Это не два тѣла, а двѣ души. И онѣ не только обнимаются – онѣ становятся другъ другомъ.

Такъ на землѣ бываетъ, только очень рѣдко; можно сказать, такъ почти не бываетъ, но съ кѣмъ-то особеннымъ, отмѣченнымъ и бываетъ именно такъ, а не по-другому, – и вся плоть тихо переливается въ душу, а вся душа начинаетъ биться, ритмично и больно, жарко и постоянно, однимъ сердцемъ, и это сердце понимаетъ: оно не навсегда, – и эта боль самая сильная, и эта радость – самая послѣдняя.

Двѣ души, онѣ уже на небѣ, не на землѣ. Встрѣтились и сразу узнали другъ друга. Обнялись и летятъ и вспоминаютъ все, что съ ними на землѣ было. Ничего не забыли.

А когда-то давно они встрѣтились въ толпѣ и другъ друга не узнали; а потомъ, еще черезъ рѣки времени, опять увидѣлись и тогда уже узнали. И въ будущемъ такъ будетъ.

Нѣтъ! Такъ не будетъ. Человѣкъ живетъ жизнь свою на землѣ только разъ. И жизнь у него одна, и смерть – одна.

Помолиться передъ сномъ. Обняться крѣпко, еще крѣпче. Дѣти уже спятъ. Мальчикъ не спитъ. Она чувствуетъ это. Она чувствуетъ его на любомъ разстояніи, впрочемъ, какъ ихъ всѣхъ; и какъ его, единственно любимаго.

Раньше, юными, они любили читать сказки о красивой любви. Они искали себя въ ихъ герояхъ. Они не понимали крови и смертей этой дьявольной революціи, вѣдь это все было не съ ними. Это все было давно, въ жестокихъ и темныхъ вѣкахъ. А они – не во времени; они летятъ въ ночи, крѣпко обнявшись, ослѣпнувъ отъ любви и печали, и они видятъ сердцемъ, и они обнимаются душами, и это одно, что у нихъ напоследокъ осталось.

Окончание следует